ДБ
300
082
т. V

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1812-1912

И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

ДБ
300
082

К684/1

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА

О. Р. Т. З.

Редакція А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА,
В. И. ПИЧЕТА.

1812 - 1912

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ V.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

В. П. Алексѣевъ, ген. А. Н. Апухтинъ, П. А. Берлинъ, В. Я. Богучарскій, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, прив.-доц. В. А. Бутенко, прив.-доц. Н. П. Василенко, А. М. Васютинскій, полк. Н. П. Вишняковъ, К. А. Военскій, В. П. Волгинъ, Л. И. Гальберштадтъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. И. М. Громогласовъ, А. К. Дживелеговъ, проф. М. В. Довнаръ - Запольскій, Д. А. Жариновъ, проф. И. И. Замотинъ, И. Н. Игнатовъ, А. К. Кабановъ, В. В. Каллашъ, проф. Н. И. Карѣевъ, И. М. Катаевъ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, подполк. А. А. Кожевниковъ, Л. С. Козловскій, П. Н. Колокольниковъ, проф. ген. Б. М. Колюбакинъ, проф. бар. С. А. Корфъ, К. С. Кузьминскій, прив.-доц. І. М. Кулишеръ, С. Г. Лозинскій, проф. И. В. Лучицкій, проф. полк. А. С. Лыкошинъ, проф. М. К. Любавскій, С. П. Мельгуновъ, Н. М. Мендельсонъ, проф. ген. Н. П. Михневичъ, В. Н. Перцовъ, В. И. Пичета, проф. А. Л. Погодинъ, К. В. Покровскій, проф. М. А. Рейснеръ, проф. М. Н. Розановъ, кап. А. А. Рябининъ, И. С. Рябининъ, В. И. Семевскій, К. В. Сивковъ, Н. П. Сидоровъ, проф. Е. В. Тарле, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, В. Я. Улановъ, В. В. Филатовъ, И. М. Херасковъ, прив.-доц. С. К. Шамбинаго, П. Е. Щеголевъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, подполк. В. П. Ѳедоровъ и др.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ ____ г.
БИБЛИОТЕКА Гос. Ист. Муз.
№ 18868
19 X 1931

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва, — 1912.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По первоначальному плану изданія въ настоящемъ томѣ предполагалось дать обзоръ отношеній различныхъ группъ населенія къ войнѣ: дворянства, купечества, духовенства и крестьянства. Однако, пришлось устранить спеціальную статью о дворянствѣ во избѣжаніе неизбѣжныхъ иначе повтореній, такъ какъ матеріалъ, характеризующій намъ роль дворянства въ 1812 г., въ значительной степени разбился по другимъ статьямъ (Растопчинъ, «Война и миръ» Толстого, Ополченія и др.). Къ сожалѣнію, по независящимъ отъ редакціи и автора обстоятельствамъ статья о духовенствѣ не была своевременно доставлена. Не имѣя возможности задерживать выходъ очередного тома, редакціи пришлось поступиться указанной статьей.

Статья о «Войнѣ и мирѣ» снабжена портретами ряда лицъ, въ ней не упоминающихся. Это тѣ представители петербургскаго и московскаго великосвѣтскаго общества, дома которыхъ, по словамъ современника А. С. Норова [1]) (этого строгаго и пристрастнаго критика «Войны и мира» Л. Н. Толстого), являлись центрами общенія столичной аристократіи въ 1805—1812 гг..

---

[1]) „Война и миръ“. Съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника Авраама Сергѣевича Норова. Изд. „Общ. ревн. рус. ист. просв.“ Вып. XI.

Оглавленіе V тома.

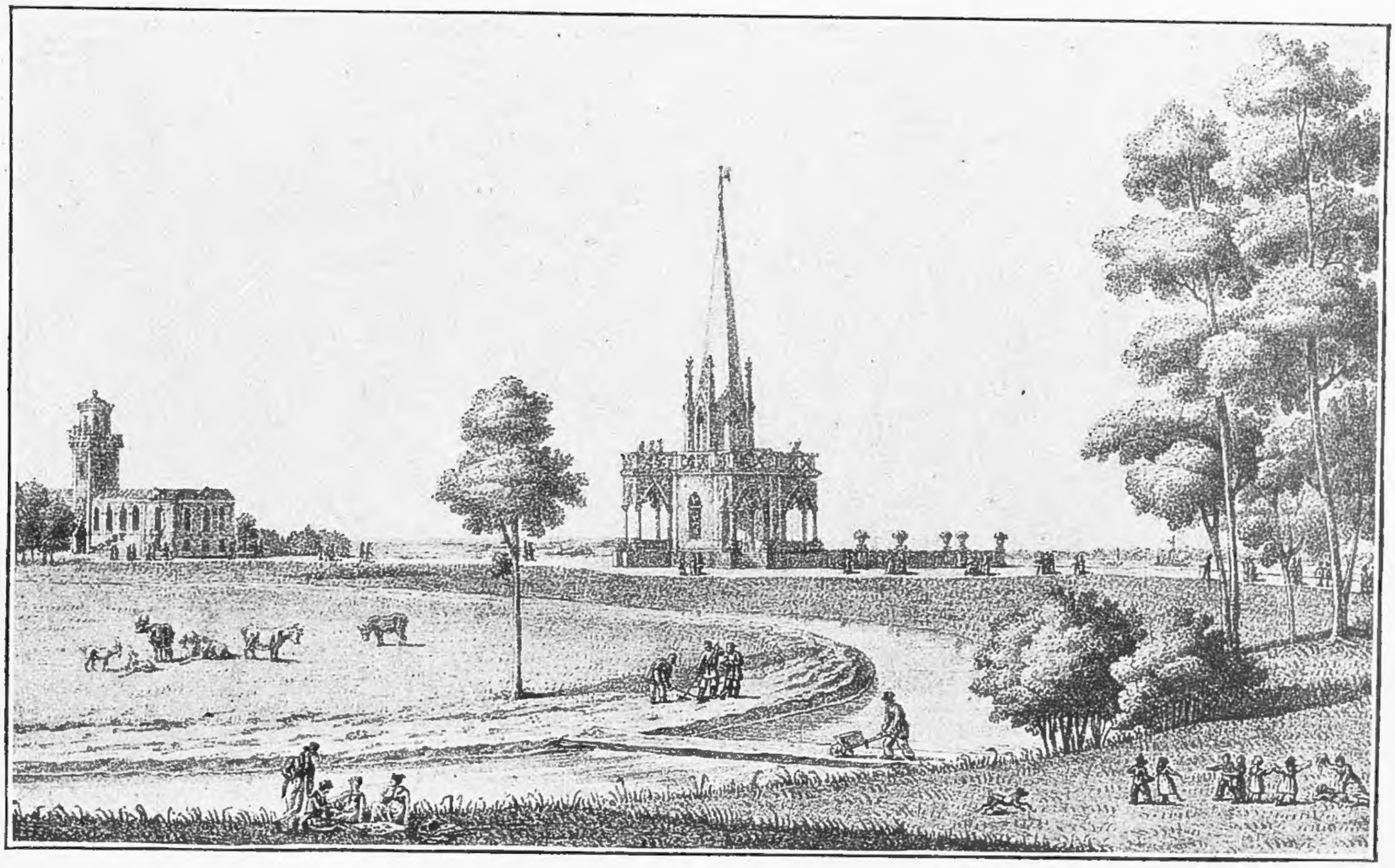
Война и русское общество.

Стр.

I. Война и правительство. В. Н. Бочкаревъ 1
II. 12-й годъ и великосвѣтское общество («Война и миръ» Л. Н. Толстого) И. Н. Игнатовъ. 11
III. Ополченія 1812 года. А. К. Кабановъ. 43
IV. Волненія крестьянъ въ 1812 г. и связанныя съ Отечественной войной. В. И. Семевскій. 74
V. Русское купечество и война 1812 года. П. А. Берлинъ 114

Отраженія войны въ литературѣ и искусствѣ.

I. Война и цензура. К. В. Сивковъ 121
II. Война и русская журналистика.
1) «Русскій Вѣстникъ» И. И. Замотинъ. 130
2) «Сынъ Отечества». Н. П. Сидоровъ. 139
III. Отголоски 12-го года въ русской повѣсти и романѣ. Н. П. Сидоровъ . 146
IV. Отечественная война въ русской лирикѣ. Н. П. Сидоровъ 159
V. Отечественная война въ русской народной поэзіи. В. В. Каллашъ. . . 172
VI. Театръ и драма въ Отечественную войну. Н. Л. Бродскій 183
VII. Отечественная война въ живописи. К. С. Кузьминскій 192



Le Pavillion des Lions. (Спб. 1826 г.).

ВОЙНА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО.

I. Война и правительство.

В. Н. Бочкарева.

Въ періодъ Отечественной войны почти вся правительственная дѣятельность сосредоточена была въ комитетѣ министровъ, который облекался чрезвычайными полномочіями и въ болѣе ранніе годы. Такъ, еще 31 августа 1808 г. ему въ руководство даны были правила, въ силу которыхъ комитету поручалось имѣть въ особенномъ своемъ попеченіи дѣла той части высшей полиціи, по которой «цѣль есть сохраненіе всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ и обезпеченіе народнаго продовольствія». Черезъ министра внутреннихъ дѣлъ въ комитетъ должны были доставляться самыя точныя свѣдѣнія обо всѣхъ, какъ проживающихъ, такъ и пріѣзжающихъ въ столицу подозрительныхъ лицахъ; о ходящихъ въ городѣ слухахъ и источникѣ ихъ; обо всѣхъ подозрительныхъ собраніяхъ, скопищахъ и вообще о всякомъ чрезвычайномъ происшествіи и о подозрительной перепискѣ. При этомъ комитетъ могъ немедленно принимать мѣры, если находилъ, что общественное спокойствіе можетъ быть нарушено. Но что представляетъ наибольшій интересъ, такъ это полученіе комитетомъ права «раз-

рѣшать по зрѣлому разсужденію подъ собственною отвѣтственностью всѣхъ членовъ и такія дѣла, которыя зависятъ единственно отъ высочайшаго разрѣшенія». Такимъ образомъ, въ комитетъ министровъ сосредоточена была высшая правительственная власть, что фактически отдавала въ его руки всѣ нити государственнаго управленія. Эта власть, не облеченная собственно въ постоянныя юридическія нормы, отличалась громаднымъ объемомъ по своему содержанію. Вполнѣ понятно, что обстоятельства чрезвычайнаго характера выдвигали на первое мѣсто комитетъ министровъ среди прочихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій. Надо было развивать широкую административную дѣятельность, нерѣдко выходящую изъ обычныхъ рамокъ, предустановленныхъ законами и регламентами. Ни Государственный Совѣтъ, ни Сенатъ по своей громоздкой организаціи къ такой дѣятельности не подходили, такъ какъ являлись учрежденіями, разсчитанными на обычную, иногда очень продолжительную, государственную работу. Къ тому же комитетъ министровъ пользовался почти безграничнымъ довѣріемъ со стороны государя, и это еще болѣе усиливало его правительственное значеніе.

Въ связи съ Отечественной войной еще значительный расширяется фактическая власть комитета министровъ. Этому способствуетъ, главнымъ образомъ, отъѣздъ государя изъ столицы еще въ мартѣ 1812 г. Организація комитета пріобрѣтаетъ большую устойчивость: въ лицѣ гр. Салтыкова онъ получаетъ особаго предсѣдателя; въ его составъ включены были въ качествѣ членовъ: главнокомандующій столицы, государственный секретарь и предсѣдатели департаментовъ Государственнаго Совѣта. 31 марта 1812 г. въ помощь комитету министровъ былъ образованъ комитетъ финансовъ подъ предсѣдательствомъ гр. Салтыкова, изъ министра финансовъ и 2 членовъ Государственнаго Совѣта для разсмотрѣнія такихъ финансовыхъ дѣлъ, «которыя потребуютъ величайшей тайны». Въ ноябрѣ 1813 г. повелѣно было при комитетѣ министровъ образовать комитеты изъ нѣсколькихъ его членовъ «для разсмотрѣнія дѣлъ, требующихъ особаго времени». Такимъ образомъ предварительная работа сосредоточивалась въ этихъ небольшихъ собраніяхъ, но компетенція самаго учрежденія значительно расширилась.

Въ связи съ событіями военнаго времени, особенно въ послѣдніе семь мѣсяцевъ 1812 г., комитетъ развилъ самую широкую дѣятельность. Онъ получилъ новое «Учрежденіе», которымъ опредѣлялись его права и обязанности, въ общемъ почти буквально повторявшее то, что входило въ компетенцію комитета по инструкціи 1808 г. Дѣла о высшей полиціи снова составили одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ его занятій. Въ теченіе всей войны государь оказывалъ полное довѣріе комитету и его предсѣдателю гр. Салтыкову. Вполнѣ естественно, что дѣла чрезвычайной важности, вносимыя министрами военнымъ, финансовъ и полиціи заслонили собой все остальное, что входило въ кругъ его обычной дѣятельности. Событія текли такъ быстро, нужды войскъ были такъ велики, что комитету, на отвѣтственности котораго лежало все управленіе, нельзя было терять времени, и потому комитетъ не только часто дѣлалъ то, что долженъ былъ бы дѣлать Сенатъ или Государственный Совѣтъ, но и измѣнялъ своими постановленіями рѣшенія этихъ правительственныхъ учрежденій. Въ тревожной атмосферѣ переживаемаго Россіей политическаго

момента комитету приходилось утверждать торги на подряды безъ разсмотрѣнія ихъ въ Сенатѣ, иногда отдавать подряды безъ торговъ; урѣзывать смѣты министерствъ, утвержденныя уже Государственнымъ Совѣтомъ; разрѣшать секретнѣйшимъ образомъ новые выпуски ассигнацій, назначать новые налоги; сквозь пальцы смотрѣть, какъ губернаторы обращаютъ чуть не въ наряды то, что приказано было пріобрѣсти вольною покупкою, а пожертвованія взыскиваютъ, какъ налоги.

Въ 1812 г. комитетъ не руководилъ военными дѣйствіями, какъ то было во время шведской кампаніи, однако въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ ему приходилось принимать важныя рѣшенія чисто военнаго характера. Такъ, напр., 12 іюля созвано было чрезвычайное засѣданіе для выслушанія полученныхъ отъ рижскаго военнаго губернатора донесеній о взятіи французами Митавы и объ отступленіи нашей арміи. Комитетъ, соображая, что движенія непріятеля могутъ быть прямо на Петербургъ черезъ Псковъ или Нарву, обсуждалъ экстренныя мѣры на случай необходимости защиты столицы. Постановлено было возложить именемъ его императорскаго величества на генерала-отъ-инфантеріи гр. М. И. Голенищева-Кутузова, приглашеннаго въ засѣданіе комитета, «чтобы онъ въ случаѣ настоянія нужды въ защитѣ столицы, внѣ оной, принялъ въ свое распоряженіе войска, какія для того здѣсь соберутся». Послѣ этого комитету почти въ каждомъ засѣданіи докладывались свѣдѣнія, поступавшія отъ разныхъ должностныхъ лицъ, о движеніи непріятельскихъ войскъ и корпуса гр. Витгенштейна. Съ назначеніемъ Кутузова главнокомандующимъ комитету сообщались его предсѣдателемъ копіи съ важнѣйшихъ всеподданнѣйшихъ донесеній фельдмаршала и другихъ начальниковъ. При чемъ по поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ комитетъ высказывалъ свои сужденія. Такъ, 10 сентября, когда на его разсмотрѣніе поступили донесенія Кутузова о Бородинскомъ сраженіи и о допущеніи непріятеля въ Москву, комитетъ нашелъ, что они «не представляютъ той опредѣлительности и полнаго изображенія причинъ, кои въ дѣлахъ столь величайшей важности необходимы, и что сіе поставляетъ правительство въ невозможность основать свои заключенія». Въ виду всего этого комитетъ сдѣлалъ слѣдующее журнальное постановленіе, утвержденное потомъ государемъ: «Предписать главнокомандующему арміями, дабы, во-первыхъ, доставилъ онъ сюда протоколъ совѣта, въ коемъ положено было оставить Москву непріятелю безъ всякой защиты, и, во-вторыхъ, чтобы на будущее время всегда присылалъ онъ полныя о всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ своихъ свѣдѣнія». Въ заключеніе комитетъ, желая нѣсколько смягчить рѣзкій

Герц. Александръ Вюртембергскій.

тонъ своего требованія, оговаривается, что мнѣніе его состоитъ въ томъ, чтобы «предписаніе главнокомандующему сдѣлано было не въ видѣ какого-либо непріятнаго замѣчанія, но единственно по совершенной въ помянутыхъ свѣдѣніяхъ отъ него необходимости».

Но если въ самый ходъ военныхъ операцій комитетъ вмѣшивался только въ исключительныхъ случаяхъ, то во всемъ томъ, что касалось укомплектованія арміи и снабженія ея всѣмъ необходимымъ, ему приходилось проявлять много энергіи. Въ 1812 г. назначены были три рекрутскихъ набора; число рекрутъ опредѣлялось высочайшими манифестами, но комитету приходилось наблюдать за равномѣрнымъ распредѣленіемъ этой повинности на всѣ мѣстности. Дѣло это было далеко не легкимъ при возбужденномъ настроеніи умовъ населенія въ періодъ войны. Въ 1813 г. кіевскимъ помѣщикамъ комитетъ разрѣшилъ «представить всѣхъ рекрутъ сразу, а не въ четыре срока, вслѣдствіе особенной наклонности крестьянъ тамошняго края къ побѣгамъ, такъ какъ они во время наборовъ спѣшатъ укрыться въ Новороссійскій край и въ Молдавію и Валахію». Въ Курляндской губерніи, гдѣ изъ партіи рекрутъ бѣжало 20 человѣкъ за разъ, крестьяне образовывали скопища; военный губернаторъ объяснялъ это тѣмъ, что распоряженія о предстоящемъ наборѣ дѣлались гласно, а мѣстный гражданскій губернаторъ, въ виду побѣговъ рекрутъ, предлагалъ связать ихъ круговою порукою и въ случаѣ покушенія привязывать всѣхъ къ канату. Въ Старорусскомъ уѣздѣ во время наборовъ 1812 г. обнаружены были случаи массоваго искалѣченія; такъ, изъ 252 представленныхъ рекрутъ 41 человѣкъ оказались «съ отрѣзанными пальцами, съ растравленными ранами на рукахъ и ногахъ». Составленіе ополченія поручено было особому комитету при государѣ, такъ что комитету министровъ по устройству ополченій приходилось заниматься сравнительно менѣе важными дѣлами. 13 іюля имъ было поручено петербургскому главнокомандующему: предложить С.-Петербургской городской думѣ сдѣлать распоряженіе «объ избраніи мѣщанами и цеховыми изъ среды себя людей, по манифесту 6 іюля, на защиту отечества съ тѣмъ,чтобы до востребованія ихъ оставались они въ домахъ у себя при обыкновенныхъ своихъ упражненіяхъ, чтобы бородъ имъ, кто самъ не пожелаетъ, не брить, чтобы одежду имѣть имъ обыкновенно ими употребляемую, только не долгополую». На обязанность городской думы возложено было при этомъ: 1) озаботиться объ образѣ продовольствія выбранныхъ и 2) пріобрѣсти у купцовъ, торгующихъ оружіемъ, необходимое вооруженіе «покупкою ли или образомъ пожертвованія съ ихъ стороны». Въ концѣ 1812 г. комитету повелѣно было обсудить мѣру общаго характера, а именно: изыскать средство для содержанія ополченцевъ, обезпеченныхъ при сборѣ только на 3-мѣсячный срокъ. Съ этой цѣлью комитетъ рѣшилъ накинуть на всѣ состоянія, платящія подушную подать, по 23 к. съ 1 руб. подати, а съ купцовъ 1 и 2 гильдій по $1^1/_2$ %, съ 3 гильдіи по 1% съ капитала. Въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ 1812 г. комитету въ цѣломъ рядѣ засѣданій приходилось разсматривать представленія военнаго министерства о выпискѣ изъ-за границы пороха и ружей. Выписку сихъ предметовъ комитетъ постановилъ произвести черезъ посредство англійскаго правитель-

ства. Комитетъ нерѣдко долженъ былъ заниматься и военными вопросами, чисто спеціальнаго характера. Такъ, напримѣръ, въ октябрѣ 1812 г. онъ обсуждалъ записку по дѣлу о построеніи укрѣпленій въ г. Ригѣ. Одновременно онъ удѣлилъ много вниманія вопросу о мѣрахъ къ обезпеченію правильной обороны г. Кронштадта, при чемъ на морского министра возложено было въ засѣданіи 8 октября «на случай опасности Кронштадту вывезти изъ него все то, что спасено быть должно».

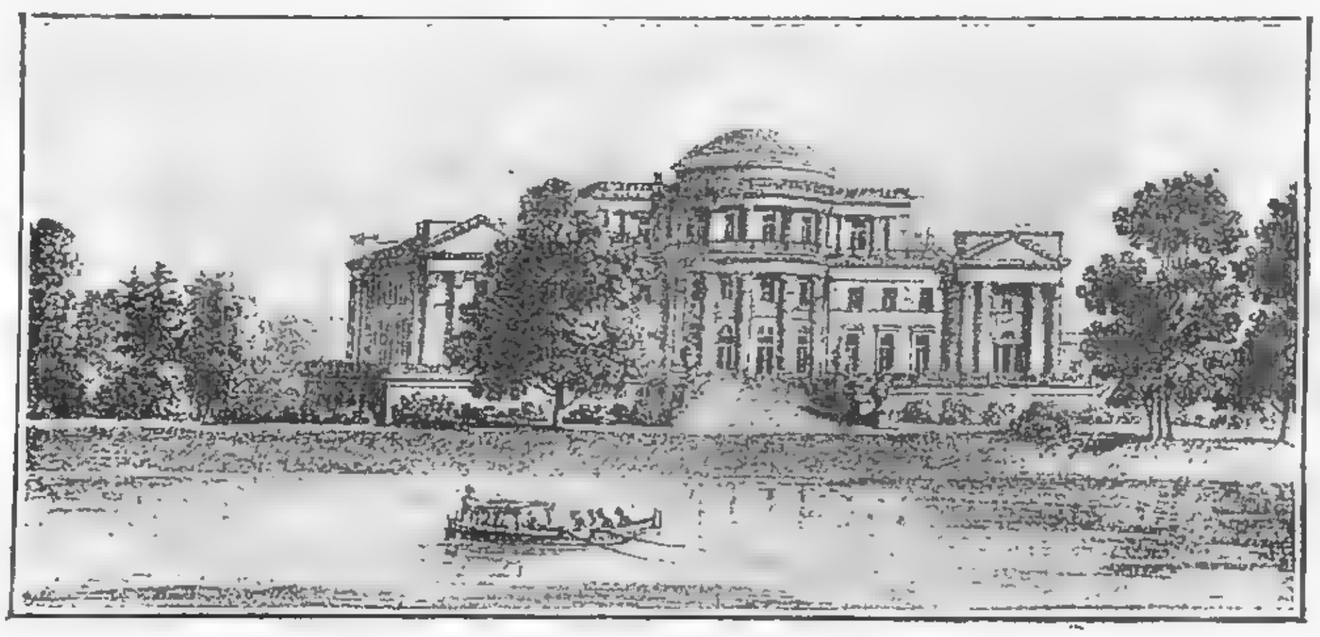
Такъ какъ доставка провіанта въ дѣйствующую армію являлась для населенія крайне обременительной, то государь возложилъ разсмотрѣніе вопроса о точномъ распредѣленіи этой повинности на комитетъ министровъ. Онъ обязанъ былъ «вникать въ возможность исполненія, стараться сдѣлать нарядъ подводъ сколь возможно облегчительнымъ для обывателей». Изысканіе средствъ для веденія войны входило также въ кругъ дѣятельности комитета въ 1812 г. Это доставляло ему тѣмъ болѣе затрудненій, что, какъ видно изъ представленной въ засѣданіи 10 апрѣля министромъ финансовъ записки, «никогда продовольствіе войскъ не было столь затруднительно и не требовало такой попечительности, какъ теперь». Чтобы выйти изъ создавшагося финансоваго кризиса, комитетъ въ апрѣлѣ 1812 г. постановилъ выпустить 6%-ныя облигаціи государственнаго казначейства срокомъ на одинъ годъ на сумму отъ 6 до 10 милліоновъ рублей «для безостановочнаго удовлетворенія чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ». Финансовыя затрудненія усиливались еще и оттого, что война наносила глубокій ущербъ русской внѣшней торговлѣ. Въ іюлѣ и августѣ обсуждалъ въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій комитетъ вопросъ, какъ поступить съ судами союзныхъ съ Франціей державъ, которыя застигнуты были въ русскихъ портахъ открытіемъ военныхъ дѣйствій. Послѣ продолжительныхъ преній комитетъ высказался за допущеніе въ русскія гавани судовъ всѣхъ національностей и отвергъ предложеніе о конфискаціи находившихся въ Россіи кораблей враждебныхъ государствъ въ виду того, что эта мѣра «нанесетъ существенный ущербъ русской торговлѣ». Подъ вліяніемъ тревожныхъ вѣстей съ театра военныхъ дѣйствій въ тотъ же день—12 іюля, когда обсуждался вопросъ объ оборонѣ Петербурга, комитетъ имѣлъ сужденіе о томъ, чтобы, «въ случаѣ опасности здѣшней столицы, вывезены были изъ оной всѣ тѣ предметы, которые непріятелю въ руки достаться никакъ не должны». Вывозъ найденъ былъ пока преждевременнымъ и было постановлено только заготовить по Тихвинской дорогѣ вплоть до самаго Ярославля перевозочныя средства такъ, «чтобы по первому востребованію по 1000 подводъ на каждой станціи было». Въ началѣ августа изъ морского вѣдомства былъ даже откомандированъ по требованію комитета чиновникъ «для найма судовъ, могущихъ быть приспособленными къ отправленію изъ столицы всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые вывезти потребуется»; при чемъ на задатки судовладѣльцамъ ассигновано было 25 тыс. руб. Однако дѣло осложнялось тѣмъ, что, какъ выяснилось изъ доставленныхъ въ комитетъ свѣдѣній, общій вѣсъ предметовъ, подлежащихъ вывозу, достигалъ 500 тыс. пудовъ и подъ перевозку ихъ требовалось 2.314 подводъ; сверхъ того, подъ церковныя сокровища, по представленію Св. Синода, надо было приготовить 13

большихъ судовъ. Со стороны министра народнаго просвѣщенія 10 сентября было сдѣлано указаніе, что, кромѣ дѣлъ и вещей, назначенныхъ къ отправленію, находится «въ Академіяхъ: Наукъ, Художествъ и Медико-Хирургической много рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ вещей, а при Императорской Публичной библіотекѣ депо манускриптовъ, о вывозѣ коихъ не сдѣлано постановленія, равно какъ и объ отправленіи казенныхъ студентовъ Медико-Хирургической Академіи и Педагогическаго Института, воспитанниковъ Академіи Художествъ, Царскосельскаго лицея и здѣшней гимназіи, коихъ сохраненіе считаетъ онъ, министръ просвѣщенія, необходимымъ, дабы они, въ случаѣ несчастія, не могли быть взяты непріятелемъ въ военную службу и противъ насъ же дѣйствовать». Обсудивъ и взвѣсивъ все это, комитетъ постановилъ, что, «ежели бы надлежало по крайней необходимости оставить здѣшній городъ, то нѣтъ никакой возможности всего вывезти, а тѣмъ паче, что заблаговременно вывозить нельзя, а, въ случаѣ настоянія въ томъ надобности, недостаточно будетъ ни времени ни способовъ». Государю же комитетъ отправилъ донесеніе въ томъ смыслѣ, что «въ случаѣ необходимости въ возможности будетъ только спасти однѣ самонужнѣйшія вещи и бумаги». Но чтобы нѣсколько успокоить встревоженное столичное населеніе, комитетъ въ серединѣ сентября одобрилъ составленное государственнымъ секретаремъ объявленіе, въ которомъ предполагалось довести до всеобщаго свѣдѣнія, что «отправленіе изъ С.-Петербурга нужныхъ вещей дѣлается изъ одной предосторожности». Послѣ выступленія Наполеона изъ Москвы опасность непріятельскаго нашествія на Петербургъ миновала, и въ засѣданіи 25 октября комитетъ постановилъ заготовленныя на станціяхъ подводы отпустить по домамъ. Однако комитетъ не могъ сосредоточить свое вниманіе исключительно на спасеніи столицы и на предполагаемой ея эвакуаціи. Въ него то и дѣло поступали донесенія изъ Москвы и изъ губерній, угрожаемыхъ непріятелемъ, о переводѣ во Владиміръ, Ярославль, Вологду и города средняго Поволжья правительственныхъ учрежденій, учебныхъ, воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній и объ отправленіи туда казеннаго имущества, дѣлопроизводства присутственныхъ мѣстъ, архивовъ и церковныхъ драгоцѣнностей. Слишкомъ большой и неосновательной поспѣшности въ этомъ отношеніи комитетъ не одобрялъ. Такъ, 15 октября имъ было сдѣлано замѣчаніе тульскому губернатору за то, что «безъ предписанія начальства и увѣдомленія главнокомандующаго арміями объ опасности отъ непріятеля», онъ закрылъ присутственныя мѣста и остановилъ производство дѣлъ.

Вслѣдствіе разстройства административнаго механизма въ цѣломъ рядѣ губерній, комитету пришлось приложить много усилій къ поддержанію правильныхъ почтовыхъ сношеній между Петербургомъ и внутренними губерніями. Въ іюлѣ 1812 г. министръ полиціи Балашевъ вошелъ въ комитетъ съ предложеніемъ учредить по губерніямъ должности временныхъ генералъ-губернаторовъ съ цѣлью водворить «единоначаліе» въ въ мѣстномъ управленіи. «Ибо,—говорилъ онъ,—раздробительность властей всегда производитъ безсиліе, а въ обстоятельствахъ критическихъ и самую опасность». Комитетъ, раздѣляя вполнѣ точку зрѣнія Балашева, постановилъ: «Въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ нѣтъ генералъ-губер-

наторовъ и военныхъ губернаторовъ, ввѣрить начальство особамъ по избранію его величества», предоставивъ этимъ главнымъ начальникамъ «полную власть надъ всѣми частями въ губерніи, къ какому бы вѣдомству, военному или гражданскому, они ни принадлежали». Вскорѣ послѣ этого постановленія сенаторъ Миклашевскій былъ отправленъ съ самыми широкими полномочіями въ Тверь, а сенатору Каверину на правахъ гражданскаго губернатора поручено было управленіе Калужской и Смоленской губерніями. Когда въ южныхъ губерніяхъ появилась чума какъ разъ въ разгаръ войны и стало извѣстно, что эпидеміей захваченъ весьма большой районъ, то комитетъ отправилъ для борьбы съ нею сенатора кн. Куракина, уполномочивъ его дѣйствовать «полною властью», останавливать даже рекрутскій наборъ, если онъ признаетъ это нужнымъ, предписавъ «всѣмъ начальствамъ въ краѣ» исполнять исходящія отъ него приказанія.

Какъ только выяснилась неизбѣжность войны, комитету для водворенія спокойствія среди населенія пришлось предпринять рядъ чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣропріятій.

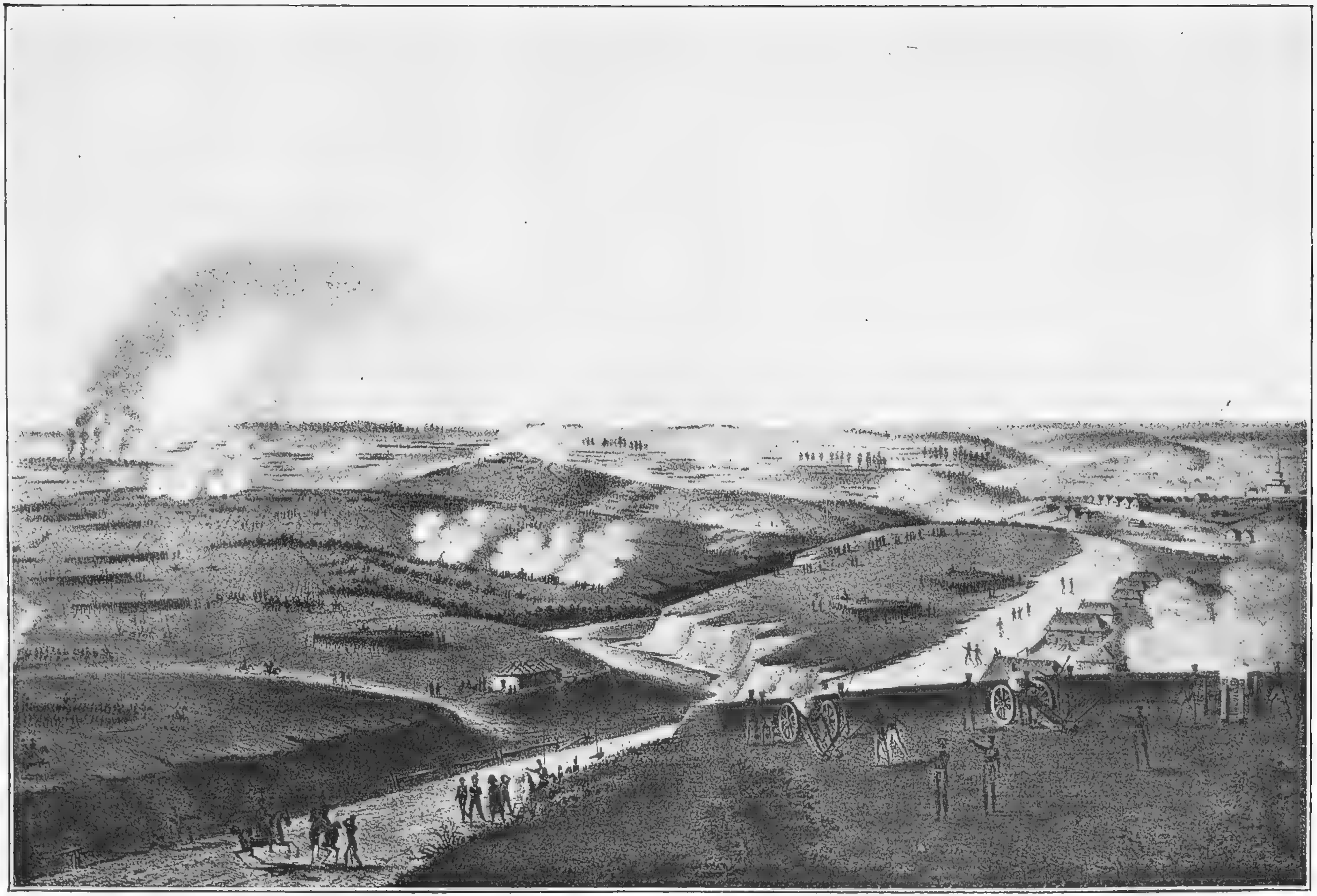


Елагинскій дворецъ. (Спб. 1826 г.).

Въ распоряженіе начальниковъ пограничныхъ западныхъ губерній ассигновано было по 10 тыс. руб. каждому «въ видахъ предоставленія имъ болѣе способовъ дѣйствовать при исключительныхъ обстоятельствахъ»; земскіе же суды пограничныхъ мѣстностей были пополнены двумя лишними засѣдателями по назначенію отъ правительства. Усиливая штатъ мѣстной полиціи, комитетъ вырабатывалъ мѣры предосторожности и цензурнаго характера. 12 апрѣля онъ имѣлъ сужденіе о «политическихъ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ россійскихъ газетахъ». По предложенію министра народнаго просвѣщенія комитетъ, во избѣжаніе распространенія ложныхъ слуховъ, особенно среди людей «самыхъ низкихъ состояній», счелъ полезнымъ постановить, чтобы «издатели всѣхъ газетъ въ государствѣ, въ коихъ помѣщаются политическія статьи, почерпали изъ иностранныхъ газетъ только такія извѣстія, которыя до Россіи вовсе не касаются, а имѣющія нѣкоторую связь съ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ заимствовали единственно изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», которыя издаются подъ ближайшимъ присмотромъ». Съ конца апрѣля въ виду предстоящихъ военныхъ дѣйствій рѣшено было лицамъ, отправляющимся за границу, паспортовъ въ Петербургѣ не выдавать, но «снабжать ихъ только, по исполненіи ими обыкновенныхъ обрядовъ, видами до границы, гдѣ и обязаны они относиться къ военнымъ начальникамъ». Затѣмъ 28 мая заслушанъ былъ докладъ министра полиціи, утвержденный государемъ, чтобы «россійскимъ подданнымъ безъ особаго высо-

чайшаго повелѣнія паспортовъ за границу не выдавать». Что касается лицъ, пріѣзжавшихъ въ Россію, то комитетъ 26 апрѣля постановилъ: «На въѣздъ въ Россію паспортовъ не посылать, такъ какъ оный совершенно воспрещенъ». Иностранцамъ, находящимся въ предѣлахъ имперіи, согласно постановленію отъ 28 мая разрѣшенъ былъ безпрепятственный выѣздъ черезъ Ригу и Ревель, при чемъ паспорты выдавались только тѣмъ изъ нихъ, «кои желаютъ ѣхать за границу безъ возврата». По вступленіи непріятеля въ Россію послѣдовало 9 іюля высочайшее повелѣніе комитету «произвести подробный разборъ иностранцевъ, находившихся въ Россіи», при чемъ петербургскому главнокомандующему дано было право высылать за границу тѣхъ изъ нихъ, «кои окажутся неблагонадежными или сомнительными», или же удалять ихъ изъ столицы въ другіе города въ предѣлахъ имперіи. Въ виду того, что иностранцы, несмотря на запрещеніе, продолжали пріѣзжать въ Россію, 9 іюля было сдѣлано постановленіе: «Пріѣзжающихъ въ Кронштадтъ иностранцевъ непріязненныхъ націй вовсе не пропускать, объявивъ имъ, чтобы они возвратились, и предваривъ ихъ, что, если они не отправятся обратно, то будутъ посланы въ дальніе города». 30 сентября въ комитетѣ обсуждался вопросъ о мѣрахъ, которыя должны быть приняты «по случаю учрежденія непріятелемъ въ Москвѣ особаго городского управленія и участія въ ономъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей». 27 октября надъ ними рѣшено было нарядить слѣдствіе «для опредѣленія виновнымъ строжайшаго по законамъ наказанія». И по выступленіи непріятеля изъ Россіи комитету приходилось удѣлять довольно много вниманія чрезвычайнымъ полицейскимъ дѣламъ. Населеніе, особенно пограничныхъ мѣстностей, было взволновано приходомъ французовъ и долго не могло успокоиться. Такъ, напр., въ 13 верстахъ отъ Митавы мѣстные жители, вооруженные косами, топорами и дубинами, отбили нѣсколькихъ рекрутъ. У смоленскаго помѣщика увезли ночью крестьянъ со всѣми ихъ семьями и имуществомъ на семи тройкахъ. Одинъ виленскій еврей доносилъ объ образованіи среди поляковъ обширнаго заговора въ пользу французовъ и о томъ, будто бы ими рѣшено сразу перерѣзать всѣхъ русскихъ евреевъ и чиновниковъ. Отъ гродненскаго почтмейстера приходили тревожные слухи о томъ, что 1 апрѣля будутъ перерѣзаны всѣ русскіе и евреи въ городѣ. Виленскій губернаторъ сообщалъ, что среди населенія упорно говорятъ о скоромъ возвращеніи французовъ. Подобнаго рода извѣстіями переполнены журналы комитета за 1813 г., что указываетъ, въ какой лихорадочной атмосферѣ ему приходилось дѣйствовать.

Въ послѣдніе мѣсяцы 1812 г. комитету, главнымъ образомъ, пришлось заняться выработкой мѣръ по борьбѣ съ послѣдствіями непріятельскаго нашествія. Жителямъ мѣстностей, особенно пострадавшихъ отъ войны, приходилось оказывать самую широкую помощь; дороги и рѣки были заполнены трупами людей и лошадей — необходимо было ихъ какъ можно скорѣе убрать, чтобы предупредить распространеніе эпидемическихъ болѣзней. Въ засѣданіи 20 сентября комитетъ постановилъ въ каждой изъ разоренныхъ войною губерній учредить комиссію изъ вице-губернатора, губернскаго предводителя и губернскаго прокурора подъ главнымъ надзоромъ гражданскаго губернатора. Каждой такой комиссіи былъ открытъ



Бородино. (Совр. грав.).

Бородинское поле. (А. Адамъ).

въ казенныхъ палатахъ кредитъ до 10 тыс. руб.; кромѣ того, рѣшено было учредить при церквахъ кружки «для добровольнаго на сей предметъ подаянія». Обращаясь къ частной благотворительности, комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалъ «часть несчастныхъ жителей пріютить по монастырямъ». Въ своихъ заботахъ по изысканію средствъ для оказанія помощи населенію комитетъ повергъ на высочайшее благоусмотрѣніе слѣдующія свои соображенія: «Ежели бы распустить французскую труппу, то великія суммы, которыхъ она стоитъ, могли бы обращены быть на сіе полезное и богоугодное употребленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ произвело бы то въ народѣ выгодное впечатлѣніе». Патріотическія побужденія, которыми руководствовался комитетъ въ данномъ случаѣ, были приняты государемъ во вниманіе, и французскую труппу повелѣно было распустить. По возвращеніи въ Москву гражданскихъ властей, комитетъ, согласно предложенію гр. Ростопчина, постановилъ: «Дома и имущества тѣхъ, которые, предавшись непріятелю, отправились изъ Москвы съ нимъ, конфисковать и продать съ публичнаго торга; вырученныя же деньги употребить на вспоможеніе разореннымъ московскимъ жителямъ». Но раны, нанесенныя народному хозяйству Отечественною войною, долго еще давали себя чувствовать. 7 января 1813 г. въ комитетъ разсмотрѣны были составленныя петербургскимъ главнокомандующимъ Вязмитиновымъ «правила для пособія въ продовольствіи обывателямъ отъ войны разореннымъ». Въ нихъ указывалось, что, «кромѣ пособія хлѣбомъ, необходимо нужно обратить вниманіе и на устроеніе хозяйства лицъ, разоренныхъ войною,—крестьянамъ отпускомъ нѣкотораго числа денегъ на покупку скота и земледѣльческихъ орудій, а ремесленникамъ и мѣщанамъ на возобновленіе прежнихъ ремеслъ и промысловъ, и сверхъ того, отпускомъ лѣса на обстроеніе». Съ этой цѣлью Вязмитиновъ предлагалъ «отпускать сверхъ пособія хлѣбомъ до ста рублей на семейство, смотря по тому, какъ оно многочисленно. При сихъ пособіяхъ хлѣбомъ и деньгами, и сверхъ того, при освобожденіи крестьянъ и мѣщанъ отъ взысканія прежнихъ недоимокъ и отъ платежа податей за вторую половину 1812 г. и во весь 1813 г. они не должны быть освобождены отъ исправленія земскихъ повинностей». Одобривъ въ общемъ предложеніе петербургскаго главнокомандующаго, комитетъ рѣшилъ: «удовлетворять жителей деньгами только въ самой необходимости». Несмотря на тяжелое финансовое положеніе, переживаемое государствомъ, 24 іюня 1813 г. послѣдовало высочайше утвержденное положеніе комитета мини-

Кн. А. И. Горчаковъ. (Пис. Дау).

стровъ о дарованіи льготы отъ платежа податей и недоимокъ помѣщичьимъ крестьянамъ, разореннымъ отъ непріятеля.

Среди заботъ о мѣрахъ по возстановленію народнаго хозяйства, комитетъ 7 декабря 1812 г. обсуждалъ внесенный въ него государственнымъ секретаремъ проектъ манифеста о всеобщемъ прощеніи жителей, присоединенныхъ отъ Польши губерній, которые во время войны съ французами «преклонились на сторону непріятеля по вступленіи его въ предѣлы Россіи». Большинство членовъ комитета, признавая пользу подобнаго акта «монаршаго милосердія», высказалось, однако за то, чтобы «различены были тѣ, которые во время нашествія непріятеля, пребывая въ домахъ своихъ, принуждены были по обстоятельствамъ преклониться на его сторону, отъ тѣхъ, которые не послѣдствіемъ вторженія непріятеля, но до начатія еще войны ему предались и вмѣстѣ съ нимъ вооруженные въ предѣлы наши вступили». Первымъ комитетъ предлагалъ дать безусловное прощеніе, послѣднимъ же объявить, что если они не вернутся въ Россію въ двухмѣсячный срокъ, то имѣнія ихъ будутъ конфискованы. Это мнѣніе большинства членовъ комитета и было утверждено государемъ.

Такимъ образомъ въ періодъ войны комитету пришлось развернуть чрезвычайно разнообразную дѣятельность и въ этомъ отношеніи, можно сказать, онъ является какъ бы маховымъ колесомъ всего государственнаго механизма. Онъ давалъ всему движеніе и разрѣшалъ своею властью такіе вопросы, которые выдвигались ходомъ военныхъ обстоятельствъ. По возвращеніи изъ заграничныхъ походовъ 1814 г. императоръ Александръ повелѣлъ комитету «оставаться впредь до указа на томъ основаніи, на какомъ онъ во время отсутствія его находился». Согласно ходатайству гр. Салтыкова, государь разрѣшилъ комитету «приводить въ исполненіе не только такія положенія, которыя отлагательства не терпятъ», но и уполномочилъ его, «представляя положенія свои государю, приводить въ исполненіе таковыя до воспослѣдованія высочайшаго утвержденія». Въ противномъ случаѣ, по словамъ гр. Салтыкова, «могли бы произойти великія затрудненія».

Однако въ дѣятельности комитета, особенно въ связи съ продовольствіемъ арміи, обнаружились довольно скоро крупные недостатки, которые, возбудивъ сильный гнѣвъ государя, заставили его обратиться къ гр. Салтыкову изъ Варшавы съ рѣзкимъ письмомъ отъ 15 ноября 1815 г. «Уполномочивъ васъ дѣйствовать, не пріемля отъ министерства отговорокъ,—писалъ, между прочимъ, государь,—мнѣ оставалось быть только увѣреннымъ, что никакая жалоба на недостатокъ денегъ или на недостатокъ продовольствія не дойдетъ болѣе до меня; но къ крайнему удивленію вижу нынѣ изъ копіи съ донесенія къ вамъ управляющаго военнымъ министерствомъ, что по 21 октября ничего рѣшительно еще не сдѣлано. Нельзя оставить безъ вниманія, что министерство наше, теряя лишь время, входитъ съ докладами ко мнѣ объ отпускѣ суммъ, невзирая на полное разрѣшеніе, данное мною вамъ дѣйствовать рѣшительно по сему предмету и не уважая занятій моихъ за границей, которыя рѣдко позволяютъ имѣть свободные часы для дѣлъ текущихъ, особливо, когда я, полагаясь на уполномочіе, данное вамъ, остаюсь въ твердомъ ожиданіи исправныхъ исполненій моихъ предписаній». «Въ

заключеніе обязываюсь сказать,—читаемъ въ этомъ любопытномъ документѣ,—что ежели и послѣ сего подтвержденія будетъ какая неисправность въ содержаніи арміи, то по всей строгости взыщу я съ виновныхъ, невзирая ни на какое лицо». Управляющій военнымъ министерствомъ кн. Горчаковъ и управляющій дѣлами комитета министровъ статсъ-секретарь Молчановъ были отданы подъ судъ за обнаружившіяся злоупотребленія по снабженію продовольствіемъ арміи въ военное время. Все это вынудило императора Александра прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ въ отношеніи учрежденія, въ рукахъ котораго было сосредоточено управленіе государствомъ. Въ декабрѣ 1815 г. назначенъ былъ для доклада государю и надзора по дѣламъ комитета «всякій разъ, когда здоровье князя Н. И. Салтыкова не позволитъ ему явиться лично въ комитетъ и къ нему, государю, генералъ-отъ-артиллеріи гр. Аракчеевъ».

Такимъ образомъ, съ наступленіемъ «аракчеевщины» и комитетъ министровъ не избѣгъ общей участи и былъ подчиненъ безконтрольной власти «безъ лести преданнаго» временщика.

В. Бочкаревъ.

„Храмъ вѣрности“ въ саду кн. А. Б. Куракина въ его селѣ Надеждинѣ.

Галлерея, нареченная вмѣстилище „чувствію вѣчныхъ“. Въ саду кн. А. Б. Куракина въ его селѣ Надеждинѣ.

(Рис. В. Причетниковъ).

II. 12-й годъ и великосвѣтское общество.

И. Н. Игнатова.

„Война и миръ“ Толстого.

Съ начала прошлаго столѣтія народы Европы обнаруживаютъ тенденцію двигаться съ Запада на Востокъ. Эта тенденція длится въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, поддерживается, распространяется, осуществляется, несмотря на попытки помѣшать ей, потомъ внезапно мѣняетъ направленіе и переходитъ въ стремленіе, обратное прежнему. Уже не съ Запада на Востокъ, а съ Востока на Западъ движутся народы, и въ этомъ стремленіи такъ же, какъ въ предыдущемъ, осуществляютъ не волю отдѣльныхъ личностей, не капризъ

какого-нибудь Наполеона или желаніе другихъ властителей, а нѣчто гораздо болѣе сильное и общее — «печальный законъ необходимости». Историческія событія производятся не волею отдѣльныхъ людей, какъ бы ни бросались въ глаза эти люди при изученіи событій. Въ механизмѣ общественной машины главное значеніе имѣетъ не та щепка, которая первая бросается въ глаза, и которая въ дѣйствительности тормозитъ движеніе, а незамѣтная шестерня, безъ которой отправленіе машины сдѣлалось бы невозможнымъ. Сколько бы ни говорили историки, что Бородинское сраженіе не окончилось совершеннымъ разгромомъ русской арміи изъ-за насморка Наполеона, какія бы прекрасныя диспозиціи ни писали генералы передъ боемъ,—ни состояніе, физическое или душевное, Наполеона, ни распоряженія генераловъ не играли и не играютъ никакой роли въ исходѣ сраженій, и отдѣльный незамѣтный солдатъ значитъ не меньше, чѣмъ всѣми прославляемый Наполеонъ или другіе извѣстные своей научной военной подготовкой генералы. Есть «печальный законъ необходимости», и сколько бы ни говорили о свободной волѣ власть имѣющаго лица, которое правитъ событіями по своему произволенію, на самомъ дѣлѣ все совершается на основаніи этого закона необходимости. Въ чемъ онъ? Можемъ ли мы понять его? «Для человѣческаго ума недоступна совокупность причинъ явленій». Не будучи въ состояніи постигнуть ее, люди для объясненія историческихъ событій подставляютъ слова «случай», «геній». И, употребляя эти слова и оперируя съ ними, они уподобляются стаду барановъ, которые должны думать, что отгоняемый каждый вечеръ въ особый денникъ для откармливанія и становящійся толще другихъ баранъ — геній. «Но баранамъ стоитъ только перестать думать, что все, что дѣлается съ ними, происходитъ только для достиженія ихъ бараньихъ цѣлей» и «ежели они и не будутъ знать, для какой цѣли ихъ откармливали, то, по крайней мѣрѣ, они будутъ знать, что все случившееся съ бараномъ случилось не нечаянно, и имъ уже не будетъ нужды ни въ понятіи случая ни въ понятіи генія».

Кн. В. В. Голицына.

Таковы, какъ извѣстно, воззрѣнія Толстого на исторію и на событія 1812 года. Движенія, имѣвшія такое огромное вліяніе на судьбу цѣлыхъ странъ, совершались по закону необходимости, охватить и понять который мы не можемъ, но можемъ, отрѣшаясь отъ мысли, что все происходитъ для достиженія «бараньихъ цѣлей», постигнуть единство и послѣдовательность явленій. Во всякомъ случаѣ, роль отдѣльныхъ людей, поставленныхъ на видъ исторіей, тутъ ни при чемъ, ибо «мысли и слова, служащія ихъ выраженіемъ, не суть двигатели людей».

Какимъ бы страннымъ ни казался читателю отрицательный взглядъ на значеніе «мысли и словъ»,—взглядъ писателя, всю жизнь пытавшагося «двигать» людей словомъ, но для наблюденія надъ общественнымъ движеніемъ, изображеннымъ въ «Войнѣ и мирѣ», намъ нѣтъ необходимости долго

останавливаться надъ нимъ. Пусть въ великомъ столкновеніи народовъ въ началѣ XIX столѣтія Наполеонъ значилъ не больше, чѣмъ ничтожная щепка, попавшая въ большую машину,—не подтвержденіе, и иллюстрацію этой мысли ищемъ мы въ знаменитомъ романѣ: «единство и послѣдовательность» событій 12 года кажутся намъ яснѣе и понятнѣе при знакомствѣ съ тою общественной жизнью, которая представлена въ «Войнѣ и мирѣ». Каковы бы ни были историческіе взгляды Толстого, согласенъ или несогласенъ съ ними читатель, но, кромѣ великолѣпныхъ картинъ индивидуальной и общественной психологіи, онъ находитъ въ романѣ богатѣйшій матеріалъ для знакомства съ ходомъ событій 12 года,—матеріалъ, главнымъ образомъ, заключающійся въ характеристикѣ общества, его отдѣльныхъ членовъ и ихъ отношеній. Недостатокъ мѣста позволяетъ намъ воспользоваться только небольшой частью этого обширнаго матеріала, только напомнить въ короткихъ словахъ читателю,какою, въ изображеніи Толстого, представилась намъ Россія въ годы, предшествовавшіе 12 году, и въ теченіе Отечественной войны.

Кн. Ѳ. С. Голицынъ.

I.

Передъ нами небольшая общественная группа. Небольшая, но сложная, вмѣщающая въ себѣ элементы, которые позднѣе войдутъ въ составъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ группъ, поклоняющихся различнымъ богамъ, враждующихъ и пытающихся вытѣснить одна другую. То, что позднѣе найдетъ свое выраженіе только въ интеллигенціи или только въ чиновничествѣ, что сдѣлается характеристикой только разночинцевъ или только дворянства,—здѣсь объединено въ одномъ слоѣ, въ одной небольшой, но сложной и занимающей высшее положеніе группѣ. Все, что характеризуетъ населеніе со стороны ума, знаній, такъ же, какъ знатности и почестей, совмѣщается въ ней. Здѣсь и западныя вліянія, и русскій опытъ, и ученость, и развитіе, и барская спесь, и чиновничье почитаніе, и помыслы о человѣческомъ достоинствѣ, и презрительное отношеніе къ подчиненному. Всѣ тѣ острые углы, на которые впослѣдствіи натолкнется общество и которые разъединятъ отдѣльныя общественныя группы, создавъ конфликты по поводу каждаго вопроса, здѣсь пока не существуютъ. Нѣтъ глухого броженія какихъ-то таинственныхъ силъ, нѣтъ заранѣе подсказаннаго принципіальнаго разъединенія. Члены этой группы не имѣютъ конкурентовъ въ другой средѣ ни по знатности, ни по чинамъ, ни по государственнымъ заслугамъ,—это само собой разумѣется. Но и въ области ума, знаній, талантовъ они не имѣютъ соперниковъ; еще не произошло отдѣленія таланта, ума и знанія отъ знатности и величія. И самыя привилегіи кажутся законными не только потому, что онѣ освящены временемъ и привычкой, но и потому, что люди, пользующіеся ими,

въ духовномъ отношеніи стоятъ безконечно выше другихъ группъ населенія. Конечно, не всѣ они одинаково умны, образованны и талантливы: и между ними есть Ипполиты Курагины, Анатоли и Берги. Больше того. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что большинство, громадное большинство этого общества не имѣетъ даже смутнаго безпокойства о тѣхъ вопросахъ, которыми полна духовная жизнь князя Андрея или Пьера Безухова. Но если въ Россіи этого времени есть извѣстное накопленіе знаній, ума, дарованія, то оно хранится здѣсь, въ этой группѣ князей Болконскихъ, графовъ Безухихъ,—здѣсь и, лишь въ видѣ исключенія, въ отдѣльныхъ представителяхъ другихъ группъ. Но и Ипполиты Курагины, и Анатоли, и Берги, не имѣющіе ни ума, ни знаній, ни талантовъ, не относятся со злобой и раздраженіемъ къ князьямъ Андреямъ и Пьерамъ Безухимъ за то, что область мышленія послѣднихъ превышаетъ обычную сферу мышленія Ипполита и другихъ на неизмѣримую высоту. Не имѣютъ злобы и раздраженія, во-первыхъ, потому, что это—люди своего круга, знатные, богатые, занимающіе высокое положеніе. Во-вторыхъ, еще не успѣли Курагины постигнуть горечь плодовъ познанія добра и зла и не имѣютъ надобности кричать: ученье—вотъ бѣда, ученость—вотъ причина. Конечно, и въ этомъ кругу посреди блестящихъ князей Васильевыхъ, Болконскихъ, Курагиныхъ, графовъ Безухихъ и Ростовыхъ, могущихъ вывѣсить въ парадныхъ комнатахъ своихъ дворцовъ, длиннѣйшія генеалогическія таблицы, можетъ появиться богатый дарованіями и умомъ homo novus, Сперанскій, «кутейникъ», не имѣющій ни титуловъ, ни предковъ, ни богатства. Какое встрѣтитъ онъ къ себѣ отношеніе? И зависть и злоба будутъ, конечно, но не столько, какъ къ человѣку другой враждебной среды, сколько какъ къ сопернику, грозящему занять соблазнительное мѣсто, сочиняющему страшныя правила объ экзаменахъ для почтенныхъ чиновныхъ людей. Но рядомъ съ завистью homo novus встрѣтитъ восторженное отношеніе къ себѣ со стороны наиболѣе талантливыхъ представителей великосвѣтской среды. «Князь Андрей питалъ къ нему (къ Сперанскому) страстное чувство восхищенія, похожее на то, которое онъ когда-то испытывалъ къ Бонапарте. То обстоятельство, что Сперанскій былъ сынъ священника, котораго можно было глупымъ людямъ, какъ это дѣлали многіе, пошло презирать въ качествѣ кутейника и поповича, заставляло князя Андрея особенно бережно обходиться съ своимъ чувствомъ къ Сперанскому и безсознательно усиливать его въ самомъ себѣ». Но и князь Андрей относится такъ къ Сперанскому не потому, что идеи равенства и вреда привилегій уже пустили корни въ обществѣ, а, наоборотъ, именно потому, что онѣ еще не волнуютъ этого общества, и острый вопросъ о «правахъ человѣка» какъ бы не существуетъ для него. Почти дѣвственная почва еще не захвачена тѣми возбуждающими

Графиня С. В. Строганова.
(Ипс. Виже-Лебренъ).

вражду вопросами, которые возникнутъ, окрѣпнутъ и обострятся позднѣе.

Привилегіи поддерживаются въ равной степени нелицемѣрнымъ признаніемъ непривилегированныхъ и безмятежнымъ сознаніемъ тѣхъ, кто вознесенъ на пьедесталъ. Тотъ небольшой по численности, но огромный по значенію мірокъ, который описанъ Толстымъ, конечно, испытываетъ волненія; конечно, шевелятся и безпокойныя мысли и чувство недовольства, но всѣ эти волненія и безпокойства ютятся не около тѣхъ, позднѣе жгучихъ вопросовъ, въ которыхъ затрагивается самая идея о первенствующемъ значеніи сословія. Волненія относятся къ внутрисословной, семейной или индивидуальной душевной жизни. Недовольство направляется противъ людей, а не противъ учрежденій, не противъ порядковъ. Князь Андрей,—недовольный, критическій умъ, «желчевикъ» по складу характера, скептикъ по направленію ума,—смотритъ на окружающее его общество съ презрѣніемъ. Но не мысль о негодности этого слоя его волнуетъ, не чувство несправедливости привилегированнаго положенія безпокоитъ,—нѣтъ: только люди кажутся ему мелки, только отдѣльныя лица возбуждаютъ его презрѣніе. Да и несправедливо было бы это презрѣніе ко всему слою; ни на чемъ не основано было бы негодованіе, направленное противъ исключительной роли, играемой «сливками» общества. Ибо въ данный моментъ это дѣйствительно—сливки, и ничто и никто не можетъ сравниться съ ними не только по тѣмъ привилегіямъ, которыя даются знатностью, но и по дарованіямъ и образованности. Отдѣльные люди могутъ возбуждать негодованіе, но въ цѣломъ это все-таки—цвѣтъ націи.

Кн. Е. Ѳ. Долгорукая.
(Пис. Виже-Лебренъ).

И потому въ остальномъ обществѣ нѣтъ критическаго отношенія къ учрежденіямъ,—по крайней мѣрѣ, о нихъ не доносятся слухи въ то блестящее общество, которое собирается у Анны Павловны, которое кутитъ съ Анатолемъ Курагинымъ, въ которое входятъ и ищущій правды Пьеръ Безухой, и обладающій яснымъ аналитическимъ умомъ кн. Андрей. Это въ полномъ смыслѣ слова—«органическій» періодъ общественной жизни, гдѣ возникающія разрушительныя теченія еще ничтожны и незамѣтны даже для тѣхъ, кто скоро воспримetъ ихъ въ себя. Пройдетъ немного времени, они проявятся и потекутъ сильнѣе и придадутъ яркую окраску существованію какъ отдѣльныхъ людей, такъ и жизни всего общества. Пройдетъ немного времени, и Пьеръ будетъ искать выхода изъ своего невыносимаго душевнаго состоянія въ масонствѣ, а потомъ въ политическихъ тайныхъ обществахъ. Но сейчасъ, въ періодъ, предшествующій Отечественной войнѣ, въ началѣ XIX столѣтія, въ тѣ годы, которыми открывается романъ, ничего подобнаго нѣтъ. Руководящій классъ населенія не знаетъ сомнѣній и критики. Самые сильные и критически настроенные умы, мечтая о дѣятельности, «славѣ», пользѣ государственной и

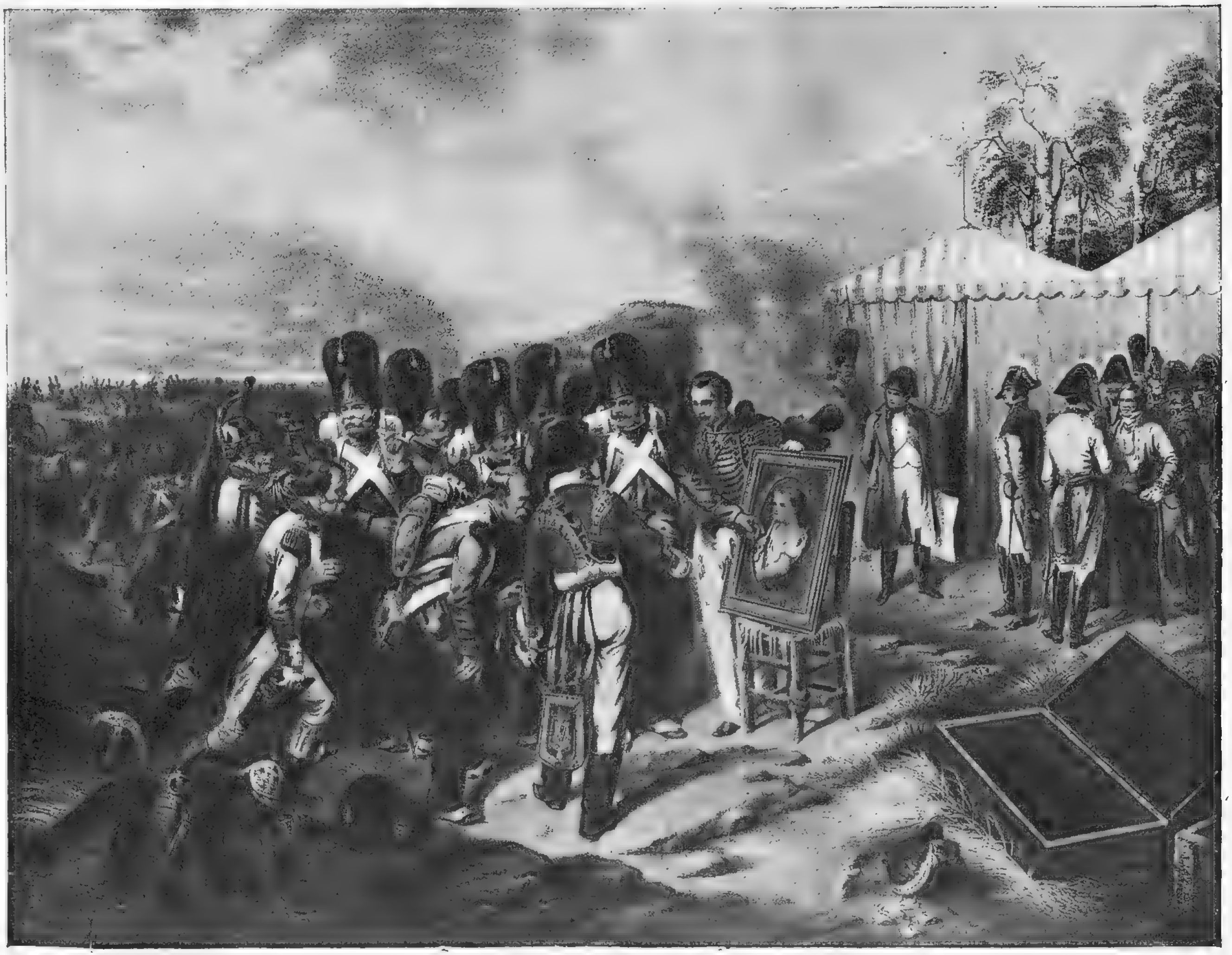
своей, видятъ передъ собой одно поприще, одну ясную, блестящую и полезную дорогу — военную. Пьеръ, выбирая родъ дѣятельности, колеблется между дипломатіей и военной службой. «Кавалергардъ ты будешь или дипломатъ?» спрашиваетъ князь Андрей. И Пьеръ, чувствуя инстинктивное отвращеніе къ той и другой службѣ, понимаетъ, что выбрать необходимо, что иного пути нѣтъ и выборъ долженъ остановиться дѣйствительно только между этими двумя карьерами. И никто не предполагаетъ ничего другого; колебанія Пьера понятны и кн. Андрею, и кн. Василью, и Ипполиту; но понятны лишь до тѣхъ поръ, пока онъ признаетъ для себя необходимымъ сдѣлаться или дипломатомъ, или кавалергардомъ; ни умный, самостоятельный князь Андрей, ни глупый, банальный Ипполитъ, ни дипломатическій князь Василій одинаково не понимаютъ и не допускаютъ, чтобы человѣкъ ихъ круга не призналъ подходящей для себя ни ту ни другую карьеру. Дѣятельность человѣка высшаго общества, единственнаго общества, о которомъ, по ихъ мнѣнію, стоитъ говорить, можетъ быть осуществлена только на дипломатическомъ или военномъ поприщѣ. И на военномъ, конечно, больше, чѣмъ на какомъ-нибудь другомъ.

II.

Чѣмъ живетъ это согласное, нетревожимое сомнѣніями, состоящее изъ самыхъ разнообразныхъ, но еще не расчленившихся элементовъ общество? Конечно, какъ и позднѣе, въ этомъ кругу большая, очень большая часть его живетъ «ловлей рублей, крестовъ, чиновъ». Князь Василій употребляетъ всѣ усилія, готовъ дойти даже до преступленія, чтобы получить въ свою пользу громадное наслѣдство графа Безухаго. Преступленіе, понятно, не должно быть открытое,—рисковать онъ не будетъ,—но уничтожить потихоньку готовое завѣщаніе, не исполнить волю умершаго можно и даже нужно, разъ интересы его, князя Василія, задѣты. Борисъ Друбецкой стремится перейти изъ арміи въ гвардію, потому что тамъ, въ кругу блестящихъ гвардейскихъ офицеровъ, при возможности постояннаго знакомства съ власть имущими, онъ быстрѣе составитъ карьеру, получитъ богатую невѣсту, нахватаетъ много чиновъ и орденовъ. Къ тому же стремятся и другіе; и недовольство, даже вражду ихъ возбуждаютъ не тѣ, которые видятъ жизненную цѣль въ другомъ, не тѣ, предъ кѣмъ назначеніе человѣка рисуется въ другихъ краскахъ (о существованіи таковыхъ они не предполагаютъ, а если встрѣтятся подобные Пьеру, такъ это просто—смѣшные чудаки, не понимающіе собственной пользы),—они чувствуютъ непріязнь къ тѣмъ, кто становится на ихъ пути, мѣшаетъ ихъ карьерѣ, перебиваетъ счастливую возможность успѣха. Ихъ противники—не люди другихъ убѣжденій, а носители тѣхъ же принциповъ. Князь Василій ненавидитъ Пьера не за поиски правды, которыхъ онъ не понимаетъ, а за то, что Пьеръ можетъ перебить у него громадное состояніе графа Безухаго. Понятно, что какъ только яблоко раздора исчезло, прежніе противники могутъ сдѣлаться друзьями; когда наслѣдство графа Безухаго дѣлается окончательно достояніемъ Пьера, князь Василій ищетъ въ родствѣ съ Пьеромъ осуществленія хотя небольшой части своихъ прежнихъ надеждъ.

Старая гвардія передъ портретомъ римскаго короля наканунѣ
Бородинской битвы.

ĥаҳҳнүнҳ ҡоҡоүя нэкэнүнҳ ҩиисҡэгю коҡоүя ҳэгэгнүнҳ ҩэгэдаг ноүгэгюмэг ҩиисҡэгю коҡоүя нэкэнүнҳ
ҩоҡодиисҡоң ҩиигэг.



Ихъ внѣшняя жизнь—игра. Въ салонѣ Анны Павловны они играютъ увлекательно и красиво. Нѣтъ естественности, ни искреннихъ порывовъ, ни продуманныхъ убѣжденій. Когда Пьеръ и аббатъ затѣваютъ разговоръ о политическомъ равновѣсіи и оба «слишкомъ оживленно и естественно слушаютъ и говорятъ», это нарушаетъ порядокъ игры въ салонѣ Анны Павловны, и она торопится свести естественный и горячій разговоръ къ привлекательному, остроумному, но банальному перекидыванію словами, которыя никого не затрагиваютъ.

Все это,—и внѣшняя красивая и банальная игра, и дѣйствительныя стремленія къ «ловлѣ рублей, крестовъ, чиновъ»,—конечно, свойственны этому обществу, какъ и позднѣе будутъ они свойственны людямъ того же круга. Но среди карьеристовъ, провиденціальныхъ младенцевъ, искусныхъ игроковъ и салонныхъ болтуновъ есть въ этомъ кругу тѣ, которые недолго въ немъ останутся: есть князья Андреи, есть Пьеры,—и въ салонѣ Анны Павловны «собрана интеллигенція Петербурга». И отъ участія Андрея и Пьера мѣняется вся физіономія этой группы. Пускай она искусственна, банальна, пронизана ложью, прикрытой внѣшнимъ блескомъ, пускай «рубли, кресты и чины» составляютъ ея главную сущность, какъ это и будетъ позднѣе, но исканія Пьера, но критическій умъ князя Андрея создаютъ для этой группы ореолъ интеллигентности, значеніе наиболѣе богатой духовно и наиболѣе образованной группы. И они не случайно вошли въ группу, князья Андреи, Пьеры,—они плоть отъ плоти ея, кость отъ кости. И не только происхожденіе ихъ соединяетъ, но и многія привычки, многіе взгляды, общее поприще дѣятельности. Если Пьеръ колеблется между военной и дипломатической карьерой, инстинктивно чувствуя отвращеніе къ той и другой, то этотъ инстинктъ еще не перешелъ въ сознаніе, причина отвращенія еще не успѣла принять опредѣленныя формы. Онъ не говоритъ: «служить бы радъ, прислуживаться тошно»;—просто его болѣе интересуетъ рѣшеніе любопытныхъ жизненныхъ вопросовъ, чѣмъ какой бы то ни было родъ службы. Но князь Андрей, умный, самостоятельный, способный итти не по протореннымъ дорогамъ, не можетъ представить для себя иной дѣятельности, кромѣ военной. Онъ знаетъ, что онъ неизмѣримо выше того общества, которое собирается въ гостиной у Анны Павловны, что князь Василій и его блестящіе сыновья, гвардейцы и дипломаты титулованные и звѣздоносные,—мелочь, для которой недоступны волнующія его мысли. «Всѣ бывшіе въ гостиной не только были ему знакомы, но ужъ надоѣли ему такъ, что и смотрѣть на нихъ и слушать ихъ ему было очень скучно». Ему, какъ большому кораблю, нужно было гораздо большее, чѣмъ имъ, плаванье. Гдѣ же онъ ищетъ этого большого плаванья? Конечно, въ военной службѣ, рядомъ съ Анатолемъ Курагинымъ, съ Борисомъ Друбецкимъ, съ Бергомъ. И не только потому, что «Буонапарте всѣмъ вскружилъ голову», какъ утверждаютъ нѣкоторыя дѣйствующія лица романа,

Кн. Е. В. Вяземская.

а потому, что, кажется ему, иныхъ другого поприща, гдѣ большія силы отдѣльнаго человѣка могли бы найти болѣе достойное примѣненіе, иныхъ общественной службы, которая въ данный моментъ такъ захватывала бы человѣка и такъ полезна и нужна была бы государству.

Такъ думаютъ (и не только думаютъ, — знаютъ) всѣ представители группы; такъ думаетъ князь Андрей. И когда его волнуютъ мечты объ извѣстности, о славѣ, — они неотдѣлимо сплетаются съ помыслами о войнѣ, битвахъ, военныхъ великихъ планахъ, о томъ поприщѣ дѣятельности, на которомъ работаютъ и Николай Ростовъ, и Борисъ, и Анатоль Курагинъ. «Какъ выразится мой Тулонъ»?—спрашиваетъ себя кн. Андрей въ минуты наибольшаго душевнаго подъема, и передъ его глазами проносятся картины его военной славы: «нальво, внизу, въ туманѣ, слышалась перестрѣлка между невидимыми войсками. Тамъ, казалось князю Андрею,— сосредоточится сраженіе, тамъ встрѣтится препятствіе, и туда-то я буду посланъ,—думалъ онъ,—съ бригадой или дивизіей, и тамъ-то, съ знаменемъ въ рукахъ, я пойду впередъ и сломлю все, что будетъ предо мной». Князь Андрей не могъ равнодушно смотрѣть на знамена проходившихъ батальоновъ. Глядя на знамя, ему все думалось: «можетъ-быть, это то самое знамя, съ которымъ мнѣ придется итти впереди войскъ».

Кн. М. В. Кочубей.

Мечты и желанія князя Андрея, результаты «ума холодныхъ наблюденій» сходятся съ чувствами пылкаго и недалекаго юноши, Николая Ростова, мечтающаго о томъ, какъ онъ будетъ «рубить» непріятеля и съ азартомъ повторяющаго: «ну, попадись теперь кто бы ни былъ». Время, когда холодный умъ, анализирующій и самостоятельный, сходится съ стремленіемъ, съ чувствами пылкаго мальчика, видя въ сраженіи, въ войнѣ, въ военной службѣ высшее дѣло,—не время широкихъ индивидуалистскихъ стремленій, не время критики общественныхъ отношеній: служба государству ставится на первый планъ безъ разсужденій, безъ желанія доказать кому-то, что такъ нужно, что люди, поступающіе иначе, — люди «не государственные», или «противо государственные». Если князь Андрей мечтаетъ о военныхъ подвигахъ, если его скептическій умъ не пытается еще анализировать и подвергать критикѣ самое существованіе войны, то въ какихъ краскахъ должна рисоваться военная служба какому-нибудь Николаю Ростову, Петѣ, Васькѣ Денисову, всѣмъ искреннимъ, не разсуждающимъ, а чувствующимъ и воспринимающимъ дѣтямъ своего времени? Нужны тяжелые удары судьбы, наглядные уроки опыта, чтобы озлобленный и все болѣе склоняющійся къ пессимистическимъ воззрѣніямъ князь Андрей говорилъ Пьеру о необходимости ограничить право войны, и о казни плѣнныхъ, какъ средствѣ для этого ограниченія: «ежели бы не было великодушничанья на войнѣ, то мы шли бы только тогда, когда стоитъ того итти на вѣрную смерть, какъ теперь. Тогда не было бы войны за то, что Павелъ Иванычъ обидѣлъ Михаила Иваныча. А ежели

война какъ теперь, такъ война. И тогда интенсивность войскъ была бы не та, какъ теперь. Тогда бы всѣ эти вестфальцы и гессенцы, которыхъ ведетъ Наполеонъ, не пошли бы за нимъ въ Россію, и мы бы не ходили драться въ Австрію и въ Пруссію, сами не зная зачѣмъ. Война не любезность, а самое гадкое дѣло въ жизни, и надо понимать это, а не играть въ войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость. Все въ этомъ: откинуть ложь, и война такъ война, а не игрушка. А то войны—это любимая забава праздныхъ и легкомысленныхъ людей. Военное сословіе самое почетное. А что такое война, что нужно для успѣха въ военномъ дѣлѣ, какіе нравы военнаго общества. Цѣль войны—убійство, орудія войны — шпіонство, измѣна и поощреніе ея, разореніе жителей, ограбленіе ихъ или воровство для продовольствія арміи, обманъ и ложь, называемыя военными хитростями; нравы военнаго сословія—отсутствіе свободы, т.-е. дисциплина, праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство. И, несмотря на это, это—высшее сословіе, почитаемое всѣми»...

Но вте это—позднѣе, не только послѣ Аустерлица и другихъ уроковъ, но и послѣ Смоленска и ударовъ, нанесенныхъ проникновеніемъ непріятеля въ страну. Да и поздніе уроки дѣйствительности учатъ лишь небольшую часть властной общественной группы; они вліяютъ лишь на такихъ, какъ Пьеръ или князь Андрей. Все остальное, искреннее и неразсуждающее, только связанное со всей исходящей отъ вѣрованій, обычаевъ, вѣковыхъ взглядовъ, атмосферой долго остается въ тѣхъ чувствахъ и стремленіяхъ, какъ Болконскій въ началѣ романа. Да и самъ князь Андрей, несмотря на пробудившееся отрицательное отношеніе къ войнѣ, идетъ въ армію, потому что, дѣйствительно, военная служба представляетъ въ этотъ моментъ наиболѣе широкое поле для энергичной дѣятельности и даже высокихъ стремленій. И понятно, почему общество, собирающееся у Ростовыхъ, встрѣчаетъ одобреніемъ извѣстіе о поступленіи студента Николая въ военную службу.

Н. К. Загряжская. (Пис. Васильевскій).

III.

Въ этомъ обществѣ, любящемъ и уважающемъ военную службу, понимающемъ и одобряющемъ ея дисциплину, жива и собственная дисциплина, основанная не на одномъ страхѣ передъ старшими, но и на любви и почтеніи къ ихъ взглядамъ. Здѣсь нѣтъ «отцовъ и дѣтей», т.-е. того разногласія между поколѣніями, которое мѣшаетъ имъ спѣться и создаетъ постоянные поводы для конфликта. Если между княземъ Андреемъ и его отцомъ, старымъ княземъ Болконскимъ, нѣтъ согласія во взглядахъ, если княжна Марья окружаетъ себя богомолками и юродствующими, вѣры которыхъ не раздѣляетъ ея отецъ, то не въ глубокой розни поколѣній

здѣсь дѣло, не въ новыхъ умственныхъ теченіяхъ, которыми вытѣсняются прежнія. Князь Андрей и его отецъ — слишкомъ рѣзко опредѣленныя, самостоятельныя и неуживчивыя натуры, чтобы безмятежно жить другъ около друга. И хотя одинъ считается человѣкомъ «стараго вѣка», а другой принадлежитъ къ молодому поколѣнію, но на почвѣ принциповъ и воззрѣній конфликтовъ не происходитъ. Старый князь, бесѣдуя съ Ростопчинымъ, Лопухинымъ и другими «своими» людьми по поводу захвата владѣній герцога Ольденбургскаго Бонапартомъ, сравниваетъ отношеніе Наполеона къ герцогамъ со своимъ обращеніемъ съ мужиками. «Предложили другія владѣнія замѣсто Ольденбургскаго герцогства... Точно я мужиковъ изъ Лысыхъ горъ переселялъ въ Богучарово, и въ Рязанскія, такъ и онъ герцоговъ». И то, что старому князю кажется верхомъ несправедливости по отношенію къ герцогамъ, не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній по отношенію къ мужикамъ. Его право выселять крестьянъ по своему произволу изъ насиженныхъ гнѣздъ, изъ Лысыхъ Горъ въ Богучарово или обратно, представляется до такой степени естественнымъ и безспорнымъ, что для доказательства беззаконныхъ дѣйствій Наполеона по отношенію къ герцогамъ онъ не можетъ подобрать лучшаго примѣра. Онъ говоритъ о правѣ произвольнаго обращенія съ мужиками, какъ теперь говорятъ о животныхъ, какъ для доказательства дурного отношенія къ людямъ, прибѣгаютъ къ обычному сравненію: «обращеніе съ людьми, какъ со скотами». А рядомъ сынъ стараго князя, Андрей, свободно принимаетъ относительно своихъ крестьянъ ту мѣру, которая рекомендовалась государственными новаторами,—и это распоряженіе его не встрѣчаетъ рѣзкаго отпора со стороны отца, принадлежавшаго къ «старому вѣку». Да если бы такъ и было,—это не могло бы называться жизнью «поколѣній», потому что поколѣніе князя Андрея этихъ идей не ставило во главу угла своего міровоззрѣнія. Но не однимъ отсутствіемъ рѣзкихъ принципіальныхъ раздѣленій поддерживается семейное согласіе Ростовыхъ, и сравнительно легко переносится иго тяжелаго характера стараго князя Болконскаго. Все это — свидѣтельства огромнаго запаса почтенія къ старшимъ, той искренней внутренней дисциплины, которая предполагаетъ въ подчиненныхъ и младшихъ членахъ семьи или общества полное признаніе правъ старшинства, которое не допускаетъ сомнѣній въ возможности пользоваться этими правами. Княжна Марья подъ тиранiей отца чувствуетъ не его несправедливость, а свою постоянную вину, и стремится въ новыхъ проявленіяхъ почтительности доказать свою любовь и уваженіе. Богатый запасъ любви и душевной мягкости, накопленный

Гр. Эделингъ.

ею, направляется весь въ сторону поддержанія того уклада жизни, который сводитъ ея роль на степень безсловеснаго, безвольнаго и не имѣющаго самостоятельнаго значенія существа.

Любовь и почтеніе къ старшимъ въ семьѣ сопровождается любовью и почтеніемъ къ наиболѣе старшимъ въ государствѣ. Это даже—не просто любовь, не просто почтеніе; это—обожаніе, восторженное и умиленное колѣнопреклоненіе передъ тѣмъ, кто олицетворяетъ собой государство. Николай Ростовъ переживаетъ минуты влюбленія въ Александра I,—минуты восторга и самоотверженнаго обожанія. доходящаго до паралича воли, до неспособности дѣйствовать согласно собственному желанію. «Онъ весь поглощенъ былъ чувствомъ счастья, происходящаго отъ близости государя... Онъ былъ счастливъ, какъ любовникъ, дождавшійся ожидаемаго свиданія... По мѣрѣ приближенія (государя) все свѣтлѣе, радостнѣе и значительнѣе и праздничнѣе дѣлалось вокругъ него. Все ближе и ближе подвигалось это солнце для Ростова, распространяя вокругъ себя лучи кроткаго и величественнаго свѣта, и вотъ онъ уже чувствуетъ себя захваченнымъ этими лучами, онъ слышитъ его голосъ—этотъ ласковый, спокойный, величественный и вмѣстѣ съ тѣмъ столь простой голосъ». Командиръ эскадрона Денисовъ «и раздѣляетъ и одобряетъ» чувства Ростова; «и старый ротмистръ Кирстенъ кричалъ воодушевленно и не менѣе искренно, чѣмъ двадцатилѣтній Ростовъ».

Это — не насильственно внѣдряемое, искусственное чувство, въ которомъ участвуетъ не столько любовь къ кумиру, сколько ненависть къ его предполагаемымъ врагамъ. Здѣсь все естественно, все лишено преднамѣренности, все связано неразрывными узами съ окружающей атмосферой, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть и не предполагается отрицательнаго отношенія къ кумиру. Не нужно ненависти, не надо этою любовью къ Александру доказывать какимъ-то врагамъ внутреннимъ ихъ неправоту и черноту: не допускается и мысли, чтобы къ этому общему любимцу могло быть какое-нибудь другое чувство, кромѣ уваженія, признанія и восторженнаго преклоненія. Это — выраженіе всего общественнаго уклада, когда безъ подозрѣнія, безъ критики принимается право старшихъ, и существующее признается неизмѣннымъ до тѣхъ поръ, пока перемѣны не будутъ признаны необходимыми сверху. Можно сказать, что даже въ «органическую» эпоху это — моментъ исключительнаго общаго согласія, когда существующее поддерживается не только привычкой, обычаемъ, отсутствіемъ критическаго духа, но и особымъ расположеніемъ къ данному лицу, стоящему во главѣ государства.

Отсутствіе критики, нѣкоторая лѣность мысли (не существующая, однако, у такихъ представителей этого круга, какъ Пьеръ или князь Андрей) поддерживается необыкновенной медленностью въ передачѣ сообщеній. Позднѣе (даже много позднѣе) и склонная къ лѣни мысль выводится изъ своего лѣниваго состоянія постояннымъ общеніемъ съ тѣмъ, что дѣлается кругомъ. Пока же извѣстія доставляются медленно и неопредѣленно, проходятъ цѣлыя недѣли, пока пришедшее извѣстіе подтверждается, или опровергается, или дополняется другими болѣе вѣрными и подробными. 12 іюня французскія войска переходятъ русскую границу, направляются къ Москвѣ, въ свое время занимаютъ Витебскъ, а находящійся на самомъ

пути непріятеля, отдѣляемый отъ него нѣсколькими переходами, 1-го августа старый князь Болконскій утверждаетъ, что «театръ войны есть Польша, и дальше Нѣмана никогда не проникнетъ непріятель». Черезъ мѣсяцъ послѣ вступленія французовъ въ Россію, «въ началѣ іюля, въ Москвѣ распространялись все болѣе и болѣе тревожные слухи о ходѣ войны; говорили о воззваніи государя къ народу, о пріѣздѣ самого государя изъ арміи въ Москву. И такъ какъ до 11 іюля манифестъ и воззваніе не были получены, то о нихъ и о пораженіи Россіи ходили преувеличенные слухи. Говорили, что государь уѣзжаетъ потому, что армія въ опасности, говорили, что Смоленскъ сданъ, что у Наполеона милліонъ войска и что только чудо можетъ спасти Россію». Способная волновать и поселять нелѣпые слухи въ тревожное время медленность передачи свѣдѣній служитъ въ мирное время препятствіемъ для зарожденія и распространенія критическаго духа. Этой медленности въ передачѣ свѣдѣній отвѣчаетъ медленность въ ходѣ критической мысли.

Графъ Ю. П. Литта.
[Пис. Лампи (?)].

IV.

Такова эта общественная группа, крѣпко сшитая традиціями и внутренней дисциплиной, не раздираемая сомнѣніями, спокойная, согласная и отражающая міръ другихъ слоевъ населенія. Нѣтъ враговъ внутреннихъ, дѣйствительныхъ или подозрѣваемыхъ. Только внѣшній непріятель, только война — посторонняя, чуждая этому обществу сила — можетъ нарушить міръ и вызвать чувства, обычно мало свойственныя этому обществу. Но и война не нарушаетъ общаго согласія. Князь Андрей можетъ не смотрѣть на Бонапарта глазами великосвѣтскихъ посѣтителей салона Анны Павловны; для него это — выдающійся умъ, достойный уваженія и возбуждающій зависть; для другихъ Бонапартъ — авантюристъ, къ которому можно относиться только какъ къ врагу отечества, обычаевъ и установленной морали, какъ къ существу презрѣнному и ничтожному. Но и князь Андрей, какъ другіе великосвѣтскіе посѣтители салона Анны Павловны, признаетъ необходимость войны съ Наполеономъ, разъ война кѣмъ-то начата. Пьеръ, по наивности своей, думаетъ, что безъ войны можно обойтись. «Ежели бъ это была война за свободу, я бы понялъ, я бы первый поступилъ въ военную службу; но помогать Англіи и Австріи противъ величайшаго человѣка въ мірѣ — это нехорошо». Князь Андрей только пожалъ плечами на дѣтскія рѣчи Пьера... «Ежели бы всѣ воевали только по своимъ убѣжденіямъ, войны бы не было», сказалъ онъ. «Это-то и было бы прекрасно», сказалъ Пьеръ. Князь Андрей усмѣхнулся. «Очень можетъ быть, что это было бы прекрасно, но этого никогда не будетъ».—«Ну, для чего вы идете на войну?» спросилъ Пьеръ. «Для чего?— Я не знаю. Такъ надо. Кромѣ того, я иду...— Онъ остановился.—Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здѣсь, эта жизнь — не по мнѣ!»

Наполеонъ на Бородинскихъ высотахъ.

(Верещагина).

Начальнику 1-го Рабоче-Крестьянского
(Ленинградского).

Князь Андрей идетъ на войну противъ Наполеона, признавая величіе послѣдняго почти въ той же мѣрѣ, какъ Пьеръ, и не пытаясь критически отнестись къ распоряженіямъ тѣхъ, кто вмѣшался въ войны съ «величайшимъ человѣкомъ міра». Это отношеніе заранѣе обезпечиваетъ если не побѣду, то стойкость въ пораженіяхъ. Распоряженія начальства могутъ быть неумѣлы, разныя диспозиціи ненужны и нелѣпы, мы можемъ проявить невѣжество или неспособность,—но въ обществѣ несомнѣвающемся, неколеблющемся, согласномъ и объединенномъ отсутствіемъ критическаго отношенія къ существующему, есть одна черта, служащая залогомъ побѣды, это—увѣренность въ необходимости предпринятой войны. Возможно пораженіе, не исключенъ и совершенный разгромъ арміи, неизбѣжны въ будущемъ «уроки» войны для наиболѣе чуткихъ и подготовленныхъ къ критикѣ натуръ, но большинство общества еще долго будетъ жить увѣренностью, что разъ война начата тѣмъ, кто такъ высоко стоитъ въ общественномъ уваженіи и любви, значитъ она неизбѣжна.

Гр. Е. В. Литта.
(Пис. Виже-Лебренъ).

Въ этомъ общественномъ согласіи залогъ длительной силы для борьбы съ противникомъ, залогъ бодраго отношенія къ большимъ пораженіямъ и постояннаго обновленія силъ въ маленькихъ побѣдахъ. Вы знакомитесь у Толстого со многими сраженіями, оканчивавшимися печально для насъ, но, какъ-то странно, разсматриваемыя въ общественномъ отраженіи они производятъ впечатлѣніе не пораженія, а побѣды. Моральное значеніе для общества даже знаменитой Аустерлицкой битвы далеко не такъ ужасно, какъ можно было бы предполагать. Князь Андрей можетъ говорить: послѣ Аустерлицы «я далъ себѣ слово, что служить въ дѣйствующей русской арміи я не буду... Ежели бы Бонапарте стоялъ тутъ, у Смоленска, угрожая Лысымъ Горамъ, и тогда бы я не сталъ служить въ русской арміи». Но князь Андрей видитъ то, чего не замѣчаютъ другіе; да и слова его—только слова: раньше, чѣмъ Бонапартъ стоялъ у Смоленска и угрожалъ Лысымъ Горамъ, онъ опять вступилъ въ армію, не смотря на вполнѣ опредѣлившееся уже отрицательное отношеніе къ войнѣ. Для остальныхъ членовъ общества даже кампанія съ Аустерлицкой битвой кажется спустя нѣкоторое время не пораженіемъ, а побѣдой. «Были найдены причины тому неимовѣрному, неслыханному и невозможному событію, что русскіе были побиты, и все стало ясно, и во всѣхъ углахъ Москвы заговорили одно и то же. Причины эти были: измѣны австрійцевъ, дурное продовольствіе войска, измѣна поляка Пржебышевскаго и француза Лажерона, неспособность Кутузова, и (потихоньку говорили) молодость и неопытность государя, ввѣрившагося дурнымъ и ничтожнымъ людямъ. Но войска, русскія войска, говорили всѣ, были необыкновенны и дѣлали чудеса храбрости... Со всѣхъ сторонъ слышны были новые и новые разсказы объ отдѣльныхъ примѣрахъ мужества, оказанныхъ нашими солдатами и офицерами при Аустерлицѣ. Тотъ спасъ знамя, тотъ убилъ

пять французовъ, тотъ одинъ заряжалъ пять пушекъ». «Повторялись слова Ростопчина про то, что французскихъ солдатъ надо возбуждать къ сраженіямъ высокопарными фразами, что съ нѣмцами надо логически разсуждать, убѣждая ихъ, что опасно бѣжать, чѣмъ итти впередъ, но что русскихъ солдатъ надо только удерживать и просить потише!..» И Москва, забывшая о пораженіи, чествуетъ обѣдомъ Багратіона, поднося ему стихи, въ которыхъ утверждаетъ: «Да счастливый Наполеонъ, познавъ чрезъ опыты, каковъ Багратіонъ, не смѣетъ утруждать Алкидовъ русскихъ болѣ»... И пѣвчіе поютъ кантату: «Тщетны Россамъ всѣ препоны, храбрость есть побѣдъ залогъ; есть у насъ Багратіоны, будутъ всѣ враги у ногъ».

Въ этомъ наивномъ прославленіи русской мощи, слѣдующимъ сейчасъ же за пораженіемъ, нѣтъ и слѣда того напускного и намѣреннаго шовинизма, который употребляется, какъ орудіе борьбы съ внутренними врагами для доказательства неправоты послѣднихъ. Въ первые годы третьей французской республики, Седанъ объяснялся бонапартистами тоже, какъ демонстрація французской мощи; но длинной рѣчи краткій смыслъ заключался не въ дѣйствительномъ признаніи заслугъ французскаго оружія, а въ стремленіи обезоружить политическихъ противниковъ, имѣвшихъ всѣ основанія для того, чтобы пользоваться седанскимъ пораженіемъ, какъ доказательствомъ негодности режима Второй имперіи. Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. И графъ Илья Андреевичъ Ростовъ, распоряжавшійся обѣдомъ въ честь Багратіона, не думаетъ о пораженіяхъ, забылъ о неуспѣхѣ и искренно волнуется торжествомъ во славу русскаго героизма,—до такой степени волнуется, что, когда провозглашаютъ тостъ «за здоровье учредителя обѣда графа Ильи Андреевича», онъ «вынулъ платокъ и, закрывъ имъ лицо, совершенно расплакался».

Кн. Б. Н. Юсуповъ.

Искренность и отсутствіе подозрительности къ сосѣду (подозрительности политической) характеризуютъ отношенія этихъ людей. Когда Николай Ростовъ въ пылу спора, чѣмъ-то огорченный и взволнованный, кричитъ: «Не намъ судить... А то коль бы мы стали обо всемъ судить да разсуждать, такъ этакъ ничего святого не останется»,—онъ не упрекаетъ противниковъ въ томъ, что они «разсуждаютъ» и тѣмъ обнаруживаютъ свое свободомысліе; онъ знаетъ, что и безъ того никто не разсуждаетъ и свободомысліемъ не занимается. И близкіе ему, Борисъ Друбецкой и Бергъ, думающіе только о выгодахъ, повышеніяхъ, карьерѣ, не находятъ необходимости при выборѣ средствъ для повышенія указывать на разрушительный образъ дѣйствій или мышленія сосѣда. Бергъ бѣгаетъ со шпагой въ лѣвой рукѣ и каждому встрѣчному заявляетъ, что онъ, раненый, остался во строю и только переложилъ оружіе изъ поврежденной руки въ другую. Онъ правильно разсчитываетъ, что этого утвержденія достаточно для нѣкотораго, нужнаго ему успѣха. Въ другое время онъ при-

Вечеръ Бородина. Генерала Коленкура, убитаго при взятіи Большого редута, переносятъ его солдаты.

(А. Ля-Лозъ).

Волгоградский государственный педагогический институт

Кафедра истории СССР

Реферат по теме: «Гегель и Маркс»

Выполнил: студент II курса (V. A.)

Проверил:

бавлялъ бы къ этому средству указаніе на свой патріотизмъ и, можетъ-быть, даже увѣреніе, что кое-кто изъ его сосѣдей говоритъ разрушительныя рѣчи. Борисъ Друбецкой, выдержанный и внѣшне-корректный молодой человѣкъ, умно и тактично дѣлаетъ свою карьеру, сторонясь отъ прежнихъ друзей, когда своими армейскими манерами они могутъ компрометировать его въ глазахъ вылощенныхъ и чопорныхъ представителей круга, въ которомъ онъ можетъ успѣть. Но въ немъ нѣтъ и помина того Бориса Друбецкого, который въ другое время съ серьезно-грустнымъ видомъ говорилъ бы о безнравственности и политической неблагонадежности современнаго поколѣнія и необходимости строгихъ мѣръ. Лишь эта грустная серьезность озабоченнаго государственными соображеніями человѣка создала бы ему въ другое время репутацію истинно-полезнаго чиновника и подняла бы его высоко на іерархической лѣстницѣ. И князь Василій въ другія времена имѣлъ бы таинственную физіономію государственнаго мужа, вся мудрость котораго заключается въ умѣньи говорить о тревожномъ времени и о необходимости успокоенія; на этомъ постоянномъ упоминаніи о тревожномъ моментѣ и безпокойствѣ въ умахъ онъ строилъ бы свое благополучіе и удерживалъ бы свое положеніе. Все это будетъ, все это явится, но пока нѣтъ поводовъ для заподозрѣванія кого бы то ни было въ разрушительныхъ умыслахъ. Даже наиболѣе склонные къ самостоятельной работѣ и критикѣ умы, будущіе декабристы, Пьеръ и подобные ему, не испытываютъ неудобствъ отъ своихъ исканій и хожденія около «идей».

Гр. М. Д. Гурьева.

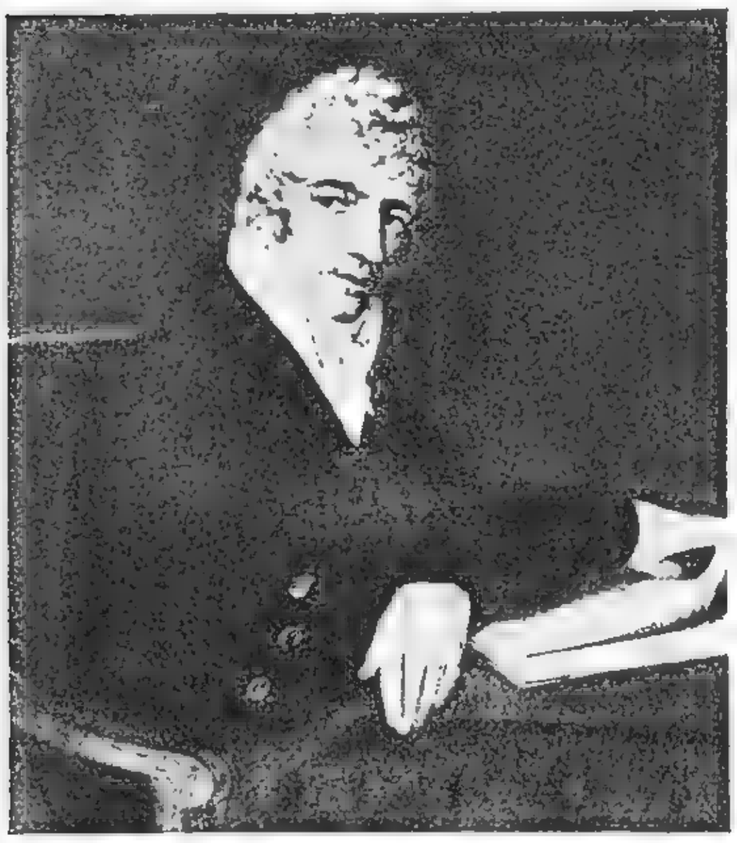
И это такъ очевидно, такъ неизбѣжно вытекаетъ изъ всего общественнаго настроенія и внутренняго мира, что когда обстоятельства принуждаютъ, во что бы то ни стало найти внутренняго врага, — его найти необычайно трудно. Во всѣхъ печальныхъ обстоятельствахъ общественной, семейной и личной жизни, несчастіе становится легче переносимо, когда есть возможность указать его виновника. Кого винить въ несчастіяхъ войны, въ тѣхъ тяжелыхъ испытаніяхъ, которыя связаны съ вторженіемъ непріятеля въ страну? Правительство? Объ этомъ говорятъ вскользь, какъ послѣ Аустерлицкаго пораженія. Тайную «смуту», враговъ внутреннихъ, «крамолу», измѣнниковъ? Гдѣ они? Мысль о необходимости экскурсій въ эту область является порывомъ вдохновенія у Ростопчина, побуждаемаго настоятельной необходимостью какъ-нибудь снять съ себя тяжелую отвѣтственность и отвлечь отъ себя вниманіе взбудораженной толпы. Только вызванный такими исключительными обстоятельствами порывъ вдохновенія могъ создать внутренняго врага изъ безпомощной фигуры молодого Верещагина.

Въ чемъ вина несчастнаго купчика, тщетно взывающаго къ Ростопчину: «графъ, одинъ Богъ надъ нами?» Въ какомъ отношеніи къ общему

настроенію находится она?.. Тщедушная фигура Верещагина проходитъ передъ нами случайнымъ эпизодомъ, еще болѣе демонстрируя отсутствіе въ обществѣ элементовъ протеста и критики. И когда толпа, подстрекаемая Ростопчинымъ, кончаетъ расправой надъ Верещагинымъ, въ ней, въ этой толпѣ, нѣтъ того озлобленія и чувства справедливой мести, которыя непремѣнно должны сопровождать всякое проявленіе народнаго самосуда надъ тѣмъ, кого толпа считаетъ своими дѣйствительными врагами. Расправа надъ Верещагинымъ—исключеніе и, какъ это въ большинствѣ случаевъ бываетъ, исключеніе подтверждаетъ правило объ отсутствіи у того общества стремленія къ поискамъ внутреннихъ враговъ и заподозрѣванiямъ сосѣда...

V.

Если бы то настроеніе, которое преобладало въ моментъ, изображенный въ началѣ «Войны и мира», могло благополучно сохраниться до вторженія французовъ въ Россію, то принятый ходомъ событій характеръ «Отечественной войны» былъ бы легко объяснимъ. Но уроки времени, войнъ, напрасныхъ ожиданій мѣняютъ настроеніе общества. И эта перемѣна отмѣчена Толстымъ. До 1812 года не остается во всей силѣ ни довольство распоряженіями правительства, ни восторженное преклоненіе передъ личностью Александра I. Личные удары, наблюденія, опытъ заставляютъ видѣть то, на что до того времени не открывались глаза. По полученіи (оказавшагося потомъ невѣрнымъ) извѣстія о смерти сына, старый князь Болконскій уже не можетъ удержаться отъ общихъ выводовъ о безсмысленности распоряженій, «губящихъ армію, лучшихъ русскихъ людей и русскую славу». «Мерзавцы, подлецы! — закричалъ старикъ, отстраняя отъ нея (отъ княжны Марьи) лицо. — Губить армію, губить людей! За что?..» — «Батюшка, скажите мнѣ, какъ это было?» спросила она сквозь слезы. «Иди, иди, убитъ въ сраженіи, въ которомъ повели убивать русскихъ лучшихъ людей и русскую славу...»



Гр. И. С. Лаваль.

Личныя несчастія, впечатлѣнія дѣйствительности, всѣ тѣ наблюденія, которыя пришлось сдѣлать князю Андрею во время его постоянныхъ сношеній съ военнымъ начальствомъ, во время свиданій съ Аракчеевымъ, со Сперанскимъ, перевертываютъ его прежнія мнѣнія о войнѣ, и война, о которой въ разговорѣ съ Пьеромъ послѣ вечера у Анны Павловны онъ отзывается, какъ о чемъ-то неизбѣжномъ, необходимомъ, какъ о дѣлѣ, въ которомъ онъ самъ можетъ найти исходъ изъ непріятностей петербургской жизни, оказывается, наканунѣ Бородинскаго сраженія, уже «самымъ гадкимъ дѣломъ въ жизни». И еще до Бородинскаго сра-

женія, до нашествія французовъ, но послѣ вынесенныхъ впечатлѣній отъ войнъ и наблюденій надъ русскими порядками онъ говоритъ тому же Пьеру, что послѣ Аустерлица ни за что не пойдетъ служить въ армію...

«Въ началѣ зимы (1811 года), князь Николай Андреевичъ Болконскій съ дочерью пріѣхалъ въ Москву. По своему прошедшему, по своему уму и оригинальности, въ особенности по ослабленію на ту пору восторга къ царствованію императора Александра и потому антифранцузскому и патріотическому направленію, которое царствовало въ то время въ Москвѣ, князь Николай Андреевичъ сдѣлался тотчасъ же предметомъ особенной почтительности москвичей и центромъ московской оппозиціи правительству».

Появилась «оппозиція», пока еще не вполнѣ опредѣлившаяся и охотно выбирающая своимъ центромъ отживающаго князя «стараго вѣка». Это дѣтство и наивность, конечно, но нѣтъ уже прежней безмятежности и довѣрчивости, хотя нѣтъ еще и тѣхъ вполнѣ опредѣлившихся упрековъ и требованій правительству, тѣхъ организованныхъ протестующихъ силъ, которыя явятся позднѣе.

Графиня Лаваль.

Люди съ болѣе развитымъ критическимъ умомъ, съ дѣятельною мыслью видятъ настоятельную необходимость коренныхъ общественныхъ переустройствъ,— одни во имя справедливости, другіе во имя духовныхъ интересовъ того сословія, которое, по ихъ мнѣнію, является единственнымъ носителемъ человѣческаго достоинства. «Ну, вотъ ты хочешь освободить крестьянъ,—говоритъ князь Андрей Пьеру.—Это очень хорошо; но не для тебя (ты, я думаю, никого не засѣкалъ и не посылалъ въ Сибирь) и еще меньше для крестьянъ. Ежели ихъ бьютъ, сѣкутъ, посылаютъ въ Сибирь, то я думаю, что имъ отъ этого нисколько не хуже. Въ Сибири ведетъ онъ ту же свою скотскую жизнь, а рубцы на тѣлѣ заживутъ, и онъ такъ же счастливъ, какъ и былъ прежде. А нужно это для тѣхъ людей, которые гибнутъ нравственно, наживаютъ себѣ раскаяніе, подавляютъ это раскаяніе и грубѣютъ отъ того, что у нихъ есть возможность казнить право и неправо. Вотъ кого мнѣ жалко и для кого я желалъ бы освободить крестьянъ... Такъ вотъ чего мнѣ жалко—человѣческаго достоинства, спокойствія совѣсти, чистоты, а не ихъ спинъ и лбовъ, которыхъ сколько ни сѣки, сколько ни брей, все останутся такими же спинами и лбами».

Но ни эти желанія, ни наивная «оппозиція», выбирающая своимъ центромъ стараго князя Болконскаго, не вырастаютъ до размѣровъ требованій и, конечно, далеки отъ какой-нибудь организованности. Неопредѣленное недовольство можетъ быстро исчезнуть подъ вліяніемъ общаго несчастія и прежнее согласіе чувствъ и дѣйствій можетъ вновь проявиться съ прежней силой, какъ только обстоятельства покажутъ его необходимость.

Въ іюнѣ 1812 года наступаетъ этотъ моментъ, начинается періодъ послѣдняго движенія народовъ съ запада на востокъ, которое по «закону необходимости» должно завершиться обратнымъ движеніемъ съ востока на западъ. Непріятель, бывшій то нашимъ врагомъ, то союзникомъ, то побѣдителемъ, наносившимъ намъ пораженія, которыя мы праздновали, какъ побѣды, то бывшій насъ наравнѣ съ австрійцами, нашими союзниками, то бывшій австрійцевъ при нашей помощи, наконецъ, вторгается въ Россію. Какъ ни медленно идутъ извѣстія, какъ ни недовольны направленіемъ правительственной дѣятельности «оппозиціонеры», но настроеніе общее по согласности напоминаетъ то, что было въ началѣ войнъ съ Наполеономъ. Князь Андрей, который заявлялъ, что послѣ Аустерлица онъ ни за что не вступитъ въ ряды арміи, опять служитъ и опять военнымъ. Пьеръ, который когда-то находилъ нелѣпою войну противъ «величайшаго человѣка въ мірѣ», переживаетъ цѣлый рядъ настроеній, изъ которыхъ постепенно вырастаетъ увѣренность въ необходимости подвига для спасенія Россіи, убійства Наполеона. Это—наиболѣе думающіе, наиболѣе склонные къ «оппозиціи» люди. Все остальное чувствуетъ, не разсуждая, и сливается въ единомъ стремленіи, сходномъ съ тѣмъ, которое переживалъ Николай въ былыя времена. Что Петя Ростовъ, шестнадцатилѣтній мальчуганъ, переживаетъ минуты восторга при видѣ Александра I, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но въ однихъ чувствахъ съ нимъ сливается толпа молодыхъ и старыхъ чиновниковъ и купцовъ, кучеровъ и неизвѣстныхъ старухъ. Когда государь послѣ службы въ Успенскомъ соборѣ, пройдя во дворецъ и пообѣдавъ, вышелъ на балконъ, толпа, уже пережившая за этотъ день не мало волненій, вновь хлынула ко дворцу. «Ангелъ, батюшка! Ура! Отецъ!» кричали народъ и съ нимъ Петя, и опять бабы и нѣкоторые мужики послабѣе, въ томъ числѣ и Петя, заплакали отъ счастья. Довольно большой обломокъ бисквита, который держалъ въ рукѣ государь, отломившись, упалъ на перила балкона, съ перилъ на землю. Ближе всѣхъ стоявшій кучеръ въ поддевкѣ бросился къ этому кусочку бисквита и схватилъ его. Нѣкоторые изъ толпы бросились къ кучеру. Замѣтивъ это, государь велѣлъ подать себѣ тарелку съ бисквитами и сталъ кидать бисквиты съ балкона. Глаза Пети налились кровью, опасность быть задавленнымъ еще болѣе возбуждала его, онъ бросился на бисквиты. Онъ не зналъ зачѣмъ, но нужно было взять одинъ бисквитъ изъ рукъ царя и нужно было не поддаться. Онъ бросился и сбилъ съ ногъ старушку, ловившую бисквитъ. Но старушка не считала себя побѣжденною, хотя и лежала на землѣ (старушка ловила бисквиты и не попадала руками). Петя колѣнкой отбилъ ея руку, схватилъ бисквитъ и, какъ будто боясь опоздать, опять закричалъ «ура!» уже охрипшимъ голосомъ. Государь ушелъ, и послѣ этого большая часть народа стала расходиться. «Вотъ я говорилъ, что еще

Кн. Х. А. Ливенъ.

подождать, такъ и вышло», съ разныхъ сторонъ радостно говорили въ народѣ.

Чтобы испытывать такую «радость», въ восторгѣ ловить бросаемые съ балкона бисквиты, надо было видѣть въ Александрѣ I существо, дѣянія котораго сливаются съ желаніями и требованіями этой толпы.—видѣть, конечно, не сознательно, а постигать тѣмъ неуловимымъ чувствомъ, которое заставляло проливать слезы при крикахъ «ура!» и проявлять потомъ «народную волю» въ дѣйствіяхъ, согласныхъ съ дѣйствіями русской арміи.

Въ то время, какъ толпа переживала своеобразную радость около Успенскаго собора и надъ балкономъ кремлевскаго дворца, высшее сословіе тоже съ подъемомъ чувствъ готовилось къ войнѣ съ врагомъ. Сначала въ дворянскомъ собраніи, собравшемся по поводу воззванія государя, «какъ скоро дѣло касалось войны и того, для чего было собрано дворянство, толки были нерѣшительны и неопредѣленны». Но скоро все перемѣнилось: и платоническіе любители западныхъ теорій о contrat social, и ярые и неразсуждающіе сторонники «неразсужденія», всѣ стремились доказать свою готовность «положить животъ на алтарь отечества». Въ изображеніи Толстого сцена засѣданія дворянъ при обсужденіи ихъ участія въ войнѣ комична въ высокой степени: здѣсь и вполнѣ ясное пониманіе того, «гдѣ стоять предводителямъ въ то время, какъ войдетъ государь», и совершенное непониманіе того, что нужно сейчасъ для страны, и желаніе краснобайства, и тоскливые помыслы немногихъ, если не о конституціи, то хотя бы о томъ, чтобы «почтительнѣйше просить его величество комюникировать намъ, сколько у насъ войска, въ какомъ положеніи находятся наши войска и армія».

Кн. Д. Х. Ливенъ. (Пис. Лоренсъ).

Здѣсь, какъ всегда и вездѣ, пламенно-патріотическія, наиболѣе «благородныя» и болѣе всего поражающія шумихой громкихъ словъ рѣчи шулеровъ и темныхъ личностей. Наиболѣе потрясъ присутствующихъ и заслужилъ одобрительные возгласы человѣкъ «средняго роста, лѣтъ сорока, котораго Пьеръ въ прежнія времена видалъ у цыганъ и зналъ за нехорошаго игрока въ карты». «Не время разсуждать,—говорилъ голосъ этого дворянина,—а нужно дѣйствовать: война въ Россіи. Врагъ нашъ идетъ, чтобы погубить Россію, чтобы поругать могилы нашихъ отцовъ, чтобы увести женъ, дѣтей.—Дворянинъ ударилъ себя въ грудь.—Мы всѣ встанемъ, всѣ поголовно пойдемъ за царя-батюшку!—кричалъ онъ, выкатывая кровью налившіеся глаза. Нѣсколько одобряющихъ голосовъ послышались изъ толпы.—Мы русскіе и не пожалѣемъ крови своей для защиты вѣры, престола и отечества. Мы покажемъ Европѣ, какъ Россія встаетъ за Россію!» кричалъ дворянинъ.

Эта подходящая и для позднѣйшихъ временъ сцена, когда говорило не столько воодушевленіе общимъ дѣломъ, сколько желаніе показать пре-

данность и ненависть къ инако мыслящимъ, кончается, однако, общей растроганностью и слезами. Послѣ принятаго дворянствомъ рѣшенія о пожертвованіи 10 человѣкъ съ 1000 съ полнымъ обмундированіемъ, растроганный Александръ говоритъ дворянамъ короткую рѣчь «дрогнувшимъ голосомъ». Рѣчь купцамъ, собравшимся въ томъ же зданіи, въ другой залѣ, сопровождалась еще большей растроганностью. «Государь только что началъ рѣчь купцамъ, какъ слезы брызнули изъ его глазъ, и онъ дрожащимъ голосомъ договорилъ ее. Когда Пьеръ увидалъ государя, онъ выходилъ сопутствуемый двумя купцами. Одинъ былъ знакомъ Пьеру: толстый откупщикъ, другой — голова съ худымъ, узкобородымъ желтымъ лицомъ. Оба они плакали. У худого стояли слезы, но толстый откупщикъ рыдалъ, какъ ребенокъ, и все твердилъ: «И жизнь, и имущество возьми, ваше величество!»

И въ полной гармоніи съ этимъ общимъ умиленіемъ безразличныхъ, честныхъ, шулеровъ и откупщиковъ было настроеніе «конституціоналистовъ», подобныхъ Пьеру. «Пьеръ не чувствовалъ въ эту минуту уже ничего, кромѣ желанія показать, что все ему ни по чемъ и что онъ всѣмъ готовъ жертвовать (раньше волновавшіеся и ораторствовавшіе дворяне также стремились «показать, что намъ все ни по чемъ»). Какъ упрекъ ему представилась его рѣчь съ конституціоннымъ направленіемъ; онъ искалъ случая загладить это». И конституціоналистъ, человѣкъ, искренно стремившійся къ освобожденію крестьянъ, «узнавъ, что графъ Мамоновъ жертвуетъ полкъ, Безухой тутъ же объявилъ Ростопчину, что онъ отдаетъ 1000 человѣкъ и ихъ содержаніе».

Гр. Н. А. Толстой.

Долго ли держалось общее оживленіе? «На другой день государь уѣхалъ. Всѣ собранные дворяне сняли мундиры, опять размѣстились по домамъ и клубамъ и, покряхтывая, отдавали приказанія управляющимъ объ ополченіи и удивлялись тому, что они сдѣлали». Такъ изображаетъ Толстой вспышки воодушевленія со слѣдовавшимъ за ними обычнымъ, далекимъ отъ всей жизни государства, будничнымъ существованіемъ. Такъ было въ барскихъ усадьбахъ, такъ было и въ Петербургѣ. «Въ Петербургѣ въ это время въ высшихъ кругахъ съ большимъ жаромъ, чѣмъ когда-нибудь, шла сложная борьба партій Румянцева, французовъ, Маріи Ѳедоровны, цесаревича и другихъ, заглушаемая, какъ всегда, трубеніемъ придворныхъ трутней. Но спокойная, роскошная, озабоченная только призраками, отраженіями жизни, петербургская жизнь шла по-старому; изъ-за хода этой жизни надо было дѣлать большія усилія, чтобы сознавать опасность и то трудное положеніе, въ которомъ находился русскій народъ. Тѣ же были выходы, балы, тотъ же французскій театръ, тѣ же интересы дворовъ, тѣ же интересы службы и интриги».

Конечно, жизнь общества идетъ своей непрерывной чредой, часто внѣ видимаго общенія ни съ политической жизнью страны, ни даже съ

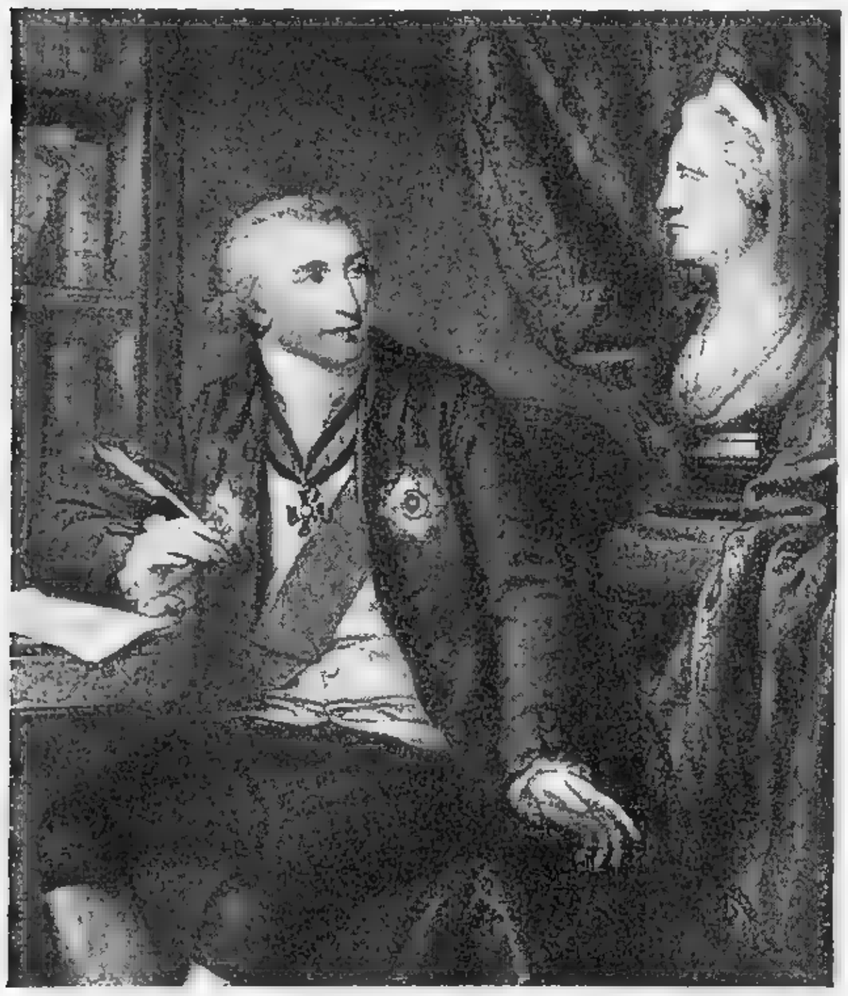
потрясающими ее внутренними или внѣшними катастрофами. Въ сильный разгаръ французскаго нашествія, когда непріятель былъ въ немногихъ десяткахъ часовъ перехода отъ усадьбы Лысыя Горы, князь Андрей видѣлъ, какъ «двѣ дѣвочки со сливами въ подолахъ, которыя онѣ нарвали съ оранжерейныхъ деревьевъ, бѣжали оттуда и наткнулись на князя Андрея. Увидавъ молодого барина, старшая дѣвочка, съ выразившимся на лицѣ испугомъ, схватила за руку свою меньшую товарку и съ ней вмѣстѣ спряталась за березу, не успѣвъ подобрать разсыпавшіяся зеленыя сливы... Новое, отрадное и успокоительное чувство охватило его, когда онъ, глядя на этихъ дѣвочекъ, понялъ существованіе другихъ, совершенно чуждыхъ ему и столь же законныхъ человѣческихъ интересовъ, какъ и тѣ, которые занимали его...» Конечно, другіе интересы и другая жизнь, чуждые общегосударственнымъ интересамъ, существуютъ и въ минуты наиболѣе потрясающихъ національныхъ катастрофъ, конечно, для многихъ эти чуждые общей жизни интересы имѣютъ большее значеніе, чѣмъ то, что переживаетъ въ данный моментъ родина, но оторваться отъ общей жизни нельзя, и эти, удивлявшіеся собственнымъ жертвамъ, дворяне вскорѣ приняли участіе въ подготовленіи того пути къ пораженію французовъ, который былъ выбранъ, по опредѣленію Толстого, «волею народа».

VI.

Непріятель приближался. Если не воодушевленіе, то безпокойство должно было вносить его движеніе. Общество, не раздираемое внутренними конфликтами, согласное до такой степени, что даже противники крѣпостного права отдавали силой тысячи своихъ мужиковъ въ солдаты, на свой счетъ обмундировывая ихъ, не могло, конечно, раздѣляться въ своихъ воззрѣніяхъ на значеніе непріятельскихъ побѣдъ. Въ торжествѣ французовъ было бѣдствіе для всѣхъ,—бѣдствіе, признаваемое и Пьеромъ, и княземъ Андреемъ, и произносившимъ патріотическую рѣчь шулеромъ, и все время рыдавшимъ на дворянскомъ собраніи графомъ Ильей Андреевичемъ Ростовымъ. Никакихъ очевидныхъ доказательствъ нашего дурного управленія, черпаемыхъ въ успѣхахъ непріятельскихъ войскъ, никто не хотѣлъ видѣть. То, что мы не разъ замѣчали потомъ въ нашей исторіи (такъ же, какъ въ исторіи другихъ народовъ),—ростъ критическаго отношенія къ порядкамъ управленія, идущій вмѣстѣ съ пораженіями нашихъ войскъ и становящійся тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ громче непріятельскія побѣды и чѣмъ ближе подходитъ непріятель, здѣсь совершенно не наблюдается. Князь Николай Андреевичъ Болконскій, который могъ послѣ Аустерлица говорить: «мерзавцы, подлецы, погубили армію, погубили лучшія русскія силы», протестовалъ противъ распоряженій, а не противъ порядковъ дарованія. Въ 12-мъ году онъ, вопреки очевидности, отказывается вѣрить успѣхамъ непріятеля и повторяетъ: «дальше Нѣмана никогда не проникнетъ непріятель». Духъ не падаетъ отъ неудачъ. Увѣренность въ успѣхѣ растетъ вмѣстѣ съ побѣдоноснымъ шествіемъ врага. Наканунѣ Бородинскаго сраженія, много выстрадавшій, скептически настроенный, желчный и озлобленный князь Андрей, готовый признать

необходимымъ разстрѣлъ плѣнныхъ для того, чтобы поразить жестокое дѣло войны еще большей жестокостью, говоритъ Пьеру о своихъ разочарованіяхъ и все-таки выражаетъ увѣренность въ побѣдѣ. «Хочешь, я тебѣ скажу, что, что бы тамъ ни было, что бы ни путали тамъ вверху,— говоритъ онъ Пьеру,—мы выиграемъ сраженіе завтра. Завтра, что бы тамъ ни было, мы выиграемъ сраженіе!»—«Вотъ, ваше сіятельство, правда, правда истинная,—проговорилъ Тимохинъ,—что себя жалѣть теперь! Солдаты въ моемъ батальонѣ, повѣрите ли, не стали водку пить: не такой день, говорятъ...»

Эта увѣренность въ побѣдѣ остается послѣ побѣдоноснаго шествія непріятеля, передъ кровопролитнѣйшимъ сраженіемъ и даже послѣ него несмотря на отступленіе. И,—въ противоположность тому, что было много позднѣе,—чѣмъ больше успѣхи непріятеля, тѣмъ сильнѣе увѣренность, что его необходимо и можно побѣдить, тѣмъ болѣе сознаніе всеобщаго страшнаго бѣдствія въ случаѣ окончательной побѣды французовъ. И если есть какой-нибудь слой населенія, возлагающій какія-то смутныя надежды на благія послѣдствія французскаго нашествія, то это—слой не интеллигентный, тотъ самый простой народъ, которому обыкновенно приписываются въ высокой степени патріотическія и ненавидящія непріятеля чувства. Да и въ этомъ слоѣ лишь небольшая часть соединяетъ съ французскимъ нашествіемъ какую-то смутную мысль о лучшей участи. Крестьяне князей Болконскихъ поражены приходомъ непріятеля, но для нихъ неизвѣстно, что сулитъ бо̀льшую бѣду, непріятельское ли нашествіе или русскіе казаки. «Противно тому, что происходило въ полосѣ Лысыхъ-горъ на шестидесятиверстномъ разстояніи, гдѣ всѣ крестьяне уходили (предоставляя казакамъ разорять свои деревни), въ полосѣ степной, въ Богучаровской, крестьяне, какъ слышно было, имѣли сношеніе съ французами, получали какія-то бумаги, ходившія между ними, и оставались на мѣстахъ... Вздившій на-днихъ съ казенною подводою мужикъ Карпъ, имѣвшій большое вліяніе на міръ, возвратился съ извѣстіемъ, что казаки разоряютъ деревни, изъ которыхъ выходятъ жители, но что французы ихъ не трогаютъ... Другой мужикъ вчера привезъ даже изъ села Вислоухова, гдѣ стояли французы, бумагу отъ генерала французскаго, въ которой жителямъ объявлялось, что и имъ не будетъ сдѣлано никакого вреда, и за все, что у нихъ возьмутъ, заплатятъ, если они останутся. Въ доказательство того мужикъ привезъ изъ Вислоухова сто рублей ассигнаціями (онъ не зналъ, что они были фальшивые), выданные ему впередъ за сѣно». Подъ вліяніемъ этихъ слу-



А. В. Нарышкинъ. (Рис. Кауфманъ).

Передъ Москвой. Ожиданіе депутаціи бояръ.

(Верещагина).

Герард Мокквон. Оживление вентиляции горла.

(Вернулось).

ховъ Богучаровскіе крестьяне рѣшаютъ не выѣзжать изъ деревни и даже не выпускать помѣщицу княжну Марью. «Когда княжна велѣла закладывать, чтобы ѣхать, мужики вышли большой толпою къ амбару и выслали сказать, что они не выпустятъ княжны изъ деревни, что есть приказъ, чтобы не вывозиться, и они выпрягутъ лошадей. Алпатычу отвѣчали, что княжну нельзя выпустить, что на то приказъ есть, а что пускай княжна остается, и они по-старому будутъ служить ей и во всемъ повиноваться»... Нѣсколькихъ ругательствъ внезапно наѣхавшаго Николая Ростова, однако, достаточно, чтобы мужики покорились и помогли вязать «зачинщиковъ».

Неопредѣленному настроенію нѣкоторыхъ крестьянъ отвѣчало вполнѣ опредѣленное стремленіе другихъ, поднявшихъ «дубину», такъ же какъ и помѣщиковъ. Бѣжать изъ деревень, уходить отъ непріятеля заставлялъ не одинъ страхъ, а желаніе сохранить свое достоинство. Княжна Марья рѣшила уѣхать во что бы то ни стало. Ея рѣшимость увеличилась послѣ того, какъ она узнала объ увѣреніи французскаго генерала Рамо, что оставшимся жителямъ ничто не угрожаетъ и что имъ будетъ оказано должное покровительство. «Чтобы князь Андрей зналъ, что она во власти французовъ! Чтобъ она, дочь князя Николая Андреевича Болконскаго, просила господина генерала Рамо оказать ей покровительство и пользовалась его благодѣяніями! Эта мысль приводила ее въ ужасъ, заставляла ее содрогаться, краснѣть и чувствовать еще не испытанные ею припадки злобы и гордости... Для нея лично было все равно, гдѣ бы ни оставаться и что бы съ ней ни было, но она чувствовала себя вмѣстѣ съ тѣмъ представительницей своего покойнаго отца и князя Андрея»...

Д. Л. Нарышкинъ.
(Пис. Гуттенбруннъ).

Итакъ, слагаемое изъ разнообразныхъ побужденій продолжается движеніе мирныхъ жителей отъ французовъ. Совершается нѣчто называемое Толстымъ то «закономъ необходимости», то «волей народа».

VII.

Война 12 года въ предѣлахъ Россіи представляется Толстымъ въ видѣ чего-то средняго между сознательнымъ стремленіемъ всего народа и безсознательнымъ исполненіемъ какой-то внѣ человѣка находящейся воли или судьбы. Когда Кутузовъ отступаетъ и противится столкновенію съ наступающимъ непріятелемъ, когда позднѣе онъ препятствуетъ задержкѣ уходящаго непріятеля,—онъ способствуетъ въ первомъ случаѣ растягиванію непріятельской линіи и ослабленію враговъ, во второмъ—очищенію Россіи отъ французовъ. И то и другое онъ совершаетъ, какъ будто за-

ранье имья въ виду опредьленную цьль и какъ будто осуществляя какую-то волю народа. «Трудно себь представить историческое лицо, дьятельность котораго такъ неизмьнно, постоянно была бы направлена къ одной и той же цьли. Трудно вообразить себь цьль болье достойную и болье совпадающую съ волей всего народа. Еще трудньe найти и другой примьръ въ исторіи, гдь бы цьль, которую поставило себь историческое лицо, была бы такъ совершенно достигнута». Это, съ одной стороны: была цьль у Кутузова, которая осуществлялась и осуществилась, была воля народа, съ которою эта цьль отдьльнаго человька вполнь сходилась. Но, съ другой стороны, было ли что-нибудь волевое, сознательное во всей этой кампаніи? Ньтъ! Потому что всь кажущіяся намъ преднамьренными дьйствія народа на самомъ дьль были естественнымъ развитіемъ событій безъ всякаго «заранье обдуманнаго намьренія». Что такое пожаръ Москвы? Осуществленіе воли народа? Приводимый въ исполненіе сознательный планъ войны, который долженъ былъ сдьлать невозможнымъ пребываніе французовъ въ столиць? Ничуть не бывало. Толстой объясняетъ: «Причинъ пожара Москвы въ томъ смыслъ, чтобъ отнести пожаръ этотъ на отвьтственность одного или ньсколькихъ лицъ, такихъ причинъ не было и не могло быть. Москва сгорьла всльдствіе того, что она была поставлена въ такія условія, при которыхъ всякій деревянный городъ долженъ сгорьть, независимо отъ того, имьются или не имьются въ городь 130 плохихъ пожарныхъ трубъ. Москва должна была сгорьть всльдствіе того, что изъ нея выьхали жители, и такъ же неизбьжно, какъ должна загораться куча стружекъ, на которую въ продолженіе ньсколькихъ дней будутъ сыпаться искры огня. Деревянный городъ, въ которомъ при жителяхъ — владьльцахъ домовъ и при полиціи бываютъ почти каждый день пожары, не можетъ не сгорьть, когда въ немъ ньть жителей, а живутъ войска, курящія трубки, раскладывающія костры на Сенатской площади изъ сенатскихъ стульевъ и варящія себь ьсть два раза въ день»... Пожаръ Москвы — не посльдствіе обдуманнаго плана, не самопожертвованіе геройскаго народа, готоваго сжечь свои домы, погубить имущество, переносить лишенія, лишь бы уничтожить общаго врага. Это—и не случайность. Пожаръ неизбьжно долженъ былъ возникнуть на основаніи закона необходимости, независимаго отъ человьческаго обдумыванія и человьческой воли. Все, что дьлалъ народъ, все, что совершалось войсками, отступавшими и воздерживавшимися отъ нападенія, совершалось согласно тому же закону.

Гр. Д. П. Бутурлинъ.

Не оставить Москву было нельзя, а оставивъ Москву и впустивъ въ нее непріятеля, уничтожали французскую армію. «Хотя и оборванные, голодные, измученные и уменьшенные до $^1/_2$ части своей прежней численности, французскіе солдаты вступили въ Москву еще въ стройномъ порядкь. Это было измученное, истощенное, но еще боевое и грозное войско. Но

это было войско только до той минуты, пока солдаты этого войска не разошлись по квартирамъ. Какъ только люди полковъ стали расходиться по пустымъ и богатымъ домамъ, такъ навсегда уничтожилось войско и образовались не жители и не солдаты, а что-то среднее, называемое мародерами». Справиться съ чужеземными «мародерами» для русскихъ войскъ и жителей, воевавшихъ съ французами въ своей странѣ, уже не представило большого труда.

Такъ, по Толстому, ни героизмъ отдѣльныхъ личностей, ни какая-нибудь особая, объединяющая всѣхъ, ненависть къ непріятелю или особое захватывающее патріотическое чувство не были той силой, которая подсказала планъ дѣйствій для цѣлесообразнаго изгнанія непріятеля. Дѣйствовала сила вещей, руководилъ законъ необходимости.

Героизмъ отдѣльныхъ личностей. Онъ былъ, конечно. Но служилъ ли онъ для той цѣли, которой такъ хорошо, по мнѣнію Толстого, достигъ Кутузовъ? Несомнѣнно геройски велъ себя князь Андрей и подъ Аустерлицемъ и подъ Бородинымъ. Героемъ въ глазахъ начальства и товарищей былъ Николай Ростовъ, атаковавшій французскихъ уланъ. Наконецъ,—историческая личность,—Багговутъ умеръ «геройской смертью. Но зачѣмъ этотъ героизмъ?» Какъ изображаетъ Толстой хотя бы смерть Багговута?

Гр. А. М. Мусинъ-Пушкинъ.

«Толь... старательно скакалъ изъ мѣста въ мѣсто и вездѣ находилъ все навыворотъ. Такъ онъ наскакалъ на корпусъ Багговута въ лѣсу, когда уже было совсѣмъ свѣтло, а корпусъ этотъ давно уже долженъ быть тамъ съ Орловымъ-Денисовымъ. Взволнованный и огорченный неудачей и полагая, что кто-нибудь долженъ быть виноватъ въ этомъ, Толь подскакалъ къ корпусному командиру и строго сталъ упрекать его, говоря, что за это разстрѣлять слѣдуетъ. Багговутъ, старый, боевой, спокойный генералъ, тоже измученный всѣми остановками, путаницею, противорѣчіями, къ удивленію всѣхъ, совершенно противно своему характеру, пришелъ въ бѣшенство и наговорилъ непріятныхъ вещей Толю. «Я уроковъ принимать ни отъ кого не хочу, а умирать съ своими солдатами умѣю не хуже другого», сказалъ онъ и съ одной дивизіей пошелъ впередъ. Выйдя на поле подъ французскіе выстрѣлы, взволнованный и храбрый Багговутъ, не соображая того, полезно или безполезно его выступленіе въ дѣло, теперь, и съ одною дивизіей, пошелъ прямо и повелъ свои войска подъ выстрѣлы. Опасность, ядра, пули были то самое, что ему было нужно въ его гнѣвномъ настроеніи. Одна изъ первыхъ пуль убила его, слѣдующія пули убили многихъ солдатъ. И дивизія его постояла нѣсколько время безъ пользы подъ огнемъ».

А вотъ распоряженія Милорадовича и грозныя атаки русскихъ на отступающихъ французовъ. «Дарю вамъ, ребята, эту колонну», говорилъ онъ (Милорадовичъ), подъѣзжая къ войскамъ и указывая кавалеристамъ на французовъ. И кавалеристы на еле двигающихся лошадяхъ, подгоняя

ихъ шпорами и саблями, рысцой, послѣ сильныхъ напряженій, подъѣзжали къ подаренной колоннѣ, т.-е. къ толпѣ обмороженныхъ, закоченѣвшихъ и голодныхъ французовъ, и подаренная колонна кидала оружіе и сдавалась, чего ей уже давно хотѣлось».

А ненависть къ непріятелю? Вотъ русскіе,—между ними Каратаевъ и Пьеръ,—въ плѣну у французовъ,—и нѣтъ слѣда ненависти между обоими непріятелями. Французы ласково называютъ Каратаева «Платошъ», обмѣниваются услугами и даже понимаютъ тончайшія движенія души одинъ другого, совершенно не понимая языка. Къ русскимъ попадаетъ въ плѣнъ французскій капитанъ Рамбаль со своимъ денщикомъ Морелемъ, и опять-таки, кромѣ заботъ и предупредительности, нѣтъ ничего въ этихъ отношеніяхъ. Но иныя чувства, иныя отношенія проявлялись сразу, какъ только какая-то внѣчеловѣческая сила воодушевляла и толкала ихъ, и тогда, не считаясь съ распоряженіями начальниковъ и остроумными планами генераловъ, все дѣлалось само собою. «Дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьихъ вкусовъ и правилъ, съ глупою простотой, но съ цѣлесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французовъ до тѣхъ поръ, пока не погибло все нашествіе».

Кн. С. И. Гагаринъ.

Такъ сила вещей и законъ необходимости подняли «дубину», которая сокрушила все. Но, сколько бы Толстой ни настаивалъ на невозможности постигнуть «совокупность причинъ», для историка сила вещей можетъ быть прочитана въ расположеніи общественныхъ силъ, въ отношеніяхъ различныхъ общественныхъ категорій, въ составѣ общества. Толстой даетъ замѣчательную картину жизни одной группы общества, и, смотря на эту картину, мы заранѣе видимъ, что окончательнаго пораженія это согласное, не раздираемое сомнѣніями, включающее въ себя дѣйствительную élite по уму и образованности такъ же, какъ по знатности, богатству, чопорности и легкомыслію общество не можетъ быть побѣждено. Кромѣ легкомыслія, которое при извѣстныхъ условіяхъ огромная слабость, при другихъ — большая сила, здѣсь — сила стойкости, сила вѣры въ невозможность другихъ общественныхъ отношеній и въ собственныя силы. Если легкомысліе побуждаетъ праздновать пораженія, какъ побѣды, и такимъ образомъ препятствуетъ критическому отношенію къ дѣйствительности, то оно же поддерживаетъ вѣру въ силы и несокрушимость, а отсутствіе сомнѣній создаетъ условія благопріятныя для согласнаго единенія въ общемъ дѣлѣ. Въ «Débâcle» Золя мы на нѣсколькихъ стахъ страницахъ знакомимся съ передвиженіями отряда, который началъ кампанію криками «à Berlin». Отрядъ идетъ въ одно мѣсто, передвигается въ другое, питается слухами, начинаетъ жить сомнѣніями, понемногу дезор-

ганизуется, теряетъ дисциплину, теряетъ стойкость. Онъ еще не встрѣтился съ непріятелемъ, но уже разбитъ, уже раздавленъ силою вещей, «печальнымъ закономъ необходимости». Въ «Войнѣ и мирѣ» — обратное. Слышно о пораженіяхъ, извѣстно о побѣдахъ непріятеля, нельзя и представить себѣ всѣхъ бѣдствій, связанныхъ съ проникновеніемъ непріятеля въ страну, но, знакомясь съ этимъ обществомъ, вы съ трудомъ вѣрите въ возможность окончательныхъ пораженій, вы видите въ его спокойствіи и стойкой вѣрѣ въ свою правоту и силу — залогъ окончательной побѣды. Вы знаете, что, дѣйствительно, объединятся въ общемъ дѣлѣ и тѣ передовые, сильные не только богатствомъ и знатностью, но умомъ, пытливостью, сознаніемъ дѣйствительнаго достоинства, элементы, которые позднѣе почти совсѣмъ покинутъ «первенствующее сословіе», и другіе, чванные, ищущіе «рублей, крестовъ и чиновъ». Въ Бородинскомъ сраженіи князь Андрей лежитъ смертельно раненый рядомъ съ глупымъ, пошлымъ, гаденькимъ и животно-красивымъ Анатолемъ Курагинымъ. Въ партизанской войнѣ принимаютъ участіе, рядомъ съ честнымъ гулякой и рубакой Васькой Денисовымъ, чистый увлекающійся, славный мальчикъ, Петя Ростовъ и органически-испорченный, наглый, храбрый до дерзости дуэлянтъ и шулеръ Долоховъ. И даже Пьеръ, который никакъ не могъ найти себѣ мѣста въ обществѣ, который колебался между дипломатіей и военной службой, который искалъ правды при помощи масоновъ и признавалъ когда-то Наполеона величайшимъ человѣкомъ въ мірѣ, — даже Пьеръ чувствуетъ необходимость возложить на себя бремена тяжкія для работы въ общемъ дѣлѣ. Передъ нимъ раскрывается неизбѣжность самопожертвованія, необходимость убійства Наполеона и орудіемъ убійства, мстителемъ за бѣдствія родины, за несчастія человѣчества долженъ быть не кто иной, какъ онъ самъ, Пьеръ Безуховъ или, какъ перенначивалъ онъ въ своихъ вычисленіяхъ и стремленіяхъ подогнать свое имя къ числу 666, l'Russe Besuhof. Угрожавшая ему смертная казнь, плѣнъ, лишенія были послѣдствіемъ этой его рѣшимости пожертвовать собой ради спасенія Россіи отъ французовъ. А рядомъ съ этой готовностью Пьера, князя Андрея, Пети Ростова, Долохова и даже Анатоля Курагина жертвовать жизнью,—готовность другихъ бросить имущество ради общаго дѣла. Наташа Ростова предлагаетъ бросить все имущество, собранное и связанное на десяткахъ подводъ, и отдать подводы подъ раненыхъ, которыхъ вмѣстѣ съ здоровыми надо отправить изъ Москвы; съ наставленіями увлекающейся дѣвочки соглашается старый графъ, ея отецъ, и даже графиня-мать, раньше утверждавшая, что здѣсь «на 100 тысячъ добра» и что «на раненыхъ есть правительство», даже она соглашается, что общее дѣло должно вытѣснить частные интересы, и отдаетъ подъ раненыхъ подводы, предназначенныя для «добра».

С. С. Апраксинъ. (Изъ Лампи).

Такъ и народъ, поднявшій «дубину», и различные элементы избраннаго общества, будущіе «декабристы» такъ же, какъ графъ Милорадовичъ, павшій позднье жертвой декабристовъ,—всѣ сходились въ одномъ чувствѣ, всѣ работали въ одномъ общемъ дѣлѣ. Было нѣчто, находившееся внѣ воли отдѣльныхъ лицъ, былъ «законъ необходимости», сдѣлавшій неминуемымъ разгромъ французской арміи, но такъ, какъ изображаетъ дѣло Толстой, самое построеніе, самый духъ всего общества способствовали осуществленію этого закона. «Люди, имѣющіе наибольшее желаніе драться, всегда поставятъ себя и въ наивыгоднѣйшія условія для драки», говоритъ Толстой, объясняя успѣхъ финала войны для русскихъ. Но чтобы имѣть желаніе драться и проявлять его рядомъ съ другими, которыхъ, несмотря на различіе мнѣній, вкусовъ, духовной организаціи, признаешь сотоварищами,—для того, чтобы имѣть такое страстное не сдерживаемое сомнѣніями желаніе, надо не волноваться разъединяющими вопросами, которые позднѣе будутъ захватывать значительную часть русскаго общества. Тогда этихъ вопросовъ не было или, во всякомъ случаѣ, они не имѣли той остроты, которую получили много позднѣе.

VIII.

Война, какъ и ночь, porte conseil. То общество, которое пережило войну 12-го и слѣдующихъ лѣтъ, которое отправило многихъ своихъ сочленовъ въ Парижъ и потомъ, встрѣтивъ въ Россіи ихъ возвращеніе, стало отдыхать отъ всего пережитаго,—это общество было уже не тѣмъ, какимъ въ 1805 году входило въ салонъ Анны Павловны. Былъ другой строй мысли, другіе разговоры, иной родъ отношеній. Появились вопросы, которые прежде и не снились мудрецамъ салона, стали разсуждать въ иномъ направленіи, стали искать сближеній не на основаніи личныхъ симпатій, а руководствуясь соображеніями политическими, тѣми или иными воззрѣніями на государственныя учрежденія. Понятіе объ этомъ было, конечно, и прежде, но тогда оно не принимало видъ недовольства, недовольство не имѣло степени остроты. Тогда Пьеръ и князь Андрей, люди близкіе по желанію

Е. П. Ростопчина.

найти истину, разсуждали по возвращеніи изъ салона Анны Павловны о личной судьбѣ, о теоретическихъ вопросахъ, не касающихся перемѣнъ строя въ Россіи и неудовлетворительности ея государственныхъ порядковъ. Ихъ волновалъ Бонапартъ, участіе или неучастіе Россіи въ войнѣ съ нимъ; ихъ занималъ вопросъ, сдѣлается ли Пьеръ военнымъ или дипломатомъ, уѣдетъ ли князь Андрей на войну и

почему уѣдетъ, возможно ли существованіе народовъ безъ войны или нѣтъ. Теперь вопросы — иные и иная острота разговоровъ.

Между 12 и особенно 1805 и 1820 годами — пропасть, которая въ романѣ Толстого ничѣмъ не заполнена. Мы не знаемъ, чѣмъ и какъ въ восьмилѣтній періодъ между изгнаніемъ французовъ и полнымъ миромъ 1820 года жило великосвѣтское общество, какія впечатлѣнія получало оно изъ походной жизни, изъ другихъ слоевъ населенія. Романъ оставляетъ «войну» и даетъ нѣсколько сценокъ «мира». Но въ этихъ сценкахъ мы видимъ приближеніе новой надвигающейся войны, уже не съ внѣшнимъ непріятелемъ, а войны внутренней. Мы видимъ, что страшныя испытанія, пережитыя русскимъ обществомъ, не могли пройти безслѣдно: мысль направилась на критику общественныхъ отношеній, появились признаки общественнаго расчлененія и новой группировки общественныхъ стремленій и намѣреній.

То мирное согласіе, съ которымъ жило общество, посѣщавшее салонъ Анны Павловны въ 1805 году, тотъ странный симбіозъ князя Андрея и Ипполита Курагина, Пьера Безухова и князя Василія, — симбіозъ, который изображенъ въ началѣ романа, могъ продолжаться лишь до тяжелыхъ потрясеній, испытанныхъ русскимъ обществомъ за время Отечественной войны. Только полное спокойствіе, полный миръ, внутренній и внѣшній, могутъ удержать князя Андрея на одной дорогѣ съ Анатолемъ, могутъ сдѣлать изъ Пьера послушнаго исполнителя желаній князя Василія. «Органическій» періодъ кончается съ пробужденіемъ сильной критической мысли, а это пробужденіе неизбѣжно послѣ того, что видѣли князья Андреи и Пьеры за время войны въ Россіи, что видѣли русскія войска за границей.

Московскій предводитель дворянства П. Х. Обольяниновъ.
(Съ портрета Боровиковскаго).

До войны наиболѣе самостоятельные умы общества шли позади правительства. Князь Андрей исполнялъ не собственный самостоятельно выработанный планъ, когда принималъ мѣры, дѣлавшія изъ крѣпостныхъ крестьянъ «вольныхъ хлѣбопашцевъ». Онъ шелъ за правительствомъ, за тѣми членами его, которые совмѣщали въ себѣ maximum тогдашней прогрессивной мысли. Онъ дѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы сохранить свою самостоятельность, но не могъ, видя въ нѣкоторыхъ членахъ правительства людей, которые далеко обогнали его въ помыслахъ о томъ, что нужно для государства. Князь Андрей видѣлъ въ Сперанскомъ, напримѣръ, «разумнаго, строго мыслящаго, огромнаго ума человѣка, энергіей и упорствомъ достигшаго власти, употребляющаго ее только для блага Россіи. Сперанскій въ глазахъ князя Андрея былъ именно тотъ человѣкъ,

разумно объясняющій всѣ явленія жизни, признающій значительнымъ только то, что разумно, и ко всему умѣющій прилагать мѣрило разумности, которымъ онъ самъ такъ хотѣлъ быть. Все представлялось такъ просто, ясно въ положеніи Сперанскаго, что князь Андрей невольно согласился съ нимъ во всемъ. Ежели онъ возражалъ и спорилъ, то только потому, что хотѣлъ нарочно быть самостоятельнымъ и не совсѣмъ подчиняться мнѣніямъ Сперанскаго». Если за этимъ увлеченіемъ послѣдовало разочарованіе, то оно касалось нѣкоторыхъ сторонъ характера Сперанскаго, а не существа того несомнѣннаго положенія, что правительство шло не только впереди общества, но и впереди наиболѣе передовыхъ членовъ этого общества.

Теперь, въ 1820 году, отношенія иныя. Правительство не удовлетворяетъ; оно идетъ позади общественныхъ требованій, оно не можетъ объединять около себя наиболѣе прогрессивные и мыслящіе элементы. Оно возбуждаетъ противъ себя однихъ, находитъ мало думающихъ защитниковъ въ другихъ; его дѣятельность способствуетъ расчлененію великосвѣтскаго общества по политическимъ убѣжденіямъ и соціальнымъ взглядамъ. Теперь Пьеръ, возвратясь изъ Петербурга, говоритъ, что внутреннія дѣла идутъ «скверно» и не только это — его собственное замѣчаніе, но мнѣніе «всѣхъ». «Всѣ видятъ, что дѣла идутъ такъ скверно, что это нельзя такъ оставить, и что обязанность всѣхъ честныхъ людей противодѣйствовать по мѣрѣ силъ». Онъ поясняетъ далѣе свою мысль: «Въ судахъ воровство, въ арміи одна палка: шагистика, поселеніе,—мучатъ народъ; просвѣщеніе душатъ. Что молодо, честно, то губятъ! Всѣ видятъ, что это не можетъ такъ итти. Все слишкомъ натянуто и непремѣнно лопнетъ», говорилъ Пьеръ (какъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ правительство, вглядѣвшись въ дѣйствія какого бы то ни было правительства, всегда говорятъ люди). И хотя такіе разговоры ведутся «съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ правительство», но не ими характеризовались бесѣды друзей въ 1805 году. Ни Пьеру, ни князю Андрею, ни Николаю, или подобнымъ имъ не приходилось со второго слова натыкаться на вопросы объ отношеніи къ правительству и къ несовершенствамъ русской государственной машины. Тогда въ семьѣ Ростовыхъ недовольство между сочленами могло возникать только изъ-за большихъ денежныхъ тратъ или изъ-за желанія сына, въ минуту предстоящаго денежнаго краха, жениться на безприданницѣ. Теперь по ничтожному поводу безъ желанія спорить и высказываться возникаютъ недоразумѣнія. Денисовъ за обѣдомъ разспрашиваетъ возвратившагося Пьера «то о только что случившейся исторіи въ Семеновскомъ полку, то объ Аракчеевѣ, то о библейскомъ обществѣ». «Библейское общество, это теперь — все правительство», отвѣчалъ Пьеръ. «Это что же, mon cher ami?—спросила графиня, отпившая чай и, видимо, желая найти предлогъ

Толстой—отецъ.

Разстрѣлъ французскихъ поджигателей.

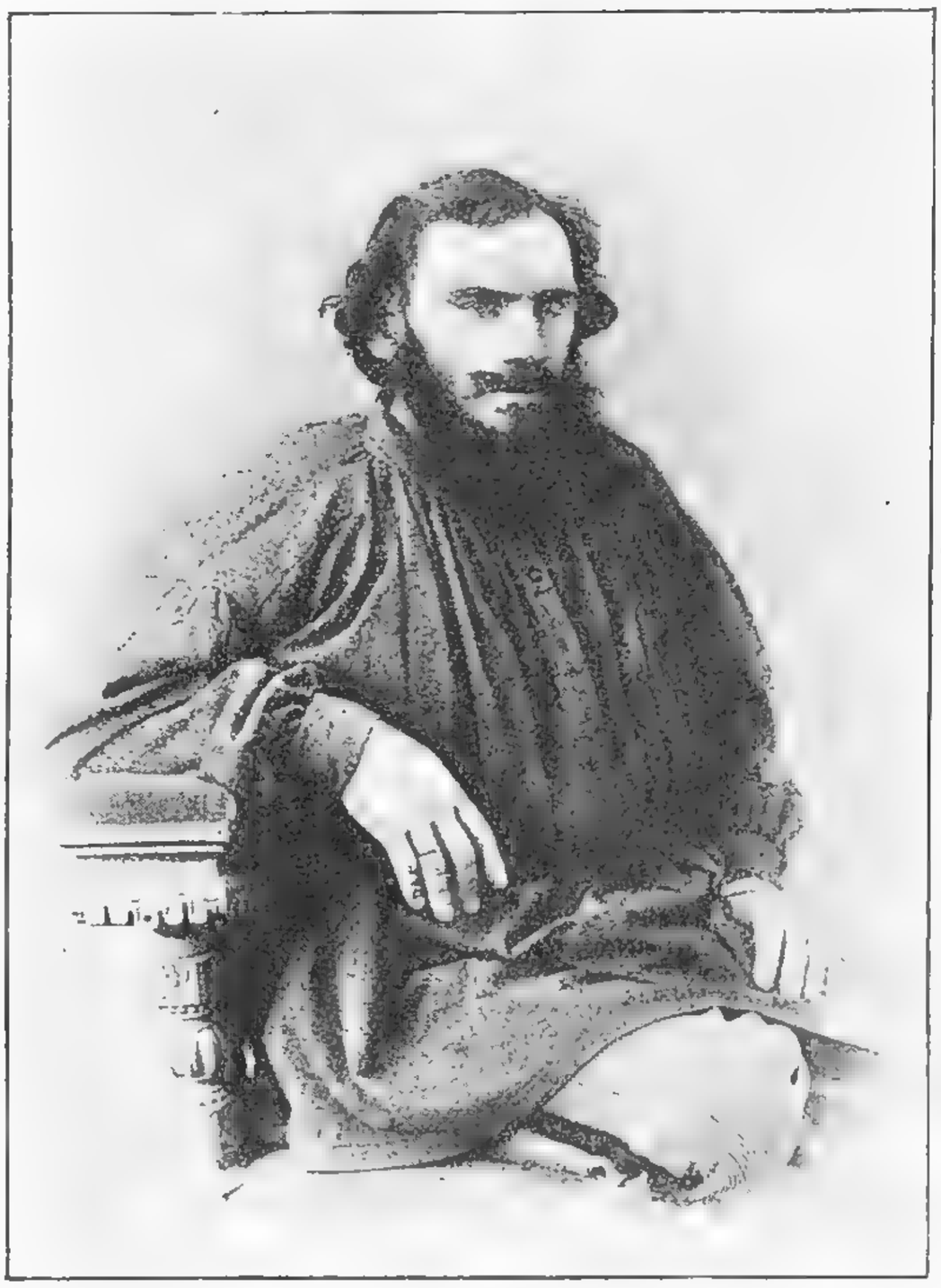
(Шебуева).

Реестръ фрашузскихъ подписателей.

(Шестое)

для того, чтобы посердиться послѣ пищи.—Какъ это говоришь: правительство? Я это не пойму».—«Да знаете, maman,—вмѣшался Николай, знавшій, какъ надо было переводить на языкъ матери,—это князь А. Н. Голицынъ устроилъ общество, такъ онъ въ большой силѣ, говорятъ».—«Аркачеевъ и Голицынъ,—неосторожно сказалъ Пьеръ,—это теперь все правительство. И какое! Во всемъ видятъ заговоры, всего боятся».—«Что жъ, князь Александръ Николаевичъ-то чѣмъ же виноватъ? Онъ очень почтенный человѣкъ. Я встрѣчала его тогда у Марьи Антоновны,—обиженно сказала графиня и, еще больше обиженная тѣмъ, что всѣ замолчали, продолжала:—Нынче всѣхъ судить стали. Евангелическое общество,—ну, что жъ дурного?» и она встала (всѣ встали тоже) и съ строгимъ видомъ поплыла въ диванную къ своему столу.

Это, конечно, не принципіальный раздоръ, но это—указаніе на то направленіе, въ которомъ возможны раздоры. Если семейный обѣдъ не обходится безъ разногласій по вопросу о «правительствѣ», хотя бы въ той наивной формѣ, какъ понимаетъ это графиня, то какъ надѣяться, что въ обществѣ не возникнетъ распаденія мнѣній не по поводу вопроса о назначеніи министромъ того-то, генералъ-губернаторомъ того-то, а по поводу самой формы правленія и средствъ къ ея перемѣнѣ? И дѣйствительно, малѣйшее продолженіе разговора уже приводитъ къ столкновенію между Пьеромъ, будущимъ декабристомъ, и Николаемъ Ростовымъ, недалекимъ, но по-своему честнымъ, бывшимъ гусарскимъ офицеромъ, который, по натурѣ своей, склоненъ къ тому, чтобы «не разсуждать», а или повиноваться приказаніямъ или самому бить въ зубы. «Я тебѣ скажу,—говоритъ Николай Ростовъ Пьеру,—ты лучшій другъ мой, ты это знаешь, но составь вы тайное общество, начни вы противодѣйствовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долгъ повиноваться ему. И вели мнѣ сейчасъ Аракчеевъ итти на васъ съ эскадрономъ и рубить,—ни на секунду не задумаюсь и пойду. А тамъ суди, какъ хочешь».



Л. Н. Толстой. (Крамского).

Возможны ли теперь тѣ согласныя отношенія, которыя такъ ярко выступаютъ въ періодъ первыхъ войнъ съ Наполеономъ такъ же, какъ въ эпоху Отечественной войны? Эти люди, идя вмѣстѣ, уже не будутъ однимъ тѣломъ и одной душой. И не потому только, что они различныхъ

убѣжденій, а потому, что критическая способность однихъ значительно переросла тѣ формы политической жизни, въ которыхъ этимъ людямъ приходится законно дѣйствовать, потому что прямой выводъ изъ всѣхъ разсужденій Пьера — внѣзаконное дѣйствіе и противодѣйствіе правительству. «Mot d'ordre пусть будетъ не одна добродѣтель, но независимость и дѣятельность... Мы только для того, чтобы Пугачовъ не пришелъ зарѣзать и моихъ и твоихъ дѣтей и чтобъ Аракчеевъ не послалъ меня въ военное поселеніе, — мы только для этого беремся рука съ рукой, съ одною цѣлью общаго блага и общей безопасности». А Денисовъ, одинъ изъ героевъ партизанской войны, носящій мундиръ отставного генерала, прибавляетъ къ словамъ Пьера о томъ, что творится у насъ, о тайныхъ обществахъ, нѣмецкомъ тугенбундѣ. «Все скверно и мерзко, я согласенъ; только тугенбундъ я не понимаю; а не нравится—такъ бунтъ, вотъ это такъ. Je suis votre homme».

Какъ будто передъ нами два разныя общества... Одно—дремлющее и спокойное, плачущее отъ радости при видѣ Александра I, способное просыпаться только подъ громъ барабановъ и крики: «громъ побѣды раздавайся»; другое — возбужденное, недовольное, восклицающее: «если бунтъ, je suis votre homme». Уже нѣтъ прежняго единенія въ дѣйствіяхъ, выборѣ карьеры, въ направленіи дѣятельности, какъ бы различно ни было духовное содержаніе этихъ отдающихъ себя одной дѣятельности людей. Теперь разъединеніе полное: для однихъ представляется невозможной законная дѣятельность, другіе видятъ себя въ необходимости выступить противъ «бунта». Идиллія внутренняго мира кончилась, началась внутренняя борьба. Война 12-го года, соединившая всѣхъ по закону необходимости, для осуществленія «народной воли», привела на о снованіи того же закона къ разъединенію общественныхъ элементовъ, къ той войнѣ, которая послѣ того длилась, затихала, возобновлялась, принимала различныя формы и различныя степени остроты, и которая не кончилась до сихъ поръ.

Такъ изображаетъ Толстой измѣненія общественной физіономіи въ началѣ XIX-го вѣка. Историческіе взгляды великаго писателя, его объясненія различныхъ моментовъ войны, дѣйствій военачальниковъ, вліянія личностей и массъ не разъ оспаривались и подвергались критикѣ. Но, каковы бы ни были эти взгляды, картина общественной жизни, эволюціи отношеній въ томъ слоѣ общества, который интересуетъ Толстого,—картина яркая и цѣльная поражаетъ своей жизненностью и близостью къ дѣйствительности.

И. Игнатовъ.

Торжественное возвращеніе с.-петербургскаго ополченія на Исакіевскую площадь, гдѣ было воздано Богу благодарственное моленіе. Іюня 12 дня 1814 г. (И. Ивановъ).

III. Ополченія 1812 года [1]).

А. К. Кабанова.

I.

Идея ополченія или милиціи не была новостью для эпохи Отечественной войны. Еще раньше, въ 1806—1807 гг., правительство нашло нужнымъ встать на путь усиленнаго вооруженія. Манифестомъ 30 ноября 1806 г. объявлено было составленіе милиціи—всего предполагалось собрать 612 тысячъ.

Вопросъ о милиціи вызвалъ къ жизни рядъ письменныхъ сужденій—мы видимъ въ нихъ доводы и pro и contra. Естественнымъ, такъ сказать, насущнымъ мотивомъ при составленіи милиціи являлась опасность отъ возраставшаго могущества Наполеона; этотъ мотивъ, конечно, прежде всего выдвигался сторонниками милиціи; но былъ и другой мотивъ, если не столь бьющій въ глаза своей безусловностью, но все-таки очень солидный въ глазахъ авторовъ проектовъ. Одинъ изъ нихъ сенаторъ Тутолминъ, охарактеризовавъ «время рекрутскихъ наборовъ, какъ

---

1) Статья составлена не только на основаніи печатныхъ матеріаловъ, но и данныхъ, добытыхъ въ архивахъ Нижняго-Новгорода.

періодическій кризисъ народной скорби», видитъ выходъ изъ этого положенія въ милиціи, которая «споспѣшествуетъ въ войнѣ успѣхамъ оружія, а въ мирное время порядку и тишинѣ, не обременяя народа». Однимъ словомъ, этотъ проектъ въ мотивахъ своихъ напоминаетъ аракчеевскія начинанія по насажденію военныхъ поселеній—и тамъ и здѣсь авторы задаются трудно исполнимою цѣлью, создавъ солдата, сохранить земледѣльца.

Милиція 1806 г. покончила свое существованіе съ большой выгодой для дворянъ—эти менѣе годные въ военномъ отношеніи элементы, чѣмъ рекруты, по разрѣшенію правительства «безъ разбору» переводились въ составъ рекрутовъ, такъ что въ 1807 г. не пришлось прибѣгать къ набору послѣднихъ. Но это распоряженіе рѣзко противорѣчило словамъ манифеста, призывавшаго милиціонеровъ на временное служеніе. «Когда благословеніемъ Всевышняго усилія Наши и вѣрноподданныхъ Нашихъ, на защищеніе отечества... увѣнчаны будутъ вожделѣнными успѣхами... тогда... сіи ополченія Наши положатъ оружіе, возвратятся въ свои домы и семейства, собственнымъ ихъ мужествомъ защищенные, гдѣ вкусятъ плоды мира, столь славно пріобрѣтеннаго». Крѣпостная масса, откуда, главнымъ образомъ, и составлялась милиція, была обманута; по даннымъ офиціальнаго историка, изъ 200 съ небольшимъ тысячъ милиціи 177 тысячъ остались служить въ сухопутномъ войскѣ и во флотѣ.

Подобный фактъ не могъ, конечно, пройти безслѣдно въ памяти народной—тяжелый осадокъ недовѣрія остался у народа, и правительство, черезъ 6 лѣтъ, въ памятный 1812 годъ, вызванное къ формированію новыхъ чрезвычайныхъ силъ, не могло не считаться съ этимъ настроеніемъ. Въ своихъ разъясненіяхъ оно подходитъ къ этому вопросу, но весьма поверхностно, какъ-бы внѣшне, играя словами. «Вся составляемая нынѣ внутренняя сила не есть милиція или рекрутскій наборъ, но временное вѣрныхъ сыновъ Россіи ополченіе, устрояемое изъ предосторожности въ подкрѣпленіе войска и для надлежащаго охраненія отечества». Противорѣча себѣ, правительство заявляло, что ополченіе не есть милиція, и сравнивало теперь послѣднюю съ рекрутскимъ наборомъ, но не такъ говорило оно въ манифестѣ 1806 г.

II.

6 іюля 1812 г. изданъ былъ манифестъ о сборѣ ополченія; манифестъ очень общій, почти не дающій указаній о способахъ сбора: «полагаемъ мы за необходимо нужное,—говорилось тамъ,—собрать внутри государства новыя силы, которыя нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ». Далѣе указывалось, что ополченія должны собираться по всѣмъ губерніямъ, что дворянство само выбираетъ начальника ополченія и о количествѣ собранной силы даетъ знать въ Москву. Подобная общность манифеста, конечно, нуждалась въ толкованіи, и правительство 18 іюля выпускаетъ новый манифестъ, которымъ ограничиваетъ сборъ ратниковъ 16 губерніями.

Ополченія этихъ губерній были разбиты на три округа; первые два для защиты столицъ, третій — какъ бы резервный по отношенію къ первымъ двумъ [1]).

Правительство сознавало всю громоздкость подобнаго ополченія, если его провести во всѣхъ губерніяхъ, сознавало и тѣ неудобства, которыя повлечетъ оно за собою; еще въ 1806 г. указывалось, что эта масса вооруженнаго люда опасна «въ отношеніи политическомъ». «Если прежде,—разсуждалъ авторъ одного изъ проектовъ о милиціи,—безграмотный донской казакъ... возмутилъ народъ и потрясалъ основаніе государства», то «нынѣ мятежный, предпріимчивый, а можетъ-быть, и болѣе просвѣщенный умъ не встрѣчаетъ ли 600 тысячъ человѣкъ для себя уже готовыхъ». «Далѣе, разсуждаетъ тотъ же авторъ—эта мѣра подѣйствуетъ на государственное хозяйство, она «потрясаетъ земледѣліе и промышленность; слѣдовательно, истощаетъ силы государства». Извѣстный генералъ Ѳедоръ Уваровъ поддерживаетъ это мнѣніе: «всякаго рода ремесло, торговля, фабрики и прочія заведенія должны непремѣнно пріостановиться».

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что эти соображенія были налицо и въ начинаніяхъ правительства 1812 г., они заставляли его отказаться отъ громоздкаго, можетъ-быть, милліоннаго ополченія, которое собралось бы у него при безусловномъ проведеніи въ жизнь началъ манифеста 6 іюля.

Ограничивая сборъ ополченія опредѣленными губерніями, правительство руководствовалось, конечно, прежде всего цѣлями стратегическими—оградить обѣ столицы и держать наготовѣ солидный резервъ. У насъ есть указанія, что правительство пыталось сорганизовать такія же ополченія на обоихъ флангахъ нашей арміи — на сѣверѣ такимъ флангомъ являлась армія Витгенштейна, къ ней были присоединены большая часть ополченій второго округа (меньшая часть тѣхъ же ополченій вмѣстѣ съ ополченіями тверскимъ и ярославскимъ усиливала собою отрядъ генерала Винцингероде, охранявшій дорогу изъ Москвы въ Петербургъ). Но кромѣ этого были попытки сорганизовать ополченіе въ Псковской губерніи изъ бѣлорусскихъ бѣглецовъ; дворянству Лифляндской губерніи предложено было: или устроить ополченіе съ 10 душъ по одному воину

---

[1]) Ополченія перваго округа формировались гр. Ф. Ростопчинымъ въ губерніяхъ: Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской, Калужской и Смоленской; во второй округъ входили губерніи Петербургская и Новгородская — сначала начальникомъ его былъ выбранъ Кутузовъ, а позднѣе по назначеніи его главнокомандующимъ всѣми арміями, г.-л. Меллеръ-Закомельскій. Третій округъ находился въ вѣдѣніи гр. Толстого — его составляли губерніи: Казанская, Нижегородская, Пензенская, Костромская, Симбирская и Вятская. Численный составъ ополченій мы возьмемъ изъ офиціальнаго изданія (Столѣтіе Военнаго Министерства, IV ч., I кн., I т., стр. 71).

Московское	ополченіе	31959 ч.
Смоленское	„	13632 „
Тульское	„	15841 „
Ярославское	„	11482 „
Тверское	„	11172 „
Владимірское	„	10698 „
Рязанское	„	14669 „
Калужское	„	16043 „
С.-Петербургское	„	14731 „
Новгородское	„	10010 „
Нижегородское	„	11132 „
Пензенское	„	7859 „
Костромское	„	9976 „
Симбирское	„	9663 „
Казанское	„	2885 „

Ополченцы 1812 г. Кал. губ. (Изъ колл. Булычева).

(норма, принятая московскимъ дворянствомъ), или же подчиниться рекрутскому набору съ 50 душъ одного. Ополченіе лифляндское создавалось и раньше, но очень неудачно — дворянство не показало никакого рвенія, да и при этомъ запросъ оно остановилось на рекрутскомъ наборѣ. На югѣ ополченіе сорганизовалось въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ въ количествѣ очень солидномъ (до 50 т.); оно дѣйствовало съ успѣхомъ противъ непріятеля во время его отступленія. На крайнемъ юго-западѣ ополченія организовать не удалось; дворянство не только не сочувствовало ему, но, по сообщенію волынскаго губернатора, «готово было на большія пособія противной сторонѣ». Къ югу же позднѣе были двинуты силы 3 округа.

Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ ясно, что правительство, принимая эту благоразумную мѣру, учитывало цѣлый рядъ другихъ условій, неблагопріятствующихъ организаціи ополченія.

III.

«Отрадно приступить къ изображенію, какъ возстала Россія при обнародованіи манифеста 6 іюля», говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ войны 12 года. Да, это была сильная эпоха, пожалуй, эпоха кризиса, когда ярче проявились настроенія массъ, отдѣльные характеры, но, именно, эта особенность эпохи не даетъ права освѣщать ее черезчуръ однотонно; нужно въ томъ патріотическомъ подъемѣ, который проявился въ то время, показать своего рода градацію. Были люди, которые жертвовали всѣмъ, были, наоборотъ, такіе, которые пользовались моментомъ для удовлетворенія своихъ личныхъ выгодъ.

Извѣстный богачъ графъ Дмитріевъ-Мамоновъ всецѣло отдался дѣлу ополченія; молодой, неуравновѣшенный, онъ не зналъ вначалѣ, на

чемъ остановиться—то хочетъ сдѣлать милліонное пожертвованіе, то говоритъ о снаряженіи пѣхотнаго полка, то приступаетъ уже къ снаряженію коннаго. Онъ торопитъ крестьянъ къ пожертвованіямъ, благодаритъ ихъ за щедрость, закупаетъ лошадей, ищетъ себѣ въ полкъ ремесленниковъ. Онъ въ самой горячей перепискѣ со своими приказчиками: понуждаетъ ихъ, разъясняетъ, что имъ непонятно. Для обмундированія полка наличныхъ денегъ не хватало даже у такого богача, не даромъ современникъ пишетъ о немъ: «полкъ Мамонова былъ замѣчательно щегольски обмундированъ, имѣлъ всѣ смѣны одежды для солдатъ и неимовѣрное количество бѣлья, часть котораго была оставлена на мѣстѣ, такъ какъ невозможно было взять его съ собою». Не хватаетъ денегъ, графъ проситъ въ долгъ у своихъ крестьянъ, посылаетъ приказчика въ Петербургъ, гдѣ живутъ, должно-быть, нѣкоторые изъ его разбогатѣвшихъ крестьянъ, проситъ въ долгъ подъ расписку, подъ залогъ бриллiантовъ.

Рядомъ съ нимъ мы можемъ поставить херсонскаго помѣщика Скаржинскаго. Хотя сборъ ополченія здѣсь былъ отмѣненъ, Скаржинскій снарядилъ и выставилъ баталіонъ въ 100 человѣкъ и повелъ его въ армію Чичагова, гдѣ самъ не разъ участвовалъ въ бояхъ.

Но этимъ примѣрамъ патріотизма, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, мы можемъ противопоставить другіе. Вотъ свидѣтельства гр. Ростопчина, котораго никто, конечно, не обвинитъ въ желаніи развѣнчивать дворянъ. Онъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «Въ минуту, когда губернскій (московскій) предводитель закончилъ свою рѣчь, нѣсколько голосовъ воскликнуло: «Нѣтъ, не по 4 со ста, а по сту съ тысячи, вооруженныхъ и съ продовольствіемъ на три мѣсяца»... Предположеніе губернскаго предводителя было справедливо и благоразумно; но два голоса, первые захотѣвшіе дать больше, чѣмъ предложено

Ополченцы Кал. губ. въ 1812 г. (Изъ колл. Булычева).

было главою дворянства, принадлежали двумъ весьма различнымъ лицамъ. Одинъ былъ умный и предлагалъ мѣру, которая ему ничего не стоила. Другой человѣкъ «съ здоровыми легкими былъ подлъ, глупъ и дурно принятъ при дворѣ». Въ письмѣ къ императору гр. Ростопчинъ открываетъ намъ образчикъ другого вида патріотизма, когда люди обѣщаютъ, не не думаютъ о своихъ обѣщаніяхъ.

«Тайный совѣтникъ Демидовъ и камергеръ князь Гагаринъ просили дозволить каждому изъ нихъ обмундировать полкъ; однако они объ этомъ и не позаботились. Первый изъ нихъ пробылъ нѣкоторое время въ арміи, гдѣ его поведеніе было весьма подозрительно. Второй отправился изъ Можайска въ Нижній-Новгородъ, откуда онъ воротился сюда. Демидовъ имѣетъ 300 тысячъ годового дохода, Гагаринъ столько же, но они и не думаютъ выполнить обязательство, принятое ими на себя добровольно...»

Ту картину разномыслія, что наблюдали мы среди дворянъ, можно подмѣтить и среди духовенства и купечества. На ряду съ высокими образцами патріотизма среди священниковъ и монаховъ, мы находимъ письма изъ монастыря, гдѣ читаемъ: «мимо насъ прошла оная злая буря... доходило и до обители не мало оскорбленія и хлопотъ, какъ-то: денегъ вытребовано много, изъ братіи нашей нѣкоторыхъ хотѣли ухватить и отдать, однако съ Божіей помощью никого не выдали». То же разнообразіе рѣчей, взглядовъ, чувствованій мы наблюдаемъ и среди купечества. Съ одной стороны, умилительныя картины пожертвованій подъ краснорѣчивымъ перомъ гр. Ростопчина, производящія тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что авторъ оттѣняетъ ихъ осудительной характеристикой дворянства, а съ другой—интересное свидѣтельство очевидца А. Бестужева-Рюмина, которое говоритъ намъ о корыстолюбіи московскихъ торговцевъ.

«До воззванія къ первопрестольной столицѣ — Москвѣ государемъ императоромъ, въ лавкахъ купеческихъ сабля и шпага продавались по 6 р. и дешевле; пара пистолетовъ тульскаго мастерства 8 и 7 р.; ружье и карабинъ того же мастерства 11, 12 и 15 р., дороже не продавали; но когда прочтено было воззваніе императора и учреждено ополченіе противу врага, то та же самая сабля или шпага стоила уже 30 и 40 р.; пара пистолетовъ 35 и даже 50 р.; ружье, карабинъ не продавали ниже 80 р. и проч. Купцы видѣли, что съ голыми руками отразить непріятеля нельзя и безсовѣстно воспользовались этимъ случаемъ для своего обогащенія. Мастеровые, какъ-то: портные, сапожники и другіе утроили или учетверили цѣну своей работы,—словомъ, все необходимо нужное, даже съѣстные припасы, высоко вздорожали».

IV.

Правительство ждало отъ русскаго общества жертвъ и личныхъ и имущественныхъ. Дворянамъ предстояла двоякая жертва: они должны были и лично поступать въ ополченіе и жертвовать своимъ капиталомъ—крестьянами. Люди другихъ свободныхъ состояній тоже могли нести двой-

Сквозь пожаръ.

(Верещагина).

Сквозь дождь.

(Вспышки).

ную жертву: поступали лично на службу и несли возможную долю пожертвованій. Крестьяне государственные не привлекались непосредственно къ ополченію, эта обязанность ложилась всецѣло на плечи помѣщичьихъ крестьянъ и тѣмъ рѣзче подчеркивалось ихъ безправіе.

Ростопчинъ, въ силу своей должности генералъ-губернатора, хорошо освѣдомленный въ настроеніи отдѣльныхъ общественныхъ классовъ, пишетъ: «Увольненіе казенныхъ крестьянъ отъ ополченія наравнѣ съ помѣщичьими произвело дурныя слѣдствія». Дѣйствительно, въ данномъ случаѣ лишній разъ и особенно рѣзко подчеркивалось, что крестьянинъ, «подданный» помѣщика, и ничѣмъ, даже жизнію своею, хотя бы для такой высокой цѣли, какъ польза отечества, не можетъ онъ располагать. Можетъ-быть, въ сознаніи крестьянина эта служба, эта тяжелая жертва государству соединялась съ волей отъ крѣпостной зависимости. Мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ, но такіе добровольцы были. Одинъ изъ нихъ дворовый человѣкъ помѣщика Павла Бѣльскаго Евтихъ Михѣевъ явился въ Дорогобужское отдѣленное для записи ратниковъ присутствіе съ просьбой зачислить его въ число ополченцевъ, но его патріотическій поступокъ крѣпостническая Россія могла оцѣнить только «за побѣгъ», и онъ былъ отосланъ къ городничему «для поступленія съ нимъ по закону».

Ген.-лейт. бар. Меллеръ-Закомельскій.
(Муз. 1812 г.).

V.

Дворянство, собираясь въ губернскихъ городахъ, опредѣляло уравнительный размѣръ пожертвованій людьми; это одно уже, конечно, лишало пожертвованіе характера добровольности. Но этого мало — правительство вмѣшивалось въ эти постановленія дворянъ само. Пропорція пожертвованія воинами въ разныхъ губерніяхъ была весьма различна; въ то время, какъ московскіе дворяне постановили доставить со 100 душъ 10 воиновъ въ полномъ вооруженіи и съ провіантомъ на три мѣсяца, Лифляндскій ландтагъ, по донесенію курляндскаго губернатора Сиверса, согласился выставить съ того же числа душъ лишь 1 воина.

Въ такихъ случаяхъ правительство выступало на путь принужденій, оно, такъ сказать, уравнивало всѣ пропорціи и склонно было повышать ихъ, доводя до того числа, которое было предложено московскимъ дворянствомъ. Эту пропорцію (10:1) оно предложило лифляндскимъ дворя-

намъ, до той же цифры оно старалось довести ополченіе 3 округа, которое первоначально выставляло по 4 воина со 100 душъ (25:1). Позднѣе эта цифра была сбавлена, былъ объявленъ только дополнительный наборъ по два воина съ сотни душъ. Но даже такъ, сравнительно въ смягченномъ видѣ, проведенный въ жизнь дополнительный наборъ вызвалъ цѣлый рядъ недоразумѣній; одинъ изъ помѣщиковъ Нижегородской губерніи сомнѣвался даже въ законности этого набора въ виду того, что онъ не читалъ приказанія приступить къ его осуществленію: «а всѣ именныя высочайшія государя императора повелѣнія, относящіяся до повинностей, есть не секретъ, а публикуются во всей имперіи». Здѣсь очень рѣзко подчеркнуто, что этотъ наборъ разсматривается самими помѣщиками не какъ добровольное пожертвованіе, а какъ «повинность».

Посмотримъ, какъ исполняютъ этотъ общественный долгъ («усердіе отечеству») по мнѣнію однихъ, эту повинность по мнѣнію другихъ?

Помѣщики-бѣдняки пишутъ слезныя прошенія начальникамъ ополченій, указывая на тяжелыя условія своей жизни. За помѣщикомъ Тайдаковымъ Нижегородской губерніи числится 13 душъ, а берутъ воина. «Въ числѣ этихъ 13 душъ,—объясняетъ онъ въ своемъ прошеніи,—состоитъ не болѣе какъ 4 тягла, составляющія единственное съ женою и двоими дѣтьми пропитаніе, и кромѣ сего нѣтъ уже другого средства къ моему проживанію; напротиву большепомѣстный, у коего 12 душъ въ остаткѣ»—онъ проситъ бросить между ними жребій. Другой помѣщикъ указываетъ, что за взятыми ополченцами у него остается всего двое взрослыхъ крѣпостныхъ.

Перейдемъ въ богатыя помѣстья, какъ тамъ совершается этотъ наборъ?

Передъ нами гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, кн. А. Голицынъ и гр. Орловъ-Давыдовъ,—все богачи, владѣльцы огромныхъ помѣстій. Попробуемъ сопоставить ихъ отношеніе къ этому набору.

Мы видѣли, какъ относился къ нему гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, онъ видѣлъ въ немъ дѣло своей чести, свое личное дѣло.

Кн. Голицынъ—человѣкъ набожный, но и разсчетливый. Съ самаго начала онъ рекомендуетъ мягкое, хотя и настойчивое отношеніе къ крестьянамъ, онъ совѣтуетъ «съ тихостью и вразумительнымъ образомъ» растолковать разницу между рекрутскимъ наборомъ и ополченіемъ, въ которомъ чувствуется лишь «временная надобность»; далѣе онъ обѣщаетъ освободить тѣхъ, кто пойдетъ въ ополченіе, на нѣсколько лѣтъ отъ рекрутчины и на текущій годъ отъ оброка и, уже подъ конецъ, онъ переходитъ къ угрозѣ: «тѣ, кто отказываются, повинны будутъ отвѣтствовать передъ Богомъ и судомъ, установленнымъ монаршіей властью». Далѣе, въ томъ же отеческомъ тонѣ, онъ рекомендуетъ: «давъ жребій семьянистымъ и богатымъ домамъ, выбрать изъ нихъ и представить натурою или покупкою, предоставя сію послѣднюю произвесть на ихъ волю [1]). Семьи, гдѣ много малолѣтокъ, совсѣмъ не подлежатъ жребію».

---

[1]) Здѣсь видимъ мы, что крестьянамъ разрѣшалось покупать на свой счетъ, но, конечно, отъ имени помѣщика ратника со стороны.—То же, только еще въ болѣе рѣшительной и откровенной формѣ, наблюдалось въ имѣніи графа Орлова-Давыдова. Помѣщикъ пишетъ своему приказчику: „позволяется по согласію одному помѣщику ставить людей своихъ за другого. Итакъ, ежели будутъ желающіе изъ крестьянъ купить себѣ, то могутъ оное сдѣлать“. Одинъ же нижегородскій помѣщикъ открыто писалъ начальнику ополченія кн. Грузинскому, что онъ не представилъ опол-

Выбравъ должныхъ воиновъ съ своихъ помѣстій, кн. Голицынъ такъ же детально и, если хотите, добродушно входитъ въ разсмотрѣніе вопроса объ ихъ снаряженіи: недоволенъ приказчикомъ, слегка журитъ его, требуетъ отчетности, почему истрачено такъ много—на каждаго ратника по 60, 70 руб., когда въ силу хорошее обмундированіе обходится въ 40, 45 руб. Въ отвѣтъ на это заявленіе хозяина приказчикъ отвѣчаетъ оригинальнымъ оправданіемъ, изъ котораго мы узнаемъ, что даже у этого безусловно понимающаго свой долгъ и не плохо относящагося по тѣмъ временамъ къ крестьянамъ помѣщика въ ополченіе сбывалось самое худшее изъ крѣпостной деревни.

«По отдачѣ ратниковъ употреблено 874 р. 88 к. болѣе потому, что на хлѣбъ и харчевые припасы въ то время была цѣна необыкновенная. Къ тому же ратники, кромѣ годныхъ 8 человѣкъ, поступили старые и увѣчные; къ тому же многіе были таковые, что жили въ вотчинѣ по старости лѣтъ, неспособности къ домоводству и по малоумію безъ тяголъ, питались отъ подаянія милостыни, которыхъ сбыть, кромѣ сего случая, было невозможно. Дабы не объявили къ принятію ихъ пороковъ, я велѣлъ старостѣ ихъ содержать и кормить лучше. Платья на нихъ, кромѣ шляпъ, сапоговъ и даннаго награжденія куплено не было, а всякій поступилъ въ своемъ».

М. А. Мамоновъ.

Если мы прибавимъ къ этому запросъ помѣщика, «за что» взяты въ ополченіе, то мы поймемъ, что здѣсь, въ этомъ имѣніи, далеко не все обстоитъ благополучно.

Вотъ это «за что»—основной мотивъ дѣйствій гр. Орлова-Давыдова. Въ своемъ предписаніи приказчику онъ пишетъ: «наблюдать очередь между крестьянъ въ рекрутствѣ поставленную, пьяницъ, мотовъ, непрочныхъ для вотчины отнюдь не беречь, хотя бы за нѣкоторыми и очереди не было». Такимъ образомъ, онъ склоненъ спустить съ рукъ все нравственно негодное изъ своей деревни, пользуясь тѣмъ, что при опредѣленіи годности ополченца допускались болѣе широкія льготныя рамки, при-

---

ченцевъ, потому что вмѣсто своихъ закупилъ у другого помѣщика, а тотъ медлитъ. Кн. Грузинскій вполнѣ согласился съ такимъ толкованіемъ обязанностей помѣщика и права его покупать людей со стороны для поставки ихъ въ ополченіе. А между тѣмъ едва ли это было такъ. Во-первыхъ, существовалъ законъ, еще очень свѣжій по тому времени (1804 г.), о томъ, чтобы не принимать рекрутовъ, купленныхъ ранѣе, чѣмъ за три года до момента набора. А если даже ополченцы прямо не подлежали буквѣ этого закона, то сущность этого закона смягчить несправедливости крѣпостного права страдала, конечно, и въ томъ случаѣ, если покупали со стороны ополченца. Но не забудемъ, что въ тѣхъ случаяхъ, если кто-либо на свой рискъ вербовалъ часть войска (полкъ, эскадронъ), не участвуя въ составѣ общаго ополченія (какъ, напримѣръ, гр. Дмитріевъ-Мамоновъ), ему разрѣшалось вербовать воиновъ какъ изъ своихъ крѣпостныхъ, такъ и изъ людей свободныхъ состояній, заключая съ ними особо установленные договоры—„капитуляціи“. Здѣсь ясно указано, что крѣпостныхъ крестьянъ покупать съ этою цѣлью не разрѣшалось.

нимались люди съ значительными недостатками, иногда съ уродствомъ даже—гр. Орловъ-Давыдовъ старается и здѣсь разстаться со всѣмъ старымъ, болѣзненнымъ, негоднымъ. Но оказывается, эта дѣятельность помѣщика и его приказчиковъ («домовая его сіятельства контора») находитъ соотвѣтствующій откликъ среди сельскаго міра. «Бургомистръ и выборные отъ міра разбиратели» прямо безжалостны въ этомъ отношеніи и идутъ, пожалуй, впереди предписаній графской домовой конторы. Крестьянинъ Иванъ Филипповъ подалъ заявленіе о желаніи своемъ итти добровольно въ рекруты, прося у общества за это 100 рублей. Но одновременно съ этимъ отецъ этого Ивана, попавшій въ ополченіе, обращается также съ просьбою: «перемѣнить себя изъ воиновъ означеннымъ сыномъ». Нужно имѣть въ виду, что изъ этой семьи выправляли рекрута еще въ 1811 г. Но общество, перерѣшая этотъ вопросъ, останавливается на своемъ прежнемъ рѣшеніи, такъ мотивируя его: Филипповъ еще въ 1808 г. вызвалъ своими «продерзностными» поступками рѣшеніе домовой конторы, «чтобы его отдалить отъ вотчины, гдѣ бы пропасть могъ задаромъ»; теперь же общество утверждаетъ, что онъ, Филипповъ, «не исправится, поелику онъ не только не проченъ господину и обществу во крестьянехъ, но и себѣ вреденъ».

Крѣпостническая атмосфера деревни не разрѣшалась отъ переживаемаго момента, можетъ-быть, потому, что само нашествіе Наполеона мало чувствовалось здѣсь, въ Нижегородской губерніи, и старые интересы наживы и сведеніе личныхъ счетовъ оставались налицо.

Однако почти ту же картину мы видимъ и въ Петербургѣ, гдѣ «благоснисходительный» пріемъ ратниковъ и амуниціи вызывалъ удовольствіе среди дворянъ. «Пріемъ здѣсь въ ополченіе идетъ самый благоснисходительный и скорый, безъ всякой остановки, какъ въ платьѣ, такъ и въ провіантѣ, пишутъ изъ Петербурга въ Ярославль. Всѣ несказанно довольны пріемщиками, т.-е. начальниками окружными, которые обращаются благородно во всемъ и со всѣми, а потому уже и набрали болѣе четырехъ тысячъ. Ни амуниціи ни людей не бракуютъ, а принимаютъ, полагаясь на владѣльцевъ, какихъ они представляютъ. Дай Богъ, чтобъ такимъ образомъ было и по Ярославлю».

VI.

Понятно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу части дворянства—нужно было ожидать, что ополченіе не будетъ вполнѣ на высотѣ своего положенія.

Въ ополченіе принимались даже съ меньшимъ разборомъ, чѣмъ въ рекруты въ этотъ годъ. 12 сентября 1812 года государь утвердилъ облегченныя для пріема рекрутъ правила. Эти правила были еще облегчены для ополченцевъ, но при пріемѣ ихъ не всегда выдерживались даже эти правила; приведенная таблица показываетъ, насколько понижены были требованія отъ ополченца въ сравненіи съ рекрутомъ; показываетъ далѣе на примѣрахъ, взятыхъ изъ данныхъ Нижегородской губерніи, какихъ зачастую физическихъ уродцевъ представляли къ пріему, какъ производился

этотъ пріемъ, какъ вначалѣ при первомъ медицинскомъ осмотрѣ склонны были браковать поступающихъ, а потомъ главный врачъ, иногда послѣ изслѣдованія въ лазаретѣ, выносилъ болѣе суровое для ополченца рѣшеніе. Рѣшеніе врачей санкціонировалъ начальникъ ополченія, иногда расходясь съ ихъ авторитетомъ.

Составъ ополченія въ отношеніи ихъ здоровья былъ мало надеженъ, въ возрастѣ наиболѣе крѣпкомъ была приблизительно $^1/_3$ ополченія. Это, конечно, рѣзко отразилось на смертности, на болѣзняхъ ополченцевъ. Нижегородское ополченіе не выдержало боевой школы, какъ петербургское и новгородское; оно кочевало на Глуховъ, на Курскъ, на Кіевъ, далѣе на биваки въ Волынскую губернію, отсюда за границу, гдѣ участвовало подъ Дрезденомъ, и, наконецъ, черезъ Гродно возвращается домой. Приходилось совершать длинные переходы съ небольшими суточными отдыхами, итти цѣлыми мѣсяцами. Ополченцы шли въ лаптяхъ, сзади плелись обывательскія подводы съ больными, и вездѣ, по крупнымъ городамъ, каждый полкъ сдавалъ по десяткамъ, а иногда и по сотнямъ, своихъ больныхъ. Вотъ цифры по третьему Нижегородскому полку — по списку 2260 человѣкъ вмѣстѣ съ офицерами, при выступленіи полкъ былъ пополненъ до 2365. Въ рапортѣ, поданномъ полковымъ командиромъ при возвращеніи, указана общая цифра въ 2.320 безъ офицеровъ:

Гр. К. К. Сиверсъ. (Пис. Боровиковскій.)

Обратилось въ первобытное состояніе	1327
Осталось въ госпиталяхъ:	
Русскихъ	211
Заграничныхъ	218
Умерло	408
Убито въ сраженіяхъ	28
Пропало безъ вѣсти	38
Бѣжало	24
Выбыло въ конный полкъ	24
Въ командировкѣ	56
	2320

Но нужно замѣтить, что въ черновикѣ рапорта насчитано умершихъ 452 и еще прибавлено «не всѣ». Прежде всего и бросаются въ глаза эти цифры больныхъ и умершихъ, въ сравненіи съ убитыми. «Жестокая зима, непривычка къ трудностямъ солдатской жизни, большіе переходы и другія причины произвели множество болѣзней», говоритъ участникъ костромского ополченія. Къ этимъ «другимъ причинамъ» нужно прежде всего отнести физическую слабость ополченцевъ.

Но и та $^1/_3$ ополченцевъ, которая по своимъ физическимъ качествамъ была вполнѣ приспособлена къ солдатской жизни, далеко не во всемъ составѣ годилась для настоящей арміи. Сюда попало много нравственно негодныхъ элементовъ. Вотъ почему случаи побѣговъ въ ополченіи на добрую половину падаютъ на пьяницъ; на этой почвѣ также случались самоубійства, чаще нечаянныя; упадетъ въ рѣку, замерзнетъ въ безчувственномъ состояніи.

И все же физически слабые, малонравственные ополченцы заслуживали общее одобреніе въ бою, таково свойство русскаго солдата. Когда прислали въ армію московскихъ и смоленскихъ ополченцевъ, главнокомандующій разставилъ ихъ въ третью шеренгу войска, и они, начиная съ Бородина, показали себя стойкими и храбрыми. Робертъ Вильсонъ, генералъ англійскій, прикомандированный къ русской арміи, хорошо отзывается о нихъ.

«Я видѣлъ милицію, которая съ своими пиками выходитъ на сраженіе съ такою же увѣренностью, какъ и регулярно вооруженныя войска, и возвращается съ добычею, взятою у убитыхъ, раненыхъ и захваченныхъ ими непріятелей. До сихъ поръ не было ни одного случая, чтобы они уходили съ постовъ своихъ, и многіе дѣйствуютъ въ третьихъ рядахъ линейной пѣхоты». Гр. Витгенштейнъ при штурмѣ Полоцка, занятаго войсками маршала Сенъ-Сира, дожидался ополченцевъ Петербурга и Новгорода и сразу поставилъ ихъ на соотвѣтственные посты. Они смѣло выдержали свое боевое крещеніе, всѣ офицеры были ранены.

Это было самое славное дѣло, гдѣ участвовали ополченцы. Но и здѣсь оказались нѣкоторыя отрицательныя черты въ организаціи ополченія—ополченцы были недисциплинированы, они не слушались начальства; передавали, что какъ разъ подъ Полоцкомъ ихъ не могли сдержать никакія приказанія ихъ начальниковъ; они дурно обращались съ плѣнными, на что есть указанія во французскихъ мемуарахъ.

VII.

Подобную неподготовленность ополченія нужно объяснить неподготовленностью офицерскаго состава.

Офицерство пополнялось изъ дворянъ. Порядокъ пополненія былъ слѣдующій: на дворянскомъ собраніи постановляли общее положеніе—дворянинъ не можетъ отказываться отъ службы. Затѣмъ по уѣздамъ предводители дворянства составляли списки «дворянамъ, пребывающимъ въ помѣстьяхъ своихъ и находящимся при должностяхъ по выборамъ». Въ этихъ спискахъ указывались года дворянина, положеніе здоровья его въ текущій моментъ и желаніе или нежеланіе его служить. На этомъ спискѣ начальникъ ополченія дѣлалъ свои помѣтки, выбирая, такимъ образомъ, будущихъ офицеровъ и назначая имъ опредѣленныя должности. Ополченія первыхъ двухъ округовъ, повидимому, были укомплектованы должнымъ составомъ офицеровъ, но на третій ополченскій округъ дворянъ уже не хватало. Передъ нами подобный списокъ дворянъ, живущихъ по

помѣстьямъ и служащимъ по выборамъ, составленный васильскимъ предводителемъ дворянства — здѣсь всего лишь 23 фамиліи, возрастъ распредѣленъ въ такомъ порядкѣ:

60	и болѣе	лѣтъ	2
50	»	»	5
45	»	»	2
40	»	»	3
35	»	»	4
30	»	»	4
25	»	»	3

изъ нихъ 15 лицъ показали себя больными, 11 признаны таковыми и только 7 выбраны въ ополченіе.

Но вотъ уже формируются полки, а полковые командиры рапортуютъ своему начальнику, что половины офицеровъ нѣтъ налицо. Начальники же ополченій заваливаются прошеніями. Вотъ подпоручикъ Пирожковъ. Ему 52 года. Онъ пишетъ, что согласился на службу и назначенъ «по провіантской части», но болѣзнь его усилилась, онъ проситъ освободить его. «Я одержимъ, — пишетъ онъ князю Грузинскому, начальнику нижегородскаго ополченія, — болѣзнью, глухимъ почечуемъ, который весьма рѣдко открывается, отчего ежечасно имѣю величайшую боль въ поясницѣ, то же самое въ головѣ, которая приводитъ въ немалую слабость и частое затменіе памяти, притомъ наводитъ глазамъ тупость зрѣнія». Поручикъ Гобуніевъ избранъ дворянами и назначенъ въ третій полкъ, а между тѣмъ еще въ 1807 г. онъ «получилъ жестокій параличный ударъ, отъ коего имѣетъ ослабѣвшую руку и ногу», сверхъ того, у него падучая. Онъ нигдѣ не служитъ — изъ милиціи 6 года его уволили, уволили также и отъ должности арзамасскаго уѣзднаго судьи — онъ полный инвалидъ и проситъ освободить его. Повидимому, и Гобуніевъ и Пирожковъ были освобождены отъ службы. Но вотъ одинъ изъ тѣхъ васильскихъ дворянъ, которыхъ одобрили и предводитель дворянства Травинъ и кн. Грузинскій, капитанъ Низкопоклонниковъ. Въ шведскую войну онъ получилъ ушибы, появились на ногахъ цинготныя язвы. Дважды обращался онъ къ кн. Грузинскому, но тотъ не удовлетворилъ его прошенія. Начальники полковъ, вызывая на службу манкирующихъ офицеровъ ополченія, требовали, чтобы они являлись немедленно, «не дѣлая никакихъ отговорокъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ и

Ю. Н. Голицынъ. Въ формѣ ополченца.

Таблица физическаго состоянія ополченцевъ.

	ПО РЕКРУТСКИМЪ НАБОРАМЪ.	Общія положенія по ополченію.	Доставляютъ или добровольно поступаютъ.	ПРИНИМАЮТЪ съ помѣтками врачей и начальниковъ ополченій.	НЕ ПРИНИМАЮТЪ
Возрастъ.	Обычно отъ 19 до 37 л., по правиламъ 12 сентября 1812 г. отъ 18 до 40.	17—45, даже старше годомъ или двумя (О.-Д.); отъ 20 до 45 л. (к. А. Г.)	Изъ духовнаго званія 16, 15, 14, 13 и даже 12 лѣтъ.	Послушникъ Воробьевъ (добр. дух.) 12 лѣтъ. Ученикъ Михайло Зефировъ (добр. дух.) 13 лѣтъ; «за старостью не годенъ», *годенъ*. Изъ сотни нижегородскихъ ополченцевъ семеновской округи, взятыхъ по счету, оказалось: отъ 17 до 20 лѣтъ вкл.—44 чел. » 21 » 35 » » —34 » » 36 » 45 » » —22 »	«15 лѣтъ и косъ обоимъ глазомъ» (добр. дух.), «12 лѣтъ за малымъ ростомъ» (добр. дух.), «16 лѣтъ по малолѣтству» (добр. дух.), «12 лѣтъ за малолѣтствомъ» (добр. дух.), «старъ и почти всѣхъ зубовъ нѣтъ», «старообразъ, на лѣвой рукѣ вереда», «старъ и слабъ», «старъ и дряхлъ», «за старостью 52 года», «50 лѣтъ», «малолѣтенъ и слабъ».
Ростъ.	Не менѣе 2 арш. 3½ вершк., съ 1811 г.—2 арш. 3 вершк., по прав. 12 сент. 1812 г. 2 арш. 2 вершк.	«Какого бы ни было, только бы не карлы» (О.-Д.); «несмотря на ростъ» (А. Г.)	Малорослый. (О.-Д.)	«Слабъ и малъ», способенъ, годенъ.	«За малымъ ростомъ» 12 лѣтъ, (добр. дух.), «карла».
Общія условія. Недомоганіе.	«Допустить имѣющихъ такого рода тѣлесные пороки или недостатки, кои не могутъ служить препятствіемъ маршировать, носить амуницію, владѣть и дѣйствовать ружьемъ». 12 сент. 1812 г.	«Несмотря на неважные тѣлесные недостатки». (О.-Д.) «Неспособныхъ къ пріему не представлять». (гр. Д. М.)		«Весь болѣзненный»—здоровъ, годенъ.	«Болѣзненъ», «щедушенъ», «слабъ здоровьемъ».
Неправильности и болѣзни головы, черепа.	«Не бракуютъ съ маловажными наростами на черепѣ, не препятствующими носить киверъ или каску». 12 сент. 1812 г.		«Потому что на головѣ знакъ вредный, по которому не остался бы впредь не принятымъ въ рекруты». (О.-Д.)		«По головной болѣзни».
Состояніе умственныхъ способностей.				«Малоуменъ и сердца припадки», здоровъ, годенъ; «за малоуміемъ къ службѣ совсѣмъ не способенъ» — должно испытать, по испытаніи оказался годенъ; «совсѣмъ дуракъ», здоровъ, годенъ; «совсѣмъ глупъ», способенъ, *годенъ;* «глухъ и глупъ», не глухъ и не глупъ; способенъ, *годенъ;* «страдаетъ безумствомъ», годенъ; «глухъ и простъ», годенъ.	«За глухостью и глупостью»; «страдаетъ безуміемъ», въ полномъ умѣ, *не годенъ;* «за малоуміемъ», «полоуменъ».
Волосы	«Не браковать рѣдковолосыхъ». 12 сент. 1812 г.	«Плѣшивыхъ не бракуютъ». (О.-Д.)			
Глаза.	«Не бракуютъ разноглазыхъ и косыхъ, ежели только зрѣніе имъ позволяетъ прицѣливаться ружьемъ; съ бѣльмами и пятнами на лѣвомъ глазу». 12 сент. 1812 г.	«Кривые, хотя бы и правымъ глазомъ, только бы другой былъ совершенно здоровъ». (О.-Д.)	«По случаю на глазу бѣльма». (О.-Д.). «За негодностью по случаю на глазахъ бѣлицъ». (О.-Д.)	«Лѣвый глазъ внутри поврежденъ, а правый слабъ, неспособенъ», здоровъ, годенъ.	«Косъ обоимъ глазомъ и 15 лѣтъ» (добр. дух.), «слѣпъ на правый глазъ» (добр. дух.), «кривъ на лѣвый глазъ и слабъ здоровьемъ», «старъ и слѣпъ и безъ зубовъ», не старъ, не слѣпъ, здоровъ; *неспособенъ;* «за слѣпотою», «по глазной боли», «косъ и на обоихъ глазахъ бѣльма».

Слухъ.				«Глухъ», не глухъ, здоровъ, *годенъ;* «глухъ и глупъ», не глухъ и не глупъ, годенъ, *годенъ;* «глухъ и простъ», годенъ.	«За глухостью и глупостью», «глухъ и простъ», «совершенно глухъ», «глухъ, изъ уха матерія течетъ».
Рѣчь.	«Не браковать заикъ и косноязычныхъ, если только могутъ сколько - нибудь объясняться». 12 сент. 1812 г.				«На языкѣ наростъ съ ранами, отчего говорить еле можетъ».
Зубы.	«Не браковать не имѣющихъ до 6 или 8 зубовъ боковыхъ, лишь бы только въ цѣлости были передніе, для скусыванія патроновъ необходимые». 12 сент. 1812 г.	«Хотя бы не имѣли 7 или 8 зубовъ». (О.-Д.)		«Старъ и многихъ зубовъ нѣтъ», здоровъ и способенъ, *годенъ.*	«Старъ и почти всѣхъ зубовъ нѣтъ», «зубовъ почти всѣхъ нѣтъ, но сложенія самаго здороваго».
Руки, пальцы на нихъ.	«Не браковать имѣющихъ на лѣвой рукѣ одинъ какъ-либо сведенный палецъ, не препятствующій заряжать и дѣйствовать ружьемъ». 12 сент. 1812 г.	«Не имѣющихъ на рукахъ одного пальца, хотя бы и указательнаго, кромѣ большого». (О.-Д.)	«За отгноеніемъ на рукѣ пальцевъ». (О.-Д.)	«Лѣвая рука худо владѣетъ, притомъ боленъ животомъ, притомъ дурковатый», ничѣмъ не боленъ, годенъ; «костяной наростъ на правой рукѣ, неспособенъ», *годенъ;* «два сведенные пальца на правой рукѣ, неспособенъ», здоровъ, годенъ.	«Лѣвая рука переломлена» (добр. дух.), «у лѣвой руки у большого пальца перваго сустава нѣтъ и боленъ онымъ пальцемъ» (добр. дух.), «переломъ кости лѣвой руки», «мизинецъ приросъ, не можетъ держать пику», «пальцы сведены», «не сгибаются», «лѣвая рука высохла», «одинъ палецъ высохъ», «правая рука тоньше и не владѣетъ», «пальцы отморожены».
Ноги, пальцы на нихъ.	«Не браковать съ недостаткомъ одного пальца на ногѣ, если это ходьбы рекрута не затрудняетъ». 12 сент. 1812 г.	«Также не имѣющіе на ногахъ одного пальца, кромѣ большого». (О.-Д.)	«Отгноилъ умышленно палецъ на ногѣ». (О.-Д.)	«Нога не сгибается, неспособенъ», нога лѣвая сведена, неспособенъ, *годенъ;* «лѣвое колѣно повреждено, неспособенъ», по испытаніи оказался годенъ; «у правой ноги подъ колѣномъ жилы въ большомъ напряженіи, неспособенъ», принимаютъ и въ рекруты, годенъ.	«За переломомъ ноги», «обѣ ноги въ ранахъ и ломятъ», «послѣ долговременной болѣзни ломятъ и пухнутъ ноги», «правая нога въ колѣнкѣ не сгибается, крива, такъ что обтирается нога объ ногу».
Туловище: грудь, плечи.				«Возомъ раздавило грудь и виду слабаго, неспособенъ», всѣмъ здоровъ и грудь высокая, годенъ; «отъ ушибу бревномъ поврежденъ въ корпусѣ, неспособенъ», по пріемѣ бѣжалъ и пойманъ за 7 верстъ, здоровъ, способенъ; «слабъ въ корпусѣ», притворствуетъ, здоровъ.	«За расшибомъ лѣваго плеча не взятъ».
Животъ.					«Брюхо необыкновенной величины, затвердѣлое и къ груди на брюхѣ желваки».

Примѣчаніе: Сокращенія: О.-Д.—предписанія гр. Орлова-Давыдова; к. А. Г.—кн. Алек. Голицына; г. Д.-М.—гр. Дмитріева-Мамонова; «добр. дух.»—доброволецъ изъ духовныхъ. Курсивомъ напечатаны резолюціи главнаго врача, разгонистымъ шрифтомъ—резолюціи начальника ополченія.

большому недостатку въ полкахъ военной силы чиновниковъ». И несмотря на это они не являлись. Вотъ что пишетъ другой начальникъ ополченія (полтавскаго) Трощинскій, человѣкъ искренне преданный своему дѣлу: «Всякій часъ получаю отзывъ, что избранные чиновники, подъ предлогомъ болѣзней и другихъ причинъ, безстыдно уклоняются отъ службы».

Какъ объяснить это явленіе? У насъ есть объясненіе современника. Посмотримъ, можно ли принять его. А. Шаховской, извѣстный въ свое время драматическій писатель, служилъ въ тверскомъ ополченіи, гдѣ, повидимому, замѣчалось то же явленіе. Онъ такъ пытается объяснить его. Природные дворяне «въ старинномъ смыслѣ этого слова» всѣ пошли служить, а помѣщики, схватившіе кое-какъ офицерскіе чины или добравшіеся по приказамъ даже до 9 класса и купившіе на промышленныя деньги «деревни», «старались отлынять подъ разными предлогами отъ дальнѣйшихъ безпокойствъ и на зиму убраться въ теплыя хоромы свои». Это мнѣніе, очевидно, пристрастно; въ авторѣ чувствуется гоноръ стараго дворянства, протестовавшаго при императрицахъ Аннѣ и Екатеринѣ противъ «уподленія породы», противъ «выскочекъ по выслугѣ».

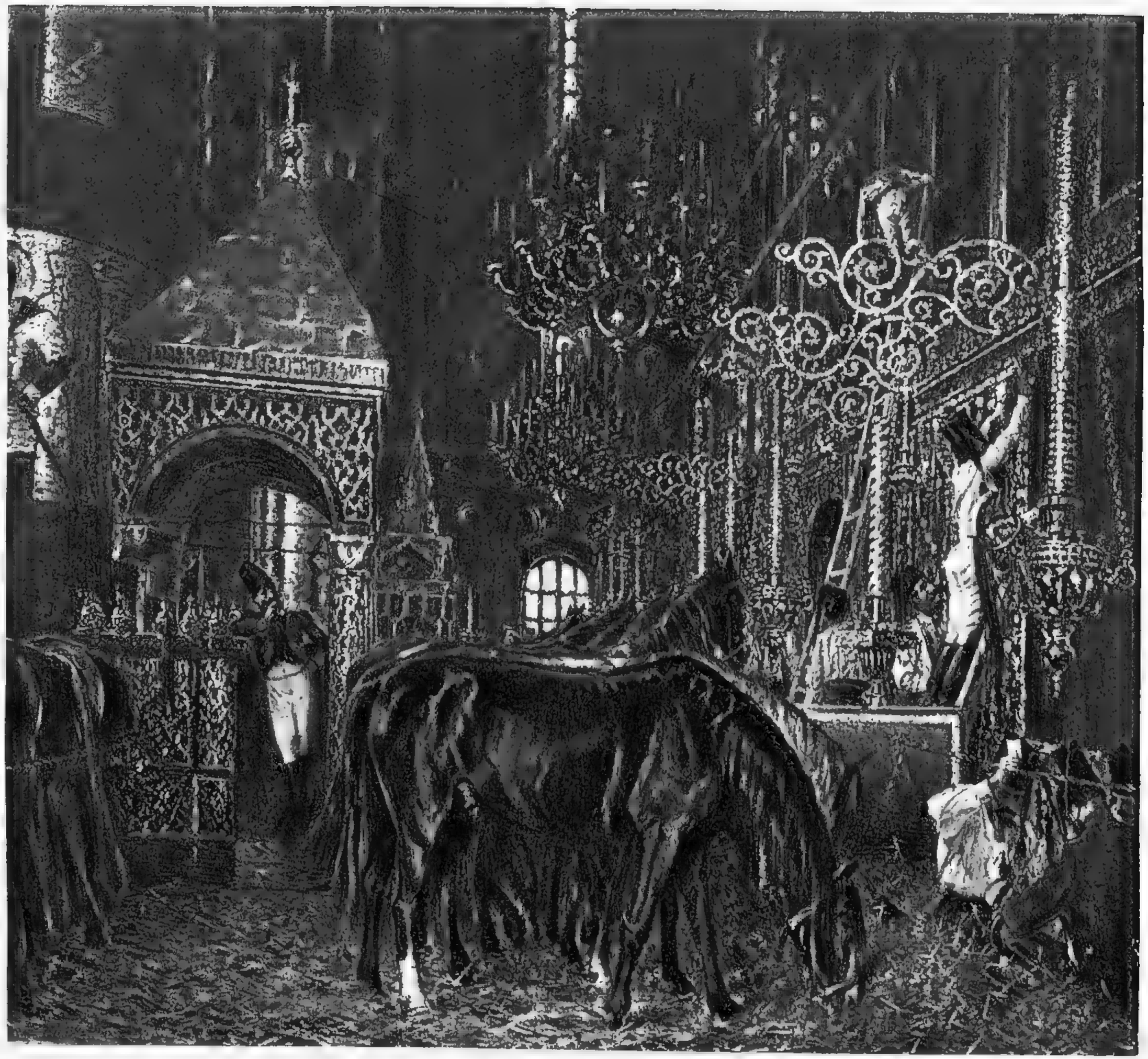
Русское дворянство со времени манифеста о вольности дворянской и реформъ Екатерины II по губернскому управленію стало осѣдать по своимъ имѣніямъ и сродняться съ ними. При такихъ условіяхъ трудно уходить съ насиженныхъ мѣстъ, привычка даетъ себя знать и диктуетъ указанныя прошенія. Но, можетъ-быть, дѣйствительно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовалось ополченіе, уже мало оставалось свободныхъ дворянъ, не больныхъ и не дряхлыхъ. Часть офицеровъ въ отставкѣ поступила вновь въ дѣйствующую армію, и на ополченіе не хватало желательныхъ для правительства лицъ. Правительство, правда, рекомендовало дворянамъ тѣхъ губерній, гдѣ ополченій не созывали, поступать все же въ милицію, но эта рекомендація едва ли имѣла успѣхъ. Вдали отъ театра военныхъ дѣйствій жизнь шла обычнымъ темпомъ, и патріотическія переживанія едва ли были тамъ сильны. Извѣстный цензоръ Никитенко, авторъ интереснѣйшихъ записокъ, еще мальчикомъ пережилъ этотъ историческій моментъ русской жизни, какъ разъ вдали отъ боевыхъ сценъ, его свидѣтельство значитъ намъ является особенно цѣнно. «Странно, что въ этотъ моментъ сильныхъ потрясеній, которыя переживала Россія, не только нашъ тѣсный кружокъ, но и все окрестное общество равнодушно относилось къ судьбамъ отечества... никогда не слышалъ я въ ихъ разговорахъ ноты теплаго участія къ событіямъ времени. Всѣ, повидимому, интересовались только своими личными дѣлами. Имя Наполеона вызывало скорѣе удивленіе, чѣмъ ненависть..... Это отчасти могло происходить отъ отдаленности театра войны: до насъ, дескать, врагъ еще не скоро доберется. Но главная причина тому, я полагаю, скрывалась въ апатіи, свойственной людямъ, отчужденнымъ, какъ были тогда русскіе, отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ и привыкшимъ не разсуждать о томъ, что вокругъ дѣлается, а лишь безпрекословно повиноваться приказаніямъ начальства».

Намъ кажется, эти двѣ причины и вызвали къ жизни подобный недохватъ въ офицерствѣ.

Въ Успенскомъ соборѣ.

(*Верещагина*).

Разрешаю.
Вр. Начальник Сорока.



VIII.

Кромѣ дворянъ, живущихъ по помѣстьямъ и служащихъ по выборамъ, правительство привлекало на службу въ ополченіе всѣхъ чиновниковъ и людей, какъ говорили тогда, свободныхъ состояній съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы на поступленіе такихъ лицъ въ ополченіе было согласіе ихъ начальства или общества, къ которому они принадлежали.

Производитъ впечатлѣніе, что нѣкоторые изъ этихъ чиновниковъ и нѣкоторые изъ этихъ людей свободныхъ состояній особо охотно выпускались въ ополченіе, а нѣкоторыхъ, наоборотъ, задерживали; при чемъ, конечно, поощреніе и задержка переходили зачастую въ принужденіе и пресѣченіе.

Н. Н. Демидовъ.

Въ концѣ 1812 г. государь пишетъ гр. Н. Салтыкову, что «въ нынѣшнее время молодые люди наиболѣе нужны для арміи», а «въ канцеляріяхъ и департаментахъ министерскихъ находятся излишніе чиновники». «Вслѣдствіе сего поручаю вамъ,—продолжаетъ государь,—изъявить волю мою министрамъ, дабы они сократили число людей въ канцеляріяхъ и мѣстахъ имъ подчиненныхъ до возможности, что самое только нужное количество чиновниковъ оставлено было; а прочихъ всѣхъ или уволили отъ службы или бы согласили на опредѣленіе въ полки».

Правда, здѣсь говорится не объ ополченіи, а объ опредѣленіи въ полки, но это не мѣняетъ дѣла. Канцеляристами мало дорожатъ. И переходя изъ министерскихъ канцелярій въ губернскія и уѣздныя, мы наблюдаемъ то же явленіе: рѣдко, рѣдко задерживаютъ канцеляриста; бываетъ, его задержатъ не надолго, на двѣ недѣли, на мѣсяцъ, чтобы заставить его сдать дѣла, но и только; обычно же его тотчасъ же и охотно отпускаютъ. Вотъ передъ нами цѣлый рядъ такихъ канцеляристовъ, копіистовъ, архиваріусовъ, нѣкоторые «находятся въ подозрѣніи по суду», но это не является препятствіемъ для поступленія ихъ въ ополченіе. Князь Мустафинъ занимаетъ двѣ отвѣтственныя должности — приходчика и надсмотрщика крѣпостной конторы—замѣнить его трудно и все-таки начальство отпускаетъ его. И только одинъ случай встрѣтился намъ, гдѣ желанію посту-

пить въ ополченіе не удалось исполниться. Канцелярскій служитель Кандыбинъ, изъ солдатскихъ дѣтей, высказалъ также желаніе поступить въ ополченіе, но его тянутъ прямо въ солдаты.

Наоборотъ, учителей, университетскихъ дѣятелей, слушателей высшихъ учебныхъ заведеній почти совсѣмъ не пускаютъ. Студенты горнаго института выказали желаніе итти на службу, ихъ прошенію не дали ходу, учителя гимназіи и уѣзднаго училища, Которовъ и Назанскій, казанскій адъютантъ Кондыревъ не получили этого права. Мотивомъ для неразрѣшенія поступать въ ополченіе министръ народнаго просвѣщенія выставляетъ то положеніе, что подобныя мѣста не могутъ быть оставлены безъ оплаты, двойное же жалованье гимназія платить не можетъ, а Назанскій сверхъ того является казеннымъ стипендіатомъ на 6 лѣтъ, каковые годы онъ еще не отслужилъ. Учитель Макарьевскаго училища Ягодинскій безъ разрѣшенія директора училищъ ушелъ въ ополченіе, гдѣ и принятъ въ 5-й полкъ. Повидимому, дирекція училищъ примирилась съ этимъ фактомъ, хотя офиціально разрѣшенія не дала. Но послѣ его ухода назначается ревизія для опредѣленія «могущихъ оказаться на немъ казенныхъ недоимокъ».

Данныхъ для опредѣленія отношенія начальства другихъ вѣдомствъ къ вопросу объ опредѣленіи въ ополченіе у насъ нѣтъ подъ руками, но и этого достаточно, чтобы подчеркнуть совсѣмъ различное отношеніе къ лицамъ, на разныхъ видахъ службы находящимся.

«Объявить причетникамъ, дѣтямъ священно- и церковнослужителей при отцахъ находящимся и семинаристамъ не выше риторическаго класса, что ежели кто изъ нихъ пожелаетъ, защищая отечество, итти въ новое ополченіе, на которое призываются всѣ состоянія, таковыхъ увольнять безпрепятственно, и для одежды ихъ и на продовольствіе дозволить церквамъ дѣлать изъ кошельковой суммы, остающейся за содержаніемъ церквей, въ знатномъ количествѣ, а для того склонять и прихожанъ на оное пожертвованіе».—Вотъ нужное намъ мѣсто изъ указа Св. Синода отъ 25 іюля 1812 г. Этотъ указъ нашелъ должный отголосокъ въ сердцахъ архіереевъ и подвинулъ ихъ къ энергичной дѣятельности. Епископъ нижегородскій и арзамасскій Моисей искусно формируетъ ратниковъ ополченія. Вскорѣ потянулись эти «добровольцы» на пункты пріема ополченцевъ съ препроводительными письмами отъ преосвященнаго, гдѣ ясно указывалось, что они всѣ идутъ «по желанію». Но на дѣлѣ оказывалось, что эти «добровольцы», согласно указу Синода, принятому какъ опредѣленное приказаніе, прямо пересылались, не съ меньшимъ принужденіемъ, чѣмъ помѣщичьи крестьяне. Взгляните на таблицу, тамъ словами «добр. дух.» обозначены эти добровольцы—здѣсь малолѣтніе въ 12, 13 лѣтъ, (чего мы не видимъ даже среди крестьянъ); и что особенно замѣчательно, этихъ отроковъ-добровольцевъ не всегда бракуютъ, здѣсь косые на оба глаза, слѣпые на одинъ, съ переломленной рукой. Это, такъ сказать, недостатки очевидные, которые ясны были и самимъ добровольцамъ и тѣмъ, кто создавалъ ихъ добрую волю. Но вотъ, что говорятъ намъ сами эти злосчастные дѣячки, семинаристы, праздно живущіе поповичи—«объявилъ падучую болѣзнь», «объявилъ внутреннюю скорбь и ломоту въ ногахъ». А вотъ другіе типы изъ тѣхъ же добровольцевъ. «Праздноживущій сынъ

священника Леонтія изъ больницы скрылся», понамарь Парфеновъ изъ ополченія «отлучился», былъ доставленъ на мѣсто и вновь ушелъ; побывалъ у преосвященнаго, сказываясь дьячкомъ села Арбузова Никаноромъ Петровымъ, и выпросилъ отчислить его изъ духовнаго званія. Мы видимъ, не приходится придавать цѣны этимъ заявленіямъ «по желанію» и т. д.; здѣсь налицо самое грубое насиліе, полнѣйшее принужденіе. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, я приведу одинъ примѣръ: служитель семинаріи Яковлевъ, 18 лѣтъ. Прежде обучался въ семинаріи, «послѣ нижнихъ классовъ риторикѣ и сверхъ латинскаго языка ариѳметикѣ, географіи, исторіи и нѣмецкому языку съ не худыми успѣхами», теперь проситъ объ увольненіи его изъ духовнаго званія въ свѣтское. Губернское правленіе рѣшаетъ по трафарету: «по нынѣшнимъ обстоятельствамъ нужнѣйшій и лучшій есть видъ въ военной службѣ» и требуетъ отъ указаннаго Яковлева поступленія въ ополченіе. Онъ исполняетъ это «по собственному желанію». Нужно имѣть въ виду: все это изложено въ одной и той же бумагѣ.

Кн. П. Г. Гагаринъ.

Совсѣмъ не столь податливо на увольненіе въ ополченіе мѣщанское общество — оно прямо требуетъ отъ уходящаго, чтобы онъ или поставилъ себѣ замѣстителя, или далъ бы обязательство нѣсколько лѣтъ выплачивать налоги и подати. Мѣщанинъ ушелъ безъ воли отца — возвращаютъ, мѣщанинъ особо предназначенъ въ числѣ «двойниковыхъ семействъ» для отправленія рекрутской повинности и общество не отпускаетъ его.

Государственные крестьяне едва ли могли принимать дѣятельное участіе въ этомъ ополченіи: они были задавлены рекрутскими наборами.

IX.

Таковъ былъ сословный составъ ополченія. Милиція явилась болѣе гибкимъ орудіемъ въ рукахъ правительства, чѣмъ рекрутчина. Правительство требовало именно тѣхъ, кто ему былъ желателенъ, создавая искусственно «добрую волю», или, наоборотъ, задерживая, пресѣкая искреннее явившееся желаніе послужить отечеству. Можетъ-быть, здѣсь имѣли мѣсто и личные мотивы власть имущихъ. Такъ, былъ не допущенъ въ ополченіе кн. Яшвиль, одинъ изъ участниковъ переворота 1801 года. Кутузовъ, принимая во вниманіе заслуги кн. Яшвиля при формированіи калужскаго ополченія, поручилъ ему отрядъ. Государь возмущенъ: «какое

канальство» приписываетъ онъ къ донесенію главнокомандующаго: «Вы сами себѣ приписали право, которое я одинъ имѣю», пишетъ онъ Кутузову. Яшвиль былъ устраненъ. Можетъ-быть, въ это время онъ пишетъ свое рѣзкое письмо императору, гдѣ призываетъ его «быть на престолѣ, если возможно, честнымъ человѣкомъ и русскимъ гражданиномъ». Другой примѣръ, намъ уже знакомый: гр. Дмитріевъ-Мамоновъ очень гордый, искренній, горячій. Отстранить его отъ ополченія нельзя, онъ лично передалъ государю свое желаніе формировать полкъ, но чинить ему всякія безпокойства, на каждомъ шагу мѣшать ему вполнѣ возможно, и такимъ путемъ можно совершенно охладить его къ дѣлу ополченія. Сначала ярославскій губернаторъ, кн. М. Голицынъ, всячески мѣшалъ его дѣятельности, и графъ «воевалъ съ нимъ официальными бумагами». «Мы всѣ, однополчане,—пишетъ кн. Вяземскій,—стояли за начальника своего». Затѣмъ онъ переходитъ въ Московскую губернію, полкъ его нужно расквартировать въ Москвѣ, но этому препятствуетъ Ростопчинъ, «личный врагъ графу Дмитріеву-Мамонову», пишетъ о немъ А. Бестужевъ-Рюминъ въ своихъ запискахъ. Ростопчинъ писалъ, кому слѣдуетъ, что отъ этого «возникнутъ снова безпорядки, жалобы, вербованье и воровство, чему уже много было примѣровъ». Полкъ послали въ Серпуховъ. Но Ростопчинъ недоволенъ и этимъ. «Не весьма я радъ пришествію въ Серпуховъ полка гр. Мамонова: кромѣ непріятности имѣть дѣло и съ нимъ самимъ, отъ умничества и самолюбія вербованные его могутъ причинить вредъ жителямъ, и я на сей случай принялъ всѣ мѣры предосторожности». Интриги преслѣдовали гр. Дмитріева-Мамонова и за границей, гдѣ полкъ его былъ раскассированъ безъ его на то желанія.

А. А. Жеребцовъ.

Но такіе случаи были рѣдки; задерживали на мѣстахъ людей, дѣйствительно по службѣ нужныхъ. Подобныхъ задержекъ было гораздо меньше на дѣлѣ, чѣмъ принужденія. Всѣ общественные классы были вынуждены итти на войну—крестьяне помѣщичьи, какъ подданные своихъ хозяевъ, крестьяне государственные въ силу того, что на нихъ всею тяжестью ложились рекрутскіе наборы, чиновники и дворяне «по выбору и назначенію».

Принудительный элементъ въ дѣлѣ сформированія ополченія заставляетъ насъ въ значительной степени разжижить ту картину общаго патріотизма, которую оставили намъ официальные историки-генералы. Въ ополченіи могли выразиться, конечно, и дѣйствительныя патріотическія стремленія отдѣльныхъ личностей и національный порывъ массъ, затронутыхъ войною областей. Этотъ порывъ, однако, находилъ себѣ болѣе реальный выходъ въ партизанствѣ, но правительство не было настолько близорукимъ, чтобы разсчитывать только на этотъ патріотизмъ, оно оставило за собою право широкаго произвола и обильно пользовалось этимъ правомъ.

Понятно далѣе, почему правительство ограничилось 16 губерніями—районъ сбора ополченія. Чѣмъ ближе къ врагу, тѣмъ реальнѣй была опасность отъ него, тѣмъ сильнѣе было чувство самообороны, разсчитывать же на удачный результатъ ополченія въ дальнихъ губерніяхъ не приходилось.

X.

Ополченія, собираемыя по губерніямъ, находились подъ начальствомъ лицъ, выбранныхъ дворянами. Всѣ ополченцы были подвѣдомственны этимъ лицамъ; мы видимъ даже, что во всѣхъ случаяхъ правонарушеній ополченцы отвѣчаютъ передъ своимъ начальникомъ.

Мы знаемъ, какъ создавался офицерскій составъ ополченія. Получившіе назначеніе офицеры вмѣстѣ съ лѣкарями принимали въ особо назначенныхъ пунктахъ отъ отдатчиковъ доставляемыхъ ополченцевъ, опредѣляли ихъ пригодность, посылали для испытанія въ лазаретъ. Вмѣстѣ съ ополченцами нужно было поставить опредѣленное количество провіанта, опредѣленную одежду для ратника. Вотъ какъ снаряжалъ своего ратника кн. Ал. Голицынъ:

Полукафтанъ казацкій	1	
Шаровары изъ сѣраго сукна	1	
Сапоги	2	пары
Рубашекъ	2	„
Портки	2	„
Портянки	2	
Теплая суконка въ 4 аршина	1	
Шапка	1	
Рукавицы съ варежками	1	
Кожаный ранецъ	1	

Провіанта на 3 мѣсяца:

Муки ржаной на мѣсяцъ	1 п. 35 ф.
Крупъ	1½ гарица
Денегъ на 1 мѣсяцъ	1 руб.

Общій счетъ имѣнія Мурилова былъ таковъ:

При отдачѣ въ ополченіе людей для 41 человѣка куплено обуви, шляпъ, рукавицъ, сумъ, топоровъ и проч. на	3.138 руб.
На провіантъ и жалованье	750 „
Для нихъ же награжденіе, покудова они содержались, и проч. мелочные расходы	800 „

т.-е. подсчитываемъ мы 4.688 р., а на отдѣльнаго воина по 114 р. 31 к., при чемъ одна обмундировка обходится по 78 руб. 50 коп. на брата.

Эта цифра считалась большой. Кн. Голицынъ журитъ приказчика за дорогія цѣны, указанныя имъ по имѣнію Шумовки, и указываетъ, что обмундировка повсюду обходится по 40 руб. и нѣсколько болѣе.

Такимъ образомъ, создавался по ополченію капиталъ какъ денежный, такъ и натуральный, находившійся въ вѣдѣніи особаго комитета. Этому комитету рапортовали и провіантскіе чиновники по ополченію и начальники полковъ, отчитываясь передъ нимъ. Капиталъ этотъ пополнялся всевозможными пожертвованіями; жертвованія были обильныя, особенно много вносили, конечно, купцы. Иногда жертвователь чувствовалъ затрудненіе для уплаты, но съ него продолжали требовать. Нижегородскому ополче-

нію были пожертвованы крупныя суммы по 20 и 25 тысячъ двумя купцами; они обѣщались еще по столько же, но позднѣе отговаривались разстройствомъ дѣлъ, однако постепенно съ нихъ, повидимому, было взято, если не все обѣщанное, то, по крайней мѣрѣ, большая часть его. Пожертвованія собирались по всѣмъ уголкамъ губерніи, всѣ казенныя учрежденія получали поощрительные циркуляры, которые при дальнѣйшемъ слѣдованіи по инстанціямъ принимали все болѣе и болѣе настойчивый характеръ. «Не благоугодно ли будетъ членамъ такого-то училища,— писалъ директоръ народныхъ училищъ смотрителямъ ихъ, — принести какую-либо нынѣ жертву отечеству и оную при спискѣ доставить».— «Чиновники сего училища, — въ отвѣтъ доноситъ смотритель,—постараются, сколько возможно будетъ, доказать готовность свою къ пользамъ Государю и отечеству».

Гр. И. И. Марковъ. (Рис. Лампи).

Въ результатѣ получается списокъ пожертвованій, изъ котораго видно, что пожертвованія, если и не доходили до знаменитой Мининской «пятой и третьей деньги съ животовъ и промысловъ», все же были весьма солидны:

Въ Балахнинскомъ училищѣ.
Соколовскій (жалованья получаетъ 300 въ годъ) пожертвовалъ 25 руб. . . . . 8 1/8 %
Второклассный учитель Охотинъ (жалованье—200 руб.) жертвовалъ 10 руб. . . . . 5 %
Первоклассный учитель Назанскій самъ выразилъ желаніе итти въ ополченіе.
Іерей Глѣбъ Кондорскій (жалованье по училищу 75 руб.) пожертвовалъ 7 руб. 50 к. . . . . 10 %
Рисовальный учитель Савельевъ (изъ вольноотпущенныхъ; жалованье въ годъ, безъ квартиры и побочныхъ занятій 75 руб.) пожертвовалъ 7 руб. 50 коп. . . . . 10 %

На собранныя такимъ образомъ пожертвованія ополченія содержались до того времени, какъ имъ объявляли походъ, тогда правительство ихъ брало на свое содержаніе.

XI.

Ополченія дѣлились обычно на полки—во второмъ округѣ, въ губерніяхъ Петербургской и Новгородской—на дружины. Полки были и конные и пѣшіе. Полки и дружины часто расформировывались, въ виду той убыли, которая въ нихъ замѣчалась. Такъ, напримѣръ, въ Нижнемъ-Новгородѣ изъ перваго ополченскаго набора по 4 воина со 100 душъ образовалось 5 пѣшихъ полковъ и одинъ конный. Пѣшіе полки были четырехбаталіонные, позднѣе передъ самымъ выходомъ въ г. Глуховъ,

Ополченіе 1812 года.

(Картина *Г. Д. Алексѣева.*)

Ополченіе 1812 года было настоящимъ воинствомъ отъ земли, отъ рȳсской крѣпостной земли того времени: офицеры—дворяне, кто въ ополченскомъ кафтанѣ, кто въ старомъ, вынутомъ изъ сундука мундирѣ, съ трудомъ нальзающимъ на раздавшуюся за время отставки фигуру хозяина, кто въ какомъ-то смѣшанномъ полувоенномъ, полуохотничьемъ одѣяніи; ратники—крѣпостные, далеко не всегда въ предписанномъ ополченскомъ снаряженіи, сохранившіе весь свой сермяжный и зачастую вовсе убогій видъ... Этотъ не военный обликъ крѣпостной русской деревни особенно явно хранили на себѣ отряды ополченія на первыхъ порахъ послѣ сформированія, пока приходилось имъ стоять еще въ родной губерніи, квартируя то въ той, то въ другой усадьбѣ. Здѣсь все было по-домашнему: за офицерами при ополченіи слѣдовали ихъ жены, пріѣзжали гости, устраивалась партія въ карты,—и бивуачное времяпровожденіе сбивалось на какой-то необычный военный пикникъ. (См. записки Золотухиной. «Рус. Стар.», 1889—1890 г.)

Картина Г. Д. Алексѣева и имѣетъ своимъ сюжетомъ такой привалъ ополченія въ началѣ сентября 1812 г. гдѣ-то въ средней Россіи.

Ополченіе 1812 года.

(Картина Г. Д. Алексѣева.)

Картина Г. Д. Алексѣева и нынѣ украшаетъ сюжетомъ такой цѣнный эпизодъ ополченія въ нашемъ сентябрѣ 1812 г. гдѣ-то въ сѣверной Россіи.

То необычное военное время. (См. записки и дневниковое военныхъ писемъ. Сохранившіеся пользованія лѣсъ, дѣлавшаго не въ ратникъ,— за офицеровъ или ополченія старовавши изъ женя; въ дорогой лѣсовъ, квартиръ то въ той, то въ формированій, пока цѣлаго изъ не-большихъ ополченія на первыхъ порахъ послѣ отдыхъ

Ополченіе 1812 года рѣзко выдѣлялось изъ всѣхъ земли, отъ бѣдной крестьянской земли того времени: офицеры—дворяне, кто въ ополченскомъ мундирѣ, съ трудомъ натягивая на раздвигавшіеся кафтанъ, кто въ сѣромъ, вѣнцомъ изъ сѣрыхъ вѣковъ остались фильдъ хозяинъ, кто въ какомъ-то смѣшанномъ полувоенномъ, полудохотничьемъ одѣяніи; дѣтинки—крѣпостные, рѣдко не всегда въ цвѣтныя; весь свой сельскій и зажиточно вовсе долей писанной ополченскомъ снаряженіи, сохранившіе

Картина Г. Д. Алексѣева и нынѣ украшаетъ Золотухиной. «Рус. Стар.», 1880—1890 г.)

гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ для всего ополченія 3-го округа, было предписаніе сформировать изъ нихъ трехбаталіонные. Составъ полка былъ слѣдующій (наличность полка):

	Въ 4-баталіонномъ.	Въ 3-баталіонномъ.
Полковыхъ командировъ	1	1
Баталіонныхъ командировъ	4	3
Сотенныхъ командировъ	12	10
Пятидесятниковъ	21	17
Урядниковъ	176	139
Писарей	2	—
Барабанщиковъ	—	40
Воиновъ	2284	2040 [1]

Конный полкъ состоялъ изъ 1000—1200 человѣкъ. Дружина—4 сотнямъ—800 воиновъ, сотня—8 десяткамъ—200 воинамъ, десятокъ—25 воинамъ.

Въ дружинѣ полагалось: 31 офицеръ, 60 урядниковъ, 19 барабанщиковъ, лѣкарей, фельдшеровъ, писарей и 18 нестроевыхъ. Всего въ дружинѣ было 928 человѣкъ.

Кн. Б. А. Голицынъ.

Какъ говорили въ свое время критики милиціи 1806—07 гг., вооруженіе было слабымъ мѣстомъ нашего ополченія. Лордъ Тэрконель въ письмѣ герцогу Іоркскому прямо пишетъ, что въ образуемыхъ ополченіяхъ будетъ мало пользы, «пока не пришлется оружіе изъ Англіи». Есть рядъ указаній французскихъ источниковъ, что ружья ополченцевъ были мало годныя. Но и этими ружьями далеко не всѣ были вооружены. Въ вышеприведенномъ отзывѣ генерала Вильсона нужно подчеркнуть его слова: «милиція со своими пиками». Дѣйствительно, цѣлые отряды милиціи совсѣмъ не имѣли ружей, что отражалось на войнѣ. Московскому ополченію, двинутому еще до Бородина подъ Можайскъ, было выдано на полкъ по 500 ружей, т.-е. приблизительно $^1/_5$ воиновъ была вооружена ими. Кутузовъ требуетъ выслать изъ Москвы всѣ имѣющіяся ружья. Цѣлый рядъ ополченій: тверское, владимирское—почти не имѣли ружей и выходили въ бой съ пиками, саблями, даже топорами. Очень знаменательною послѣ этой картины является приписка гр. Ростопчина къ Высочайшему воззванію, посылаемому въ Калугу: «Теперь всего нужнѣе дворянство и стрѣлки»—это какъ разъ то, въ чемъ чувствовался недохватъ—офицеры и свободныя ружья.

Одеждой ополченцевъ особенно не стѣснялись и это было понятно. Бѣдняки-помѣщики едва ли могли, какъ слѣдуетъ, обмундировать своихъ

[1] За образецъ взятъ 3 Нижегородскій полкъ.

ополченцевъ. Бѣдняки-чиновники тоже не могли справить себя (имъ предписывалось носить обще-армейскіе мундиры или тѣ, которые они имѣли при отставкѣ), они получали «вспоможеніе» въ размѣрѣ до 180 рублей.

Вотъ правила петербургскаго ополченія объ одеждѣ:

Солдаты сохраняютъ свое крестьянское платье, но не длиннѣе вершка ниже колѣнъ. Фуражки суконныя. Сапоги черные, настолько широкіе, чтобы подъ ними можно было носить суконныя онучи. Кафтаны тоже широкіе, подъ ними овчинные полушубки. На фуражкѣ выбитый изъ мѣдной латуни крестъ съ вензелемъ государя и съ надписью: «за вѣру и царя». Ранецъ—на немъ рубаха, портки, рукавицы, двое портянокъ, онучи и запасные сапоги. Въ ранцѣ провіантъ на трое сутокъ. Въ другихъ ополченіяхъ требовали, чтобы въ походѣ ополченцы носили лапти. Бородъ у ополченцевъ не брили.

Кн. А. М. Голицынъ. (Сенъ).

Обученіе ополченца было несложное—требовалось «вперить въ воина знаніе своего мѣста въ шеренгѣ и въ ряду», «ружьемъ учить только на плечѣ нести оное правильно, заряжать, стрѣлять и дѣйствовать штыкомъ, на караулъ же дѣлать не учить, маршировать учить слегка». Но наши начальники не вполнѣ руководились этими правилами—одни изъ начальниковъ льготу обращали въ обязательство и выступали со столь обычнымъ для того времени запрещеніемъ, такъ звучатъ напутственныя распоряженія гр. Толстого: «Строго соблюдать чинопочитаніе и дисциплину, нижнимъ чинамъ не позволять брить бороды». Если же ополченцы попадались подъ начало армейскаго генерала, тотъ не всегда считался съ ихъ особымъ положеніемъ въ арміи и требовалъ отъ нихъ большаго. Р. Зотовъ, извѣстный въ свое время писатель, служилъ въ петербургскомъ ополченіи и оставилъ намъ свои записки. Въ нихъ онъ говоритъ, что лишь только дружины перешли на театръ военныхъ дѣйствій, какъ съ нихъ стали требовать строго военныхъ знаній.

Жалованье ополченцы получали оттуда, гдѣ прежде служили. Иногда нѣкоторые изъ урядниковъ и низшихъ офицеровъ получали особыя пособія. Начальники полковъ и дружинъ жалованья не получали, служба ихъ считалась почетной.

XII.

Продовольствіе въ походѣ ополченіямъ частью шло изъ казны, изъ запасовъ, собранныхъ въ магазинахъ провіантскихъ, частью ложилось всей тяжестью на плечи населенія тѣхъ мѣстностей, гдѣ имѣлъ слѣдованіе данный полкъ или дружина. Офицеры и особые провіантскіе чиновники

брали все у обществъ подъ особыя квитанціи, потомъ эти квитанціи, розданныя по губерніи, обмѣнивались въ губернскомъ городѣ на одну, общую всему забранному. Эта повинность была очень тяжела для населенія. Населеніе русскихъ областей и особенно близко лежащихъ къ театру военныхъ дѣйствій радо было бы принимать своихъ защитниковъ, какъ это было, напримѣръ, на базарахъ въ Великихъ Лукахъ, но переходы войскъ ополченія были такъ часты, что они совершенно разоряли мѣстность. Ростопчинъ, какъ начальникъ Московской губерніи, свидѣтельствуетъ ея полное разореніе. «Предписаніе интенданта Ланского всѣмъ проходящимъ черезъ Московскую губернію войскамъ и командамъ довольствоваться отъ жителей на квитанціи, что отъ Его Свѣтлости предписано и Владимирскому ополченію, не довело бы людей до отчаянія, тѣмъ болѣе, что имъ скоро и самимъ ѣсть нечего будетъ».

Также тяжелой обязанностью населенія являлась постойная повинность. Возьмемъ хотя бы Дорогобужъ въ іюлѣ и началѣ августа 1812 г. Съ 15 іюля начинаютъ поступать къ городничему Дорогобужа предписанія: отвести квартиру для присутствія по набору временнаго ополченія (15 іюля), 30 квартиръ для ратниковъ (19 іюля), приготовить сарай для пріема провіанта (21 іюля), приготовить еще сарай, «дабы не было отдатчикамъ въ пріемѣ отъ нихъ провіанта задержанія» (25 іюля), нужно помѣщеніе для лазарета, отвести конюшни подъ людей, лошади будутъ пастись въ полѣ (27 іюля), а съ этого времени въ Дорогобужъ, центръ сходившихся смоленскихъ ополченій, начинаютъ подходить отдѣльные отряды. 27 числа подходитъ Сычевскій отрядъ въ 500 ратниковъ, болѣе 300 лошадей, 1 августа — гжатское ополченіе въ размѣрѣ болѣе 600 человѣкъ, требуетъ себѣ помѣщенія, 3 августа здѣсь же смоленское ополченіе; оно, кромѣ помѣщенія на 100 ратниковъ (25 квартиръ), требуетъ еще три квартиры для устройства сухарей. И это въ то время, когда тутъ же проходили войска, когда проводили плѣнныхъ, порою оставляли на пути. Спрашивается, гдѣ помѣщались сами жители?

Ополченецъ 1812 г. (Ист. муз.).

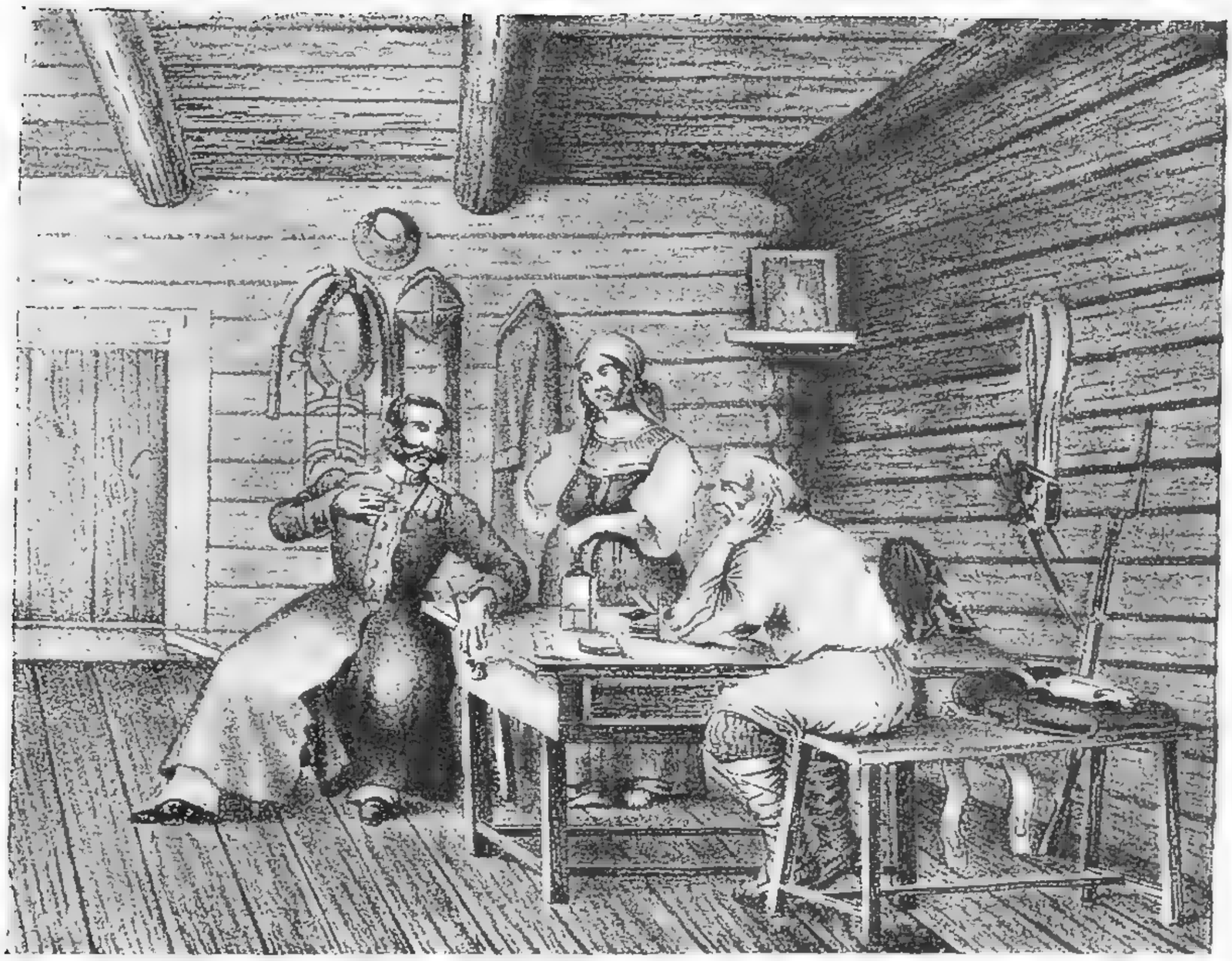
Многія губерніи организовывали отряды внутренней стражи, чтобы не допустить къ себѣ какъ непріятеля, такъ прежде всего мародеровъ. Тамбовскій губернаторъ остерегалъ жителей отъ мародеровъ: «я увѣдомляю васъ,—объявлялъ онъ имъ,—что по всей Тульской границѣ разставлены изъ тамошнихъ жителей ополченія въ осторожность отъ злодѣевъ. Кон-

ные разъѣзды множество ловятъ разбойниковъ, называемыхъ мародерами солдатъ и казаковъ». Среди этихъ мародеровъ были, конечно, и ополченцы. изъ приказовъ главнокомандующаго узнаемъ, «что Юхновскаго ополченія прапорщикъ Ладницкій, отлучившійся отъ своей команды и приведенный въ главную квартиру вмѣстѣ съ мародерами, предается военному суду». Весьма поучительна судьба этихъ мародеровъ: простыхъ ратниковъ прогнали сквозь строй, а резолюція по дѣлу Ладницкаго гласила слѣдующее: «разжаловать на мѣсяцъ въ солдаты и, если въ это время въ дурномъ не будетъ замѣченъ, сдѣлать представленіе о возвращеніи прежняго чина». Едва ли подобная резолюція могла способствовать вкорененію началъ законности и справедливости въ сознаніе ополченцевъ.

XIII.

Лицамъ, идущимъ въ ополченіе, гарантировали рядъ матеріальныхъ благъ, своего рода компенсація ихъ тяжелой службы. Дворяне, чиновники получали жалованье, какъ прежде, сверхъ того, что получали по службѣ (здѣсь офицерамъ жалованья не полагалось «по важности званія»). За службу по ополченію они получали ордена, чины, какъ въ арміи. Рядъ свидѣтельствъ показываетъ, что дѣло награжденія было поставлено не раціонально, нерѣдки были случаи злоупотребленій, несправедливостей. Вышеупомянутый Зотовъ разсказываетъ о майорѣ Антроповѣ, временномъ начальникѣ одной изъ петербургскихъ дружинъ, который «по секрету» объявилъ своимъ содружинникамъ, что «если мы хотимъ получить что-нибудь, то чтобы дали на это, что слѣдуетъ. Онъ запросилъ съ насъ по 200 рублей. Не знаю, на какомъ основаніи было это требованіе, но мы не согласились и получили за всю осаду благоволеніе, а Антроповъ—Анну 2 класса». «Это было очень грустно», добавляетъ авторъ. Тотъ же авторъ передаетъ, что за бой подъ Полоцкомъ награды были выданы «валовыя»: «офицеры, не имѣвшіе орденовъ, получили орденъ Анны 3-й степени; штабъ-офицеры получили Владимирскій крестъ, а дружинные начальники—Георгіевскій». Если были исключенія, награды назначались за опредѣленную заслугу, то часто несправедливо. «Протекція вездѣ существуетъ», добавляетъ Зотовъ въ своихъ запискахъ. Такая несправедливость могла привести къ печальнымъ послѣдствіямъ; въ современномъ журналѣ разсказываютъ «истинное происшествіе» съ однимъ молодымъ офице-

Ратникъ московскаго ополченія (изъ книги Глинки „Русскіе въ доблестяхъ своихъ, въ вѣрѣ .... къ Отечеству“. С.-П.-Б. 1842 г.).



Ополченецъ 1812 г. въ крестьянской семьѣ. (Лубочн. карт. въ Публичн. Библ.).

ромъ-ополченцемъ, который, увидавъ изъ поданнаго ему незапечатаннымъ конверта, гдѣ находился списокъ предполагаемыхъ наградъ, что его въ числѣ награждаемыхъ нѣтъ, совершилъ подлогъ, вписавъ свою фамилію; онъ получилъ орденъ, но совѣсть не дала ему покоя, онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Увѣчнымъ офицерамъ обѣщали: состоятельнымъ—чинъ или орденъ, несостоятельнымъ—пенсію отъ дворянъ. «Петербургскія сословія не отрекутся назначить и приличную по смерть пенсію», писалъ императоръ, имѣя въ виду, конечно, подобное же постановленіе московскаго дворянства. Урядники получали жалованье нѣсколько большее, чѣмъ простые воины (по 1 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ); за храбрость они, равно какъ и простые воины, получали медали; получившіе раны—получали содержаніе по смерть. Но нѣкоторые помѣщики находили возможнымъ оказывать крестьянамъ, попадающимъ въ ополченіе, и семьямъ ихъ другія льготы, которыя для этихъ послѣднихъ казались реальнѣе и надежнѣе,—льготы по рекрутчинѣ, освобожденіе на годъ или болѣе даже отъ податей.

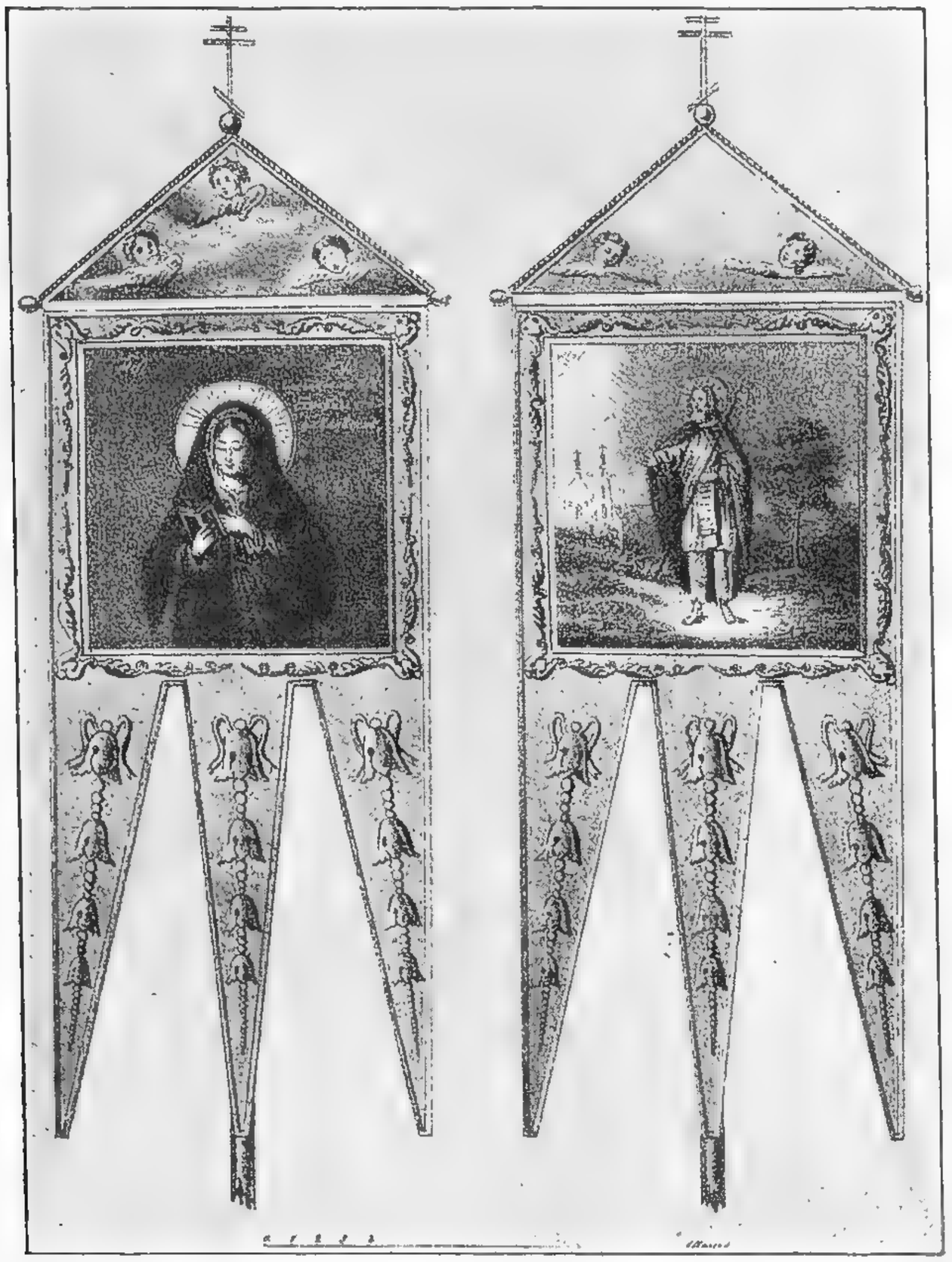
Такъ создавалось ополченіе—сложные пріемы дѣйствія на національныя чувства, поощренія, понужденія со стороны правительства соотвѣтствовали сложнымъ же мотивамъ, руководившимъ населеніемъ—одни шли изъ ненависти къ врагу, изъ любви къ родинѣ, другіе по личнымъ мотивамъ честолюбія, славы, по бѣдности, третьи, наконецъ, по самому настойчивому, самому грубому принужденію.

Такъ разлагается на составные элементы, крайне разнообразные по своему содержанію, при свѣтѣ сухихъ фактовъ дѣйствительности, тотъ

патріотизмъ, который составлялъ единственную декорацію чувствъ, мыслей и поступковъ дѣятелей 12 года въ изображеніи восторженныхъ историковъ-современниковъ. Въ дѣйствительности и здѣсь люди оставались людьми съ ихъ добродѣтелями и пороками, съ ихъ классовыми интересами и классовой враждой.

XIV.

Первыми были распущены ополченія московское и смоленское (30 марта 1813 г.), постепенно и другія ополченія, дѣйствовавшія за границей, получили приказъ вернуться на родину (послѣдній указъ по этому поводу изданъ былъ 28 ноября 1814 г.). Послѣ объявленія о роспускѣ назначался срокъ довольно значительный, въ который ополченецъ долженъ былъ вернуться, а помѣщикъ принять его. И вотъ потянулись со всѣхъ сторонъ на родину ополченцы, успѣвшіе къ этому времени выработаться въ настоящихъ боевыхъ солдатъ. Ростопчинъ пишетъ, что было бы весьма трудно опредѣлить, кто изъ крестьянъ ополченцевъ умеръ, убитъ въ бою, а кто отсталъ отъ своей партіи, находится въ услуженіи; такихъ, по его словамъ, въ московскомъ ополченіи наберется съ цѣлую тысячу. Другое затрудненіе заключалось въ томъ, что ополченцы были разбросаны по всѣмъ арміямъ, по всѣмъ городамъ, и мы видимъ, что отряды московскаго ополченія сходятся къ Москвѣ—они идутъ изъ Бобруйска, Борисова, Харькова, Риги. Подобный походъ тянулся мѣсяцами. Полки нижегородскаго, костромского (самыхъ дальнихъ) ополченій—указы о роспускѣ застаютъ ихъ за границей—идутъ чуть не полгода; передъ нами маршрутъ 3 пѣхотнаго нижегородскаго полка, только изъ Гродно до Нижняго разсчитанный на $3^1/_2$ мѣсяца. Прибывающіе полки торжественно встрѣчались по губернскимъ городамъ — въ честь офицеровъ устраивались балы, ополченцамъ и городъ и дворянство выставляли угощенія.



Хоругвь калужск. дворянск. ополченія 1812 г. (изъ Булычева).

Въ это же время правительство было озабочено ликвидаціей ополченія. Когда ополченцы московской военной силы (т.-е. перваго округа) были разверстаны по полкамъ, офицеры были переведены въ армію. Позднье передъ роспускомъ офицерамъ было предложено перейти на тьхъ же условіяхъ на постоянную военную службу.

Ратники-ополченцы имьли всь основанія бояться, какъ бы правительство не устроило съ ними какъ разъ того, что продьлало оно съ милиціонерами 1806—07 гг., т.-е. вмьсто временной службы не перевело бы ихъ на постоянную. И есть основаніе думать, что наиболье близорукіе изъ дворянъ, которые учитывали лишь выгоду текущаго момента, а надъ будущимъ совсьмъ не задумывались или, можетъ-быть, даже не могли возвыситься до подобныхъ думъ,— такіе дворяне считали исключительно выгоднымъ это положеніе: на очереди были новые рекрутскіе наборы, которые должны были вырвать изъ ихъ хозяйства новыя единицы силъ; куда было бы лучше, могъ разсуждать подобный помьщикъ, замьстить этихъ рекрутовъ старыми ополченцами, худшими по качествамъ пахаря-работника, уже оторванными отъ родной земли, можетъ-быть, развратившимися съ ихъ точки зрьнія. И дьйствительно, въ арміи началъ распространяться слухъ о томъ, что дворянство въ своихъ собраніяхъ заговариваетъ объ этомъ. Кто былъ въ войскахъ при ополченцахъ, страшно всполошились: ополченцы-крестьяне были возбуждены противъ дворянъ и всякое недоразумьніе склонны были относить на ихъ счетъ. Нькто Шелліотъ пишетъ изъ арміи: «Въ Вилькомирь слышалъ я предивительную вещь, что въ Петербургь дворянство назначило причислить людей, коими мы командуемъ, въ 25-лътнюю службу. Господи, буди милостивъ намъ тогда. Впредь узнаемъ мы нашу ошибку: что касается до меня, я бы, на мьсто сихъ, охотно бы выдалъ другихъ». Это письмо стало извьстно императору и онъ приписалъ на немъ: «заслуживаетъ всякаго примьчанія, нужно необходимо сіе опровергнуть». Опроверженіе было написано; государь подчеркивалъ, что подобныя начинанія противорьчили торжественному обьщанію, данному въ іюльскихъ манифестахъ. Но это объявленіе едва ли могло произвести особо сильное дьйствіе и на дворянъ,

Аллегорическое изображеніе ополченія 1812 г.

которые (не всѣ, конечно) хотѣли такого зачета ополченцевъ въ рекруты, и на крестьянъ, трепещущихъ за свою участь—вѣдь и въ 1806 г. давались торжественныя обѣщанія. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ императору гр. Ростопчинъ совершенно откровенно, безъ всякихъ прикрасъ, выясняетъ свою дворянскую точку зрѣнія. «Я долженъ предупредить ваше императорское величество, что нѣсколько тысячъ этихъ ополченцевъ изъ Московской губерніи находятся еще въ арміи, въ качествѣ денщиковъ, было бы вполнѣ справедливо взять ихъ на дѣйствительную службу». Онъ находитъ «справедливымъ», что по отношенію «нѣсколькихъ тысячъ ополченцевъ» допущено забвеніе основныхъ обѣщаній манифеста.

Этого не произошло. Но ликвидація ополченія шла съ большой выгодой для дворянства. Были допущены зачетныя квитанціи; такъ называли квитанціи, выдаваемыя вмѣсто рекрутовъ, въ зачетъ тѣхъ лицъ, которыхъ населеніе могло бы сдать въ рекруты, а вмѣсто этого поставило государству натурой на какую-либо другую службу, какъ въ данномъ случаѣ въ ополченіе. Убитые и умершіе въ походахъ ополченцы разсматривались какъ рекруты слѣдующаго набора и на нихъ выдавались зачетныя квитанціи. Чтобы яснѣе понять эту систему зачета, я приведу расчетъ кн. А. Голицына по его имѣнію Гребнево.

Расчетъ по рекрутскому № 83 набору.

Въ селѣ Гребневѣ по 6-й ревизіи состоитъ	1.099	душъ
Съ оныхъ въ московское ополченіе отдано	110	человѣкъ
Въ то число явилось въ вотчину при приказахъ Богородскаго земскаго суда.	56	„
Слѣдовательно, въ неявкѣ находится	54	„
А какъ въ нынѣшній 83 наборъ, что съ 500 душъ по 20 рекрутъ, съ 25 душъ слѣдуетъ одного человѣка представить:		
То съ 1.099 душъ и причитается всѣхъ зачесть	44	рекрута.

На достальные и понынѣ въ вотчину не возвращавшіеся 10 человѣкъ надобно получить для будущихъ наборовъ зачетныя квитанціи.

Мы видимъ изъ этого расчета, что для кн. Голицына по этому имѣнію выставлять рекрутовъ не пришлось, да еще на слѣдующій наборъ осталось 10 квитанцій, т.-е. и тамъ ему придется поставить десятью рекрутами меньше, чѣмъ будетъ положено. Знаменитый актеръ Щепкинъ, вышедшій изъ крѣпостной среды, разсказываетъ, что на этой почвѣ разыгрывалась зависть къ тѣмъ счастливцамъ, у кого побольше умерло ополченцевъ. «Одна дама очень образованная по времени и обществу (даже крѣпостные отзывались о ней, какъ о доброй женщинѣ), у графини на именинахъ, за обѣдомъ, не краснѣя позволила себѣ сказать въ разговорѣ о прошедшей кампаніи: «Вообразите, какое счастіе Ивану Васильевичу: онъ отдавалъ въ ополченіе 9 человѣкъ, а возвратился всего одинъ, такъ что онъ получилъ восемь рекрутскихъ квитанцій и всѣ продалъ по три тысячи; а я отдала 26 человѣкъ, и на мою бѣду всѣ возвратились—такое несчастье». При этихъ словахъ ни на одномъ лицѣ не показалось даже признака неудовольствія противъ говорившей. Всѣ согласились, а нѣкоторые даже прибавили: «Да, такое счастье, какое Богъ даетъ Ивану Васильевичу, немногимъ дается».

Ликвидація ополченія выразилась и въ томъ, что былъ проведенъ въ жизнь уравнительный рекрутскій наборъ, въ основу котораго было поло-

Отступленіе французовъ изъ Москвы.

(Совр. грав.).

Отступление. фрамуэзов изр. Москвы.

(Сов. трав.).

жено сравненіе помѣщичьихъ крестьянъ съ казенными, которые все время поставляли рекрутовъ. Этимъ фактомъ ополченіе окончательно было ликвидировано.

XV.

Попробуемъ опредѣлить значеніе ополченія; съ военной точки зрѣнія оно безусловно. Ополченія иногда сразу, какъ подъ Полоцкомъ, иногда постепенно вводились въ кругъ военныхъ операцій и подъ конецъ они выработались въ грозную боевую силу. Но слѣдуетъ учесть значеніе ополченій, какъ факта общекультурной жизни Россіи.

Роль ополченій въ исторіи основного вопроса дореформенной Россіи — крѣпостного права — безъ сомнѣнія, велика, но трудно опредѣлима. Тѣ пріемы, которыми дѣйствовали помѣщики типа гр. Орлова-Давыдова, усиливали ненависть среди крестьянства, и былъ правъ Ростопчинъ, говоря, что любое недоразумѣніе вызоветъ у послѣднихъ неудовольствіе противъ дворянства. По мнѣнію московскаго генералъ-губернатора, у помѣщичьихъ крестьянъ «родится зависть» къ казеннымъ за то, что они освобождены отъ ополченія. «Важнѣе же всего,—продолжаетъ гр. Ростопчинъ,—что неудовольствіе въ народѣ можетъ обратиться на дворянъ, яко виновныхъ въ семъ случаѣ тѣмъ, что крестьяне, бывъ ихъ собственностью, одни и несутъ тяжелый сей наборъ». Но выдвинуть, оттѣнить на общемъ фонѣ недовольства рекрутскими наборами, недовольство именно этимъ ополченіемъ пока по недостатку матеріала невозможно.

Ополченіе дало свою крупицу въ ростъ общественнаго самосознанія, которымъ такъ богатъ былъ изучаемый моментъ. Въ сознаніи многихъ дворянъ, не говоря уже о передовыхъ людяхъ изслѣдуемой эпохи, именно благодаря ополченію крѣпостное право опредѣляется какъ явленіе недолговѣчное и опасное; всѣ понимаютъ, что рано ли, поздно ли нужно приступить къ освобожденію крестьянъ. Солдаты приходили къ себѣ въ деревню въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ уже трудно воспринимаетъ окружающія его несправедливости и съ трудомъ можетъ отвѣчать на нихъ; ополченцы приходили молодыми, съ обильнымъ багажомъ новыхъ понятій, съ наклонностью сравнивать жизнь своего захолустья съ тою, что видѣли на Западѣ, думается даже болѣе: съ наклонностью агитировать среди населенія родной деревни противъ того произвола, который окружалъ ихъ.

Мед. гр. Ѳ. П. Толстого.

«Очень важно, что защита Россіи отъ полчищъ Наполеона, — говоритъ В. И. Семевскій, — а затѣмъ еще болѣе пребываніе русскихъ войскъ за границей имѣло благотворное вліяніе и на солдатъ. По словамъ Якушкина

«война 1812 г. пробудила народъ русскій къ жизни... Даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ». Н. Тургеневъ обращаетъ вниманіе на то, что за границей побывали не только регулярныя войска, но и большія массы милиціи: «эти милиціонеры всѣхъ ранговъ, возвратившись домой къ своимъ очагамъ, разсказывали то, что они видѣли въ Европѣ... Это была настоящая пропаганда».

Наслѣдіемъ данной эпохи было болѣе сознательное отношеніе къ дѣйствительности и въ созданіи этого фактора нашего прогресса не малую роль сыграли и ополченія 1812 года.

А. Кабановъ.

Типъ уѣзднаго города въ концѣ XVIII ст.

IV. Волненія крестьянъ въ 1812 г. и связанныя съ отечественной войною [1]).

В. И. Семевскаго.

I.

Въ началѣ декабря 1806 г. объявленъ былъ манифестъ 30 ноября о составленіи въ 31 губерніи Европейской Россіи временныхъ ополченій или милиціи, а 17 декабря гр. Ростопчинъ писалъ имп. Александру, что милиція помѣшаетъ «врагу всемірному», Наполеону, войти въ Россію, но все это вооруженіе обратится «въ мгновеніе ока въ ничто, когда толкъ о мнимой вольности подыметъ народъ на пріобрѣтеніе оной истребленіемъ дворянства, что есть во всѣхъ бунтахъ и возмущеніяхъ единая цѣль черни». Онъ увѣрялъ, что предписаніе объ изгнаніи изъ

[1]) Кромѣ печатныхъ источниковъ, очеркъ этотъ составленъ на основаніи неизданныхъ матеріаловъ, архивовъ Государственнаго Совѣта, Сената, собственной Е. Вел. Канцеляріи и Министерства Внутреннихъ дѣлъ.

Россіи французовъ, не присягнувшихъ на русское подданство, совершенно не достигло цѣли, такъ какъ присяга, принесенная подъ вліяніемъ страха и корысти, не измѣняетъ образа мыслей, и оставшіеся у насъ французы дѣлаютъ внушенія «сословію слугъ, кои уже ждутъ Бонапарта, дабы быть вольными».

Если, какъ увидимъ, дворовые надѣялись на полученіе воли отъ Наполеона, то, въ свою очередь, и французскій императоръ, направляя въ Россію свои войска, могъ ожидать, что найдетъ поддержку со стороны крѣпостныхъ, если даруетъ имъ свободу, какъ даровалъ ее крѣпостнымъ въ герцогствѣ Варшавскомъ. Одинъ изъ его соглядатаевъ доносилъ въ 1808 г. изъ Россіи, что Наполеонъ можетъ разсчитывать на крестьянъ, «которые будутъ очень расположены встать на сторону побѣдоносной французской арміи, потому что они только и мечтаютъ о свободѣ и слишкомъ хорошо познали свое рабство, которое очень жестоко». Но онъ совѣтовалъ дѣйствовать здѣсь съ большею осторожностью, чѣмъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, такъ какъ освобожденіе тамъ крестьянъ и внезапное введеніе кодекса Наполеона «испугали дворянство» литовскихъ губерній»[1]). Докторъ французъ Миливье, лѣтъ двадцать жившій въ Россіи, нѣсколько разъ ѣздившій во Францію, увѣрялъ Наполеона, что, какъ только французы появятся подъ Москвою, крестьяне возстанутъ противъ своихъ господъ, и вся Россія будетъ покорена[2]).

Въ Петербургѣ въ началѣ 1807 г. дворовые возлагали надежду на то, что Наполеонъ освободитъ ихъ. Крѣпостной помѣщика Тузова, Корниловъ, разсказывалъ въ лавочкѣ: «Бонапарте писалъ къ государю... чтобъ, если онъ желаетъ имѣть миръ», то освободилъ бы «всѣхъ крѣпостныхъ людей и чтобъ крѣпостныхъ не было, въ противномъ случаѣ война будетъ всегда». Оказалось, что онъ слышалъ объ этомъ отъ одного крѣпостного живописца, разсуждавшаго съ двумя товарищами по профессіи о томъ, что «французъ хочетъ взять Россію и сдѣлать всѣхъ вольными[3]).

Въ январѣ 1807 г. въ секретномъ комитетѣ, учрежденномъ 13 января того же года, допрошенъ былъ дворовый Петра Григ. Демидова Спиринъ вслѣдствіе того, что въ перехваченномъ письмѣ его (имъ 15 дек. 1806 г.) къ отцу, сосланному за участіе въ бунтѣ заводскихъ служителей противъ приказчиковъ, онъ писалъ: «въ скоромъ времени располагаю видѣться съ вами чрезъ посредство войны; кажется, у насъ, въ Россіи, будетъ вся несправедливость опровергнута». На допросѣ Спиринъ объяснилъ,

---

[1]) Е. В. Тарле. „Соглядатай Наполеона I о русскомъ обществѣ 1808 г.“. „Современный Міръ“, 1910 г., № 12, стр. 56. Въ анонимномъ письмѣ къ имп. Александру, ходившемъ по рукамъ 1807—12 гг. подъ именемъ сенатора Теплова, гр. Маркова или Н. С. Мордвинова, было сказано: „Польскіе крестьяне, ободренные примѣромъ ихъ соотечественниковъ, которымъ дана свобода, также желаютъ расторгнуть цѣпи, ихъ угнетающія“. «Рус. Стар.», 1098, стр. 511—512.

[2]) В. А. Бильбасовъ. „Записки современниковъ о 1812 годѣ“. (Графъ Боволье.) „Рус. Стар.“, 1893 г., № 1, стр. 23. Тверской помѣщикъ И. В—съ (Вилькинсъ) увѣряетъ, что „прежде еще нашествія французовъ подсылаемые отъ нихъ шпіоны наущали крестьянъ, приводя ихъ къ неповиновенію властямъ и обнадеживая какою-то всеобщею вольностью“. «Земледѣльческій Журналъ», 1832 г. № 6, стр. 314.

[3]) Государь приказалъ: такъ какъ Корниловъ «оказывается виновнымъ въ томъ, что любилъ слушать и разсказывать пустыя и глупыя новости, говорилъ слова непристойныя и дерзкія, былъ излишне любопытенъ, хотѣлъ знать, что пишутъ въ газетахъ», то предать его суду, изъ трехъ же бесѣдовавшихъ живописцевъ одинъ былъ оправданъ, а двоимъ заключеніе вмѣнено въ наказаніе.

что написалъ это вслѣдствіе слуховъ, доходившихъ до него чрезъ другихъ лакеевъ, о покореніи Пруссіи французами и о томъ, что, можетъ-быть, они такимъ же образомъ покорятъ Россію, и тогда будутъ всѣ вольными; упоминаніе же о томъ, что вся несправедливость будетъ опровергнута, относится къ несправедливому осужденію его отца [1]).

Въ 1812 г. сильно опасались бунта крѣпостныхъ. Въ Петербургѣ по поводу предполагаемаго выѣзда изъ столицы министерствъ были высказаны такія соображенія: «Всякому извѣстно, кто только имѣетъ крѣпостныхъ служителей, что родъ людей сихъ обыкновенно недоволенъ господами». Если правительство вынуждено будетъ «оставить столицу, то прежде, нежели бъ могло послѣдовать нашествіе варваровъ, сіи домашніе люди. подстрекаемые буйными умами, безъ всякаго состоянія и родства здѣсь живущими, каковыхъ найдется здѣсь весьма довольно, въ соединеніи съ чернью все разграбятъ, разорятъ, опустошатъ» [2]).

Что въ Москвѣ нѣкоторые крѣпостные возлагали надежду на освобожденіе съ пришествіемъ французовъ, видно изъ слѣдующаго дѣла. Петръ Ивановъ, дворовый человѣкъ комиссіонера комиссаріатскаго департамента Серебрякова, встрѣтился 22 марта 1812 г. съ дворовымъ помѣщика Степанова, Медвѣдевымъ, и сталъ жаловаться ему на своихъ господъ, говорилъ, что хотѣлъ бы бѣжать или какъ-нибудь отъ нихъ избавиться. Медвѣдевъ возразилъ: «Погоди немного,—и такъ будемъ всѣ вольные: французы скоро возьмутъ Москву, а помѣщики будутъ на жалованьѣ». Ивановъ, услышавъ это, сказалъ: «Дай Богъ, намъ тогда лучше будетъ». Онъ сообщилъ важную новость другимъ дворовымъ и началъ оказывать нѣкоторое неповиновеніе своему господину [3]). Когда объ этомъ случаѣ узналъ секретный комитетъ, учрежденный 13 янв. 1807 г., которому велѣно было сообщать о всѣхъ дѣлахъ «по важнымъ преступленіямъ» и измѣнѣ противъ «общаго» спокойствія и безопасности», онъ предписалъ московскому главнокомандующему Гудовичу «усугубить при теперешнихъ обстоятельствахъ полицейскій надзоръ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ народъ собирается, въ особенности жъ по питейнымъ домамъ, трактирамъ и на гуляньяхъ, и имѣть бдительное вниманіе къ разговорамъ и сужденіямъ черни, пресѣкая всякую дерзость и неприличное болтанье въ самомъ началѣ и не давая отнюдь распространяться», а петербургскому главнокомандующему Вязмитинову, управлявшему тогда министерствомъ полиціи, поручилъ обратить особенное вниманіе на выходящія въ свѣтъ «сочиненія о предметахъ политическихъ» и на журналы и другіе «періодиче-

---

[1]) Государь приказалъ посадить Спирина въ крѣпость и строго смотрѣть за тѣмъ,. чтобы онъ ни съ кѣмъ не могъ имѣть ни малѣйшаго сношенія ни словесно, ни письменно, такъ какъ онъ «питалъ въ себѣ мысли безпокойныя, опасныя и вредныя» и «осмѣлился даже и на бумагѣ изъяснять ихъ». Попытка добиться отъ Спирина какихъ-либо разоблаченій его связей успѣхомъ не увѣнчалась, и велѣно было предать его суду «для поступленія съ нимъ по всей строгости законовъ», такъ какъ его письмо могло вызвать среди ссыльныхъ вредныя послѣдствія (Арх. Госуд. Сов.).

[2]) По свидѣтельству одного писателя-англичанина, въ окрестностяхъ Петербурга (послѣ вступленія французской арміи въ Россію) среди крестьянъ ходили слухи, что Наполеонъ имъ не врагъ и хочетъ дать имъ свободу. „Das oestliche Europa und Kaiser Nikolaus. Vom Verfasser des «enthüllten Russlands und der „weissen Sclaverei“. Aus dem Englischen von A. Kretzchmar. Grimma. 1846 г., I, 75.

[3]) Медвѣдевъ на допросѣ показалъ, что, проходя 20 марта по Ильинской площади, услышалъ эти разговоры въ кучкѣ неизвѣстныхъ ему людей, изъ которыхъ одни были одѣты, какъ ямщики, другіе, какъ, лакеи, третьи, какъ купцы, а иные были въ сюртукахъ.

скіе листочки». Гудовичъ отвѣчалъ, что дѣятельность полицейскаго надзора въ Москвѣ «доведена до совершенства.... Между благородными и иностранцами есть особливые секретные наблюдатели, почитаемые за ихъ друзей, а равномѣрно по всѣмъ трактирамъ, шинкамъ и другимъ народнымъ сборищамъ, гдѣ бдительнѣйшее они имѣютъ вниманіе ко всякимъ разговорамъ и сужденіямъ»[1]).

Крестьянка (Barbier. 1803 г.).

Немедленно послѣ ссылки Сперанскаго, люди, враждебно противъ него настроенные, говорили, что онъ «захотѣлъ возжечь бунтъ» во всей Россіи и, «давъ вольность крестьянамъ, вручить имъ оружіе на истребленіе дворянъ». Ростопчинъ, въ письмѣ отъ 23 іюля 1812 г., старался внушить государю мысль, что опасно оставлять Сперанскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ: «Онъ снискалъ расположеніе жителей» этого города, сумѣлъ увѣрить ихъ, что пострадалъ изъ-за своей любви къ народу, «которому хотѣлъ доставить свободу», и что государь «принесъ его въ жертву министрамъ и дворянамъ». Дѣйствительно, въ Пензенской губ. ходили съ 1812 г. слухи, что Сперанскій «былъ оклеветанъ», и многіе помѣщики

---

[1]) Комитетъ 13 мая 1807 г., принявъ во вниманіе, что въ разговорахъ Иванова и Медвѣдева „примѣтно одно только дерзкое болтанье, а не умыселъ какой-либо“, въ засѣданіи 10 мая 1812 г. постановилъ наказать ихъ при полиціи розгами и, подтвердивъ, чтобы впредь были осторожнѣе, отдать помѣщикамъ. Въ Петербургѣ въ апрѣлѣ 1812 г. Антоновъ, покупая на Сѣнной рыбу, сказалъ, чтобы ему продавали ее дешевле, «ибо онъ объявитъ радостную вѣсть, что по возвращеніи государя всѣ крестьяне будутъ государственные». Полицейскій служитель донесъ объ этомъ, и Антоновъ подвергся допросу въ Комитетѣ 13 янв., но рѣшительно отперся отъ своихъ словъ и уличенъ въ нихъ не былъ. (Арх. Гос. Сов.).

щичьи крестьяне заказывали даже молебны за его здравіе и ставили свѣчи [1]).

Имп. Александръ, видя, что война съ французами неизбѣжна, и опасаясь волненій, заранѣе подготовлялъ мѣры для ихъ подавленія. Съ этою цѣлью въ каждой губерніи должно было находиться по полубатальону въ триста человѣкъ. «Предположите,—говоритъ государь въ письмѣ къ сестрѣ Екатеринѣ Павловнѣ,—что начнется серьезный бунтъ и что 300 человѣкъ будетъ недостаточно» (для его усмиренія), — «тогда тотчасъ же могутъ быть употреблены въ дѣло полубатальоны сосѣднихъ губерній», а такъ какъ, напримѣръ, Тверская губернія окружена шестью другими, то это составитъ уже 2100 человѣкъ» (вмѣстѣ съ тверскимъ отрядомъ).

Генералъ Н. Н. Раевскій писалъ въ концѣ іюня 1812 г.: «Я боюсь прокламацій, чтобы не далъ Наполеонъ вольности народу, боюсь въ нашемъ краю внутреннихъ безпокойствъ» [2]). Есть свидѣтельство, что Наполеонъ велъ разговоръ съ крестьянами о свободѣ. Въ Москвѣ онъ приказалъ разыскивать съ большимъ стараніемъ въ уцѣлѣвшихъ архивахъ и частныхъ библіотекахъ все, что касалось Пугачевскаго бунта: особенно желали французы добыть одно изъ послѣднихъ воззваній Пугачева. Писались даже проекты подобныхъ манифестовъ. Въ разговорѣ въ Петровскомъ дворцѣ съ г-жею Оберъ-Шальме, владѣтельницею очень большого магазина въ Москвѣ женскихъ нарядовъ, дорогихъ матерій, севрскаго фарфора и проч., Наполеонъ спросилъ ее: «Что вы думаете объ освобожденіи русскихъ крестьянъ?» Она отвѣчала, что, по ея мнѣнію, «одна треть ихъ, быть-можетъ, оцѣнила бы это благодѣяніе, а двѣ другія не поняли бы даже, что имъ хотятъ сказать». — «Но разговоры, по примѣру первыхъ увлекли бы за собою другихъ», возразилъ Наполеонъ.— «В. В—во, откажитесь отъ этого заблужденія,—замѣтила его собесѣдница:— здѣсь не то, что въ южной Европѣ. Русскій недовѣрчивъ, его трудно побудить къ возстанію. Дворяне не замедлили бы воспользоваться этою минутою колебанія, эти новыя идеи были бы представлены, какъ противныя религіи и нечестивыя; увлечь ими было бы трудно, даже невозможно» [3]). Въ концѣ-концовъ, Наполеонъ отказался отъ намѣренія попытаться возбудить бунтъ крестьянъ. Въ рѣчи, произнесенной имъ предъ сенаторами въ Парижѣ 20 декабря 1812 г., онъ сказалъ: «Я веду противъ Россіи только политическую войну.... Я могъ бы вооружить противъ нея самой большую

---

[1]) „Дослужась,—говорили они,—изъ грязи до большихъ чиновъ и должностей и бывъ умомъ выше всѣхъ между совѣтниками царскими, онъ сталъ за крѣпостныхъ“, предложилъ государю освободить ихъ „и тѣмъ возмутилъ противъ себя всѣхъ господъ, которые за это, собственно, а не за предательство какое-нибудь рѣшились его погубить“.

[2]) „Арх. Раевскихъ“. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. СПБ., 1908 г., I, 152. 5 августа 1812 г. Наполеонъ писалъ принцу Евгенію Богарне о „возбужденіи“ крестьянъ за Велижемъ: „Если это возстаніе крестьянъ произошло въ старой Россіи (l'ancienne Russie, т.-е. не въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши), а можно было бы считать его очень выгоднымъ для насъ, и мы извлекли бы изъ него большую пользу... Сообщите мнѣ свѣдѣнія объ этомъ и дайте знать, какого рода декретъ и прокламацію можно было бы издать, чтобы возбудить возстаніе крестьянъ въ Россіи и привлечь ихъ на свою сторону“. Mémoires et correspondance politique et militaire du prince Eugène, publiés par du Casse, t. VII, P. 1860, p. 414.

[3]) Domergue. La Russie pendant les guerres de l'empire. P. 1835, t. II, 74—75, 83—86. «Рус. Арх.», 1869 г., стр. 1415—1416, 1430, 1453—4. Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. 3-me ed., P. 1838, II, 287—288. А. Н. Поповъ. «Французы въ Москвѣ въ 1812 году». «Русскій Архивъ», 1876 г., т. II, 296.

часть ея населенія, провозгласивъ освобожденіе рабовъ; во множествѣ деревень меня просили объ этомъ. Но когда я увидѣлъ огрубеніе (abrutissement) этого многочисленнаго класса русскаго народа, я отказался отъ этой мѣры, которая предала бы множество семействъ на смерть и самыя ужасныя мученія» [1]).

Итакъ, Наполеонъ отказался отъ мысли о провозглашеніи свободы крестьянъ, которой, какъ думаетъ генералъ Монтолонъ, они ожидали отъ французовъ [2]). Но Ростопчинъ самъ содѣйствовалъ распространенію надеждъ на освобожденіе, объявивъ въ посланіи къ жителямъ Москвы до занятія ея французами, что Наполеонъ «солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ—золотыя горы, народу—свободу», хотя и прибавлялъ тутъ же, что изъ этихъ обѣщаній ничего не выйдетъ [3]).

Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ старыхъ масоновъ, которыхъ Ростопчинъ такъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ, Поздѣевъ, столь же ярый крѣпостникъ, какъ и самъ Ростопчинъ, также билъ тревогу о томъ, что нашествіе Наполеона взволнуетъ крѣпостное населеніе Россіи [4]). Черезъ нѣсколько дней онъ писалъ министру народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскому, что «мужики наши... ожидаютъ какой-то вольности; это очаровательное слово кружитъ ихъ». Ростопчинъ въ письмѣ къ имп. Але-

---

[1]) Le Moniteur Universel, 1812 г., № 356. „Несомнѣно,—говоритъ англійскій генералъ Вильсонъ, находившійся въ 1812 г. въ русской арміи въ званіи великобританскаго комиссара,—возстаніе рабовъ могло бы быть возбуждено въ Россіи, если бы могли поддержать дисциплину въ разнородной арміи Наполеона и избѣгли бы оскорбленій и насилій, которыя довели до отчаянія народъ и затронули его религіозные предразсудки". По словамъ Вильсона, „Наполеонъ отвергъ сдѣланное ему въ Москвѣ предложеніе относительно возбужденія возстанія". A sketch of the military and political Power of Russia in the year 1817, L. 1817, p. 36—37. Однако тотъ же Вильсонъ писалъ 20 окт. 1812 г. лорду Каткарту, что „всѣ извѣстные ему французы были поражены повиновеніемъ и привязанностью крестьянъ къ помѣщикамъ". Дубровинъ. „Отечественная война", 269.

Баронъ Дедемъ де-Гельдеръ, голландецъ, служившій во французской арміи, полагаетъ, что „императоръ могъ бы поднять возстаніе въ русскихъ губерніяхъ, если бы онъ хотѣлъ дать волю народу, такъ какъ народъ этого ожидалъ, но Наполеонъ былъ въ то время уже не генералъ Бонапартъ, командовавшій республиканскими войсками. Для него было слишкомъ важно упрочить монархизмъ во Франціи и трудно проповѣдывать революцію въ Россіи". „Изъ записокъ бар. Дедема". „Рус. Стар.", 1900 г., № 7, стр. 126.

[2]) Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon écrits à Saint-Hélène par les généraux, qui ont partagé sa captivité, et publiés sur les manuscrits entierement corrigés de la main de Napoléon. II, écrit par général comte de Montholon. P. 1823, p. 100.

[3]) Поваръ Ростопчина, какъ сообщаетъ его господинъ, будто бы „заговорилъ о вольности и что за тѣмъ (т.-е. для дарованія ея) идетъ Наполеонъ". Узнавъ объ этомъ, Ростопчинъ приказалъ наказать его плетьми и сослать въ Тобольскъ. По разсказу же самого повара, бельгійца Турнэ, онъ ничего не говорилъ о вольности, а только пригрозилъ разсердившему его помощнику, что скоро съ ними расправится «нашъ императоръ» (т.-е. Наполеонъ), за что былъ публично наказанъ 25 ударами розогъ. До Сибири его не довезли, а оставили въ Перми, гдѣ онъ пробылъ 7 лѣтъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ французъ Мутонъ, жившій въ домѣ доктора Шлегеля, сказалъ его крѣпостному лакею, что скоро они будутъ счастливы: Наполеонъ дастъ имъ свободу. Слуги побили Мутона и привезли на съѣзжую. Покидая Москву, Ростопчинъ передалъ на растерзаніе черни несчастнаго Верещагина, а Мутона отпустилъ съ приказаніемъ сказать своимъ, что подвергшійся казни былъ единственнымъ измѣнникомъ своему отечеству. „Отечественная война 1812 года. Матеріалы Военно-Ученаго Архива", Спб. 1911 г., т. XVI, 129, „Рус. Арх.", 1869 г., стр. 1448—1449; 1875 г., III, 12, 285—6; П. Щукинъ. „Бумаги Отечеств. войны", I, 156; Дубровинъ. „Отечеств. война въ письмахъ современниковъ". Спб., 1882, стр. 69, 111. Въ письмѣ къ С. Р. Воронцову (1813 г.) Ростопчинъ признается, что боялся въ 1812 г. бунта дворовыхъ въ Москвѣ.

[4]) „Одни дворяне и ихъ прикащики,—писалъ онъ С. С. Ланскому 19 сентября 1812 г. изъ Вологды,—«побуждаютъ къ повиновенію государю, дабы подати, подводы и прочіе налоги давать. А дворяне къ мужикамъ остужены разсѣяніемъ слуховъ отъ временъ Пугачева о вольности, и все это поддерживалось головами французскими и изъ русскихъ, а нынѣ паче и французами, знающими, что оная связь содержала, укрѣпляла и распространяла Россію, а именно, связь государя съ дворянами, поддерживающими его власть надъ крестьянами, кои теперь крайне отягощены наборами рекрутъ, милиціей и такъ называемымъ ополченіемъ... Французы распространяются всюду и проповѣдуютъ о вольности крестьянъ,—то и ожидай всеобщаго" (возстанія). «При такомъ частомъ и строгомъ рекрутствѣ и наборахъ ожидай всеобщаго бунта противъ государя и дворянъ..., кои власть государя подкрѣпляютъ».

ксандру отъ 8 сентября, уже по занятіи французами Москвы, сообщилъ ему, что въ войскѣ распространился опасный слухъ, будто бы нашъ государь для того далъ возможность Бонапарту проникнуть въ Россію, чтобы французскій императоръ именемъ его (Александра) провозгласилъ свободу.

Получивъ извѣстіе отъ своего губернатора въ Вильнѣ, что нѣкоторые литовскіе татары изъявляютъ готовность служить въ его войскахъ, Наполеонъ пожелалъ этимъ воспользоваться и разрѣшилъ составить изъ нихъ полкъ, если найдется тысяча всадниковъ. Позднѣе предлагали татарамъ отправиться въ Казань подговаривать своихъ соотечественниковъ къ возстанію. Мюратъ, какъ говорятъ, увѣрилъ также Наполеона въ томъ, что казаки, находящіеся въ русской арміи, покинутъ ее и станутъ подъ его знамена[1]).

Гравюра изъ изд. Буддеуса 1820 г.

Хотя самъ Наполеонъ отказался отъ мысли поднять крестьянъ обѣщаніемъ свободы, но нѣкоторые изъ его сподвижниковъ, какъ мы видѣли, считали это возможнымъ. Офицеръ французской арміи Шмидтъ, оставшійся потомъ въ Москвѣ, на вопросъ Ростопчина, какое понятіе французы составили себѣ о нашихъ крестьянахъ, отвѣчалъ: «Хотя большинство и считало ихъ тупоумными, но полагало, что ихъ легко возбудить къ возстанію и привлечь на свою сторону». Дѣло не обошлось безъ попытокъ въ этомъ направленіи. Въ сентябрѣ 1812 г. въ имѣніи гр. Бобринскихъ (Ефремовскаго у., Тульской губ.) какіе-то люди въ нѣмецкомъ платьѣ проповѣдывали съ телѣгъ собравшемуся народу, чтобы они не пугались Бонапарта, что онъ идетъ на Россію, чтобы освободить крестьянъ, дать имъ волю и уничтожить помѣщиковъ. По требованію одного проѣзжавшаго въ это время дворянина ораторъ былъ арестованъ и отправленъ въ Тулу къ губернатору[2]).—Въ Нижегородской губ. былъ арестованъ, какъ шпіонъ,

---

[1]) Fain. Manuscrit de mil huit cent douze. P., 1827, t. II, 140—141; Chambray. Histoire de l'expédition de Russie, P., 1838, t. II, 214, 307. Domergue. La Russie pendant les guerres de l'empire, II, 86; „Рус. Арх.“, 1869 г., стр. 1430; „Сборн. Истор. Общ.“, т. 128, стр. 220—221, 231—232.

Среди казанскихъ татаръ были элементы, которые могли бы поддаться искушенію начать борьбу съ русскимъ правительствомъ. Въ маѣ 1812 г. татаринъ Казанскаго уѣзда Бактемировъ, придя на Буйскій заводъ (Вятской губ., Уржумскаго у.), говорилъ, что турки побѣдили русскихъ и государь бѣжалъ: это видно изъ писемъ, получаемыхъ богатыми татарами; онъ сказалъ также, что «татары скоро возьмутъ Казань, что и они умѣютъ драться, и у нихъ есть оружіе». Онъ слышалъ, что они переписываются съ турками. О попыткѣ Наполеона войти въ сношеніе съ казаками упоминаетъ въ своихъ запискахъ баронъ Дедемъ. «Рус. Стар.», 1900 г., № 7, стр. 126.

[2]) Бывшій студентъ Урусовъ въ іюлѣ доказывалъ въ одномъ изъ московскихъ трактировъ, что вступленіе Наполеона въ Москву возможно «и послужитъ къ общему благополучію». Когда его арестовали, онъ повторилъ это и въ присутствіи Ростопчина. Дубровинъ. „Отеч. война“, 59.

Наполеонъ у Малаго Ярославца.

(*Бакаловича*).

Harmonograph by Wasson.

(Patented 1893.)

крестьянинъ Витебской губ. Рачковъ; при допросѣ онъ показалъ, что помѣщикъ его, Сверчковъ, обмундировалъ и вооружилъ на счетъ французовъ всѣхъ своихъ крестьянъ, повелъ ихъ въ Ковно, и они шли съ французскою арміею до Москвы (и обратно до Смоленска). На пути въ Москву, въ Смоленскѣ, Рачковъ, 2 его однодеревенца и 2 француза, говорившіе по-польски и по-русски, призваны были къ Наполеону и получили приказъ итти въ низовые города для осмотра крѣпостей и склоненія народа въ подданство Наполеону. Рачкову былъ данъ билетъ на русскомъ языкѣ до Перми, другимъ—до Казани. Имъ было обѣщано, что по возвращеніи въ Польшу они получатъ 100 рублей. Товарищи ушли раньше, и Рачковъ не видѣлся съ ними. Чрезъ Москву онъ пошелъ на Касимовъ, оттуда въ Нижній-Новгородъ и затѣмъ по нагорной сторонѣ. На ночлегахъ онъ соблазнялъ крестьянъ обѣщаніемъ свободы, если они перейдутъ на сторону Наполеона, себя же выдавалъ за разоренаго непріятельскимъ нашествіемъ [1]). Пастухъ Тимоѳеевъ, крестьянинъ Витебской губ., былъ преданъ суду за «измѣнническія рѣчи». Въ Симбирскѣ почтальонъ Александровъ сказалъ дворовому одного чиновника, что въ Петербургѣ и Москвѣ есть уже повелѣніе о дарованіи вольности всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ и что скоро и въ Симбирскѣ оно будетъ получено и объявлено не чрезъ помѣщиковъ, а чрезъ почтальоновъ. Среди дворовыхъ, принадлежавшихъ помѣщикамъ, жившимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, распространились въ 1812 г. слухи, что «господскіе крестьяне оброку платить не будутъ». Въ началѣ іюля 1812 г. комитетъ министровъ получилъ отъ Ростопчина донесенія священниковъ двухъ селъ княгини Голицыной, Гжатскаго у., Смоленской губ., о возникшей между тамошними крестьянами «старообрядческой сектѣ», иниціаторы которой (изъ числа самихъ крестьянъ), «дѣлая съ нихъ разные поборы угрозами» и «обѣщаніемъ свободы изъ владѣнія помѣщика» и царствія небеснаго, «записали уже въ расколъ свой болѣе полуторы тысячи душъ».

Рисунокъ изъ книги Buddeus'a Volksgemälde. 1820.

---

[1]) Добронравовъ. «Дѣла Владимірскаго губернскаго правленія». «Труды Владимирской ученой архивной комиссіи», Влад., 1901 г., III, 7—8. Середонинъ. «Ист. обзоръ дѣят. комитета министровъ», I, 558.

Оставленіе Москвы на жертву французамъ вызвало сильное раздраженіе противъ имп. Александра. Великая княгиня Екатерина Павловна писала брату 6 сентября изъ Ярославля: «Недовольство достигло высшей степени, и вашу особу далеко не щадятъ. Судите объ остальномъ по тому, что это доходитъ до моего свѣдѣнія. Васъ открыто обвиняютъ въ несчастіи, постигшемъ ваше государство, въ разореніи общемъ и частныхъ лицъ, наконецъ, въ томъ, что обезчещены и Россія и лично вы. Не одинъ какой-нибудь классъ населенія, а всѣ единогласно кричатъ противъ васъ... Не бойтесь катастрофы въ революціонномъ смыслѣ, нѣтъ! но предоставляю вамъ судить о положеніи вещей въ странѣ, главу которой презираютъ.... Жалуются, и громко, на васъ».—«Васъ обвиняютъ въ б е з д а р н о с т и» (ineptie), писала великая княгиня 23 сентября[1]). А вотъ выраженіе негодованія (въ сентябрѣ 1812 г.) одного русскаго стародума, который видитъ въ XVIII вѣкѣ и во французскихъ авторахъ начало нашего «моральнаго развращенія»: «Теперь мы пожинаемъ плоды сихъ наставниковъ и учителей:... взведенъ на престолъ государь, не знающій ни духовныхъ, ни гражданскихъ законовъ и прильпленный къ одному только барабанному бою и солдатской амуниціи. Министры достойные—въ отставкѣ, а глупые—налицо». Изъ 50-ти губернаторовъ девять десятыхъ—дураки, такое же количество и изъ архіереевъ «если не блудники, то корыстолюбцы... Царя Соломона одарилъ Богъ премудростію свыше, а у нашего отнялъ и людей право-правящихъ и дальновидныхъ... Въ желѣзный годъ ополченіе, рекрутчина, лошади, поборы съ крестьянъ и помѣщиковъ»[2]). Негодованіе проникло и въ низшіе классы населенія: одинъ однодворецъ Обоянскаго у., Курской губ., въ октябрѣ 1812 г., въ присутствіи нѣсколькихъ другихъ однодворцевъ, сказалъ: «Нашъ государь проспалъ Москву и всю Россію[3])».

---

[1]) В е л. к н. Н и к о л а й М и х а и л о в и ч ъ. „Переписка имп. Александра I съ сестрой вел. кн. Екатериной Павловной“. Спб., 1910 г., стр. 83—84, 95. Мужъ Екатерины Павловны, принцъ Георгій Ольденбургскій, генералъ-губернаторъ новгородскій, тверской и ярославскій, считалъ даже необходимымъ избѣгать „внутреннихъ вооруженій поселянъ“ въ Ярославской губерніи вслѣдствіе настроенія народа подъ вліяніемъ „военныхъ обстоятельствъ“. „Русск. Стар.“, 1884 г., № 10, стр. 212.

[2]) Щ у к и н ъ. «Бумаги, относящіяся къ Отечественной войнѣ 1812 г.», V, М., 1900 г., стр. 278—279.

[3]) Онъ былъ преданъ суду по доносу священника, дѣло доходило до Сената, который опредѣлилъ, наказавъ виновнаго десятью ударами кнута, вырѣзать ему ноздри и сослать въ каторжную работу, но государь простилъ его, какъ простилъ и понамаря заштатнаго города Починокъ (Нижегородской губ.), который въ 1814 г. обругалъ его въ кабакѣ площадною бранью. См. тамъ же IV, 211—218. Въ Петербургѣ, еще до взятія Москвы, въ харчевнѣ крест. Логина Иванова, торгующій въ Апраксиномъ дворѣ мѣщанинъ Шебалкинъ въ бесѣдахъ съ погребщикомъ Воротиловымъ называлъ имп. Александра „безмозглою головою“, выражалъ желаніе перемѣны правленія, бранилъ Константина Павловича, но все же высказывалъ предположеніе, что, можетъ-быть, лучше было бы, если бы его сдѣлали государемъ, „а то ужъ мы дожили до годовъ“; указывая на домъ Нарышкиныхъ, о чрезвычайной роскоши котораго и о государѣ разсказывали въ харчевнѣ служившіе въ немъ офиціанты, говорилъ: „вотъ гдѣ государство-то наше прошло“ (Мар. Антон. Нарышкина была, какъ извѣстно, въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ государемъ), говорилъ про Наполеона, что онъ сынъ Екатерины II и идетъ присвоить себѣ корону всероссійскую, по наслѣдству послѣ брата ему законно принадлежащую, говорилъ, что Наполеонъ „молодецъ—умѣетъ воевать..., а наши пріѣхали въ Вильну только на хорошихъ (т.-е. красивыхъ) полячекъ смотрѣть да манеры дѣлать“. Воротиловъ, свѣдущій въ священномъ писаніи, толковалъ на основаніи его и самое шествіе непріятеля на Москву, ссылаясь на Апокалипсисъ и пророчество Іоанна Крестителя („смотрѣли Апокалипсисъ и имя Аполліона“). Шебалкинъ говорилъ также, что „когда французъ придетъ къ Петербургу, то мы въ большіе дома станемъ бомбы бросать“, а вмѣстѣ съ тѣмъ „хвалилъ знатныхъ“ и полагалъ, что „лучше бы было, какъ за стариковъ-то взялись“, „лучше бы было за стариками, мало ли у насъ есть еще“, называлъ при этомъ гр. Ник. Ив. Салтыкова и говорилъ: „какъ бы прежде взялись, а то уже схватились, да поздно!“ Шебалкинъ предлагалъ также предоставить власть Елизаветѣ Алексѣевнѣ и даже на допросѣ съ нѣкоторою гордостью призналъ, что „эта мысль его собственная“. „Комитетъ 13 января“ постановилъ 16 сентября 1812 г. предать Шебалкина суду, харчев-

Нѣкоторыя изъ крестьянскихъ волненій 1812 г. вовсе не связаны съ отечественною войною и вызваны были совсѣмъ иными причинами. Таково было обширное волненіе крестьянъ, приписанныхъ къ уральскимъ заводамъ Яковлева (Верхъ-Исетскимъ и Николая Демидова и къ казеннымъ Гороблагодатскимъ заводамъ). Императоръ Павелъ пришелъ къ убѣжденію, что отрабатываніе податей на заводахъ крестьянами, приписанными къ нимъ и живущими въ разстояніи отъ нихъ иногда въ нѣсколько сотъ верстъ, обходится народу слишкомъ дорого [1]) и потому повелѣлъ замѣнить всѣхъ приписныхъ крестьянъ крестьянами выбранными ими изъ своей среды, «непремѣнными мастеровыми» по 58 человѣкъ съ 1.000 душъ. Мѣра эта была осуществлена при императорѣ Александрѣ нначе, и только относительно приписанныхъ къ уральскимъ заводамъ. На основаніи Высочайше утвержденнаго 15 марта 1807 г. доклада министра финансовъ въ мастеровые и непремѣнные работники должно было зачислить жителей всѣхъ ближайшихъ селеній, а затѣмъ недостающее количество набрать съ Пермской и Вятской губерній посредствомъ рекрутскаго набора также не съ однихъ приписныхъ, а со всего крестьянскаго населенія, съ тѣмъ, чтобы частные заводы были снабжены мастеровыми и непремѣнными работниками въ необходимомъ для нихъ количествѣ къ 1 мая 1813 г., а казенные—къ 1 мая 1814 г. При раскладкѣ заводскихъ работъ на 1812 г. отъ нихъ отказались приписные къ Верхъ-Исетскимъ заводамъ корнета Яковлева Калиновской волости, Камышловскаго уѣзда, Пермской губерніи, считая, что эти заводы уже наполнены непремѣнными работниками и что самое расположеніе работъ, сдѣланное по числу душъ пятой ревизіи, несоразмѣрно съ количествомъ ихъ по шестой ревизіи, по которой въ этой волости оказалось меньше населенія, чѣмъ по пятой. Неповиновеніе приписныхъ крестьянъ обнаружилось въ Брусянской вол., Екатеринбургскаго уѣзда, куда отправлена была подъ начальствомъ офицера команда въ 40 человѣкъ, а также въ Ирбитскомъ уѣздѣ и еще въ девяти волостяхъ Камышловскаго уѣзда, куда былъ посланъ отрядъ въ 160 человѣкъ при 4-хъ офицерахъ, а также часть командъ, находящихся при заводахъ. Пермскій губернаторъ сталъ объѣзжать мѣста волненій, охватившихъ 500 верстъ. Но первоначально всѣ усилія успокоить крестьянъ оставались безуспѣшными, и для усмиренія ихъ потребовалось сначала 250 солдатъ, а затѣмъ понадобился еще цѣлый батальонъ и, кромѣ того, до 200 человѣкъ служилыхъ башкиръ. Нѣкоторые крестьяне ссылались на то, что при новой переписи о заводника Логина Иванова наказать при полиціи, а Воротилова освободить, взявъ съ него подписку, что онъ будетъ впредь осторожнѣе, но государь въ 1814 году велѣлъ всѣхъ ихъ простить. Однако, въ ожиданіи резолюціи государя, они просидѣли два года въ Алексѣевскомъ равелинѣ петербургской крѣпости, а затѣмъ съ нихъ взяли подписку, что впредь „не только такими дерзкими и законопротивными разсужденіями заниматься“ они не станутъ, но и вообще не будутъ имѣть разговоровъ о дѣлахъ, до нихъ не касающихся, а также не будутъ разсказывать о дѣлѣ, по которому они содержались. Послѣ взятія Москвы, въ сентябрѣ 1812 г., отставной майоръ С. А. Бошнякъ говорилъ: „Москва взята, вся Россія французская, вотъ какого мы нашли себѣ государя! погубилъ всю Россію“. Упомянувъ, что государь собирается ѣхать въ Англію, Бошнякъ прибавилъ: „Глупъ народъ, что отпускаетъ, надобно его оставить и судить вмѣстѣ съ министрами..... Подкупленный имъ (Наполеономъ) Аракчеевъ всему виною, а для насъ все равно, кто императоръ“. Бошнякъ отсидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ два года въ ожиданіи резолюціи государя, а затѣмъ былъ прощенъ съ запрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы. (Арх. Гос. Сов.).

[1]) О тяжеломъ положеніи приписныхъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ см. въ моей книгѣ „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“, т. II, Спб., 1901 г., стр. 295—561.

скихъ работахъ ничего не было сказано, другіе были увѣрены, что въ одной волости на просьбу, поданную государю въ 1811 г., получень уже именной указъ, съ золотою строкою, въ которомъ всѣ приписные освобождены отъ заводскихъ работъ, а если кто будетъ работать, то вѣчно останутся при заводахъ. Приписанные къ заводамъ Яковлева изъ поданной имъ просьбы о дачѣ ему непремѣнныхъ работниковъ цѣлыми селеніями, а не изъ рекрутъ, выводили заключеніе, что онъ желаетъ удержать приписныхъ крестьянъ при заводахъ навсегда. Въ одной изъ волостей засѣдатель земскаго суда, уговаривая крестьянъ, пригласилъ въ помощь себѣ священника, но тотъ въ волостномъ правленіи сказалъ собравшейся большой толпѣ, что засѣдатель обманываетъ ихъ, чѣмъ усилилъ ихъ волненіе. Мѣстами уговаривали отказываться отъ работъ сами волостные начальники, за что ихъ, а также нѣкоторыхъ зачинщиковъ, арестовывали и предавали суду.

При обсужденіи вопроса объ этомъ волненіи въ комитетѣ министровъ, въ его засѣданіе (16 мая 1812 г.) былъ приглашенъ сенаторъ, бывшій пермскій и вятскій генералъ-губернаторъ Модерахъ, который заявилъ, что приписные крестьяне, ожесточаемые различными злоупотребленіями, не разъ оказывали подобное неповиновеніе, но успокаивались, когда начальство объясняло имъ ихъ обязанности, и выразилъ увѣренность, что и теперешнія волненія могутъ быть легко прекращены благоразумными, кроткими мѣрами. Хотя, дѣйствительно, двѣ волости уже начали работать, но окончательное приведеніе крестьянъ въ повиновеніе было возложено на командующаго войсками, расположенными по сибирской линіи, генералъ-лейтенанта Глазенапа, который долженъ былъ отправиться къ своему посту. 23 мая былъ опубликованъ именной указъ сенату о томъ, что крестьяне обязаны продолжать работы до вышеуказанныхъ сроковъ (1813 и 1814 гг.), но черезъ нѣсколько дней было получено донесеніе пермскаго губернатора, что волнующіеся крестьяне, число которыхъ въ 12 волостяхъ трехъ уѣздовъ доходило до 20 тысячъ, успокоены «одними кроткими увѣщаніями и убѣжденіями» и отправились на заводскую работу (рубку дровъ и возку угля), военнымъ же командамъ велѣно возвратиться къ своимъ мѣстамъ [1]).

Почти въ то же время, какъ среди крестьянъ, приписанныхъ къ уральскимъ заводамъ, началось волненіе и въ Вологодской губерніи, въ имѣ-

---

[1]) Арх. Мин. Вн. дѣлъ, дѣло департам. полиціи исполнительной 1812 г., № 158; „Журналы комитета министровъ“, 1812 г., т. II, 436, 445—447, 467; Полн. Собр. Зак. XXXII, № 25114; Щукинъ. „Бумаги, относящіяся до Отечественной войны“, ч. V. М. 1900, стр. 68—69. Въ цитированномъ уже выше письмѣ къ имп. Александру, ходившемъ по рукамъ въ 1807—12 гг. отъ имени сенатора Теплова, гр. Маркова или П. С. Мордвинова, упомянувъ о волненіи работниковъ на пермскихъ желѣзныхъ заводахъ, неизвѣстный авторъ продолжаетъ: „Крестьяне въ нѣмецкихъ провинціяхъ ожидаютъ только перваго знака къ бунту“, а затѣмъ, послѣ приведенныхъ выше словъ о польскихъ крестьянахъ, желающихъ „расторгнуть цѣпи“, говоритъ: „Крымскіе татары готовы соединиться съ турками. Необыкновенная дороговизна въ столицахъ, голодъ въ пограничныхъ губерніяхъ, недостатокъ людей, похищенныхъ отъ земледѣлія рекрутскимъ наборомъ и сборомъ милиціи. Отъ сѣвера къ югу во всѣхъ губерніяхъ всѣ классы подданныхъ отягощены и разорены податями и налогами; дворянство, духовные, купцы, крестьяне одинаково исполнены чувствами негодованія и отчаянія,—всѣ ропщутъ... средства къ государственнымъ доходамъ уничтожаются безпрестанно разореніемъ крестьянъ“. Послѣ упоминанія о готовности къ бунту крестьянъ въ нѣмецкихъ провинціяхъ въ нѣкоторыхъ спискахъ письма есть еще такія строки: „Жиды, притѣсняемые въ гражданскомъ ихъ существованіи безъ всякой основательной причины, побуждаемые внѣшнимъ вліяніемъ, готовы предпринять все противъ такого правительства, которое съ ними одними нарушаетъ терпимость вѣры“. „Рус. Стар.“, 1898 г., № 12, стр. 511; срав. „Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс.“, 1873 г., III, 156—157.

піяхъ надворнаго совѣтника Яковлева (Вологодскаго, Кадниковскаго и Вельскаго уѣздовъ), купленныхъ имъ въ 1811 г. у Щербининой, дочери кн. Екатерины Роман. Дашковой. При вводѣ новаго помѣщика во владѣніе, крестьяне (319 душъ) отказались ему повиноваться, утверждая, что Щербинина не имѣла права наслѣдовать ихъ послѣ матери и брата, которые будто бы намѣревались отдать ихъ въ родъ графовъ Воронцовыхъ (Дашкова была урожденная Воронцова) или дать имъ свободу.

Губернаторъ послалъ совѣтника губернскаго правленія Андреева уговаривать крестьянъ, но они встрѣтили его и его команду съ кольями и дубинами и грозили избить, если онъ не уѣдетъ, а два захваченные Андреевымъ старика заявили, что, по завѣщанію Дашковой, крестьяне принадлежатъ казнѣ и проданы Щербининою неправильно, о чемъ послали ходоковъ принести жалобу государю. Губернаторъ отправилъ чиновника съ бо̀льшею командою, а комитетъ министровъ приказалъ выслать крестьянскихъ челобитчиковъ на родину. Такъ какъ волненіе продолжалось, то велѣно было принять строжайшія мѣры. Когда Яковлевъ въ слѣдующемъ году захотѣлъ купленныхъ имъ крестьянъ посылать изъ Вологодской губерніи на свой заводъ въ Вятскую губернію, то они окончательно перестали повиноваться [1]), заявили: «не хотимъ быть за господиномъ, хотя и отпускаетъ съ заводовъ», выражали желаніе, чтобы ихъ взяли въ казну, и изъявляли готовность внести Яковлеву уплаченную за нихъ сумму. Посылка архимандрита для увѣщанія крестьянъ успѣха не имѣла. Администрація рѣшила усмирить волненіе военною силою. Крестьяне, у которыхъ было до ста ружей, вооружили и женщинъ и два часа отчаянно защищались, но затѣмъ разбѣжались по лѣсамъ. Флигель-адъютантъ Чуйкевичъ, посланный сюда въ 1813 г., и совѣтникъ губернскаго правленія получили нѣсколько ударовъ камнями въ голову; изъ солдатъ башкиръ 12 человѣкъ было ранено легко, 2—тяжело, 1—убитъ; крестьянъ убито 20 человѣкъ, въ томъ числѣ 4 женщины. Крестьяне разсчитывали, что ихъ возьмутъ въ казну, но когда прибыли новые военные отряды, пришлось смириться. Четверо признанныхъ зачинщиками были наказаны кнутомъ при собраніи крестьянъ (изъ нихъ тремъ вырѣзали ноздри) и сосланы въ Сибирь въ каторжную работу.

Виды въ селѣ Мишенскомъ (съ акв. Клара).

Тотъ же Яковлевъ одновременно съ вологодскими имѣніями купилъ у Щербининой 1.150 душъ въ Череповецкомъ уѣздѣ, Новгородской гу-

---

[1]) По словамъ крестьянъ, на заводъ было взято 200 человѣкъ да еще назначено отправить туда 100 мужчинъ и 150 женщинъ. Узнавъ объ ихъ жалобахъ, приказчикъ сѣкъ ихъ, отбиралъ скотъ, грозилъ всѣхъ перевести на заводы, а имущество и землю ихъ продать, наконецъ приказалъ за 1812 г. взыскать по 7 руб. 50 коп. оброку, а затѣмъ еще по 40 руб., и кто былъ не въ состояніи заплатить, тѣхъ отправлялъ на заводы.

берніи. Въ 1812 году онъ взялъ изъ нихъ на свой желѣзодѣлательный Холуницкій заводъ, Вятской губерніи, 167 человѣкъ, на одинъ годъ, а управитель его началъ брать у разныхъ крестьянъ (онъ увѣрялъ потомъ, что бралъ лишь взаемъ) по 100, 200 и даже по 500 рублей; они были обложены оброкомъ на 1813 г. по 25 руб. съ души (а по заявленію предводителя дворянства по 15—17 р., крестьяне же сосѣднихъ помѣщиковъ платили 10—14 руб.), наконецъ прислано было съ заводовъ большое количество желѣза для выдѣлки гвоздей за плату, которая, однако, своевременно выдана имъ не была. Возвратившіеся съ завода крестьяне сообщили, что нѣкоторые изъ ихъ товарищей тамъ умерли [1]). Все это, а также вліяніе волненія крестьянъ того же господина въ Вологодской губерніи вызвали въ 1813 г. волненіе череповецкихъ крестьянъ Яковлева. Они, какъ и вологодскіе его крестьяне, желали быть взятыми въ казну и готовы были возвратить помѣщику то, что онъ за нихъ уплатилъ. Крестьяне были вооружены рогатинами, косами, привязанными къ длиннымъ жердямъ; по увѣренію понятыхъ, у нихъ были и двѣ пушки, которыя крестьяне тщательно скрывали: здѣсь также въ вооруженіи участвовали и женщины. Для усмиренія волненія посланъ былъ изъ города Устюжны отрядъ башкирскаго казачьяго полка. Крестьяне требовали именного указа государя, говорили, что, пока они кого-либо изъ команды или изъ членовъ земскаго суда не застрѣлятъ, дѣло не дойдетъ до свѣдѣнія государя, и дѣйствительно, они тяжело избили управителя, исправника и стряпчаго. Когда прибылъ полковникъ Чуйкевичъ (тотъ же, что потомъ усмирялъ и вологодскія имѣнія Яковлева), произошло 1 іюня настоящее сраженіе; крестьянъ было убито 24 человѣка, а нѣкоторые, тяжело раненые, попрятались по мхамъ и лѣсамъ. Башкиръ было ранено 11 человѣкъ и 1 инвалидный солдатъ, совѣтникъ новгородскаго губернскаго правленія сильно избитъ, другой чиновникъ и самъ полковникъ Чуйкевичъ подстрѣлены дробью въ ноги. Башкирскій полкъ былъ оставленъ въ селеніяхъ крестьянъ до наказанія виновныхъ. Дѣло закончилось, какъ обыкновенно, жестокими карами на мѣстѣ преступленія. Комитетъ министровъ запретилъ Яковлеву переселять крестьянъ на заводы, если онъ желалъ владѣть этими крестьянами на крѣпостномъ правѣ, и взятыхъ туда приказалъ немедленно возвратить [2]).

---

[1]) Какъ тяжела была жизнь и работа на Холуницкомъ заводѣ Яковлева, видно изъ того, что изъ числа крестьянъ, купленныхъ имъ въ 1814 г. у двухъ помѣщицъ Яранскаго уѣзда, Вятской губ., и переселенныхъ на заводъ, въ годъ умерло 77 чел., т.-е. шестая часть всѣхъ переселенныхъ. „Столѣтіе Вятской губерніи“, т. II, 1881, стр. 504.

[2]) Четверо мужчинъ, наказанные кнутомъ по 150—175 ударовъ съ вырѣзываніемъ ноздрей, отправлены были въ Нерчинскъ въ вѣчную каторжную работу, одна женщина (75 ударовъ кнута) также отправлена на каторгу, одинъ высѣченъ 150 ударами кнута и сосланъ на поселеніе. Мужчины, кромѣ двухъ очень старыхъ, были зачтены помѣщику за рекрутъ. Четверо, преданные суду, умерли до приговора, что свидѣтельствуетъ объ ужасныхъ условіяхъ тюремнаго заключенія. Сенатскій Архивъ. Дѣло Министерства Юстиціи, 1813 г., № 64; Архивъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, дѣло департамента полиціи исполн. 1812 г., № 159. „Журналы комитета министровъ“, II, 437, 699; Середонинъ. „Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, 1, 370. Крѣпостные крестьяне, переселяемые на заводы, какъ непремѣнные работники, на основаніи Высочайше утвержденнаго доклада 15 марта 1807 г., должны были получать свободу черезъ 30, а дѣти ихъ черезъ 40 лѣтъ. О волненіи въ 1815—16 гг. крестьянъ, купленныхъ тѣмъ же Яковлевымъ у двухъ помѣщицъ Яранскаго уѣзда и переселенныхъ имъ на Холуницкій заводъ (въ Слободскомъ уѣздѣ, Вятской губ.), см. „Столѣтіе Вятской губерніи“, Вятка, 1881 г., II, 490—507. Послѣ этого волненія комитетъ министровъ, въ виду крайняго недостатка въ людяхъ на Холуницкихъ заводахъ, постановилъ оставить при нихъ переселенныхъ крестьянъ. Заводы эти принадлежатъ къ числу поссессіонныхъ.—Въ имѣніи кн. С. М. Голицына, Владимирской губерніи, въ сентябрѣ 1812 г. произошло

12 марта 1812 года Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было разрѣшено дворянамъ представлять, сверхъ обыкновенныхъ ревизскихъ сказокъ, особые посемейные списки съ обозначеніемъ въ нихъ крестьянъ обоего пола. Объявленіе этой правительственной мѣры вызвало недоразумѣніе въ селѣ Верхняя Добринка, имѣніи помѣщицы Волковой, Камышинскаго уѣзда, Саратовской губ.: крестьяне подумали, что этимъ распоряженіемъ имъ дается «вольность—быть барскими или нѣтъ», и единогласно рѣшили (въ августѣ мѣсяцѣ), что стали вольными. Бурмистръ убѣждалъ ихъ, что они ошибаются, но принужденъ былъ ночью уѣхать вмѣстѣ со старостою и старшиною, которыхъ сходъ смѣнилъ.

Виды въ селѣ Мишенскомъ (раб. Клара).

Въ іюлѣ 1812 г. рижскій военный губернаторъ Эссенъ донесъ сенату, по полученіи указа о рекрутскомъ наборѣ, что послѣ занятія непріятелемъ Курляндіи наборъ можетъ послужить поводомъ къ возмущенію крестьянъ [1]). Въ началѣ августа Эссенъ доносилъ о «превратныхъ мысляхъ лифляндскихъ крестьянъ о вольности», которыя казались ему особенно опасными въ виду близости къ губерніи непріятеля, и потому онъ распорядился, чтобы ландгерихты оканчивали дѣла о виновныхъ въ 24 часа и приговоры о тѣлесныхъ наказаніяхъ представляли или губернатору, или отставному генералу, которому онъ предоставилъ началь-

---

„неповиновеніе крестьянъ и буянство“ при выборѣ людей въ ополченіе. Щукинъ, VI, 78, 102. Въ Саратовѣ прапорщикъ Викторовъ, „еврейской вѣры и придерживающійся молоканской секты“ (слѣдовательно, принадлежащій къ числу молоканъ-субботниковъ) сталъ разглашать, что у Наполеона войска полтора милліона, что Рига взята непріятелемъ и толковалъ слова Библіи: „левъ побѣдитъ орла“, такъ, что „евреи разсѣяны не навсегда, но будутъ собраны, что истязаніе, имъ терпимое отмстится и что слабѣйшій ихъ будетъ храбрѣйшій“. Саратовскій губернаторъ, на томъ основаніи, что въ этой губерніи было много молоканъ и что, по его мнѣнію, „неблагонамѣренныя разглашенія могутъ имѣть вредное вліяніе на непросвѣщенные умы“, въ концѣ октября мѣсяца выслалъ Викторова въ Пермскую губ., прося установить тамъ за нимъ надзоръ (Сенатскій Архивъ). Дѣло Викторова можно сопоставить съ слѣдующимъ извѣстіемъ Гакстгаузена: „Когда Наполеонъ началъ походъ на Россію, то молокане увидѣли въ немъ льва въ долинѣ Іосафатовой, описаннаго въ ихъ старинныхъ псалмахъ и призваннаго низвергнуть лжеимператора и вновь возвести на престолъ бѣлаго царя. Молокане Тамбовской губерніи избрали изъ своей среды депутацію, которая въ бѣлыхъ одеждахъ должна была итти навстрѣчу Наполеону и привѣтствовать его“. Они дошли до Вислы и тамъ были схвачены. „Одинъ бѣжалъ и благополучно возвратился къ своимъ, а объ остальныхъ они никогда ничего не узнали“. Haxthausen. Studien über dieneren Zustände Russlands, I, 388.—Тамбовскій губернаторъ Ниловъ разослалъ по своей губерніи печатные листки съ посланіемъ „ко всѣмъ волостнымъ головамъ, сельскимъ старостамъ, сотскимъ, десятскимъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ“, въ которыхъ убѣждалъ ихъ хватать, ковать въ желѣза и привозить къ нему всѣхъ, „кто станетъ сладко говорить о французахъ“.

[1]) Въ то же время генералъ фонъ-Гравертъ, командовавшій прусскимъ корпусомъ, вступившимъ въ Курляндію, обнародовалъ 13 (25) іюля на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующее объявленіе: „Ходятъ слухи, что среди обязанныхъ работою сельскихъ жителей здѣшней провинціи стало распространяться ложное мнѣніе, будто бы наступившее военное положеніе и присутствіе прусскихъ войскъ избавляетъ ихъ отъ обязанностей относительно помѣщиковъ. Чтобы исправить это заблужденіе, я симъ объявляю, что—впредь до высшаго повелѣнія—не произойдетъ никакой перемѣны какъ въ устройствѣ этой провинціи, такъ и въ отношеніяхъ между господами и подданными, и что прусскій корпусъ, вмѣсто того, чтобы нарушить эти отношенія, напротивъ, готовъ энергически поддержать ихъ и порядокъ, и строго наказать всякаго, позволившаго себѣ ихъ нарушить“. „Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества“, т. 133, стр. 172. („Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года, собранные подъ редакціею К. Военскаго. Томъ II. Балтійская окраина въ 1812 году“).

ство надъ внутреннею стражею и земскою полиціею. Тѣмъ не менѣе, въ Лифляндской губ. возникли безпорядки, неповиновеніе помѣщикамъ, работы прекращались, и крестьяне бѣжали въ лѣса, но все это было скоро прекращено.

Въ Эстляндской губ. замѣчено было въ августѣ мѣсяцѣ бѣгство помѣщичьихъ крестьянъ, большею частью способныхъ къ службѣ, изъ опасенія рекрутскаго набора, въ финляндскія шхеры [1]).

II.

Разсмотримъ теперь волненія крестьянъ въ 1812 г. въ губерніяхъ, которыя были затронуты нашествіемъ французовъ.

Генеральный региментарій генеральной конфедераціи польскаго королевства кн. Іосифъ Понятовскій въ воззваніи къ полякамъ (въ іюнѣ мѣс.), убѣждалъ ихъ не надѣяться на то, что русскіе избавятъ ихъ «отъ политическаго ига и гражданскаго рабства» [2]).

Но отъ крѣпостного права не избавляли и власти, поставленныя Наполеономъ. Учрежденная по его повелѣнію комиссія временнаго правительства Великаго княжества Литовскаго, въ напечатанномъ 5 іюля воззваніи къ городскимъ, уѣзднымъ и сельскимъ властямъ, объявляла имъ, что «до объявленія во всеобщее свѣдѣніе другихъ распоряженій, всѣ крестьяне и земледѣльцы обязаны повиноваться своимъ помѣщикамъ, владѣльцамъ и арендаторамъ имѣній или лицамъ, ихъ заступающимъ, обязаны ничѣмъ не нарушать господской собственности, отбывать работы и повинности», которыя указаны были въ инвентаряхъ [3]) и какія исполнялись ими до сего времени. Въ противномъ случаѣ они подлежатъ «увѣщанію, наказанію и принужденію къ выполненію своихъ повинностей при посредствѣ уѣздныхъ властей и даже воинской силы, если того потребуютъ обстоятельства». Но вмѣстѣ съ тѣмъ уѣздныя власти должны были разбирать жалобы объ обидахъ, причиненныхъ крестьянамъ требованіемъ повинностей сверхъ положеннаго. Та же комиссія обратилась съ воззваніемъ и къ духовенству Виленской епархіи, въ которомъ говорится: «Необходимо немедленно возобновить постоянное отправленіе обыкновенныхъ дворовыхъ повинностей (барщины), ибо въ этомъ залогъ продовольствія и благосостоянія самихъ же крестьянъ въ будущемъ году», при чемъ указывалось на обильный урожай въ 1812 году, какъ на «доказательство видимаго покровительства Провидѣнія намѣреніямъ Великаго Наполеона» [4]).

---

[1]) Арх. Мин. Вн. дѣлъ, дѣло департ. полиціи исполн. № 245. О буйствѣ и побѣгахъ рекрутъ въ Эстляндіи см. „Журналы комитета министр.“, II, 664—665. Въ 1813 г. крестьяне казенныхъ и частныхъ мызъ Курляндской губ. не хотѣли давать рекрутъ и даже отбили нѣсколькихъ, которыхъ везли въ Митаву. (Арх. Соб. Е. В. канцеляріи).

[2]) „Отечественная война 1812 года“. Изд. главн. управл. генеральнаго штаба, отдѣлъ I, т. XIII, Спб., 1910 г., стр. 416. Нужно замѣтить, что первоначально послѣ раздѣловъ Польши положеніе крестьянъ въ западной Россіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ухудшилось. См. А. О. Турцевичъ. „Русскіе крестьяне подъ владычествомъ Литвы и Польши“. Вильна, 1911 г., стр. 66—69.

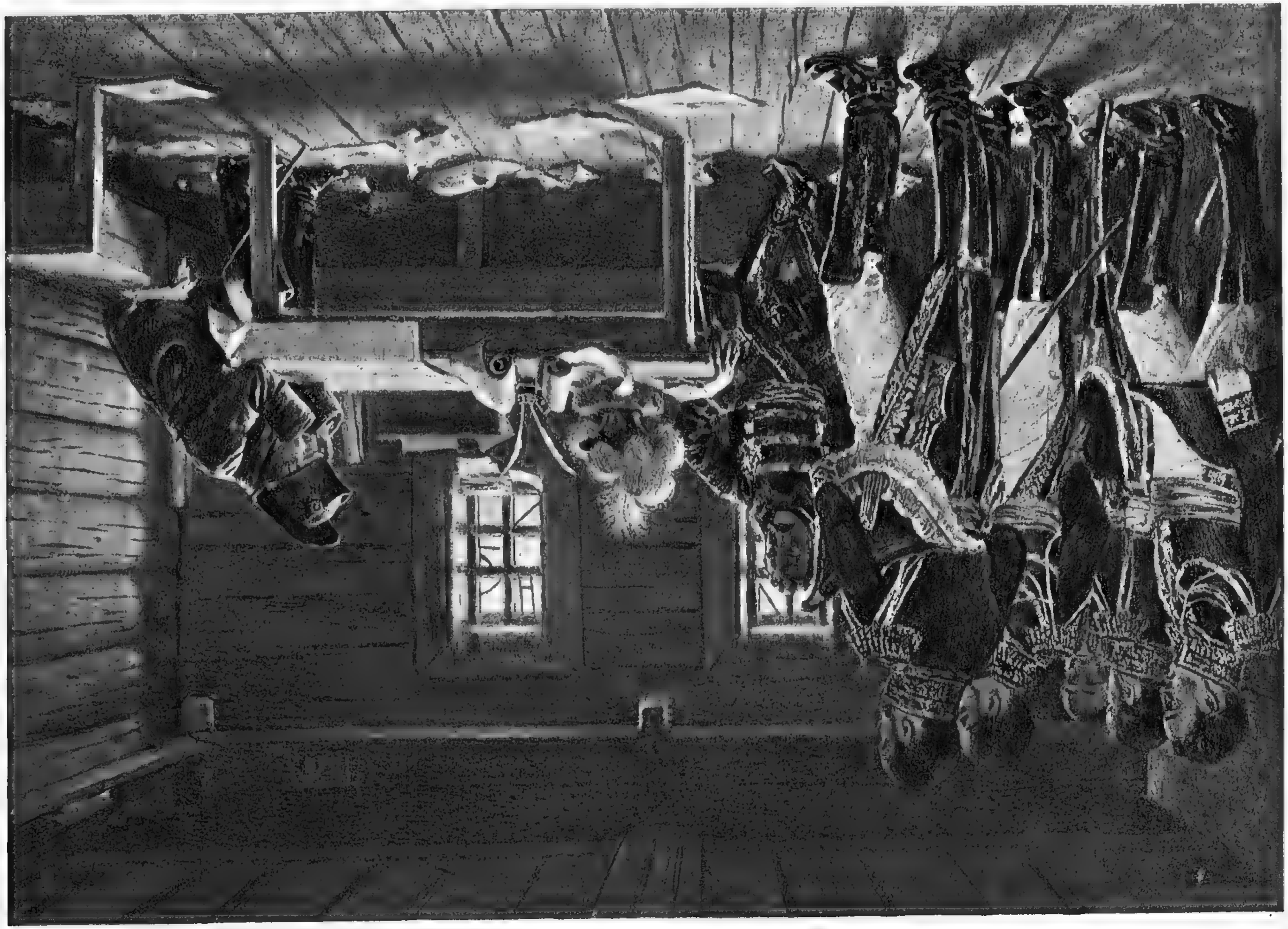
[3]) По составленнымъ въ 1798 г. инвентарямъ въ казенныхъ жалованныхъ и старостинскихъ имѣніяхъ, крестьяне обязаны были слѣдующими повинностями: панщизною, гвалтомъ (обязательною сверхбарщинною работою), подорожчизною, вещественною данью и денежнымъ чиншемъ. Краснянскій. „Мин. департаментъ Вел. Княжества Литовскаго (эпизодъ изъ исторіи войны 1812 г.)“. Спб., 1902 г., стр. 51.

[4]) „Gazeta Minska“, 1812, № 6; „Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ.“, т. 128, стр. 150—151, 153, ср. 172. Въ Могилевской губ. для охраненія польскихъ помѣщиковъ французско-польская администрація учредила военныя команды подъ названіемъ „Ochrana“, „Рус. Стар.“, 1878, т. XX, 693. Н. И. Муравьева

Въ Городнѣ. „Пробиваться или отступать?“

(*Верещагина*).

Вернемся к
Вр Горовнр. "Проснвается или отсутствует



Въ Минской губ. среди уголовныхъ дѣлъ этого времени «подавляющій процентъ составляютъ дѣла о возмущеніи крестьянъ противъ помѣщиковъ, поджогѣ ихъ имѣній и убійствѣ своихъ пановъ». Такъ, за сентябрь 1812 г. изъ 28 уголовныхъ дѣлъ 25 относятся къ этой категоріи, приблизительно такой же процентъ приходился и за августъ мѣсяцъ.

Крестьяне четырехъ деревень Борисовскаго повѣта, Минской губ., удалившись въ лѣса, составили нѣсколько отрядовъ и организовали нападенія на хлѣбные амбары, овины и кладовыя мѣстныхъ помѣщиковъ, стали грабить ихъ дома и фольварки. Перепуганные помѣщики обратились за помощью къ поставленному французами губернатору города Борисова, который въ концѣ іюля выслалъ въ Есьмонскую волость экзекуціонный отрядъ. Всѣ обвиненные въ возмущеніи крестьяне были арестованы и доставлены въ Борисовъ, откуда военно-слѣдственная комиссія передала дѣло въ Минскій главный судъ. Подобное же возстаніе крестьянъ произошло въ началѣ августа въ имѣніи кн. Радзивилла въ д. Смолевичахъ, гдѣ, благодаря присутствію французскихъ солдатъ, арендатору удалось арестовать виновныхъ.

Крестьяне деревни Тростянъ (игуменскаго повѣта) съ приближеніемъ французовъ со всѣмъ имуществомъ и скотомъ скрылись въ лѣсъ. Ихъ жестокій помѣщикъ Гласко также бѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ укрывались его крестьяне, построилъ себѣ шалашъ и поселился въ немъ со всею своею семьею. Попрежнему обременяя крестьянъ непосильною работою, онъ давалъ имъ возможность питаться лишь мякиною и подвергалъ ихъ наказаніямъ еще болѣе безчеловѣчнымъ, чѣмъ прежде. Наконецъ на сходкѣ, собранной престарѣлымъ старикомъ-крестьяниномъ Борисенкомъ, рѣшено было убить Гласко со всѣмъ его семействомъ. Борисенокъ бралъ грѣхъ на свою совѣсть и, не имѣя силъ, вслѣдствіе своей дряхлости, лично принять участіе въ задуманномъ дѣлѣ, далъ въ помощь своего единственнаго сына. 8 іюля крестьяне подстерегли помѣщика, ѣхавшаго съ женою и братомъ, и убили всѣхъ троихъ, а затѣмъ, направившись толпою къ шалашу, гдѣ находились остальные члены семьи Гласко въ числѣ 9 человѣкъ, расправились и съ ними. Трупы всѣхъ убитыхъ были притащены во дворъ имѣнія помѣщика и сожжены на кострѣ; затѣмъ они раздѣлили между собою зарытое въ землѣ господское имущество. Барскій домъ и всѣ хозяйственныя постройки были сожжены. Трое зачинщиковъ, съ Борисенкомъ во главѣ, отправились въ Игуменъ и заявили начальству, что все это было сдѣлано французами и просили назначить кого-либо для управленія имѣніемъ. Однако, дѣло раскрылось, и виновные судились Минскимъ главнымъ судомъ [1]).

упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ о волненіи крестьянъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ близъ мѣстечка Козачизны, Виленской губерніи: они „взбунтовались и не повиновались ни земской полиціи, ни помѣщичьимъ приказчикамъ“. „Рус. Арх.“, 1885 г., т. III, 69.

[1]) Краснянскій, „Минскій департаментъ В. Кн. Литовскаго“, стр. 46 — 50. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Бобруйскаго повѣта, Минской губ., нашествіе непріятелей также вызвало неповиновеніе крестьянъ. Жители Овручскаго повѣта, Волынской губ., въ половинѣ іюля собирались въ шайки, намѣреваясь „сдѣлать возмущеніе“. „Отечественная война 1812 г.“. Изд. главн. управл. генер. штаба, отд. I, т. XIV, 227—228. По этому поводу въ именномъ указѣ 27 іюля командиру 2-го резервнаго корпуса Эртелю упоминается объ экзекуціи надъ „возмутившимися жителями“ и предписывается дворянъ и неблагонадежныхъ обывателей высылать внутрь Россіи. Ibid., 173—174, 249—250.

Въ Витебской губ. въ мѣстечкѣ Бѣшенковичахъ, Лепельскаго у., крестьяне и мѣщане, въ началѣ іюля, не слушались ни помѣщика, ни чиновника, посланнаго губернаторомъ для перевоза провіанта на правый берегъ Двины, при чемъ войтъ (старшина) возбуждалъ ихъ къ неповиновенію. Рекрутскій наборъ вызывалъ большой ропотъ, но, по словамъ одного чиновника, «кажется оный происходитъ болѣе отъ самихъ помѣщиковъ, какъ будто для того, чтобы возбудить въ крестьянахъ болѣе ненависти». 19 іюля произошло волненіе въ вотчинѣ поручика Малышева (болѣе 1000 душъ), расположенной на границѣ Порѣчскаго у., Смоленской губ., и Велижскаго у., Витебской г. Бурмистръ Малышева донесъ смоленскому губернатору Ашу, что поводомъ къ волненію послужило предписаніе русскаго правительства поставить рекрутъ по Витебской губ. и произвести вооруженіе людей во временное ополченіе въ Порѣчьѣ. Крестьяне разгромили домъ господина, захватили денегъ до 5.000 р., разграбили вина 2.400 ведеръ, прибили бурмистра и ключника и, связавъ ихъ, повезли къ французамъ въ г. Велижъ, но на дорогѣ ихъ освободилъ помѣщикъ; повѣреннаго Малышева и семейство бурмистра избили и держатъ въ заточеніи и обо всемъ этомъ снеслись съ отрядами французовъ. Крестьяне мелятъ господскую рожь, которой было до 5.000 четвертей, и муку поставляютъ французамъ; помѣщичій рогатый скотъ (1.400 головъ), до ста заводскихъ лошадей, коровье масло, до 2.000 пудовъ соли и другіе припасы разграбляются крестьянами; въ свою пользу они употребляютъ также ржаной и яровой хлѣбъ [1]).

Реквизиція 29 іюня 1812 г. (рис. Фаберъ дю-Фора).

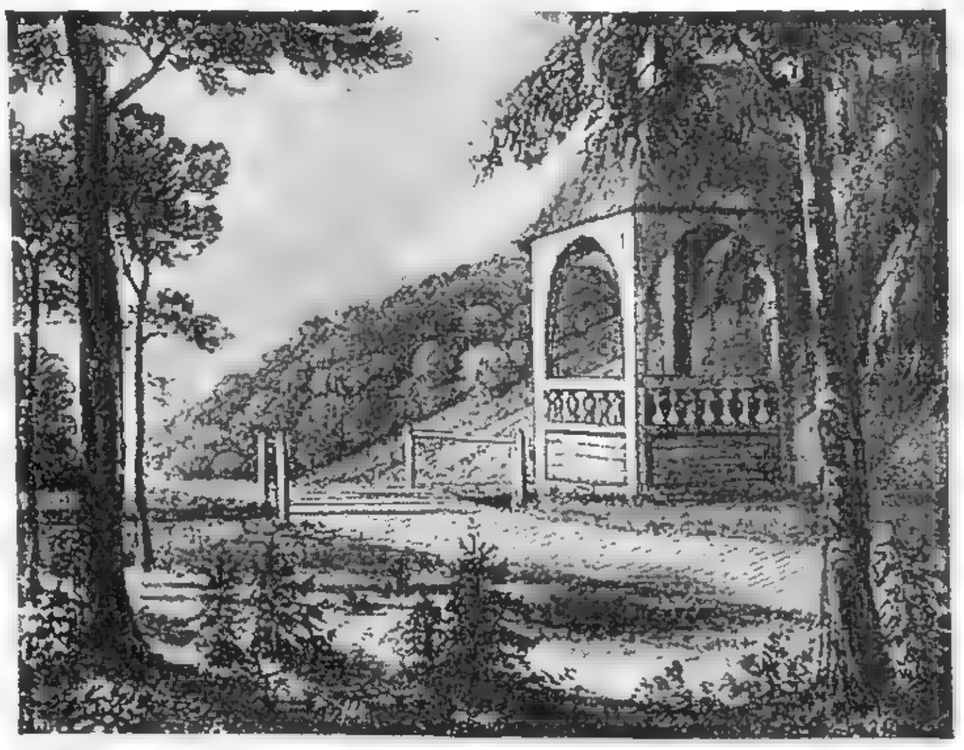
8 августа витебскій вице-губернаторъ сообщилъ командиру корпуса гр. Витгенштейну, что особенно «въ повѣтахъ» (уѣздахъ) «Полоцкомъ, Городецкомъ и Невельскомъ, по внушеніямъ непріятельскими войсками необузданной вольности и независимости, не только многочисленные крестьяне вышли изъ повиновенія своимъ помѣщикамъ, но, «ограбивъ и изгнавъ» ихъ, «достигли высочайшей степени буйства и возмущенія», такъ, что и земскія полиціи не въ силахъ ихъ усмирить. Вице-губернаторъ просилъ прислать «приличный отрядъ» для «приведенія въ спокойствіе возмутившихся». Повидимому, требованіе это было оставлено безъ отвѣта, а затѣмъ волненіе распространилось и на другіе уѣзды, какъ видно изъ того, что въ началѣ октября витебскій губернаторъ донесъ комитету министровъ, что для очищенія отъ непріятеля четырехъ повѣтовъ (Велижскаго, Суражскаго [2]), Городецкаго и Невельскаго) и для усмиренія непо-

---

[1]) „Отечественная война 1812 года“. Отдѣлъ I, т. XIV, Спб., 1910 г., стр. 93—94, 282—283. Вѣроятно, по поводу этого волненія написано письмо Наполеона отъ 5 авг. нов. стиля къ принцу Евгенію Богарнэ, приведенное выше (стр. 78, примѣч. 2).

[2]) Суражъ—уѣздный (нынѣ заштатный) городъ Витебской губ.

винующихся крестьянъ онъ требовалъ отъ гр. Витгенштейна эскадронъ конницы и 200 казаковъ, но отвѣта не получилъ [1]). Есть также указаніе, что въ августѣ мѣсяцѣ крестьяне Витебской губ. распускали собранныхъ рекрутъ и принуждали къ тому помѣщиковъ, а нѣкоторыхъ освобождали и вступившіе въ эту губернію французы [2]). Въ тѣ фольварки имѣнія гр. Зубовой, гдѣ крестьяне отказывались повиноваться, пріѣхалъ для усмиренія засѣдатель съ 150 крестьянами; но его и 4-хъ дворовыхъ избили такъ, что опасались за ихъ жизнь, убили письмоводителя одной экономіи, а изъ крестьянъ было ранено 30 человѣкъ и нѣсколько пропало безъ вѣсти. Въ половинѣ сентября крестьяне бригадира Ракосовскаго, полковника Савельева и казеннаго вѣдомства, до 300 человѣкъ, напали, вооруженные пиками и кольями, на фольварокъ помѣщика Вышинскаго, но тотъ отбилъ ихъ, при чемъ одинъ человѣкъ былъ раненъ, а другой убитъ. Въ названныхъ выше четырехъ уѣздахъ Витебской губ., какъ потому, что изъ сосѣднихъ уѣздовъ той же губ. (Витебскаго и Полоцкаго) и изъ Порѣчскаго у., Смоленской губ., иногда появлялись непріятельскіе отряды, а также и вслѣдствіе внушенія со стороны французскихъ войскъ «о мнимой вольности», крестьяне оставались еще въ октябрѣ «внѣ повиновенія». Губернаторъ настаивалъ на присылкѣ военной команды, и управляющій военнымъ министерствомъ сдѣлалъ о томъ распоряженіе [3]).



Село Мишенское (акв. Клара).

Французъ маркизъ Пасторэ, назначенный Наполеономъ интендантомъ Витебской губ., въ своихъ запискахъ о 1812 г. описываетъ тяжелое положеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи: «Прикрѣпленіе къ землѣ, обязанность отдавать господамъ часть своего рабочаго времени, требованіе разрѣшенія господина для вступленія въ бракъ, запрещеніе жениться на женщинѣ изъ другого имѣнія» (безъ дозволенія помѣщика и уплаты выводныхъ денегъ), «наказанія по усмотрѣнію господина, нещадныя тѣлесныя наказанія по его безапелляціонному приказанію, возможность совер-

---

[1]) „Отечественная война 1812 года“, отд. I, т. XVI, Спб., 1911 г., стр. 36; „Журналы комитета министровъ“, II, 586.

[2]) Одинъ писатель—англичанинъ, сообщаетъ, что какъ только великая армія Наполеона прошла Витебскъ, русскіе крѣпостные явились на форпосты, чтобы выдать французамъ своихъ господъ и управляющихъ, которыхъ они привели съ собою. „Das oestliche Europa und Kaiser Nikolaus I, 75. Голландецъ бар. Дедемъ де-Гельдеръ, служившій въ рядахъ французской арміи, разсказываетъ иначе: „Въ окрестностяхъ Витебска, населеніе проявило революціонныя чувства. Помѣщики со всѣхъ сторонъ стали обращаться къ витебскому (французскому) губернатору, генералу Шарпантье, съ просьбою прислать охрану для ихъ защиты отъ крестьянъ, которые грабили помѣщичьи дома и дурно обходились съ самими помѣщиками (я самъ видѣлъ, какъ многія семейства переѣхали въ Витебскъ, заботясь о своей безопасности)“. „Рус. Стар.“, 1900 г., № 7, стр. 126.

[3]) Засѣдатель Велижскаго у., Витебской губ., Жизневскій, за собираніе продовольствія для непріятеля и за то, что отвращалъ крестьянъ отъ повиновенія помѣщикамъ, былъ преданъ суду и приговоренъ къ лишенію дворянства и ссылкѣ въ каторжную работу, но на основаніи манифеста 12 декабря 1812 г. прощенъ, съ лишеніемъ, однако, права поступать на государственную службу.

шеннаго измѣненія судьбы человѣка, состарившагося въ занятіи какимъ-нибудь ремесломъ и сдача его... въ солдаты или матросы, все это мы находимъ въ холодномъ климатѣ Бѣлоруссіи» [1]). Пасторэ жалуется на то, что въ деревняхъ Витебской губ. господствовалъ страшный безпорядокъ вслѣдствіе «возстанія крестьянъ, которымъ тайные агенты революціи (?) внушили, что свобода не что иное, какъ крайнее своеволіе». Витебскіе дворяне - поляки обратились къ императору Наполеону съ просьбою о подавленіи безпорядковъ, нарушающихъ ихъ права. Онъ даже самъ исправилъ воззваніе отъ его имени по этому предмету, и велѣно было разослать по губерніи летучіе отряды, обязанные и подавлять волненія крестьянъ, и хватать мародеровъ. «Ужасъ, внушенный этими отрядами, строгость, выказанная нѣкоторыми помѣщиками и которымъ она была почти предписана, скоро подавили это временное возстаніе, которымъ враги», т.-е. русскіе, «не сумѣли воспользоваться, возбудивъ его». Такимъ образомъ представитель здѣшней французской администраціи считалъ русскихъ подстрекателями крестьянскаго возстанія противъ помѣщиковъ-поляковъ, вѣроятно, со словъ этихъ послѣднихъ.

Въ Смоленской губ. французскій интендантъ издалъ прокламацію, въ которой предлагалъ крестьянамъ покровительство Наполеона и убѣждалъ ихъ спокойно заниматься своими работами и привозить хлѣбъ и сельскіе продукты на продажу въ Смоленскъ [2]). Русскій смоленскій губернаторъ Ашъ скрылся, помѣщики выѣхали въ Тверскую г., и управленіе губерніею было поручено новгородскимъ, тверскимъ и ярославскимъ генералъ-губернаторомъ, принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, тверскому губернатору Кологривову, который отправилъ туда совѣтника тверской гражданской палаты Денисова. Въ Вяземскомъ у. нѣкоторые управляющіе вотчинъ и головы докладывали ему о волненіи крестьянъ, ослушаніи и неповиновеніи властямъ. Помѣщикъ Дорогобужскаго у. Павелъ Лыкошинъ, спасавшійся отъ французовъ съ дворовыми людьми въ Бѣльскомъ уѣздѣ, былъ извѣщенъ, что крестьяне его вотчины взбунтовались и не признаютъ русскихъ властей. Лыкошинъ со своими дворовыми и дорогобужскимъ дворяниномъ Бедряевымъ [3]) отправился въ свое бѣльское имѣніе, но крестьяне убили и своего барина, и Бедряева, а дворовыхъ отпустили, сильно избивъ. Полковникъ Дибичъ, стоявшій со своею командою въ г. Бѣломъ, послалъ ее на мѣсто волненія, оно было усмирено, нѣкоторые изъ участниковъ его приведены въ городъ, и Дибичъ двухъ изъ нихъ

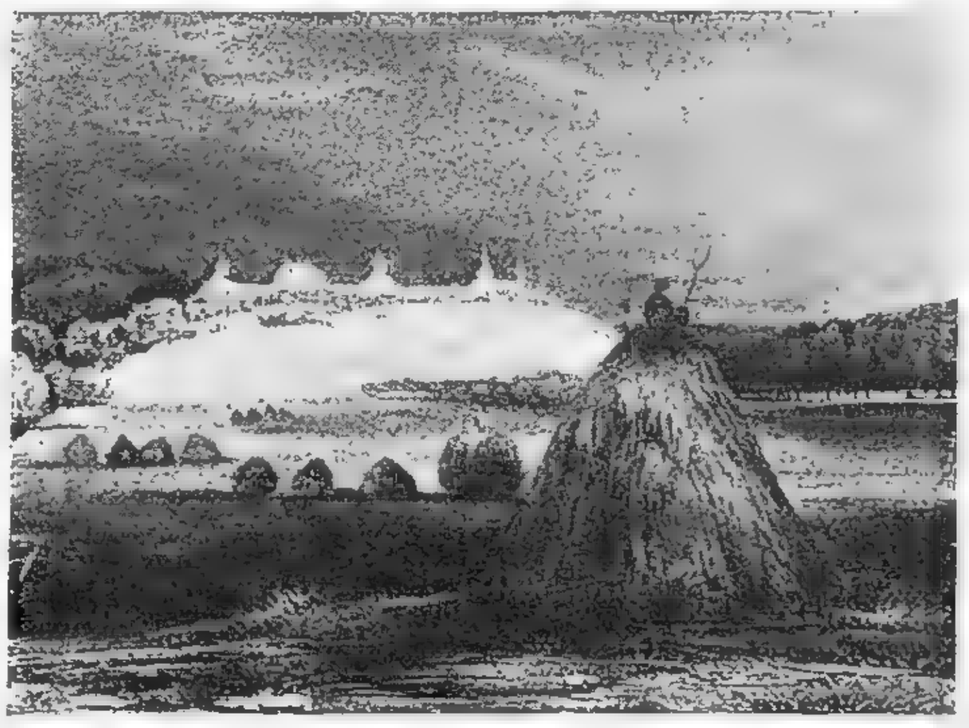
---

[1]) Авторъ оговаривается, впрочемъ, что часть помѣщиковъ по добротѣ или скорѣе изъ разсчета нѣсколько заботится о своихъ крестьянахъ.

[2]) Въ числѣ лицъ, исполнявшихъ порученія французовъ въ Смоленскѣ, находился станціонный смотритель Смоленской губ., Ключаревъ (неизд. донесеніе Д. Рунича Козодавлеву въ Арх. Соб. Е. В. Канц.). Быть-можетъ, это былъ сынъ масона почтъ-директора Ключарева, высланнаго Ростопчинымъ изъ Москвы въ Воронежъ. Въ одномъ письмѣ изъ Москвы сынъ Ключарева упоминается въ числѣ „извѣстныхъ якобинцевъ“, составлявшихъ тамъ муниципалитетъ Наполеона. Дубровинъ. „Отечеств. война въ письмахъ современниковъ“, 267. До Петербурга доходили фантастическіе слухи о томъ, что дѣлалось въ Смоленскѣ. Коллежскій асссоръ Игнатовичъ разсказывалъ здѣсь въ сент. 1812 г. одному лакею, что французъ, овладѣвши Смоленскомъ, „всѣмъ объявилъ вольность“ съ уплатою „своимъ господамъ оброку въ годъ по 1 р. 50 к. Богатыхъ обираетъ, бѣднымъ даетъ“. Женъ тѣхъ господъ, которые успѣли уйти, „свои люди наказываютъ розгами“. Арестованный и подвергнутый допросу въ „комитетѣ 13 янв. 1807 г.“, Игнатовичъ, въ ожиданіи резолюціи государя, просидѣлъ два года въ Алексѣевскомъ равелинѣ и затѣмъ былъ прощенъ. (Арх. Госуд. Сов.).

[3]) По другому извѣстію, сыномъ станціоннаго смотрителя Бердяевымъ.

разстрѣлялъ, а остальныхъ подвергъ тѣлесному наказанію. Эти дѣйствія его вызвали офиціальное разслѣдованіе, и командованіе отрядомъ было передано другому лицу. 4 ноября тверской губернаторъ Кологривовъ отправилъ въ Сычевскій, Вяземскій, Гжатскій и Бѣльскій уѣзды чиновника Лукина и предписалъ ему въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ крестьяне «возмечтали, что они принадлежать могутъ французамъ навсегда», дѣлать имъ внушенія о возвращеніи на путь истинный, а если они не будутъ повиноваться, то подвергать ихъ строгому наказанію и отсылать подъ караулъ къ сосѣднимъ обывателямъ до изъявленія раскаянія. Въ Порѣчскомъ уѣздѣ, части котораго была занята французскими войсками, нѣкоторыя селенія перестали подчиняться русскимъ властямъ и считали себя подданными французовъ, но постепенно были усмирены, и главные виновные строго наказаны. Узнавъ объ этомъ, сосѣдніе крестьяне Витебской губер. ополчились на границѣ въ количествѣ 300 человѣкъ, чтобы не допустить къ себѣ смоленскихъ усмирителей.



Село Мишенское (акв. Клара).

8 ноября Кологривовъ получилъ извѣщеніе отъ калужскаго губернатора, сенатора Каверина, что, по приказанію главнокомандующаго Голенищева - Кутузова, Смоленская губернія отдана въ его временное завѣдываніе [1]). Въ декабрѣ мѣсяцѣ Каверинъ донесъ комитету министровъ, что нѣкоторые крестьяне Смоленской губ. поддавались «внушеніямъ непріятеля о неприкосновенности къ нимъ власти помѣщиковъ и о непринадлежности занятыхъ имъ мѣстъ Россіи», помогали непріятелю и «пускались на грабительство». Изъ донесеній приказчика смоленскаго помѣщика кн. Александра Мих. Голицына въ ноябрѣ и декабрѣ 1812 г. видно, что въ имѣніи его господина, селѣ Грива [2]), несмотря на уговоры, чтобы они «не думали о вольности», крестьяне «дѣлали о неминуемомъ бытіи подъ французскимъ распоряженіемъ разглашеніе и выходили изъ повиновенія». Но все же ему удалось удержать ихъ отъ такого бунта, какіе «въ то время происходили во многихъ вотчинахъ въ Дорогобужскомъ, Вяземскомъ и Сычевскомъ уѣздахъ»; дѣло доходило до того, что «помѣщичьи крестьяне дѣлили между собою господское имѣніе, даже дома разрывали, жгли и убивали помѣщиковъ и управляющихъ». Въ имѣніи помѣщика Карабанова (въ Вяземскомъ у.), который уѣхалъ въ ополченіе, крестьяне грозились, когда онъ вернется, распороть ему брюхо. Но по возвращеніи онъ заставилъ выдать виновныхъ и высѣкъ ихъ такъ жестоко, что ихъ

---

[1]) Слезскинскій. „Народная война въ Смоленской губ. въ 1812 г.“. По современнымъ бумагамъ „Русскій Архивъ“, 1901 г., № 5.

[2]) Сычевскаго уѣзда.

уносили на рогожахъ [1]). По словамъ тверского помѣщика Вилькинса, нѣкоторыхъ дворянъ, желавшихъ скрыться, ихъ собственные крестьяне выдавали французамъ, «на другихъ дѣлали имъ же доносы, иныхъ сами грабили, даже били» [2]).

Сенаторъ Каверинъ въ донесеніи государю отъ 15 февраля 1813 года говоритъ: «Внушеніе непріятеля въ занятыхъ имъ мѣстахъ по большей части отъ польской націи» (т.-е. поляковъ, перешедшихъ на сторону Наполеона), «повсемѣстно между поселянами разсѣеваемое увѣренностью въ непринадлежности болѣе Россіи и въ неприкосновенности къ нимъ власти помѣщиковъ, могло поколебать ихъ умы, отчего нѣкоторые въ Смоленской губерніи способствовали непріятелю въ отысканіи фуража и сокрытыхъ имуществъ, а другіе, сообщаясь съ нимъ, попускались даже на грабительство господскихъ домовъ. Приписывая сіе наиболѣе простотѣ и невѣдѣнію поселянъ,—продолжаетъ Каверинъ,—а паче тому, что они оставались безъ всякаго надъ ними начальства, не приступаю и послѣ необыкновеннаго такового переворота къ явнымъ разысканіямъ, а паче къ строгости въ преслѣдованіи совратившихся отъ общаго порядка, дабы тѣмъ не подать поводу къ притязаніямъ, бывъ увѣренъ, что кроткія внушенія, благоразумныя распоряженія начальства, коль скоро водворится оно по-прежнему, откроютъ собственное ихъ заблужденіе» [3]). Въ маѣ мѣсяцѣ того же года Аракчеевъ сообщилъ Каверину волю государя, «чтобы о крестьянахъ, которые въ бытность непріятеля въ Смоленской губерніи выходили изъ повиновенія» и совершили преступленія, «оставить всякіе розыски и дѣлъ о нихъ не заводить» (Сенатскій Архивъ). Мы видѣли, что нѣкоторые помѣщики уже успѣли собственною властью жестоко расправиться со своими крестьянами, оказавшими неповиновеніе во время нашествія французовъ, но воля государя очевидно относилась къ разысканіямъ, начатымъ правительственными властями.

Случалось, что высшая администрація получала совершенно ложныя донесенія о волненіяхъ крестьянъ [4]). Однако бывали въ Московской губер-

---

[1]) Ѳеофилактъ Русановъ, архіепископъ рязанскій, которому поручено было возстановленіе богослуженія въ Смоленской епархіи, писалъ (16 янв. 1813 г.) А. Н. Голицыну: большинство помѣщиковъ „просятъ только денегъ и денегъ, дабы прежде всего поправить свое, а не крестьянское состояніе“. Многіе изъ нихъ, „возвращаясь въ свои деревни, отнимаютъ у крестьянъ послѣднее, заставляя ихъ кормиться милостынею, но гдѣ получить оную? Бо́льшая половина сосѣднихъ жителей нищенствуетъ. Обличаемые крестьяне въ присвоеніи себѣ господскихъ вещей истязываются безъ пощады... Смоленскіе помѣщики до того своекорыстны, что хотятъ и изъ камней добывать масло“. Дубровинъ. „Отечеств. война въ письмахъ современниковъ“. Спб., 1882 г., стр. 449, 384.

[2]) „Земледѣльческій Журналъ“, 1832 г., № 6, стр. 315. Такъ, на помѣщика Порѣчскаго у., Смоленской губ., подполковника Пав. Ив. Энгельгардта его крестьяне донесли, что онъ убивалъ французовъ—мародеровъ, и онъ былъ разстрѣлянъ французами („П. А. Мурзакевичъ, историкъ г. Смоленска“, Спб., 1877 г., стр. 45). По духовному завѣщанію передъ смертью онъ отпустилъ на волю съ землею 4 семьи своихъ крѣпостныхъ (16 душъ об. пола) и 5 женщинъ, а духовнику своему, Никифору Мурзакевичу, за трехнедѣльное и шестинедѣльное поминовеніе подарилъ находящагося въ бѣгахъ крестьянина съ женою и двумя дѣтьми и еще одну „дѣвку“ (Арх. Соб. Е. Вел. канц.).

[3]) Повидимому, къ Смоленской губерніи относится слѣдующее извѣстіе одного англичанина о крестьянахъ трехъ имѣній. Въ одномъ изъ нихъ, управляемомъ шотландцемъ, гдѣ съ крестьянами обращались очень хорошо, они, услышавъ о приближеніи арміи Наполеона, только прекратили всѣ работы. Напротивъ, въ двухъ сосѣднихъ имѣніяхъ они ворвались въ господскіе дома, разбили дорогія зеркала, разграбили винные погреба, оборвали фрукты въ теплицахъ и оранжереяхъ; крестьяне говорили, что (по приходѣ французовъ), вся собственность господъ будетъ принадлежать имъ. Нѣкоторые даже думали, что они помѣняются мѣстами со своими господами, и тѣ станутъ ихъ крѣпостными. Das oestliche Europa, I, 74—75.

[4]) Такъ, въ сентябрѣ 1812 года капитанъ-исправникъ Волоколамскаго уѣзда, Московской губерніи, донесъ, что въ деревнѣ Новинкинѣ, экономической Никольской волости, и въ вотчинахъ около нея помѣ-

ніи и дѣйствительныя волненія крестьянъ. Такъ, еще до прихода французовъ, въ апрѣлѣ 1812 года, получено было донесеніе московскаго губернатора, что крестьяне покойнаго капитана Бориса Шереметева, при выдѣлѣ волоколамскимъ земскимъ судомъ указной части его женѣ, оказали буйство противъ членовъ суда: одинъ ударилъ дворянскаго засѣдателя кулакомъ по головѣ, другой схватилъ исправника за воротъ, а нѣкоторые вооруженные кольями и рогатинами кричали, что вытаскаютъ всѣхъ чиновниковъ изъ комнаты [1]). Уже послѣ взятія Москвы крестьяне имѣнія Глѣбово (близъ Воскресенска) хотѣли убить управляющаго-француза, хотя онъ никому не дѣлалъ зла, опасаясь, что онъ предастъ ихъ своимъ единоплеменникамъ; но тотъ успѣлъ убѣжать. Напротивъ, въ одномъ имѣніи въ окрестностяхъ Можайска крестьяне убили управляющаго - шотландца, разграбили, сожгли домъ помѣщика и разбѣжались по лѣсамъ и сосѣднимъ деревнямъ [2]). Въ имѣніи гр. М. А. Дмитріева - Мамонова (пріятеля М. Ѳ. Орлова) два крестьянина убѣждали товарищей, что они не принадлежатъ уже графу, такъ какъ Бонапартъ въ Москвѣ, и теперь онъ ихъ государь [3]).

Гр. Ростопчинъ доносилъ государю (въ сентябрѣ 1812 г.), что и многіе другіе крестьяне Московской губ., утверждали одни, что они свободны, другіе, что они подданные Наполеона. Ростопчинъ приписывалъ это вліянію людей, служившихъ въ милиціи и возвратившихся домой. Въ подмосковномъ имѣніи гр. Льва Кир. Разумовскаго, въ селѣ Петровскомъ, садовникъ сталъ упрекать крестьянъ въ томъ, что они не стараются исправлять въ имѣніи то, что испорчено французами; послѣ того они ночью подожгли огромныя оранжереи, въ которыхъ, кромѣ многихъ другихъ рѣдкихъ растеній, было 50 лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, подобныхъ которымъ не было ни у кого, кромѣ государя. Напротивъ, въ Горенкахъ, подмосковномъ имѣніи гр. Алексѣя Разумовскаго, извѣстному натуралисту Фишеру удалось, хотя и съ большимъ трудомъ, спасти замѣчательный ботаническій садъ, а помѣщичій домъ пострадалъ немного. Въ подмосковномъ имѣніи гр. Д. Н. Шереметева, селѣ Кусковѣ, много помѣщичьихъ вещей было расхищено дворовыми [4]).

щиковъ Алябьева, кн. К. П. Шаховского и Нежданова крестьяне вышли изъ повиновенія старостамъ и приказчикамъ, разграбили имущество, хлѣбъ, скотъ и лошадей Алябьева и убили крестьянина, говоря, „что они нынѣ французскіе“, а вина въ погребахъ и библіотеку отдали священнику. Видя это, и „прочіе крестьяне покушаются на таковой же дерзкій поступокъ“. Комитетъ министровъ предписалъ генералу бар. Винцингероде, прикрывавшему тверской трактъ, разыскать зачинщиковъ возмущенія и въ страхъ другимъ повѣсить. Но тотъ немедленно донесъ, что не только не было никакого возмущенія ни въ экономической деревнѣ, ни въ имѣніяхъ названныхъ помѣщиковъ, но что онъ нашелъ ихъ „совершенно готовыми на пораженіе непріятеля“.

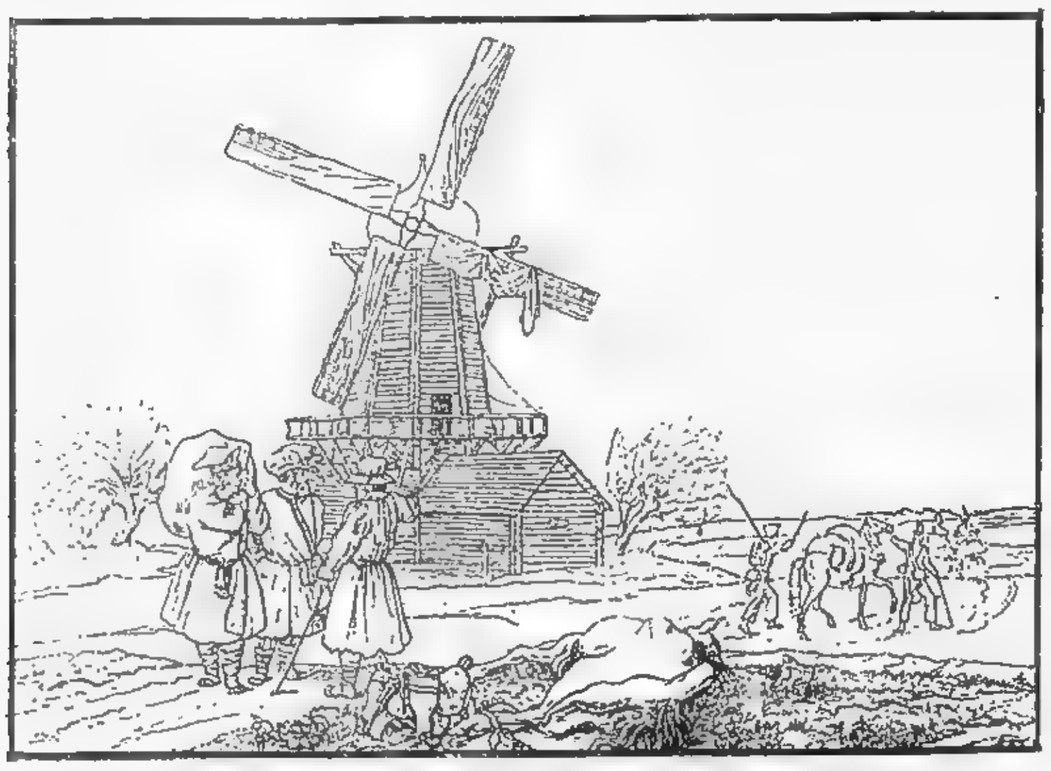
[1]) Въ Богородскомъ уѣздѣ въ іюлѣ началось было волненіе на бумажной фабрикѣ Мѣщанинова, но капитанъ-исправникъ прекратилъ его, наказавъ тѣлесно приказчика и отославъ его въ Москву въ смирительный домъ. Дубровинъ. „Отеч. война въ письмахъ современниковъ“, 65.

[2]) Das oestliche Europa, I, 75.

[3]) Гр. Мамоновъ въ 1812 г. на свой счетъ сформировалъ конный полкъ для войны съ французами, но многіе изъ его крестьянъ, не обнаруживая готовности лично участвовать въ немъ, покупали за себя людей. Въ Тверской губ. въ имѣніи бар. Корфа Едимоново крестьяне, послѣ взятія Москвы, поговаривали: „Какъ же! станемъ мы лошадей готовить про господское добро. Придетъ Бонапартъ, намъ волю дастъ, и мы господъ знать не хотимъ“. Но Наполеонъ не пошелъ на Петербургъ. Т. Толычева. „Разсказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ“. М., 1873, стр. 48.

[4]) Въ селѣ Архангельскомъ, имѣніи Юсупова, гдѣ владѣлецъ собралъ замѣчательныя произведенія искусства, крестьяне усыпали сады обломками статуй изъ каррарскаго мрамора работы знаменитыхъ итальянскихъ скульпторовъ. Спокойствіе было возстановлено отрядомъ конной полиціи. Въ имѣніи кн.

По свидѣтельству француза, жившаго въ это время въ Россіи и хорошо знакомаго съ положеніемъ крестьянъ, «до нашествія французовъ на Москву и послѣ ихъ ухода изъ этого города, крестьяне сожгли множество помѣщичьихъ домовъ и произвели весьма большіе безпорядки съ цѣлью добыть себѣ свободу» [1]). Варадиновъ, историкъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, отмѣтилъ, что волненія усилились послѣ 1812 г. [2]). Попытку объяснить это явленіе находимъ у Н. И. Тургенева: «Когда непріятель ушелъ, крѣпостные крестьяне полагали, что своимъ героическимъ со-



У Гжатска (рис. Фаберъ дю-Фора).

противленіемъ французамъ, мужественнымъ и безропотнымъ перенесеніемъ для общаго освобожденія столькихъ опасностей и лишеній они заслужили свободу. Убѣжденные въ этомъ, они во многихъ мѣстностяхъ не хотѣли признавать власть господъ... Въ этомъ случаѣ правительство, мѣстныя власти и даже сами помѣщики вели себя чрезвычайно благоразумно. Вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ силѣ, этому единственному доказательству рабовладѣльцевъ, они пассивно отнеслись къ дѣйствіямъ крестьянъ, отлагая до благопріятныхъ обстоятельствъ возстановленіе того, что они считали своимъ правомъ. Быть-можетъ, и нѣкоторыя угрызенія

Щербатова управляющему-эстонцу удалось уговорить 3000 крестьянъ, готовыхъ возстать, чтобы они дождались подтвержденія вѣсти объ освобожденіи. Domergue. La Russie pendant les guerres de l' Empire, t. II, 356—358; А. Васильчиковъ. „Семейство Разумовскихъ“. Спб., 1880 г., т. II, 91, 160; Щукинъ. „Бумаги, относящ. до Отечественной войны“, X, 260—314. B...ch. Histoire de la destruction de Moscou en 1812, traduit de l'allemand par Breton, P. 1822, p. 118—119, 177—179. Есть извѣстіе о возмущеніи крѣпостныхъ во многихъ домахъ богатыхъ дворянъ въ самой Москвѣ, усмиренномъ администраціею посредствомъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. B...ch, p. 43. Послѣ занятія Москвы французамп Ростопчинъ разослалъ изъ Владимира воззваніе къ „Крестьянамъ, жителямъ Московской губ.“, въ которомъ говоритъ: „Почитайте начальниковъ и помѣщиковъ, они ваши защитники, помощники, готовы васъ одѣть, обуть, кормить и поить“. А послѣ возвращенія въ Москву въ воззваніи къ нимъ писалъ: „узналъ я, что вы... вздумали грабить домы господъ своихъ по деревнямъ и выходить изъ послушанія. Уже многихъ зачинщиковъ привезли сюда, ужели вамъ хочется попасть въ бѣду?“.. П. А. Картавовъ. „Ростопчинскія афиши“. Спб., 1904 г., стр. 64, 75, XV.

Кромѣ описанныхъ волненій, были еще въ 1812 г. случаи неповиновенія властямъ и другіе тому подобные безпорядки и замѣшательства въ губерніяхъ Костромской, Архангельской, Екатеринославской, Калужской, Орловской, Нижегородской, Казанской, Саратовской и Тобольской (Варадиновъ. „Исторія Мин. Внутр. дѣлъ“, ч. II, кн. I, стр. 250—251). Но дѣла о нѣкоторыхъ изъ нихъ не сохранились, а на волненіяхъ маловажныхъ и къ тому же не имѣющихъ никакого отношенія къ нашествію Наполеона я не считаю нужнымъ останавливаться въ этомъ очеркѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду говорить лишь о тѣхъ волненіяхъ крестьянъ послѣ 1812 г., которыя такъ или иначе связаны съ Отечественною войною.

[1]) Passenans. La Russie et l' esclavage. P. 1822, I, 204.

[2]) По словамъ тверского помѣщика Вилькинса, „стали тамъ и сямъ поговаривать тихонько о вольности, роптать на отягощенія работами и притѣсненія отъ помѣщиковъ. Меньше умѣренные и легковѣрные доводили свои жалобы до начальства, между тѣмъ какъ опытнѣйшіе и болѣе разсудительные въ молчаніи приглядывались и ожидали послѣдствій. Мѣстами готовъ былъ появиться духъ возмущенія противъ владѣльцевъ. Въ одной Тверской губ... въ теченіе короткаго времени 5 военныхъ экзекуцій были посланы „въ разныя мѣста для усмиренія помѣщичьихъ крестьянъ да столько же, если не больше, произведено слѣдствій по поданнымъ отъ крестьянъ на владѣльцевъ своимъ жалобамъ“. „Земледѣльческій Журналъ“, 1832 г., № 6, стр. 315—316.

Разгромъ помѣщичьей усадьбы.

(Картина *В. Н. Курдюмова.*)

Во время отступленія нашихъ войскъ и вступленія французовъ въ предѣлы Россіи, помѣщичьи крестьяне нерѣдко поднимались противъ своихъ господъ, «дѣлили господское имѣніе, даже домы разрывали и жгли, убивали помѣщиковъ и управляющихъ»— однимъ словомъ, громили усадьбы. Проходившія войска присоединялись къ крестьянамъ и, въ свою очередь, производили грабежъ.

Наша картина и изображаетъ эпизодъ изъ такого совмѣстнаго грабежа мирнаго населенія съ военными. Дѣйствіе происходитъ въ одной изъ богатыхъ помѣщичьихъ усадьбъ. Самого владѣльца уже нѣтъ, а оставшагося приказчика схватили, чтобы онъ не мѣшалъ. Мебель вынесена въ садъ и изломана. Статуи, украшавшія садъ, разбиты; цвѣты помяты. Тутъ же валяется съ выбитымъ дномъ бочка изъ подъ вина. Вино разлилось. Каждый беретъ себѣ, что попало. А ненужныя вещи выброшены и уничтожаются. Кавалеристъ на лошади стоитъ и спокойно смотритъ на эту картину разрушенія.

Разговор пожилых дядюшек.

(Картина В. И. Куракова.)

Дружеская пикировка во время отдыха — обычная картина в России. Почтенные господа, «дачники» — одним словом, любили беседовать и, разбившись на мелкие группы, горячо спорили о политике, о видах на урожай, о новостях. Иногда разговор принимал ожесточенный характер, и тогда не обходилось без крепких словечек. Вот в таком-то споре и застал их художник. Он тихонько подошел к ним сзади и, быстро набросав карандашом их фигуры, зарисовал и выражение лиц, и позы, и обстановку.

Наша картина и изображает одного из этих господ, сидящего на террасе своей дачи, и его собеседника, пришедшего к нему в гости. Хозяин, видимо, горячится, доказывая что-то своему гостю, который, по-видимому, не разделяет его мнений. Хозяин, сидя в кресле, энергично жестикулирует правой рукой, в которой держит газету. Гость, стоя у стола, внимательно слушает, облокотившись на спинку стула. Видно, что он не согласен с хозяином, но, не желая обидеть его, старается не возражать ему.

совѣсти помѣшали имъ свирѣпствовать [1]) противъ людей, принесшихъ такія жертвы и обнаружившихъ такую любовь къ отечеству. Прошло немало времени, пока первоначальное возбужденіе крестьянъ само собою улеглось, возстановился правильный ходъ администраціи, и все вошло въ обычный порядокъ».

Въ манифестѣ 30 августа 1814 г., даровавшемъ послѣ окончанія войны различныя милости, относительно крестьянъ было сказано лишь слѣдующее: «Крестьяне, вѣрный нашъ народъ, да получитъ мзду свою отъ Бога». Затѣмъ объявлялось, что не будетъ рекрутскаго набора не только на нынѣшній годъ, но «уповательно и на предбудущій или болѣе останутся они безъ набора рекрутъ» [2]), и выражена была надежда, что крестьяне, «пребывая вѣрны долгу и званію своему, умножатъ прилежаніе свое къ сельскимъ трудамъ и ремесленнымъ промысламъ, и тѣмъ исправятъ нанесенныя непріятелемъ разоренія». Казеннымъ крестьянамъ правительство обѣщало, что «приложитъ старанія доставлять имъ всевозможныя пособія», относительно же помѣщичьихъ государь выражалъ увѣренность, «что забота наша о ихъ благосостояніи предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ими [3]), русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и нынѣ многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей къ отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что съ одной стороны помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадахъ своихъ, заботою, а съ другой—они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ доброправныя и благополучныя семейства» [4]).

На бивакѣ послѣ ухода французовъ.
(Рис. Фаберъ дю-Фора).

---

[1]) Мы видѣли изъ свидѣтельствъ о смоленскихъ помѣщикахъ, что этого далеко нельзя считать общимъ правиломъ.

[2]) Однако въ 1815 г. наборъ былъ произведенъ, но его не было въ 1816 и 1817 гг.

[3]) Въ проектѣ этого манифеста, написанномъ Шишковымъ, слѣдовали далѣе слова: „на обоюдной пользѣ основанная“, но государь вычеркнулъ ихъ, воскликнувъ: „Я не могу подписать того, что противно моей совѣсти и съ чѣмъ я нимало не согласенъ“.

[4]) А между тѣмъ крѣпостные нетерпѣливо ожидали освобожденія. 4 іюня 1814 г. дворовый Муромцевой Мелентьевъ писалъ въ Москву своему знакомому, также дворовому: „Скажу тебѣ по секрету: у насъ здѣсь слухъ очень происходитъ важный для насъ, который также дѣлается секретно, чтобъ въ Россіи крѣпостной народъ сдѣлать свободными такъ, какъ во прочихъ земляхъ, отъ господъ отобрать какъ людей, такъ и крестьянъ“. Мѣщаниновъ представилъ письмо, полученное его дворовымъ, въ полицію, Мелентьевъ былъ посаженъ въ крѣпость, и на допросѣ въ „комитетѣ 13 янв. 1807 г.“ показалъ, что впервые узналъ объ этомъ слухѣ въ трактирѣ, второй разъ—отъ встрѣчныхъ на улицѣ, а затѣмъ „у Исакія, когда вводили ополченія“, мальчикъ продавалъ манифестъ о мирѣ (миръ съ Франціею былъ заключенъ манифестомъ 18/30 мая 1814 г.). Когда Мелентьевъ купилъ и сталъ читать манифестъ, то нѣкоторые въ толпѣ говорили ему: „а вотъ сказали, что будто прислано, чтобъ народъ крѣпостной сдѣлать свободнымъ“. Мелентьевъ былъ освобожденъ 12 октября, но со взятіемъ подписки, что „о подобныхъ сему предметахъ ни писать, ни говорить ни подъ какимъ видомъ нигдѣ и ни съ кѣмъ не будетъ“. (Арх. Госуд. Сов.)

Въ земль Войска Донского одинъ чиновникъ, Николаевъ, понялъ этотъ манифестъ такимъ образомъ, что на основаніи его помѣщичьи крестьяне «должны воспользоваться свободою отъ подданства» помѣщикамъ «и поступить въ казенное вѣдомство» и сообщилъ объ этомъ сотскимъ и другимъ жителямъ поселковъ, принадлежащихъ поручику Болдыреву и подполковницѣ Мануйловой. Крестьяне стали волноваться, и Николаевъ составлялъ имъ просьбы объ ихъ освобожденіи. Произведены были аресты, прокуроръ предложилъ войсковой канцеляріи внушить всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ, что на основаніи манифеста 30 августа 1814 г. они не могутъ получить свободы, на мѣсто волненія было послано 60 казаковъ съ офицерами и урядниками, и спокойствіе было возстановлено, а Николаевъ преданъ суду (Архивъ Сената).

III.

Въ декабрѣ 1812 г. въ трехъ городахъ Пензенской губ.—Инсарѣ, Саранскѣ и Чембарѣ—произошли волненія помѣщичьихъ крестьянъ, отданныхъ помѣщиками въ пензенское ополченіе.

По официальному донесенію мѣстнаго губернскаго прокурора, поводомъ къ возстанію въ Инсарѣ послужило то, что одинъ изъ «воиновъ» (такъ назывались нижніе чины ополченія), Петровъ, посланный въ Пензу, услышалъ отъ жены какого-то рекрута, что на базарѣ читали указъ о роспускѣ ополченія, о чемъ, возвратясь въ Инсаръ, онъ и сообщилъ двумъ товарищамъ; одинъ изъ нихъ, Ѳедоровъ, подтвердилъ справедливость этого, такъ какъ два крестьянина Нижнеломовскаго уѣзд. сказали ему, что давно ждутъ возвращенія своихъ вслѣдствіе того, что въ Тамбовѣ милиція распущена. Ѳедоровъ распространилъ это извѣстіе между товарищами, указывалъ на то, что ихъ и къ присягѣ приводить не велѣно, и старался убѣдить всѣхъ, ему встрѣчавшихся, чтобы безъ присяги въ походъ не шли, а такъ какъ на это нѣтъ указа, то вынуждены будутъ распустить ополченіе. Слова его подѣйствовали, и, когда былъ данъ приказъ о выступленіи въ походъ, первая сотня перваго батальона потребовала приведенія къ присягѣ и предъявленія имъ подлиннаго именного указа. Полковникъ Кушеревъ вышелъ передъ фронтъ, прочелъ манифестъ объ ополченіи и приказъ о походѣ, указывалъ имъ на тяжелыя послѣдствія ослушанія и велѣлъ арестовать 12 зачинщиковъ. Но ополченцы всего полка бросились по дворамъ сотенныхъ начальниковъ, гдѣ хранились пики, разобрали ихъ, отбили арестованныхъ и, по словамъ прокурора, «рѣшились на дальнѣйшее буйство».

Но это объясненіе причинъ возстанія слишкомъ недостаточно. Къ счастью, объ этихъ событіяхъ существуютъ живо написанныя воспоминанія полкового адъютанта Ивана Шишкина, отца извѣстнаго писателя-историка Іоакинфа Ив. Шишкина, вполнѣ раскрывающія причины волненія въ Инсарѣ и сообщающія нѣкоторыя свѣдѣнія о волненіяхъ въ двухъ другихъ городахъ Пензенской губ., которыя дополняются и иными изданными и неизданными источниками (въ архивахъ Сената, Государственнаго Совѣта и собственной Е. В. Канцеляріи).

Пензенское ополченіе состояло изъ трехъ пѣхотныхъ и одного коннаго полка, которые формировались въ Пензѣ, Саранскѣ, Инсарѣ и въ двухъ другихъ городахъ. Въ продолженіе мѣсяца были собраны, обмундированы и вооружены пиками всѣ полки, ихъ обучали всѣмъ нужнымъ построеніямъ, и на 10 декабря уже было назначено выступленіе въ походъ, какъ вдругъ 9 декабря началось волненіе. Не имѣя возможности входить въ подробное его описаніе, такъ какъ о дворянскихъ ополченіяхъ въ этомъ изданіи дана особая статья, я остановлюсь только на дѣйствительныхъ причинахъ волненія.

Въ Инсарѣ [1]) воины третьяго полка потребовали приведенія ихъ къ присягѣ и чтенія манифеста, по которому было созвано ополченіе. Онъ былъ прочитанъ, но они не повѣрили ему, такъ какъ на немъ не было красной печати, а въ отвѣтъ на объявленіе, что ихъ поведутъ въ походъ, они сказали: «Вы обманываете насъ: мы не присягали, а безъ того нельзя солдату быть и въ походѣ, да и собирать насъ государь не велѣлъ, а требовалъ однихъ дворянъ; но вы ведете насъ вмѣсто себя» [2]). Ратники проклинали дворянъ, кричали, что отведутъ ихъ къ казакамъ, которые пріѣхали, чтобы ихъ судить и виноватыхъ повѣсить. Одна старуха изъ крѣпостныхъ въ Инсарскомъ уѣздѣ сказала офицеру, желавшему спастись на мельницѣ, гдѣ она служила: «Это не Пугачево: тогда васъ не всѣхъ перевѣшали, а нынче ужъ не вывернетесь! Нѣтъ, полно вамъ властвовать!» Пришедшимъ крестьянамъ она такъ объяснила причины «потѣхи» въ Инсарѣ: «Государь велѣлъ однимъ дворянамъ итти подъ Франца» [3]), а «наши дворяне вздумали послать за себя проливать кровь своихъ крестьянъ, а сами хотѣли остаться дома; государь узналъ объ этомъ, прогнѣвался на нихъ и велѣлъ ихъ всѣхъ перевѣшать». Сынъ ея былъ наканунѣ въ городѣ и «своими глазами видѣлъ о томъ царскій указъ съ золотою печатью» и слышалъ, что такіе указы разосланы вездѣ. Крестьяне съ радостью слушали эти слова и «ругательства на весь дворянскій родъ». Такимъ образомъ, движеніе это отличалось рѣзкимъ противодворянскимъ характеромъ. Комиссія военнаго суда въ Инсарѣ от-

Въ Москвѣ (рис. Фаберъ дю-Фора).

---

[1]) Шишкинъ нѣсколько иначе, чѣмъ пензенскій прокуроръ, описываетъ начало здѣшняго волненія.

[2]) Въ письмахъ одной современницы слова ратниковъ изложены нѣсколько полнѣе: они говорили, „что у нихъ не обрита борода, и ихъ не приводили къ присягѣ, значитъ, они не настоящіе солдаты. Если бы государь нуждался въ войскѣ, то велѣлъ бы объявить рекрутскій наборъ, а въ ополченіе государственныхъ крестьянъ не берутъ, значитъ все это выдумка помѣщиковъ, и указъ вовсе не отъ государя, а отъ нихъ же начальниковъ“.

[3]) Въ одной народной пѣснѣ Наполеонъ носитъ имя: „Францъ Поліонъ“. „Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ“, вып. X, 6.

крыла, что возставшіе намѣревались, истребивъ офицеровъ, отправиться всѣмъ ополченіемъ къ дѣйствующей арміи, явиться прямо на поле сраженія, напасть на непріятеля и разбить его, потомъ принести повинную государю и въ награду за свою службу выпросить себѣ прощеніе и свободу изъ владѣнія помѣщиковъ.

Была еще одна серьезная причина недовольства ратниковъ: ихъ худо кормили. Что эта жалоба имѣла полное основаніе, видно изъ свидѣтельства Вигеля, который сообщаетъ: двое изъ полковниковъ пензенскаго ополченія «нашли, что о прокормленіи ратниковъ много заботиться нечего», такъ какъ «при всеобщемъ усердіи жителей они безъ пищи ихъ не оставятъ, а между тѣмъ сами «исправно принимали и клали себѣ въ карманъ суммы изъ (пензенскаго) комитета, отпускаемыя для продовольствія воиновъ».

Полковника въ Инсарѣ ратники жестоко избили и окровавленнаго тащили съ проклятіями и ругательствами за его «неумѣренную строгость», но такъ же избиты были и очень добрый маіоръ, и многіе офицеры (кромѣ десятка спасшихся бѣгствомъ), и уѣздный судья, послѣ чего ихъ бросили въ тюрьму и стали уже устраивать три висѣлицы. На мѣсто дѣйствительнаго полковника явился избранный «воинами» изъ ихъ среды, который украсилъ себя его орденами на шеѣ и груди. Въ городѣ былъ произведенъ погромъ: разбитъ ящикъ съ полковыми деньгами, которыя были расхищены, разграблено имущество дворянъ, купцовъ и разночинцевъ и полуразрушены дома, преимущественно дворянъ; волненіе продолжалось и на слѣдующій день. Ратникамъ помогали мѣстные жители. Полковникъ, предводитель возставшихъ, уже отдалъ приказаніе вѣшать офицеровъ, но арестованному инвалидному офицеру удалось уговорить толпу отказаться отъ исполненія своего намѣренія, а на другой день утромъ подошелъ отрядъ войска, спасшій заключенныхъ и арестовавшій въ нѣсколько часовъ очень многихъ участниковъ волненій. Позднѣе число арестованныхъ въ Инсарѣ дошло до четырехсотъ человѣкъ.

Въ Саранскѣ волненіе перваго полка пензенскаго ополченія отличалось гораздо болѣе мирнымъ характеромъ. Ратники и здѣсь (10 декабря) требовали именного указа за собственноручною подписью государя и не соглашались итти въ походъ безъ присяги, кричали, что ихъ хотятъ морить въ дорогѣ холодомъ и голодомъ; окруживъ полковника, офицеровъ и архимандрита мѣстнаго монастыря, они не допустили служить молебенъ, нѣкоторыхъ офицеровъ избили, полковникъ же и архимандритъ едва могли вырваться, при чемъ у послѣдняго, спасшагося вмѣстѣ съ офицерами за монастырскую ограду, оторвали часть одежды и пытались отворить во рота монастыря. Здѣсь арестовано было восемьдесятъ человѣкъ.

Недѣлею позже началось волненіе второго полка пензенскаго ополченія на походѣ изъ Мокшана во время дневки въ городѣ Чембарѣ и въ уѣздѣ его въ селѣ Кевдѣ. Здѣсь волненіе было вызвано убѣжденіемъ ратниковъ, что они отданы своими господами лишь на три мѣсяца [1]). По-

---

[1]) Такъ какъ нѣкоторые помѣщики въ утѣшеніе имъ говорили, что они отдаются на время „и можетъ-быть, не болѣе, какъ на три мѣсяца“ (къ этому подало поводъ слово „временное“ въ манифестѣ объ ополченіи). Сходною съ этимъ причиною было вызвано и волненіе трехъ баталіоновъ кіевской милиціи въ началѣ декабря 1807 г. въ Балтѣ и Дубоссарахъ. Помѣщики, отдавая своихъ крѣ-

дѣйствовали на нихъ также и слухи, будто бы въ Тамбовской губерніи ополченіе уже распущено. Они ожидали, что также поступятъ и съ ними, но когда предписано было (вслѣдствіе требованія о томъ ратниковъ въ Инсарь и въ Саранскъ) привести ихъ къ присягѣ, это вызвало среди нихъ подозрѣніе, что помѣщики и офицеры, вопреки волѣ государя, хотятъ навсегда удалить ихъ изъ родныхъ деревень и разлучить съ семействами. Грамотные говорили, что указъ о присягѣ не печатный и подписанъ не самимъ государемъ, а сочинили его офицеры. Если бы это дѣлалось по волѣ государя, то ихъ жены были бы освобождены изъ владѣнія помѣщиковъ, какъ въ томъ случаѣ, когда берутъ въ солдаты. Они ссылались и на то, что рекрутъ съ мѣста провожаютъ полковые офицеры и нижніе чины; между тѣмъ жены ратниковъ остаются во владѣніи помѣщиковъ, и ихъ самихъ ведутъ въ походъ дворяне Пензенской губерніи. Всѣ эти соображенія внушили ратникамъ сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ вообще чиновниковъ гражданскаго и военнаго вѣдомства. Второй полкъ рѣшилъ въ Чембарѣ не присягать, не слушалъ увѣщаній (19—22 декабря) посланнаго для этого изъ Пензы губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго и предполагалъ собрать съ каждаго человѣка по рублю для отправки нарочнаго въ Петербургъ. Они никого не грабили и офицеровъ не избивали, а только рѣшили не присягать. Но 22 декабря въ Чембаръ прибылъ отрядъ восьмой фузелерной артиллерійской бригады, и полковой командиръ 2-го полка Дмитріевъ привелъ его въ повиновеніе выстрѣломъ картечью изъ пушки и атакою въ штыки, при чемъ было убито 5 и ранено 23 человѣка, на слѣдующій день всѣ были приведены къ присягѣ, а затѣмъ и здѣсь учреждена была комиссія военнаго суда.

Эти военно-судныя комиссіи постановили жестокіе приговоры. Въ Инсарѣ, по словамъ Шишкина, было присуждено къ наказанію болѣе 300 человѣкъ. «Три дня лилась кровь ратниковъ, и многіе изъ нихъ лишились жизни подъ ударами палачей! Изъ уцѣлѣвшихъ... послѣ наказанія... часть отправлена въ каторжную работу, часть на поселеніе, а другіе на вѣчную службу» въ гарнизонахъ отдаленнѣйшихъ сибирскихъ городовъ. Въ Саранскѣ были наказаны: 8 человѣкъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и постановленіемъ знаковъ и сосланы на каторгу въ Нер-

---

постныхъ въ милицію, говорили имъ, что предстоящая имъ служба временная, что государь ихъ не только распуститъ, но и наградитъ. Дѣйствительно, въ манифестѣ 30 ноября 1806 г. было сказано, что по минованіи нынѣ угрожающей опасности „ополченія положатъ оружіе и возвратятся въ свои дома и семейства, собственнымъ ихъ мужествомъ защищенныя, гдѣ вкусятъ плоды мира“, и далѣе государь императорскимъ своимъ словомъ торжественно обѣщалъ „излить щедроты и милости и вознаградить почестями и знаками отличія“ всѣхъ ознаменовавшихъ усердіе къ отечеству, личною храбростію и другими полезными дѣяніями. Кіевскіе милиціонеры поняли это такъ, что награда ихъ будетъ состоять въ избавленіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, что послѣ войны они пойдутъ по домамъ и станутъ козаками, какъ ихъ предки. Нѣкоторые помѣщики увѣряли ихъ, что, въ вознагражденіе за службу, ихъ никогда не отдадутъ въ рекруты. Между тѣмъ послѣ заключенія мира съ Франціею, манифестомъ 27 сентября 1807 г., было разрѣшено помѣщикамъ, мѣщанскимъ обществамъ и казеннымъ селеніямъ оставлять въ военной службѣ всѣхъ тѣхъ ратниковъ, кого они пожелаютъ оставить, съ выдачею имъ за нихъ рекрутскихъ зачетныхъ квитанцій. Это повело къ распространенію между ратниками кіевской милиціи слуховъ, что ихъ всѣхъ отдадутъ въ солдаты. Нѣсколько унтеръ-офицеровъ увѣрили товарищей, что государь объ этомъ не знаетъ и что повелѣнія эти изданы помѣщиками по соглашенію съ командирами милиціи. Выбравъ себѣ начальниковъ, атамановъ и предводителей, три баталіона направились обратно на родину, но были остановлены и обезоружены. Двѣсти человѣкъ были наказаны немедленно, а 72 человѣка, признанные зачинщиками, подвергнуты различнымъ наказаніямъ: сданы въ рекруты, высѣчены шпицрутенами или, по наказаніи плетьми или кнутомъ, сосланы на поселеніе. „Русская Старина“, 1895 г., № 7, стр. 188—191 „Записки С. А. Тучкова“, Спб., 1908 г., стр. 279—281.

чинскъ, 28 чел.—шпицрутенами и 91—палками и отосланы въ самые дальніе гарнизоны. Поработала комиссія военнаго суда и въ Чембарь [1]). Что свѣдѣнія Волковой относительно числа наказанныхъ кнутомъ преувеличены, видно изъ донесенія пензенскаго губернскаго прокурора (11 февраля 1813 г.), по словамъ котораго «всѣхъ воиновъ по суду опредѣлено сослать въ каторжную работу 43 человѣка». Но все же очень много обвиненныхъ было подвергнуто жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, какъ это видно изъ словъ того же прокурора, что изъ числа наказанныхъ умерло до отправленія въ Пензу—въ Инсарь 34, въ Чембарь—2, да еще въ Пензѣ до отсылки въ назначенныя мѣста изъ инсарскихъ — 4, изъ чембарскихъ—2, т.-е. 42 человѣка, и еще оставалось больныхъ 6 человѣкъ, а также и изъ словъ г.-л. гр. Толстого въ донесеніи государя, что «наказаніе виновныхъ было примѣрное и безъ малѣйшей пощады», хотя онъ самъ признаетъ, что виновные полки совершили преступленіе только вслѣдствіе «заблужденія» [2]). Что касается жителей города Инсара, преданныхъ за участіе въ бунтѣ и грабежѣ гражданскому суду, то, хотя многіе изъ нихъ были обвинены и присуждены къ наказанію кнутомъ или плетьми и къ ссылкѣ въ Сибирь или въ золотые рудники въ Екатеринбургъ, но, на основаніи манифеста 30 августа 1814 г., они были освобождены отъ наказанія [3]).

IV.

Дальнѣйшее изученіе неизданныхъ документовъ можетъ раскрыть еще отдѣльные случаи волненій крестьянъ въ 1812 г., но все же нельзя не признать, что ихъ было гораздо менѣе, чѣмъ ожидали предъ нашествіемъ Наполеона. «Многіе изъ помѣщиковъ опасались,—говоритъ Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ,—что приближеніе французской арміи и тайно подосланные отъ нея люди прельщеніями, подговорами возмутятъ противъ нихъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Напротивъ, въ это время казалось, что съ дворянами и купцами слились они въ одно тѣло... Простой народъ... никогда (будто бы) «не показывалъ такого повиновенія». Значительное спокойствіе его повело даже къ идеализаціи крѣпостного права. Французъ Faber [4]) писалъ изъ Петербурга какой-то дамѣ 1 декабря 1812 г.:

«Французы надѣялись найти униженныхъ рабовъ, мятежниковъ, а увидѣли людей непоколебимо преданныхъ своимъ господамъ, и Наполеонъ... встрѣтилъ сопротивленіе, которое обмануло всѣ его ожиданія и разрушило его планы». Упомя-

---

[1]) Въ письмахъ Волковой къ Ланской, содержащихъ по этому дѣлу свѣдѣнія неточныя, сказано: „Пришлось высѣчь кнутомъ 300 главныхъ мятежниковъ да сотни двѣ или три прогнать сквозь строй".

[2]) По вѣдомости 8 янв. 1813 г. пензенское ополченіе имѣло слѣдующій составъ 164 офицера, 529 урядниковъ и 7.052 воина въ 3 пѣхотныхъ полкахъ и 23 офицера, 51 урядникъ и 620 воиновъ въ конномъ полку.

[3]) Въ саратовскомъ конномъ ополченіи была также попытка возстанія въ 1812 г. „Записки М. Н. Кирѣева", „Рус. Стар.", 1890 г., № 7, стр. 49. Ростопчинъ писалъ имп. Александру 21 сент. 1812 г.: „сегодня утромъ въ одну изъ моихъ деревень собралось до 50 ратниковъ, и застрѣлили офицера". „Рус. Арх.", 1892 г., № 8, стр. 545.

[4]) Г. Ѳ. Фаберъ (1768—1847), уроженецъ Риги, издавшій нѣсколько сочиненій на французскомъ одно изъ нихъ противъ Наполеона), а впослѣдствіи и на нѣмецкомъ языкѣ, служилъ въ 1812 г., въ статистическомъ отдѣленіи министерства полиціи. Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ", ст. С. Трубачева. Ср. Wolzogen. Memoiren, Leipz., 1851, p. 48.

нувъ объ его прокламаціяхъ, авторъ письма продолжаетъ: «Русскій народъ не читаетъ. Слово свобода для него лишено смысла; нужно было предложить ему дѣло, а не слово. Подчиненіе этого народа стало для него привычкою... Французы, придя въ Россію, нѣсколько разъ предлагали крестьянамъ свободу». Но «эти честные люди... сохранили узы, объединившія ихъ съ правительствомъ и ихъ господами. Они даже сами скрѣпили ихъ; они всѣ поднялись вмѣстѣ со своими помѣщиками на защиту общей родины. Тамъ, гдѣ отсутствовали господа, управляющіе попрежнему завѣдывали имѣніями; крестьянскія власти поддерживали установленный порядокъ среди своихъ товарищей, а оброки собирались какъ всегда» [1])...

«Восхваляя этихъ вѣрныхъ и преданныхъ людей,—продолжаетъ авторъ письма,—я какъ бы восхваляю рабство, и я не отрицаю этого вполнѣ. Въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ теперь въ Россіи, можно, конечно, многое сказать въ его пользу. Эти крестьяне—смышленые, ловкіе, предпріимчивые, веселые, храбрые, энергичные... рабы ли они? Развѣ помѣщики, ихъ господа, пользуются своими правами, какъ тираны? Конечно, нѣтъ. Ихъ отношенія къ крѣпостнымъ крестьянамъ отличаются нѣкоторою патріархальностью [2]), далеко не похожею на то, что нѣкогда поддерживала на Антильскихъ островахъ нація, считающая себя наиболѣе чувствительною и гуманною, и что немного лѣтъ тому назадъ возстановилъ нынѣшній глава ея, хвалящійся либерализмомъ своихъ идей и принциповъ [3]). И тотъ же человѣкъ, возстановившій рабство и торгъ неграми, явился съ предложеніемъ свободы русскимъ крестьянамъ...

Село Мишенское (акв. Клара).

«Я скажу даже, хотя это покажется парадоксомъ и вызоветъ громкій протестъ кабинетнаго философа:... рабство, какъ оно существуетъ въ настоящее время въ Россіи, спасло на этотъ разъ государство [4])... При большей степени просвѣщенія каждый сравниваетъ свое положеніе съ положеніемъ другихъ, свою родину—съ другими странами»; тогда «знаютъ или думаютъ, что можетъ быть лучше... Наполеону невозможно было предвидѣть безуспѣшность своихъ покушеній на вѣрность русскаго народа». Даже русскіе помѣщики совершенно не знали «этотъ превосходный народъ и теперь сами винятъ себя въ этомъ».

То, чего не хватало русскимъ крестьянамъ до 1812 г.,—возможность сравнивать свое положеніе съ жизнью народа на Западѣ, явилось, когда русскіе солдаты и ополченцы побывали въ Западной Европѣ. Это хорошо

---

[1]) Англійскій генералъ Вильсонъ, находившійся въ 1812 г. при русскомъ войскѣ, также говоритъ въ своемъ донесеніи лорду Каткарту, что всѣхъ французовъ очень удивило „повиновеніе и привязанность крестьянъ къ помѣщикамъ“. Дубровинъ. „Отечественная война въ письмахъ современниковъ“, стр. 269.

[2]) О дѣйствительномъ положеніи крѣпостныхъ въ это время см. мою статью въ сборникѣ „Крестьянскій строй“, изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого. Спб., 1905 г.

[3]) Декретъ 30 флореаля (20 мая) 1802 г. разрѣшилъ торгъ неграми и возстановленіе рабства во французской колоніи Сенъ-Домэнгъ (на островѣ Гаити) и островѣ Гваделупѣ. Adams. Napoléon I et Saint-Domingue. Revue Historique, 1884, t. XXIV.

[4]) Курсивъ во французскомъ подлинникѣ.

[2]) Авторъ книги „Moscou avant et après l'inondie“, напечатанной въ Парижѣ въ 1818 г. (Lacointe de Laveau), который также оптимистично относится къ крѣпостному праву, говоритъ: „Бонапартъ надѣялся, вступая въ Россію, что найдетъ въ ней народъ, готовый разбить свои цѣпи. Послѣдствія показали, насколько тотъ расчетъ былъ ошибоченъ“ (p. 126).

понимали декабристы, и одинъ изъ нихъ, извѣстный писатель, членъ сѣвернаго тайнаго общества, А. А. Бестужевъ, такъ выразилъ это въ письмѣ изъ крѣпости къ имп. Николаю: «Еще война длилась, когда ратники, возвратясь въ домъ, первые разнесли ропотъ въ низшемъ классѣ народа. Мы проливали кровь, говорили они, а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ! Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа. Войска, отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ, только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ. Сравненіе со своимъ естественно произвело вопросъ, почему же не такъ у насъ... Злоупотребленія исправниковъ стали замѣтнѣе обѣднѣвшимъ крестьянамъ, а угнетенія дворянъ—чувствительнѣе, потому что они стали понимать права людей». Неизданные документы, дѣйствительно, даютъ нѣсколько примѣровъ волненій, вызванныхъ возвращеніемъ ратниковъ на родину.

Въ манифестѣ 18 іюля 1812 г. о созваніи ополченія было сказано: «Вся составляемая нынѣ внутренняя сила не есть милиція или рекрутскій наборъ, но временное вѣрныхъ сыновъ Россіи ополченіе... Каждый изъ... воиновъ при новомъ званіи своемъ сохраняетъ прежнее, даже не принуждается къ перемѣнѣ одежды и, по прошествіи надобности, т.-е. по изгнаніи непріятеля изъ земли нашей, всякъ возвратится съ честью и славою въ первобытное свое состояніе и къ прежнимъ своимъ обязанностямъ» [1]). Именнымъ указомъ 30 марта 1813 г. было распущено смоленское и московское ополченія; указъ оканчивался слѣдующими словами: «да обратится каждый изъ храбраго воина паки въ трудолюбиваго земледѣльца и да наслаждается посреди родины и семейства своего пріобрѣтенною имъ честью, спокойствіемъ и славою». Въ указѣ 22 января 1814 г., которымъ были распущены ополченія петербургское, новгородское, ярославское, тульское и калужское, было упомянуто о томъ, что ополченіе многократно отличилось при осадѣ Данцига, взятаго послѣ годичнаго упорнаго сопротивленія [2]).

Гавр. Ром. Державинъ, извѣстный поэтъ, увѣдомилъ въ 1814 году главнокомандующаго въ Петербургѣ Вязмитинова, управлявшаго министерствомъ полиціи, что ратники, возвратившіеся изъ новгородскаго ополченія въ его имѣніе, объявили ему, что они «отпущены на время» (такъ, вѣроятно, поняли они слова манифеста о временномъ ополченіи) и, будучи казенными, помѣщикамъ служить не могутъ. Имъ старались внушить, что они «обращены совершенно въ первобытное состояніе», но они не слушаются и ни на какую работу итти не хотятъ. Очевидно, ратники никакъ не могли себѣ представить, что наслажденіе «среди своихъ семействъ спокойствіемъ», обѣщанное имъ именнымъ указомъ 22 января 1814 года, означаетъ не что иное, какъ пребываніе попрежнему подъ гнетомъ почти неограниченнаго помѣщичьяго произвола. Вязмитиновъ (23 іюля 1814 г.) предписалъ и. д. новгородскаго губернатора Муравьеву внушить ратникамъ Державина, чтобы они, согласно прямой волѣ государя, выра-

---

[1]) Государственные, экономическіе и удѣльные крестьяне въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ составлялось временное внутреннее ополченіе, не участвовали въ немъ, а давали, какъ обыкновенно, рекрутъ.

[2]) Тѣмъ не менѣе, окончаніе этого указа было лишь нѣкоторымъ варіантомъ перваго: „Мы желаемъ, чтобы воины, пріобрѣвшіе славу на полѣ чести, наслаждались оною среди семействъ своихъ въ полномъ спокойствіи, и обратили себя попрежнему на труды и промыселъ мирныхъ гражданъ“.

Бой Перновскаго полка въ Вязьмѣ 22 октября 1812 г.

(Гесс).

Ramón Iglesias Navarro

Instituto Histórico de Cuba

(1971)

женной въ манифестѣ и двухъ указахъ, исполняли безпрекословно всѣ возложенныя на нихъ обязанности и «помѣщику своему были бы совершенно послушны». Державину же Вязмитиновъ предложилъ того изъ ратниковъ, который «возбуждаетъ смуту между людьми» и грубитъ господину, сдать въ рекруты, но безъ зачета, такъ какъ онъ, избѣгая рекрутчины, отрубилъ себѣ одинъ суставъ пальца [1]).

Получивъ предписаніе Вязмитинова, Муравьевъ сообщилъ ему, что «со времени роспуска главнаго ополченія рѣдкій день не являются къ нему» воины или не доходятъ... просьбы помѣщиковъ или ихъ приказчиковъ: одни съ жалобами на... помѣщиковъ, другіе о неповиновеніи «людей, бывшихъ въ ополченіи». Въ случаяхъ «маловажныхъ и немноголюдныхъ... все безъ дальнихъ хлопотъ прекращается, усмиряется и приходитъ въ должный порядокъ», но въ одномъ дѣлѣ онъ счелъ нужнымъ предать виновныхъ суду.

Село Мишенское (акв. Клара).

14 іюля къ Муравьеву явились три крестьянина помѣщика старорусскаго уѣзда, Аничкова, бывшіе на службѣ въ ополченіи и просили «себѣ пощады отъ господскаго принужденія работать наравнѣ съ прочими крестьянами». Муравьевъ, «уразумѣвъ, по его словамъ, сихъ людей блуждающее, но буйное сужденіе», приказалъ отдать ихъ подъ стражу. На допросѣ они заявили, что 15 человѣкъ, бывшихъ ратниковъ, были водворены въ село Кремно, имѣніе Аничкова, который приказалъ имъ исполнять всякія повинности наравнѣ съ прочими крестьянами и потребовалъ, чтобы они сдали ему казенную одежду. За неповиновеніе онъ избилъ одного изъ нихъ, но бывшіе ратники для выясненія, справедливы ли требованія помѣщика, послали трехъ своихъ товарищей въ Новгородъ. Губернское правленіе нашло, что «заблужденіе крестьянъ произошло, повидимому, не столько» отъ непониманія воли государя, «сколько отъ ихъ буйности», и потому за неповиновеніе господину, грубости и самовольную отлучку безъ паспортовъ отослало ихъ съ товарищами въ старорусскій земскій судъ для рѣшенія дѣла по закону.

С.-петербургскій гражданскій губернаторъ М. Бакунинъ сообщилъ всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ Петербургской губ. о жалобахъ нѣкоторыхъ возвратившихся изъ ополченій, что они «нашли дома свои въ худомъ положеніи, что земли ихъ отданы другимъ, а скотъ взятъ въ господскій домъ», помѣщики же, тѣмъ не менѣе, заставляютъ ихъ ходить на господскую работу. Бакунинъ просилъ предводителей дворянства вообще внушить помѣщикамъ, чтобы они позаботились о починкѣ разрушив-

---

[1]) Комитетъ министровъ, по представленію Вязмитинова, рѣшилъ „въ предупрежденіе самовольства ратниковъ“ разослать предписаніе, подобное отправленному въ Новгородъ, начальникамъ всѣхъ тѣхъ губерній, ополченія которыхъ были распущены, что и было исполнено 18 августа 1814 г.

шихся домовъ бывшихъ ратниковъ и дали бы этимъ людямъ «способы къ пропитанію», чтобы у нихъ не было «справедливой причины къ жалобамъ, которыя могутъ имѣть весьма непріятное вліяніе и послѣдствія» [1]).

Въ имѣніе придворнаго банкира Раля, въ Ямбургскомъ у., Петербургской губ., бывшіе ополченцы явились въ іюлѣ 1814 г. и были освобождены отъ господскихъ работъ до 1 января 1815 г. Въ январѣ управляющій деревнями Смольянъ объявилъ имъ, чтобы они начали ходить на барщину, но ни одинъ изъ нихъ не исполнилъ этого требованія. Велѣно было собрать ихъ, однако изъ 27 человѣкъ явилось только 9, и управляющій пригрозилъ имъ за неповиновеніе ссылкою на поселеніе. Одинъ изъ бывшихъ ратниковъ, Архиповъ, заявилъ, что они всѣ лучше пойдутъ въ Сибирь, чѣмъ на господскую работу. Управляющій схватилъ его за воротъ, но товарищи вступились. Однако съ помощью дворовыхъ Архиповъ былъ задержанъ и посаженъ подъ стражу. На другой день староста и выборный везли на мызу другого «главнаго ослушника», но пятеро бывшихъ ратниковъ отбили его. Получено было извѣстіе, что собирается и вся «дружина», чтобы освободить арестованнаго. Управляющій послалъ за капитаномъ полка, квартировавшаго въ одной изъ деревень имѣнія Раля, и просилъ его о помощи. Какъ только онъ пріѣхалъ, болѣе 50-ти ратниковъ вошли во дворъ, освободили Архипова и, потребовавъ къ себѣ управляющаго, заявили ему, что ранѣе будущаго урожая на работу не пойдутъ. Тотъ просилъ ямбургскій земскій судъ заставить ихъ повиноваться. Земскій исправникъ и уѣздный предводитель дворянства отправились въ имѣніе Раля и донесли, что бывшіе въ ополченіи получили по возвращеніи домой «какъ въ поляхъ отъ засѣяннаго хлѣба, такъ и въ сѣнныхъ покосахъ должное удовлетвореніе и оставлены на прежнихъ участкахъ», до 1 января 1815 г. были освобождены отъ работъ, а теперь не соглашаются итти на барщину ранѣе новаго урожая. Изъ найденныхъ наиболѣе виновными 7 человѣкъ были арестованы, а трое бѣжали (Арх. Мин. Вн. дѣлъ) [2]).

---

[1]) По полученіи отъ Вязмитинова предписанія, даннаго 18 августа, Бакунинъ сообщилъ ему, что нѣкоторые помѣщики желаютъ „безпокойныхъ воиновъ“ отдать въ военную службу и полагалъ, что это можно дозволить съ выдачею за годныхъ зачетныхъ квитанцій, а не годныхъ отдавать безъ зачета. Но тутъ явился вопросъ, какъ быть съ тѣми, которые участвовали въ сраженіяхъ и получили медали, а нѣкоторые и знаки военнаго ордена, иные же были ранены и сдѣлались неспособными къ труду. По представленію объ этомъ Вязмитинова комитету министровъ, изданы были правила, утвержденныя государемъ 31 мая 1815 г. Ими было дозволено помѣщикамъ и обществамъ представлять въ губернскія рекрутскія присутствія для освидѣтельствованія людей, возвратившихся изъ ополченій, которыхъ они признаютъ безполезными для себя вслѣдствіе увѣчій и другихъ болѣзней. Рекрутскія присутствія должны были отдавать признаннаго неспособнымъ ни къ какимъ работамъ въ военное вѣдомство съ зачетомъ помѣщику или обществу за рекрута, и эти люди причислялись къ неслужащимъ инвалидамъ на казенное содержаніе. „Для сохраненія общаго спокойствія и тишины“ не воспрещалось представлять въ тѣ же рекрутскія присутствія въ зачетъ будущихъ наборовъ и такихъ людей, бывшихъ въ ополченіи, которые возвратились въ свои дома съ медалями въ память 1812 г. или и безъ нихъ и оказались „непослушными и безпокойными, слѣдовательно, и въ обществѣ нетерпимыми“, не исключая изъ этого числа и тѣхъ, кто получилъ знаки отличія военнаго ордена, но неспособныхъ къ полевой службѣ людей приказано было принимать безъ зачета за рекрута, опредѣляя ихъ въ команды внутренней стражи. Дѣти принятыхъ на службу и на казенное содержаніе, прижитыя до поступленія ихъ отцовъ въ военное вѣдомство, должны были принадлежать помѣщикамъ и обществамъ, а рожденныя послѣ того — военному вѣдомству съ отдачею въ опредѣленномъ возрастѣ въ военно-сиротскія отдѣленія. Вдовы убитыхъ, умершихъ или другими случаями выбывшихъ во время нахожденія въ ополченіяхъ должны были принадлежать помѣщикамъ или обществамъ.

[2]) А. Кржижановскій въ неизданныхъ „Разсужденіяхъ и примѣчаніяхъ объ Украйнѣ“ говоритъ, что вступившія въ свои квартиры войска, прошедшія всю Европу, разсказывая поселянамъ о состояніи и свободѣ земледѣльцевъ въ чужихъ краяхъ, „сильно воспламеняли ненависть къ угнетающимъ ихъ помѣщикамъ и управителямъ“. Дубровинъ. „Послѣ Отечественной войны“ („Рус. Стар.“, 1904, № 1, стр. 2).

V.

Въ планъ нашего очерка входитъ описаніе лишь тѣхъ волненій крестьянъ послѣ 1812 года, которыя связаны съ Отечественною войною. Поэтому я остановлюсь еще на волненіи удѣльныхъ крестьянъ Липецкаго приказа, Смоленской губ., такъ какъ оно явилось слѣдствіемъ разоренія этого края въ 1812 году и вызванныхъ имъ злоупотребленій удѣльнаго начальства.

Я не имѣю возможности подробно говорить о томъ, какъ отразилась война на положеніи крестьянъ въ Смоленской губ. Приведу только письмо губернскаго предводителя дворянства Лыкошина 1816 г., хорошо рисующее то разореніе, которому подверглись здѣсь крестьяне.

На вспоможеніе крестьянамъ Смоленской губ., по его словамъ, было отпущено 5.325.000 руб. «Казеннымъ крестьянамъ даны пайки на 1813, 1814 и 1815 годы, и поля ихъ засѣяны всѣ, отпущенъ на строеніе лѣсъ; дано по сту руб. на постройку; каждому работнику 50 руб. на покупку лошади и отпущены деньги на отдачу рекрутъ. Помѣщичьи крестьяне получили пайки на три мѣсяца, и полей ихъ засѣяно двѣнадцатая часть. Въ маѣ мѣсяцѣ 1813 г. начали обыватели изъ разсѣянія собираться... на мѣсто прежнихъ жилищъ своихъ и нѣкоторое время жили на открытомъ воздухѣ, питаясь грибами и хлѣбомъ. Первое ихъ дѣло было убрать мертвыя тѣла людей и павшихъ лошадей и скота [1]), сдѣлать новые на большихъ дорогахъ мосты и перевозы, строить для хлѣба шалаши. Болѣзни сдѣлались повсемѣстными, люди умирали человѣкъ за человѣкомъ, большею частью среднихъ лѣтъ, поелику они убирали тѣла и заразились. Недоставало не только гробовъ, но и работниковъ рыть ямы для погребенія; священники не успѣвали по долгу христіанскому дѣлать каждому погребеніе». Въ это время смоленское ополченіе возвратилось, а на мѣсто его велѣно было собрать рекрутъ съ каждыхъ пятисотъ душъ по десяти человѣкъ [2]). «Вслѣдъ за тѣмъ другой рекрутскій наборъ изъ 500 душъ по 8-ми человѣкъ [3]) во время, когда болѣзни свирѣпствовали, люди умирали, всѣ вещи, принадлежащія къ отдачѣ рекрутъ, вздорожали, денегъ не было, да и пріобрѣсти ихъ нечѣмъ. Сіе обстоятельство привело обывателей въ совершенное изнуреніе. Къ несчастію, падежъ скота и лошадей... повторялся нѣсколько разъ.

«По истеченіи льготнаго времени съ окончаніемъ 1813 года губернія, какъ будто не пострадавшая, поставлена во всѣ прежнія свои повинности наравнѣ съ прочими губерніями, разоренія не потерпѣвшими, а по мѣстному своему положенію страдаетъ болѣе...

«Первое, по изгнаніи непріятеля, обыватели должны были устроить большія дороги, мосты и перевозы..., принять на себя въ натурѣ почтовую гоньбу по всеи губерніи и тѣмъ изнурить остатки тѣхъ лошадей, которыя... отъ истребленія непріятельскаго и всеобщаго падежа уцѣлѣли; безпрестанно проводы военныхъ, колодниковъ, воинскихъ командъ, требующихъ подводъ, забирали у нихъ послѣднихъ лошадей и отвлекали крестьянъ отъ полевыхъ работъ; а сіе было въ то время,

---

[1]) Изъ донесенія министра полиціи Балашова (въ декабрѣ 1812 г.) видно, что въ Смоленской губ. было истреблено 172.566 человѣческихъ и 128.739 скотскихъ труповъ, а въ 6 губерніяхъ (Калужской, Московской, Смоленской, Минской, Могилевской и Виленской) и въ Бѣлостокской области всего истреблено 430.707 человѣческихъ и 230.677 скотскихъ труповъ. С. Горяиновъ. „1812. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго Главнаго Архивовъ. Изданіе Министерства Иностранныхъ дѣлъ“. Спб., 1912 г., ч. II, стр. 98.

[2]) Въ именномъ указѣ сенатору Каверину 11 іюля 1813 г. сказано: „съ казенныхъ обывателей Смоленской губ., поставившихъ въ 1812 г. по 10 рекрутъ съ 500 душъ, взять еще съ того же числа по 2 рекрута“, а помѣщичьи имѣнія уравнять въ сборѣ рекрутъ съ казенными поселеніями. („Полн. Собр. Зак.“, XXXII, № 25, 419.)

[3]) См. П. С. З., XXXII, № 25, 438.

когда въ большомъ семействѣ едва одинъ человѣкъ оставался не·боленъ или только что началъ оздоравливать, а прочіе всѣ лежали на смертномъ одрѣ и симъ лишались послѣдней для себя помощи. Въ семъ положеніи должно было помышлять о постройкѣ для зимы убѣжищъ... По неимѣнію достаточнаго числа лошадей не на чемъ было возить матеріалы. Тутъ настало время платить подати съ каждой души по три руб.» и на содержаніе почтовыхъ лошадей по 45 коп. съ ревизской души. «Бѣдный крестьянинъ все, кромѣ хлѣба, служащее къ его пропитанію, равно какъ и одѣяніе, долженъ пріобрѣсть покупкою, ибо по недостатку скота не имѣлъ съ чѣмъ сварить свои щи, а по неимѣнію овецъ не имѣлъ шубы ни кафтана... и въ семъ положеніи находятся и по сіе время (1816 г.).

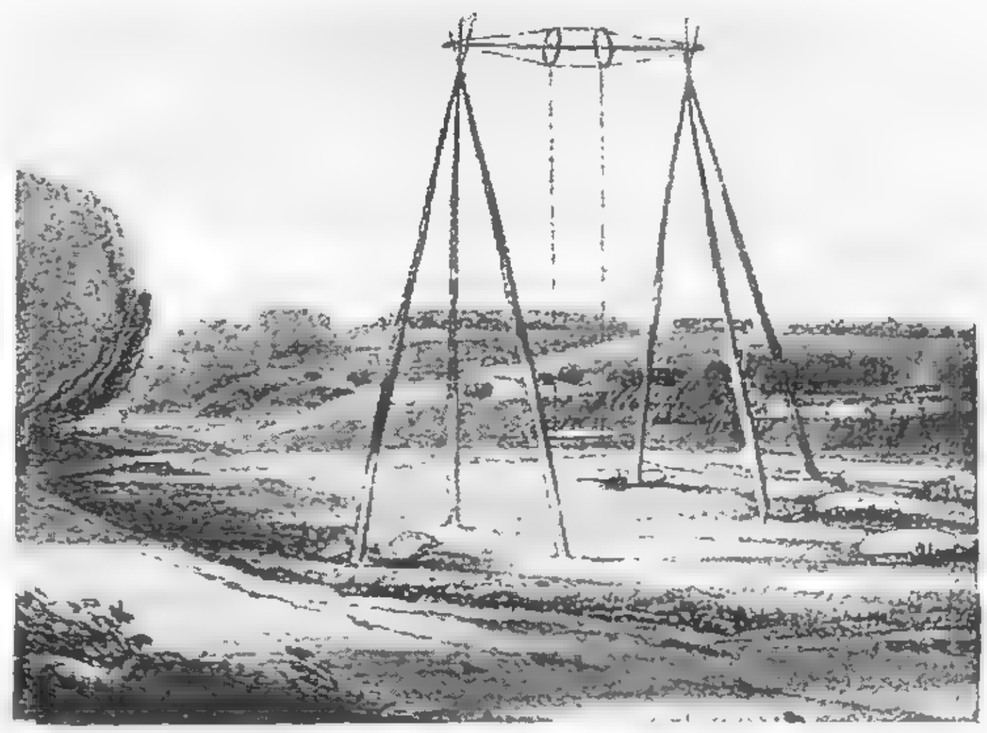
«Тотъ, кто зналъ мѣста сіи прежде разоренія,—продолжаетъ Лыкошинъ,—увидитъ большую разницу: деревня, въ которой было прежде дворовъ 23, теперь имѣетъ только 7 или 8; крестьянинъ, у котораго было по обыкновенію двѣ избы, три или четыре клѣти, скотный дворъ и гумно, теперь имѣетъ только одну избу, а рѣдкій успѣлъ сдѣлать и другую, а вмѣстѣ съ ней плетень...; рѣдкій изъ нихъ успѣлъ построить скотный дворъ... Во дворѣ, гдѣ было прежде отъ 5 до 10-ти лошадей и до 12-ти коровъ, теперь едва 2 лошади и 1 корова, а овецъ почти нѣтъ совершенно... Проѣзжій, знавшій прежде мѣста сіи... примѣтитъ многія нивы и даже цѣлыя поля запустѣвшими и заросшими кустарникомъ... На лицахъ жителей замѣтно уныніе» [1]). Хуже всего было положеніе тѣхъ крестьянъ, жилища которыхъ находились на большой дорогѣ, по которой проходили войска.

Въ исторіи волненія удѣльныхъ крестьянъ Гжатскаго у , Смоленской губ., обнаруживается всякливость мѣстной администраціи, всѣ тѣ наглыя злоупотребленія, которыя доводили крестьянъ до сопротивленія властямъ. Помощь удѣльнымъ крестьянамъ Смоленской губерніи велѣно было произвести изъ удѣльнаго капитала. Такихъ крестьянъ въ этой губерніи, разоренныхъ войною, оказалось 42.384 души, а сожженныхъ непріятелемъ крестьянскихъ дворовъ—648. Для пособія этимъ крестьянамъ смоленская удѣльная контора купила хлѣба и лошадей на 184.400 руб. При оказаніи пособія хлѣбомъ крестьянамъ Липецкаго приказа (на что было назначено 21.103 рубля, хлѣба выдано было мало, пособія лошадьми не оказано вовсе. Сама смоленская удѣльная контора находила недостаточнымъ данное крестьянамъ пособіе, между тѣмъ какъ экономическимъ крестьянамъ (такъ назывались принадлежавшіе до 1764 г. церковнымъ учрежденіямъ, преимущественно монастырямъ, а потомъ перешедшіе въ вѣдѣніе коллегіи экономіи и включенные позднѣе въ составъ казенныхъ) оказана была значительная помощь; но министръ удѣловъ Гурьевъ не внялъ представленію управляющаго смоленскою конторою. Положеніе многихъ удѣльныхъ крестьянъ Липецкаго приказа было, по выраженію ген. Паскевича, «отчаянное». Изъ двухъ волостей, находившихся въ вѣдѣніи этого приказа, особенно разорена была Клушинская (1700 душъ), такъ какъ она была ближе къ большой дорогѣ; имъ приходилось даже отдавать въ закладъ луга и поля, засѣянныя рожью. Крестьяне эти въ прошеніи въ удѣльную контору писали, что «если волости не дадутъ помощи, то болѣе 1.500 душъ должны пропасть, и безъ того уже по-міру ходятъ». Послѣ полученія отъ министра удѣловъ отказа въ пособіи, они попробовали обратиться къ сенатору Каверину, но тотъ отвѣчалъ, что постановленіями по удѣльному вѣдомству» имъ воспрещено обращаться къ

---

[1]) „Русская Старина“, 1878 г., т. XXIII, 537—540. О послѣдствіяхъ нашествія французовъ для Минской губ. см. Краснянскій. „Минскій департаментъ в. к. Литовскаго“ СПБ. 1902, стр. 70—71.

кому-либо другому, кромѣ своего начальства. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 10 декабря 1812 г. съ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ Смоленской губерніи, потерпѣвшихъ разореніе, велѣно было не взыскивать недоимокъ прежнихъ лѣтъ и недобора податей за вторую половину 1812 г., а также всего оклада за 1813 г. Но смоленская удѣльная контора продолжала взыскивать подати со своихъ крестьянъ [1]), а когда они, узнавъ о данныхъ правительствомъ льготахъ, предположили, что «прощенные оклады государемъ, но съ нихъ уже взысканные, слѣдуетъ зачесть и на полтора года отъ податей освободить», то посланный съ этою просьбою въ Смоленскъ крестьянинъ былъ арестованъ, какъ бунтовщикъ и зачинщикъ безпорядковъ, и по приказанію управляющаго удѣльною конторою «чувствительно наказанъ», а подати продолжали, безъ всякихъ разъясненій, по словамъ Паскевича, «вымучивать съ поспѣшностью». и въ уплатѣ ихъ не выдавали никакихъ квитанцій. Въ своемъ донесеніи государю Паскевичъ прямо говоритъ, что удѣльная контора, дѣйствуя незаконно, «обманывала крестьянъ въ видахъ корыстнаго лихоимства». Удѣльный голова Минай Ивановъ на уплату податей. продавалъ на корню крестьянскій хлѣбъ и весь скотъ.



Виды въ селѣ Мишенскомъ (съ акв. Клара).

Въ апрѣлѣ 1815 г. Липецкій приказъ объявилъ, наконецъ, о сложеніи недобора податей за вторую половину 1812 и всего оклада 1813 г. Но деньги продолжали взыскивать попрежнему, при чемъ Минай Ивановъ подвергалъ жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ даже женъ и дѣтей неплательщиковъ. Крестьяне принесли жалобу губернатору, но она была оставлена безъ послѣдствій, и имъ вновь подтвердили, чтобы они обращались съ претензіями къ своему начальству. Когда крестьяне просили разъясненія у губернскаго прокурора, тотъ отправилъ ихъ просьбу министру юстиціи, который препроводилъ ее лишь черезъ годъ министру удѣловъ.

По словамъ Паскевича, крестьяне «не могли понять», за какой годъ они уплачиваютъ подати.

Наконецъ, крестьяне деревни Медвѣдки, вслѣдствіе крайней бѣдности [2]), стали обнаруживать неповиновеніе требованіямъ приказа. Управляющій удѣльною конторою отправилъ своего помощника Миллера для ареста

---

[1]) Она ссылалась потомъ на то, что не имѣла права замѣнить записаннымъ въ приходъ сборами 1813 г. оброкъ 1814 года. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ удѣльною конторою, крестьяне липецкаго приказа были освобождены отъ платежа оброчныхъ и казенныхъ повинностей всего на сумму 60.016 р. Оброчныхъ денегъ Клушинскою волостью въ 1813 г. въ счетъ оклада (10.356 р.) было уплачено 3.566 р., съ Златоустовской въ счетъ оклада (16.341 р.) взыскано 8.163 р.

[2]) Еще въ октябрѣ 1813 г. чиновникъ смоленской удѣльной конторы доносилъ о дер. Медвѣдки, что крестьяне ея „не могутъ не только обрабатывать поля, но и продовольствовать свои семейства“.

главныхъ зачинщиковъ и тѣлеснаго наказанія всѣхъ 12-ти домохозяевъ этой деревни, но взять ихъ на этотъ разъ не удалось, а ходоки крестьянъ отправились въ Варшаву и Петербургъ и подали прошеніе великимъ князьямъ, императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ и министру удѣловъ. Когда потребованы были къ слѣдствію двое повѣренныхъ и нѣкоторые изъ медвѣдковскихъ крестьянъ, и они опять оказали непослушаніе, то засѣдатель земскаго суда съ Миллеромъ отправились 30 марта 1815 г. въ деревню Медвѣдки съ понятыми (до 200 чел.), но крестьяне ихъ къ себѣ не пустили. Послѣ этого пріѣхалъ исправникъ Кушниковъ съ 12 чел. инвалидной команды при ихъ начальникѣ и съ такимъ же, какъ прежде, числомъ понятыхъ, но крестьяне будто бы прогнали и ихъ нѣсколькими выстрѣлами изъ ружей, заряженныхъ пулями. По свѣдѣніямъ же, собраннымъ Паскевичемъ, сдѣланъ былъ одинъ холостой выстрѣлъ, какъ сигналъ сосѣдямъ, что пріѣхало начальство. По предписанію губернатора, исправникъ вновь явился съ полнымъ составомъ земскаго суда и съ тою же командой. Крестьяне дали знать Кушникову, что они разскажутъ все только ему одному и просили не брать съ собою удѣльныхъ властей, такъ какъ они ихъ постоянно обманываютъ и пишутъ во время слѣдствія то, чего допрошенные не говорили [1]). Кушниковъ не только записалъ ихъ показанія, но и выдалъ имъ копіи съ составленныхъ имъ протоколовъ. Такъ какъ онъ первый раскрылъ, что съ крестьянами при взысканіи податей обходятся жестоко, и обнаружилъ большія злоупотребленія, то вслѣдствіе старанія смоленской удѣльной конторы былъ преданъ сенаторомъ Каверинымъ уголовному суду, какъ «подстрекатель возмущенія». Лишь по требованію Паскевича онъ былъ освобожденъ отъ суда, снова назначенъ капитанъ-исправникомъ и награжденъ орденомъ. Въ іюнѣ 1815 г. приказный староста села Клушина Василій Яковлевъ, воспользовавшись отлучкою головы и казеннаго старосты, собралъ сходку и составилъ приговоръ объ отправкѣ въ Петербургъ повѣреннаго съ жалобами крестьянъ. Губернаторъ прибылъ въ Липецкій удѣльный приказъ съ батальономъ Бородинскаго полка и, расквартировавъ его въ удѣльныхъ селеніяхъ, арестовалъ старосту Яковлева и еще сорокъ «главнѣйшихъ возмутителей» (а по словамъ Паскевича, «ни въ чемъ не виновныхъ»). Крестьяне, собравшіеся въ числѣ около 700 человѣкъ, просили смѣнить приказного голову Миная Иванова и освободить Яковлева, но просьба ихъ исполнена не была. Они требовали, чтобы арестовали всѣхъ ихъ, такъ какъ схваченные товарищи не болѣе ихъ виновны. Въ своемъ донесеніи министру финансовъ и управляющему министерствомъ полиціи Вязмитинову губернаторъ предложилъ (въ видѣ исправительнаго наказанія) высѣчь каждаго десятаго человѣка плетьми и сдать въ рекруты одного изъ 50-ти; но комитетъ министровъ согласился съ мнѣніемъ Каверина, что наказаніе должно быть назначено по приговору суда.

Дѣло дошло уже до сената, когда государь, 18 февраля 1816 г., приказалъ командующему гренадерскимъ корпусомъ генералъ-лейтенанту Паскевичу разслѣдовать это дѣло. Паскевичъ съ величайшимъ внима-

---

[1]) Паскевичъ удостовѣряетъ, что удѣльные чиновники „писали на слѣдствіи, что хотѣли, вовсе даже крестьянамъ ничего не читая и не показывая“.

ніемъ отнесся къ нему, переспросилъ крестьянъ поодиночкѣ и цѣлыми деревнями, но все же изъ 60-ти заключенныхъ оставилъ подъ стражей 14-ть. «Наиболѣе наклонныхъ къ неповиновенію» онъ предлагалъ переселить въ другую губернію [1]), но въ то же время считалъ необходимымъ наказать за «великія злоупотребленія» чиновниковъ смоленской удѣльной конторы, такъ какъ ихъ «безсовѣстныя дѣянія»—истинная причина всѣхъ безпорядковъ. Паскевичъ выхлопоталъ также пособіе неимущимъ крестьянамъ (21.280 рубл. на 532 души) и разсрочку оброчной недоимки бѣднымъ семьямъ на 4 года. Передъ новымъ 1818 годомъ онъ донесъ, что послѣ выдачи пособія, разсрочки оброчной недоимки и увольненія отъ службы управляющаго смоленскою удѣльною конторою среди крестьянъ водворилась тишина и спокойствіе [2]).

По окончаніи заграничной кампаніи крѣпостные, какъ мы уже видѣли, ожидали воли [3]). Нижегородскій губернскій прокуроръ донесъ въ 1815 г. министру юстиціи, что въ Нижнемъ появились «разглашатели пустыхъ новостей насчетъ освобожденія всѣхъ крестьянъ отъ владѣнія помѣщиковъ съ присовокупленіемъ словъ оскорбительныхъ» для государя. 12 марта этого года (въ годовщину восшествія имп. Александра I на престолъ) канцелярскій чиновникъ Снѣжницкій разсказалъ, что, какъ онъ слышалъ на базарѣ, государь приказалъ отобрать крестьянъ у дворянъ (въ казенное вѣдомство). Господа де собрались въ ночное время въ сенатъ и позвали государя. Онъ обѣщалъ явиться, но далъ знать великому князю Константину Павловичу, чтобы тотъ принялъ мѣры предосторожности. Великій князь, взявъ съ собою воиновъ, нашелъ государя «въ опасности жизни, стоящаго передъ собраніемъ на колѣняхъ» въ рубахѣ и просящаго помилованія. Изрубивъ собравшихся, Константинъ Павловичъ отвелъ государя во дворецъ и сказалъ: «видишь ли, братъ, я тебя отъ нихъ спасаю во второй разъ [4]).

Въ началѣ апрѣля 1815 г. нижегородскій губернаторъ приказалъ арестовать пріѣхавшаго изъ Петербурга съ капитаномъ Любанскимъ его дворового человѣка, Дмитріева, за разглашеніе о дарованіи всѣмъ крестьянамъ вольности. Дмитріевъ разсказывалъ, что объ этомъ уже читанъ былъ въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ манифестъ. Сенатъ утвер-

---

[1]) При переселеніи въ Быховскій у., Могилевской губ., двухъ семействъ крестьянъ, они оказали вооруженное сопротивленіе, и три человѣка изъ нихъ убѣжало.

[2]) Кн. Щербатовъ. «Ген.-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность», т. I, СПБ., 1883 г., стр. 263—303. Въ документахъ дѣла Арх. Мин. Вн. дѣлъ департамента полиціи исполнительной 1815 г., № 187) все это событіе изображается съ точки зрѣнія смоленской удѣльной конторы и мѣстнаго губернатора, а потому, послѣ слѣдствія Паскевича, они заслуживаютъ мало довѣрія. Ср. о злоупотребленіяхъ удѣльной администраціи, обнаруженныхъ волненіемъ удѣльныхъ крестьянъ бурегскаго приказа Новгородской губ. Середонинъ. «Истор. обзоръ дѣятельности комитета министровъ», т. I, 355—356; Дубровинъ. «Письма глав. дѣятелей въ цар. имп. Александра I», 179; „Сборн. истор. мат., извлеч. изъ Архива соб. Е. В. Канцеляріи“, подъ ред. Дубровина, VI, 55—56.

[3]) Въ одномъ письмѣ изъ Москвы отъ 15 апрѣля 1815 г., подвергшемся перлюстраціи, было сказано: „насъ здѣсь очень тревожитъ, что мужики безпрестанно твердятъ, что они вольные, и многіе изъ деревень выѣзжаютъ, также и къ намъ приказчикъ пишетъ (изъ Калужской губ.), что то и дѣло твердятъ, что вольные“. Приказчикъ въ имѣніи дѣйств. ст. сов. Вас. Сер. Ланского (Новгородскаго у.) писалъ своему господину: „нѣкоторые крестьяне совсѣмъ бунтуютъ и въ послушаніе нейдутъ; причина тому,—я не знаю, отколь они газеты получаютъ,—что будетъ воля, съ часа на часъ дожидаютъ; до этого слуху исправляли барщину, а нынѣ никто ничего, и кто хочетъ—идетъ на барщину, а кто не хочетъ—сидитъ дома“. (Арх. Госуд. Сов.)

[4]) Сенатъ приговорилъ Снѣжницкаго за эти разглашенія къ ссылкѣ на поселеніе, резолюція же государя, которому было доложено объ этомъ дѣлѣ, не извѣстна.

дилъ приговоръ уѣзднаго суда о наказаніи Дмитріева 30 ударами плетей и отдачѣ въ военную службу съ зачетомъ помѣщику за рекрута.

Даже люди весьма консервативные понимали, что слѣдуетъ чѣмъ-нибудь вознаградить крѣпостныхъ за ихъ почти повсемѣстное спокойствіе во время Отечественной войны. Такъ, А. Ѳ. Малиновскій, начальникъ Архива Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, предложилъ (въ 1817 г.), если уже рѣшено будетъ дать свободу крестьянамъ не въ одномъ Остзейскомъ краѣ, то, въ ознаменованіе 1812 года и въ награду имъ за тогдашнюю «вѣрность», объявить свободными дѣтей обоего пола, рожденныхъ послѣ 1812 г., какъ включенныхъ въ седьмую ревизію 1816 г., такъ и послѣ нея рождаемыхъ. Это предложеніе (изложенное авторомъ въ особой запискѣ, присланной гр. Аракчееву) крайне медленнаго и притомъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ не имѣло никакихъ послѣдствій [1]).

Были и такіе прожектёры, которые хотѣли соединить ограниченіе крѣпостного права съ возстановленіемъ пожалованія населенныхъ имѣній въ полную собственность, прекращеннаго Александромъ I. Кутузовъ-Смоленскій носился съ мыслью предложить государю наградить генераловъ и офицеровъ, отличившихся во время Отечественной войны, помѣстьями литовскихъ и бѣлорусскихъ «мятежниковъ» [2]). Манифестъ 12 декабря 1812 г., провозгласившій амнистію полякамъ западныхъ губерній, которые приняли сторону Наполеона, казалось, долженъ былъ бы положить предѣлъ такимъ предположеніямъ. А между тѣмъ вотъ что сказано было въ письмѣ къ Н. М. Лонгинову изъ Бромберга 16 января 1813 г.: объ «увольненіи крестьянъ я, хотя не якобинецъ, признаюсь, что думаю, что непремѣнно» (нужно) «мало-по-малу это сдѣлать. Теперь есть случай начать въ Польшѣ, конфисковавъ имѣнія всѣхъ тѣхъ, что противъ насъ служили, раздать эти имѣнія генераламъ и офицерамъ нашимъ бѣднымъ и изувѣченнымъ и, раздавъ онымъ, постановить таксу, выше которой бы съ крестьянъ не брать и чтобы они были вольны. Дареному коню въ зубы не смотрятъ, новые помѣщики были бы довольны, и важная часть крестьянъ вышли бы изъ теперешняго постыднаго и въ Польшѣ несчастнѣйшаго положенія». Тутъ, очевидно, дѣло шло о губерніяхъ, отошедшихъ по раздѣламъ отъ Польши къ Россіи, такъ какъ въ герцогствѣ Варшавскомъ еще 1807 г. крестьяне получили личную свободу. «Вотъ здѣсь, въ Пруссіи, — продолжаетъ авторъ письма [3]), — въ части, которая уже давно отъ Польши взята, мужики уже не крѣпостные и общее состояніе гораздо лучше, нежели въ нашей Польшѣ. Говорили, что часть Польши, доставшаяся намъ, счастливѣе тѣхъ, кои принадлежатъ Пруссіи и Австріи». Это «совершенная ложь. Правда, что помѣщикамъ

---

[1]) С. Н. Глинка надѣялся, что „сближеніе дворянъ съ крестьянами къ взаимной оборонѣ отечества“ поведетъ къ улучшенію положенія крѣпостныхъ самими помѣщиками; но онъ впослѣдствіи призналъ, что это была „утопія, мечта“. „Записки о 1812 годѣ С. Глинки“. Спб., 1836, стр. 91—92.

[2]) Шильдеръ. „Имп. Александръ I“, т. III, 134.

[3]) Упоминаніе о Маринѣ и защита адм. Чичагова побуждаютъ меня предположить, что это былъ кн. М. С. Воронцовъ, проявившій въ 1820 г. стремленіе къ освобожденію крестьянъ. Ср. „Арх. кн. Воронцова“, XXIII, 22, 236, 259, 263—264. Авторство кн. М. С. Воронцова тѣмъ болѣе вѣроятно, что письмо писано изъ Бромберга, который взятъ именно имъ. „Арх. кн. Воронцова“, т. XXXVII, 67.

„Бѣгство французовъ изъ Москвы 1812 г. октября 12 дня". *(Скотти).*

„Побѣда при городѣ Духовщинѣ 26 октября 1812 г.". *(Скотти).*

„Разбитіе маршала Давуста при Красномъ". *(Скотти).*

„Разбитіе маршала Виктора при г. Старомъ Борисовѣ 15 и 16 ноября 1812 г.". *(Скотти).*

и шляхтичамъ лучше..., потому что они попрежнему деруть съ мужиковъ, но крестьянамъ гораздо хуже. Въ Австріи и въ Пруссіи власть дворянства удержана въ предѣлахъ, и оттого они кричали и имѣнія дешевле продавались, но крестьянамъ подъ защитой правленія было гораздо лучше» [1]). Однако амнистія полякамъ и рѣшительное нежеланіе государя возобновить пожалованіе населенныхъ имѣній въ полную собственность [2]) помѣшали осуществленію предположеній и кн. Кутузова, и автора письма, которымъ почти несомнѣнно былъ кн. М. С. Воронцовъ [3]).

В. Семевскій.

Деревня (рис. нач. XIX в.).

---

[1]) Н. Дубровинъ, „Отечественная война въ письмахъ современниковъ“, стр. 450—451.

[2]) Срав. о запискѣ Козодавлева, предлагавшаго вновь жаловать населенныя имѣнія въ полную собственность съ ограниченіемъ въ нихъ крѣпостного права, въ моей статьѣ: „Правительство, общество и народъ въ исторіи крестьянскаго вопроса во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX в.“ въ сборникѣ „Великая реформа“. Изд. Т-ва „Образованіе“. М. 1911, стр. 60.

[3]) Въ „Документахъ и матеріалахъ, относящихся къ исторіи Отечественной войны 1812 г.“, вышедшихъ въ свѣтъ, когда эта статья была уже набрана („Акты, издаваемые виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ“, т. XXXVII, Вильна 1912 г.), есть еще нѣсколько свѣдѣній о волненіяхъ крестьянъ въ Западной Россіи въ 1812 г. См. стр. XXXVIII—XXXIX, 204, 206, 297, 426.

Въ модной лавкѣ.

V. Русское купечество и война 1812 года.

П. А. Берлина.

Отечественная война застаетъ русское купечество въ положеніи «разсыпанной храмины». Въ то время, какъ дворянство выступаетъ въ этой войнѣ, какъ болѣе или менѣе организованное цѣлое, сразу взявшее въ свои руки направленіе и мирныхъ и военныхъ событій, русское купечество щедро жертвуетъ, выражаетъ патріотическія чувства, глухо волнуется, но при этомъ «бредетъ розно» и стоитъ темною массою статистовъ на заднемъ планѣ историческихъ событій.

А между тѣмъ врядъ ли какая-либо другая война такъ глубоко задѣла и такъ широко взволновала наше «темное царство» купечества, какъ Отечественная война. Это и не удивительно.

Прежде всего Отечественная война съ самаго начала приняла ясно выраженный экономическій характеръ. Экономическіе мотивы проступали въ ней явственно, почти обнаженно, едва прикрытыя пестрою и прозрачною тканью идеологій.

Съ самаго начала поэтому русскому купечеству пришлось смотрѣть на Отечественную войну какъ на источникъ возможныхъ экономическихъ обогащеній или разореній.

Война, переброшенная въ Россію, несла съ собою очень крупное перемѣщеніе экономическихъ центровъ, рѣзкую перемѣну всей экономической конъюнктуры, новое направленіе спроса и предложенія. Но этого

мало. На знаменахъ наполеоновской арміи были аршинными буквами написаны новые принципы мірового хозяйства, осуществленіе которыхъ должно было сильнѣйшимъ образомъ повліять на положеніе всей русской торговли и промышленности. По мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій, наконецъ, армія Наполеона надвигалась и проникла въ самое сердце купеческой Руси—въ Москву. Въ Москвѣ бился пульсъ торгово-промышленной жизни всей Россіи, и изъ нея по всей странѣ разливалась экономическая энергія.

Въ рамки нашей статьи не входитъ выясненіе роли и позиціи россійскаго купечества въ подготовленіи войны, въ борьбѣ за и противъ континентальной системы, въ первыхъ фазисахъ развитія военныхъ дѣйствій внутри Россіи и т. д.—это выяснено въ статьяхъ другихъ авторовъ.

Мы должны остановиться на томъ вліяніи, какое оказала уже сложившаяся и развившаяся война 1812-го года на русское купечество.

Знаменитому гр. Ростопчину, въ рукахъ котораго въ интересующій насъ періодъ находилась вся Москва, да и вообще русскому правительству и дворянству купечество рисовалась въ мало лестномъ видѣ толстосумовъ, которыхъ горячимъ словомъ патріотическаго убѣжденія надо было подвинуть на дѣла щедраго благотворенія.

Офиціальная власть тогда носила слишкомъ сплошной и выдержанный дворянскій характеръ, чтобы дворянскіе режиссеры патріотическихъ и военныхъ дѣйствій отвели купечеству какую-либо самостоятельную роль. Народъ долженъ былъ поставлять солдатъ, дворяне—командировъ, а купечеству отводилась роль какъ бы финансистовъ патріотической войны.

Когда французская армія уже вплотную надвинулась на Москву, когда она нетерпѣливо стояла уже у ея воротъ, гр. Ростопчинъ въ своихъ патріотическихъ рѣчахъ возлагалъ на купечество обязанность щедрыхъ пожертвованій.

Въ своей извѣстной рѣчи, произнесенной въ іюлѣ 1812 г., гр. Ростопчинъ обратился въ дворянскомъ собраніи къ дворянамъ, апеллируя къ ихъ патріотическому разуму и чувству и указывая широкимъ жестомъ на сосѣднее купеческое собраніе, увѣренно воскликнулъ: «Оттуда польются къ намъ милліоны». Милліоны дѣйствительно полились «оттуда». Русское купечество внесло очень крупные капиталы въ Отечественную войну.

Многіе купцы жертвовали цѣлыя состоянія; «дворяне,—пишетъ одна современница,—жертвовали, вооружая на свой счетъ ратниковъ изъ своихъ крестьянъ отъ 25 человѣкъ одного, а купечество—деньгами, всякій по своему усердію. Весьма многіе жертвовали по 20, 30 и 50 тыс. рублей».

Когда Александръ I-й въ купеческомъ собраніи обратился съ пламеннымъ патріотическимъ призывомъ къ купцамъ, то въ отвѣтъ опять изъ среды купцовъ «полились милліоны».

Итакъ, упованія гр. Ростопчина на щедрость купцовъ, несомнѣнно, увѣнчались блестящимъ успѣхомъ.

Но какъ же исполнилась другая часть упованій гр. Ростопчина,—упованій на незыблемую и ничѣмъ не нарушимую вѣрность купечества стародавнимъ завѣтамъ русской жизни и ихъ органическую неспособность къ увлеченію идеями Запада, которыя проникали тогда въ передовые умы русскаго общества?

Гр. Ростопчинъ былъ спокоенъ за «свое» купечество. Онъ былъ увѣренъ, что русское купечество совершенно невоспріимчиво къ той «заразѣ», которая къ его глубокому негодованію проникала съ Запада въ Россію.

Въ патріотически-обличительной повѣсти «Охъ, французы», написанной какъ разъ въ интересующую насъ эпоху, гр. Ростопчинъ высмѣиваетъ подражаніе французамъ и увлеченіе «французскими» идеями.

Но при этомъ онъ выражаетъ непоколебимую увѣренность, что эта ядовитая чаша французскихъ идей минетъ русское купечество; оно не прикоснется къ этому заморскому зелью.

Въ предисловіи къ этому обвинительному памфлету гр. Ростопчинъ пишетъ:

«Купцы и крестьяне хотя и подвержены всѣмъ извѣстнымъ болѣзнямъ, кромѣ нервовъ и меланхоліи, но еще отъ иноземства кое-какъ отбиваются и сія летучая зараза къ нимъ не пристаетъ. Они и до сихъ поръ французовъ называютъ нѣмцами, вино ихъ—церковнымъ».

Эта злая характеристика нашего темнаго царства эпохи Отечественной войны въ общемъ, въ примѣненіи ко всему купечеству, была, несомнѣнно, справедлива. Неорганизованное и невѣжественное, оно не находило по большей части иныхъ знаковъ, кромѣ денежныхъ, для выраженія своей патріотической тревоги. Въ то время, какъ дворянство выступало на первыхъ роляхъ и стремилось политически использовать движеніе, купечество выдѣлило лишь небольшую горсть столичныхъ купцовъ, которые пошли дальше патріотическихъ междометій, денежныхъ пожертвованій и узкоклассовыхъ вожделѣній и съ напряженнымъ интересомъ стали думать и читать о «французскихъ идеяхъ».

Среди петербургскаго и московскаго купечества начинаютъ именно въ эту пору появляться отдѣльныя лица и небольшіе кружки, которые сумѣли за патріотическимъ шумомъ услышать голосъ исторіи. Они начинаютъ интересоваться французами не только какъ врагами русскихъ, но и какъ носителями великихъ идей вѣка, всколыхнувшихъ всю Европу и навсегда отрѣзавшихъ возможность отступленія къ старымъ политическимъ позиціямъ, изъ которыхъ государства были выбиты арміей Наполеона.

Въ мемуарахъ русскихъ дворянскихъ современниковъ Отечественной войны мы находимъ не то насмѣшливые, не то недоумѣнныя замѣтки о нѣкоторыхъ русскихъ купцахъ, интересовавшихся французскими идеями и достававшихъ за дорогую цѣну «опасныя» русскія и иностранныя книги.

Но такихъ купцовъ была горсть. И общая масса русскаго купечества не была захвачена тѣмъ могущественнымъ идейнымъ циклономъ, который надвигался изъ Франціи на все тогдашнее передовое общество Европы. Это не значитъ, однако, что русское купечество только жертвовало и пассивно ожидало развязки грандіозныхъ историческихъ событій. Изъ этой пассивности оно было выбито прежде всего тѣмъ жгучимъ экономическимъ интересомъ, который представляла для него война.

Отечественная война, какъ мы уже отмѣтили, задѣла русское купечество за самую сердцевину его интересовъ, и оно, конечно, не преминуло использовать историческія событія частью, чтобы избѣжать разоренія, а частью, чтобы обогатиться.

Чѣмъ больше развивались военныя дѣйствія, тѣмъ больше въ область экономической жизни Россіи вносилась путаница и происходила рѣзкая и коренная переоцѣнка всѣхъ экономическихъ цѣнностей и цѣнъ. Чрезвычайно сократившійся провозъ всѣхъ товаровъ изъ-за границы сразу поднялъ цѣны на всѣ товары внутри Россіи.

Русское купечество сумѣло широко использовать этотъ общій подъемъ цѣнъ для своего классоваго обогащенія. «Я вамъ скажу,—писалъ П. Чичаговъ гр. Воронцову,—что однимъ взмахомъ пера насъ обѣдняли на двѣ трети: мука въ Петербургѣ отъ 18 до 25 руб. пудъ; сукно отъ 35 до 50 руб. аршинъ». Сахаръ сдѣлался недоступной роскошью — платили до 80 руб. за пудъ. Городское населеніе изнывало отъ необычайнаго вздорожанія жизни и винило въ этомъ купцовъ. Въ Петербургѣ пользовались популярностью стихи (приводимые у К. Военскаго), выражавшіе царившее повсюду раздраженіе противъ купцовъ:

Лишь съ Англіей разрывъ коммерціи открылся,
То внутренній нашъ врагъ на прибыль и пустился.
Враги же есть всѣ тѣ безстыдные глупцы,
Грабители людей, безчестные купцы.
На сахаръ цѣну вновь сейчасъ и наложили:
Полтину стоилъ фунтъ, рублемъ ужъ обложили.

Это популярное стихотвореніе свидѣтельствуетъ о большомъ раздраженіи, накопившемся у городского населенія противъ купцовъ, которыхъ прямо причисляютъ къ «внутреннимъ врагамъ».

Конечно, населеніе не могло разбираться въ томъ, гдѣ кончается отвѣтственность русскихъ купцовъ и начинается безотвѣтственность стихійныхъ экономическихъ факторовъ тогдашняго мірового рынка. Несомнѣнно, что въ значительной степени повышеніе цѣнъ было вызвано этими міровыми факторами, ни въ какомъ отношеніи не находившимися въ зависимости отъ русскихъ купцовъ. Но и русскіе купцы, въ свою очередь, къ этому вызванному міровымъ рынкомъ повышенію всѣхъ товарныхъ цѣнъ, набавили свои спекулятивныя вожделѣнія, воспользовавшись своимъ монопольнымъ положеніемъ.

Какъ мы уже отмѣтили выше, сильный патріотическій подъемъ, вызванный въ русскомъ обществѣ Отечественною войной и въ особенности занятіемъ Москвы, былъ какъ нельзя болѣе на руку россійскому купечеству. Развитіе русской торговли и промышленности было объявлено дѣломъ патріотическимъ. Ростъ и усиленіе русской національной торговли и промышленности разсматривались какъ крупный козырь въ борьбѣ съ Наполеономъ. И русскій патріотъ эпохи Отечественной войны ставитъ своею обязанностью, своимъ долгомъ покупать только русскіе товары и только въ русскихъ лавкахъ. Правительство осыпаетъ русскихъ купцовъ и промышленниковъ знаками милости и вниманія. Оно начинаетъ съ этой именно эпохи раздачу почетныхъ наградъ и отличій за успѣхи на поприщѣ торговли и промышленности. Учреждается особый стотысячный фондъ для поощренія русской промышленности и выдачи ссудъ купцамъ и фабрикантамъ. Журналъ «Сѣверная пчела» съ восторгомъ оповѣщаетъ, что московскіе купцы теперь не стыдятся своего «русскаго торга» и не

только не выдаютъ, какъ дѣлали раньше, русскіе товары за заграничные, но, наоборотъ, выставляютъ и подчеркиваютъ, что они торгуютъ только русскими товарами.

Въ высшемъ русскомъ обществѣ становится признакомъ хорошаго патріотическаго тона покупать только русскіе товары и только въ русскихъ лавкахъ. Иноземнымъ товарамъ и иноземнымъ купцамъ объявляется патріотическій бойкотъ.

Патріотическій подъемъ вноситъ оживленіе въ среду московскихъ купцовъ и промышленниковъ, лелѣющихъ мечту объ избавленіи отъ иностранной конкуренціи, объ огражденіи отъ нея высокою стѣною запретительныхъ пошлинъ.

Въ мартѣ 1812 года три московскихъ купца (Пантелеевъ, Александровъ и Герасимовъ) подаютъ министру внутреннихъ дѣлъ записку, въ которой развиваютъ теорію самодовлѣющаго національнаго хозяйства Россіи, не нуждающейся въ иностранныхъ товарахъ.

«Россія есть такое государство въ Европѣ,—читаемъ мы въ этой запискѣ,—которое богатствомъ собственныхъ произведеній, нужнѣйшихъ въ жизни, далеко превосходитъ прочія державы и если бы не имѣла надобности въ чужестранныхъ издѣліяхъ по причинѣ усовершенствованія ихъ мануфактуръ и по недостатку собственныхъ, то самая необходимость заставила бы иностранныя державы за россійскія коренныя произведенія платить наличныя деньги въ томъ количествѣ, за какое только россіяне захотѣли бы имъ предоставить. Нѣтъ никакой нужды доказывать, что произведенія россійскія весьма преимуществуютъ передъ иностранными, потому что въ первыхъ заключается необходимость самонужнѣйшая въ жизни, а въ послѣднихъ необходимость такъ названная роскошью и нужная для вкуса утонченнаго и изобычества. Слѣдовательно, сія необходимость еще обходима.

«Со времени усовершенствованія въ роскоши россійскаго вкуса сколько Россія утратила драгоцѣнныхъ своихъ произведеній, мѣняя на сущія бездѣлки, служащія только къ украшенію и блеску. А по дороговизнѣ сихъ необходимыхъ бездѣлокъ, недоставало даже россійскихъ издѣлій при мѣнѣ товаровъ и весьма много доплачиваемо было чистымъ золотомъ».

Эти слова показываютъ, что русская буржуазія 1812 года отлично поняла сплетенность своихъ протекціонисскихъ интересовъ съ финансовыми интересами казны. Тяжелое финансовое положеніе страны заставляло русское правительство подумать объ улучшеніи нашего торговаго баланса, повышеніи активности его, т.-е. превышеніи цѣнности вывоза надъ цѣнностью ввоза. Ввозились же въ Россію, главнымъ образомъ, предметы роскоши. И русская буржуазія умѣло использовала это сплетеніе своихъ интересовъ съ интересами казны. Патріотическіе цвѣты вырастали изъ экономическихъ корней. Теорія экономическаго націонализма, освященная бенгальскимъ огнемъ патріотическаго увлеченія, питалась какъ финансовыми интересами казны, такъ и экономическими интересами буржуазіи. Она угрожала лишь интересамъ дворянства, которое являлось главнымъ потребителемъ тѣхъ предметовъ роскоши, которые ввозились изъ-за границы и противъ которыхъ и были направлены громы патріотическаго

краснорѣчія московскихъ промышленниковъ. Но покупательныя силы дворянства были настолько подорваны, что оно и само вынуждено было сильно сократить свой спросъ на предметы роскоши.

Экономическій національнализмъ въ связи съ затруднительными сношеніями съ Западомъ помогли русской буржуазіи проложить своимъ отечественнымъ товарамъ путь къ русскому широкому потребителю.

Несмотря на сильное экономическое и финансовое разореніе, періодъ Отечественной войны отмѣченъ сильнымъ ростомъ русской промышленности. Растутъ русскіе купеческіе дома, фабрики, заводы. Съ 1804 по 1814 годъ число русскихъ фабрикъ увеличивается на цѣлую треть, съ 2.423 до 3.731, а число рабочихъ поднимается съ 95.202 до 169.530.

При этомъ характерно, что росли главнымъ образомъ фабрики, разсчитанныя на народный, а не правительственный спросъ.

Фабрики, которыя вырабатывали предметы роскоши, не обнаруживали роста, и это тѣмъ болѣе характерно, что провозъ именно предметовъ роскоши изъ-за границы сильно упалъ, и цѣны на нихъ сильно поднялись. Для отечественныхъ фабрикантовъ роскоши почти освобождалось отъ конкуренціи обширное поле дѣятельности. Но несмотря на это, производство предметовъ роскоши не обнаруживало въ періодъ Отечественной войны стремленія къ росту, что объяснялось надорванностью покупательной силы городского населенія, въ частности служилаго дворянства, которое главнымъ образомъ являлось потребителемъ предметовъ роскоши и которое очень чувствительно пострадало отъ паденія покупательной силы денегъ.

Купцы и промышленники постепенно начинаютъ эмансипироваться отъ исключительной зависимости отъ казеннаго спроса.

Если исключить чисто военный спросъ на амуницію и продовольствіе для войскъ,—спросъ, который въ виду особенности Отечественной войны сравнительно не былъ великъ, то ко второй половинѣ 1812 года правительственный спросъ на всяческіе товары и продукты не только не выросъ, но сократился. Стѣсненіе въ деньгахъ, финансовая неподготовленность къ войнѣ заставляютъ русское правительство до послѣдней крайности ограничить всѣ свои «штатскія» затраты.

Указомъ 15 іюля 1812 года повелѣно было: 1) остановить всѣ гражданскія строенія, какого бы они вѣдомства ни были, «ниже работъ, предположенныхъ по вѣдомству путей сообщенія»; 2) остановить всѣ выдачи ссудъ частнымъ лицамъ; 3) «всѣ капиталы и суммы городамъ принадлежавшія, какъ за удовлетвореніемъ однихъ токмо необходимыхъ расходовъ, которые могутъ обратить на такое же основаніе въ государственное казначейство, вслѣдствіе чего и по городамъ остановить времятерпящіе расходы, какъ-то: строенія и другія разныя заведенія».

Этотъ указъ, несомнѣнно, сильно ударивъ по карману русскаго купечества, сразу сократилъ казенный спросъ на пеструю массу самыхъ различныхъ товаровъ.

Но это сокращеніе казеннаго спроса было съ лихвою покрыто ростомъ народнаго спроса. А параллельно съ этимъ нѣсколько ослабѣла экономическая зависимость купечества и фабрикантовъ отъ казны и усилилась ихъ экономическая зависимость отъ широкой массы потребителей.

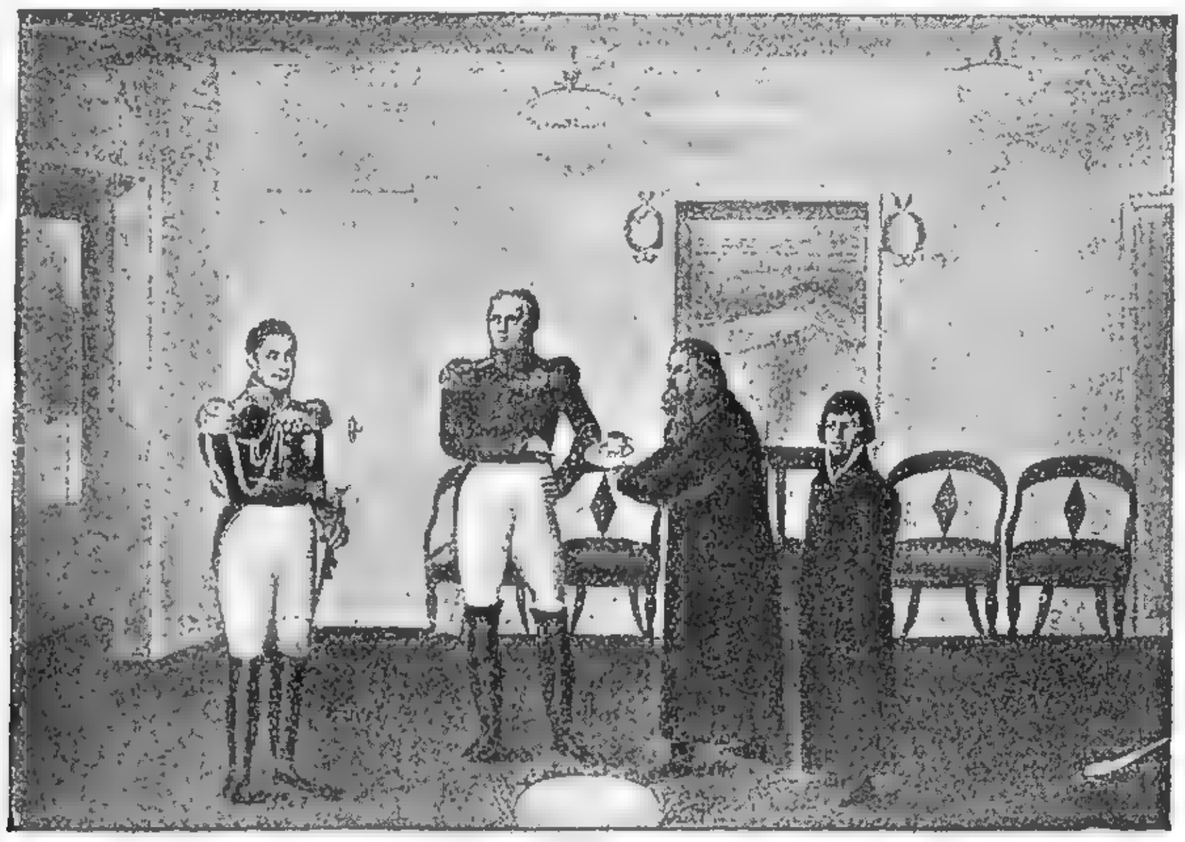
Этотъ процессъ, въ связи съ общимъ сотрясеніемъ всѣхъ основъ, вызваннымъ наполеоновскими войнами, не могъ не повліять не только на экономическую плоть, но и на политическій духъ русскаго купечества. Въ періодъ Отечественной войны русское купечество наглядпье и осязательнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, почувствовало существованіе неразрывной связи между своимъ экономическимъ благополучіемъ и направленіемъ политическаго курса правительства.

Оно почувствовало и свою зависимость отъ міровыхъ политическихъ событій. Крайне нетвердый измѣнчивый курсъ правительственной политики велъ къ тому, что и экономическій курсъ все время бросало изъ стороны въ сторону, и русское купечество на наглядныхъ и общепонятныхъ урокахъ текущей исторіи научалось понимать связь своихъ классовыхъ интересовъ съ общеполитическимъ развитіемъ страны.

Политика не только внутренняя, но и внѣшняя перестаетъ казаться передовому русскому купечеству, задѣваемому ею въ своихъ кровныхъ экономическихъ интересахъ, чѣмъ-то постороннимъ, его не касающимся. Политика задѣвала купечество за его самые сокровенные экономическіе интересы. Обрывистый, капризный ходъ нашей внѣшней политики, быстрая смѣна экономической конъюнктуры, бѣшеная скачка цѣнъ на всѣ товары, внезапное сжиманіе и столь же внезапное расширеніе внутренняго рынка,—все это выводило русское купечество изъ застывшихъ формъ быта и мысли, встряхивало его, заставляло прислушиваться къ историческимъ событіямъ и вдумываться въ нихъ и обнажало связь между его коммерческими дѣлами и общимъ ходомъ русской и міровой политической жизни.

Отечественная война содѣйствовала политическому росту нашего купечества. Большихъ успѣховъ въ области политическаго сознанія и классоваго сплоченія купечество не сдѣлало, но какъ показали годы, непосредственно слѣдовавшіе за Отечественною войною, громовыя событія освободительной войны разбудили у передового купечества Петербурга и Москвы и интересъ къ политической жизни Западной Европы, и недовольство политическою жизнью Россіи.

П. Берлинъ.



Александръ I въ Осташковѣ.

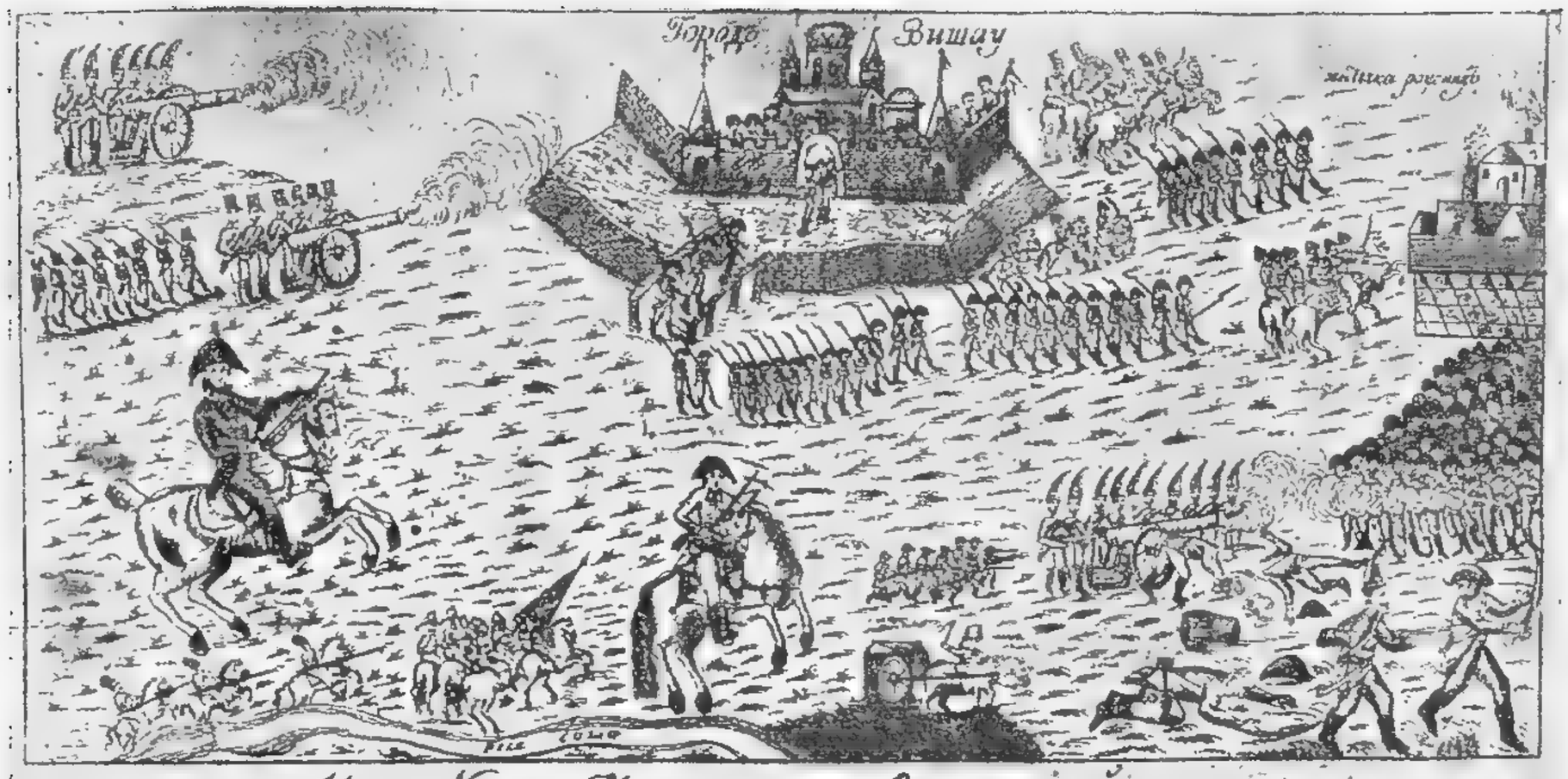
Атака.

(*Верещагина*).

ВЕТЕР.

(Переводъ).

-



Изъ № 16 Московскихъ Вѣдомостей.

Изъ донесенія Генералъ отъ Инфантеріи господина Кутузова, между прочимъ напечатано:

По принятіи мѣръ къ наступательному дѣйствію нашей арміи, авангардъ подъ командою Генералъ Лейтенанта Князя Багратіона, пошелъ 28 Ноября прямо отдѣленіемъ къ Вишау, которой защищаемъ былъ четырьмя непріятельскими баталіонами. Одно отдѣленіе слѣдовало по большой дорогѣ а два Другія по двумъ сторонамъ оной. Непріятель видя наступленіе Князя Багратіона, окружилъ его въ Вишау, немедленно выступилъ изъ сего города. 4 Эскадрона гусаръ и 2 казачьихъ полка, по данному имъ повелѣнію, атаковали непріятеля; но онъ получивъ подкрѣпленіе почти всей кавалеріи, съ поспѣшностію ретировался, невзирая на превосходство силъ своихъ, былъ преслѣдуемъ, стѣсненъ и пораженъ до самаго мѣстечка рудницъ, гдѣ соединился онъ съ новыми войсками. Князь Багратіонъ, прибывъ туда съ авангардомъ, построилъ оный на высотахъ въ боевой порядокъ, и дѣйствіемъ артиллеріи принудилъ замолчать непріятельскія батареи, противъ него поставленныя. Между тѣмъ въ Вишау находящійся непріятельскій гарнизонъ претерпѣвалъ жаркое отъ перваго отдѣленія, слѣдовавшаго по шоссе; по сему Князь Багратіонъ отрядилъ, для взятія сего города по баталіону Б-евгерскаго и Псковскаго мушкетерскаго полку, подъ командою Генералъ адъютанта Князя Долгорукаго, По ихъ хоторомъ сопротивленіи гарадъ очищенъ и бывшіе въ ономъ сто человѣкъ нижнихъ чиновъ съ четырьмя офицерами взяты въ плѣнъ.

(Ист. муз.).

ОТРАЖЕНІЯ ВОЙНЫ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ И ИСКУССТВѢ.

I. Война и цензура.

К. В. Сивкова.

Обыкновенно считаютъ, что положеніе нашей печати въ началѣ царствованія Александра I значительно измѣнилось къ лучшему. Дѣйствительно, если обратиться къ цензурному уставу 1804 г., то онъ можетъ казаться довольно либеральнымъ. Но положеніе печати лишь отчасти регулировалось уставомъ 1804 года: въ гораздо большей степени оно опредѣлялось различными административными распоряженіями, по частямъ измѣнявшими его. Это признаетъ и офиціальный историкъ царствованія Александра I, г. Богдановичъ, который говоритъ (т. V, стр. 193), что «умѣренное направленіе нашего цензурнаго устава (1804 г.) было измѣнено произвольнымъ толкованіемъ важнѣйшихъ параграфовъ

его». Помимо этого, уставъ 1804 г. подвергался измѣненіямъ и въ законодательномъ порядкѣ, мало-по-малу вытравившемъ изъ него значительную часть его либерализма.

Еще замѣтнѣе было отступленіе отъ основныхъ положеній устава 1804 г. въ повседневной административной практикѣ. Ст. 15-я этого устава говорила, что цензура наблюдаетъ лишь за тѣмъ, чтобы въ разсматриваемыхъ произведеніяхъ «не было ничего противнаго закону Божію, правленію и нравственности и личной чести какого-либо гражданина», а, тѣмъ не менѣе, наблюдающіе цензоры находили и другіе поводы къ конфискаціи книгъ. Особенно ея благосклонное вниманіе привлекали книги, касающіяся «политическихъ отношеній Россіи къ другимъ державамъ». Въ 1802 г., напримѣръ, въ продажѣ свободно обращались книги «Histoire de Bonaparte» и «Du commerce français dans l'état actuel de l'Europe», съ напыщенными похвалами Наполеону и изображавшія его господство, какъ спасеніе для всей Европы, а въ началѣ 1807 г. с.-петербургскій генералъ-губернаторъ Вязмитиновъ препроводилъ ихъ къ предсѣдателю цензурнаго комитета Новосильцову, и комитетъ «во уваженіе нынѣшнихъ обстоятельствъ» (шла еще война съ Франціей) нашелъ ихъ «недозволительными». Авторъ первой, по донесенію комитета, «вообще обнаруживаетъ себя поперемѣнно то почитателемъ революціи и всѣхъ ея ужасовъ, то подлымъ обожателемъ хищниковъ трона». «Сверхъ того,—писалъ комитетъ,—сочинитель этой книги отъ начала до конца превозноситъ Бонапарта какъ нѣкое божество, расточаетъ ему самыя подлыя ласкательства, представляетъ всѣ его властолюбивыя дѣянія въ самомъ благовидномъ видѣ; всѣ его несправедливыя присвоенія и хищничества представляетъ праведными и законными». Во второй книгѣ было усмотрѣно «порицаніе англійскаго правительства, будто оно золотомъ своимъ подкупаетъ прочія европейскія державы (а, слѣдовательно, разсуждалъ комитетъ, и Россію) къ союзу противъ Франціи»; «будто Англія есть единственная причина всякой войны въ Европѣ» и проч. Въ виду всего этого, вопреки уставу 1804 г., книги было постановлено изъять изъ продажи, но оказалось, что первая вся распродана—поэтому воспретили ея второе изданіе, а вторая—слишкомъ спеціальна, а потому имѣетъ малое распространеніе и, значитъ, не опасна; такимъ образомъ, лишь благодаря этимъ обстоятельствамъ издатели не понесли убытковъ за разрѣшенныя ранѣе цензурой книги. Но послѣ Тильзитскаго мира нужно было, наоборотъ, хвалить Наполеона, и потому, когда Глинка въ «Русскомъ Вѣстникѣ» сталъ нападать на него, то министръ народнаго просвѣщенія выразилъ по этому поводу неудовольствіе предсѣдателю цензурнаго комитета: «Таковыя выраженія,—писалъ министръ 19 апр. 1808 г. по поводу статей Глинки,—неприличны и предосудительны настоящему положенію, въ какомъ находится Россія и Франція. Почему строжайшимъ образомъ предписать цензурному комитету, дабы воздержался позволять въ періодическихъ и другихъ сочиненіяхъ оскорбительныя разсужденія и проходилъ бы изданія съ наибольшею строгостью по матеріямъ политическимъ, которыхъ близко не могутъ видѣть сочинители (курсивъ нашъ), и, увлекаясь одною мечтою своихъ воображеній, пишутъ всякую всячину въ терминахъ неприличныхъ».

Вслѣдъ за тѣмъ всѣмъ учебнымъ округамъ было предписано, чтобы «цензоры не пропускали никакихъ артикуловъ, содержащихъ извѣстія и разсужденія политическія», при чемъ объяснялось, что обо всемъ, касающемся правительства, можно писать только по волѣ самого правительства, которому лучше извѣстно, что и когда сообщить публикѣ [1]). Но передъ войной 1812 года отношеніе правительства къ Наполеону опять измѣнилось, и дѣятельность Глинки не только перестала встрѣчать препятствія, но онъ даже получилъ орденъ Владимира 4 степени, а гр. Ростопчинъ сказалъ ему: «Развязываю вамъ языкъ на все полезное для отечества, а руки—на триста тысячъ экстраординарной суммы».

Злоключенія печати не исчерпывались, однако, замѣчаніями, предупрежденіями и запрещеніями обсуждать тотъ или иной вопросъ: за періодъ 1804—1811 гг. было немало случаевъ конфискаціи книгъ по разнымъ причинамъ и поводамъ. Такъ, въ сентябрѣ 1807 г. (т.-е. послѣ Тильзитскаго мира) было отобрано 5 тыс. экземпляровъ сочиненія «Тайная исторія новаго французскаго двора», которое было переведено съ нѣмецкаго въ 1806 г. съ дозволенія петербургскаго цензурнаго комитета. Вслѣдъ за этимъ петербургскій генералъ-губернаторъ приказалъ «истребить огнемъ» эту книгу. Тогда издатель потребовалъ возмѣщенія убытковъ, и ему выдали 6.500 руб. Другой случай былъ такой. Въ 1806 году къ книгопродавцу Динеману было привезено изъ-за границы нѣсколько экземпляровъ сочиненія: «Feldzug von 1805 г.», неблагопріятнаго для нашей арміи. Тогда упомянутый уже ген. Вязмитиновъ послалъ петербургскому губернатору такое предписаніе: «По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, препровождаемаго при семъ книгопродавца Динемана благоволите приказать выслать за границу». Подвергались гоненію и книги религіознаго содержанія. Сначала преслѣдовали масонскія и мистическія книги, допуская ихъ къ печатанію со значительными ограниченіями; потомъ съ нихъ сняли опалу, но стали преслѣдовать книги, враждебныя цѣли библейскихъ обществъ [2]).

РУССКІЕ
И
НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЕ.
Изданіе второе съ рисунками.
МОСКВА
1814.
Въ типографіи С. Селивановскаго.

[1]) Сухомлиновъ, „Изслѣдованія и статьи“, т. I, стр. 428—429.
[2]) Богдановичъ, „Исторія царствованія Александра I“, т. V, стр. 193.

Уже этихъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть, насколько была далека отъ свободы наша печать начала царствованія Александра I. Проявленіе какой-либо оппозиціи правительству, какая-либо критика внутренней или внѣшней политики правительства,—все это было совершенно невозможно при томъ толкованіи устава 1804 г., какое онъ получилъ въ повседневныхъ дѣйствіяхъ администраціи.

Тѣмъ не менѣе, передъ самой войной комитетъ министровъ еще разъ занялся по одному частному случаю вопросомъ о печати, и результатомъ этого было новое ограниченіе ея правъ. 12 апрѣля 1812 г. министръ народнаго просвѣщенія представилъ въ комитетъ записку о политическихъ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ русскихъ газетахъ. Поводомъ къ этому послужило представленіе попечителя Дерптскаго университета о томъ, можетъ ли «цензурный комитетъ сего университета позволять издателямъ лифляндскихъ и курляндскихъ газетъ помѣщать въ оныя извѣстія о движеніи иностранныхъ войскъ къ нашимъ границамъ и другихъ подобныхъ предметахъ, касающихся до настоящихъ отношеній Россіи къ другимъ государствамъ, заимствуя извѣстія сіи изъ иностранныхъ газетъ, которыя почтовою цензурою пропущены и, слѣдственно, имѣютъ уже въ публикѣ обращеніе». Разсматривая этотъ вопросъ, комитетъ министровъ согласился съ мнѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, который, «принимая со своей стороны въ разсужденіе, что иностранныя газеты находятся въ рукахъ невеликаго числа особъ, а печатаемыя въ Россіи вѣдомости обращаются въ большемъ количествѣ и даже между людьми самыхъ низкихъ состояній; также, что публика къ извѣстіямъ иногда вовсе ложнымъ, помѣщаемымъ въ иностранныхъ газетахъ, не можетъ имѣть полной довѣренности, между тѣмъ какъ помѣщеніемъ оныхъ въ нашихъ газетахъ они почитаются нѣкоторымъ образомъ признанными нашимъ правительствомъ, находимъ, что полезно было бы въ настоящихъ обстоятельствахъ постановить, чтобы издатели всѣхъ газетъ въ государствѣ, въ коихъ помѣщаются политическія статьи, почерпали изъ иностранныхъ газетъ только такія извѣстія, которыя до Россіи вовсе не касаются, а имѣющія нѣкоторую связь съ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ заимствовали единственно изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», которыя издаются подъ ближайшимъ присмотромъ» [1]). Но такъ какъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» не считали нужнымъ оповѣщать публику о грядущихъ событіяхъ, то и частныя газеты должны были молчать о томъ, чего скрыть было нельзя и что у всѣхъ было на языкѣ уже съ 1811 года — приближеніе войны съ Франціей. Какъ говоритъ А. Н. Поповъ [2]), «народъ увѣренъ былъ, что будетъ война, хотя газеты и въ мартѣ мѣсяцѣ (1812 года) сообщали извѣстія отъ февраля о стужѣ въ Неаполѣ, карнавалѣ въ Парижѣ, маскарадѣ въ Тюльери, разливѣ Рейна, дозволеніи изъ Швеціи въ Норвегію вывозить сырыя кожи и т. п., и ни слова не говорили о военныхъ приготовленіяхъ». По словамъ современника А. Бестужева-Рюмина, уже въ половинѣ 1811 года стали поговаривать о разрывѣ тильзитскаго мира, но «ничего не было примѣтно, и все оставалось спокойно», а «С.-Петербургскія и Московскія Вѣдомости» даже продолжали

---

[1]) Журналы комитета министровъ, т. II, стр. 385—6.
[2]) „Р. Арх.", 1892 г., № 8, стр. 399.

именовать Наполеона великимъ; только изъ иностранныхъ газетъ, получавшихся въ греческихъ гостиницахъ, онъ узналъ, что «что-то неладное между нами и французами», но мало этому вѣрилъ, считая, «что и иностранныя газеты часто наполняются всякими неосновательными слухами», и лишь когда нѣкоторые №№ этихъ газетъ были задержаны, онъ рѣшилъ, что «что-нибудь да есть»; «однакожъ,—добавляетъ онъ потомъ,—1812 годъ начался весьма спокойно и, благодаря Бога, Москва ничѣмъ возмущена не была: масленицу провели очень весело, не подозрѣвая никакихъ опасностей, и не думали даже о нихъ» [1]). Та же неосвѣдомленность о происходящихъ событіяхъ была въ обществѣ и во время войны. Маракуевъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, относящемся къ августу 1812 г., сообщаетъ, что «печатнаго отъ правительства почти ничего не было» [2]).

Если мы теперь поставимъ вопросъ, знало ли русское общество въ 1812 г., и притомъ своевременно, правду о происходившихъ военныхъ дѣйствіяхъ, то уже на основаніи приведенныхъ данныхъ можемъ дать отрицательный отвѣтъ, и потому признать неправильнымъ утвержденіе С. Творогова въ письмѣ къ Аракчееву, полученномъ послѣднимъ 1 іюня 1812 г., что «публика знаетъ обо всемъ, что происходитъ» [3]). Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что причиной этой неполной и неправильной освѣдомленности были не только цензурныя стѣсненія.

Неизвѣстный авторъ книги «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи» говоритъ (стр. 12), что въ 1812 году общественная мысль [4]) приняла такое направленіе, которое оставляло мало пищи цензурѣ: появились патріотическіе стихи, основывались періодическія изданія съ патріотической цѣлью. По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, автора записокъ о войнѣ 1812 года, въ то время «стихотворцы гремѣли на лирахъ бранныя пѣсни, на театрахъ представляли «Дмитрія Донского» и «Пожарскаго». Правительство, естественно, не только не противодѣйствовало всему этому, но прямо поощряло (вспомнимъ хотя бы орденъ, полученный Глинкою), однако пылъ и задоръ патріотической прессы скоро стали таковы, что самому правительству вскорѣ пришлось ихъ сдерживать, и

---

[1]) „Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск.“, 1859 г., кн. II.
[2]) „Р. Арх.“, 1907 г., кн. II.
[3]) Дубровинъ, „Письма важнѣйшихъ дѣятелей царствованія Александра I“, стр. 63.
[4]) Нужно понимать, какъ настроеніе дворянскихъ и чиновничьихъ верховъ.

въ 1814 году предсѣдатель цензурнаго комитета Уваровъ писалъ: «Журналисты, писавшіе въ 1812 г., должны иначе писать въ 1815 году, мало-по-малу согласуясь съ намѣреніями правительства, и содѣйствовать распространенію мирныхъ сношеній, слѣдуя, такимъ образомъ, общему стремленію къ новому и прочному порядку вещей». При этомъ онъ рекомендовалъ комитету «обратить свое вниманіе на выписки изъ листовъ и рѣчи членовъ оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ», помѣщаемыя въ нашихъ журналахъ, и смягчать «грубый тонъ въ сужденіяхъ о другихъ народахъ, стоящихъ нынѣ въ совершенно иныхъ отношеніяхъ къ намъ». Въ томъ же успокоительномъ духѣ дѣйствовалъ на воинственный патріотизмъ и министръ гр. Разумовскій.

Но это было въ 1814 году, а въ 1812 году правительство держалось противоположной политики. Учитывая настроеніе высшихъ круговъ общества, проникнутыхъ сильной непріязнью къ французамъ, и понимая важное значеніе повременной печати, правительство рѣшило сдѣлать ее орудіемъ своихъ цѣлей. Въ этихъ видахъ, напримѣръ, 4 окт. 1812 г. «русскому нѣмцу» Гречу было дано черезъ гр. Разумовскаго разрѣшеніе на изданіе «Сына Отечества». Вскорѣ послѣ этого императоръ, «узнавъ, какъ сказано въ письмѣ т. с. Оленина къ гр. Разумовскому, что издатель недостаточенъ», велѣлъ выдать ему изъ кабинета 1.000 руб. Гречъ ожесточенно ругалъ въ своемъ журналѣ Наполеона и его маршаловъ, и, повидимому, журналъ имѣлъ тогда успѣхъ и нравился, какъ нравились многимъ писанія Глинки и гр. Ростопчина.

Литературная пропаганда противъ Наполеона велась, повидимому, при дѣятельномъ участіи Штейна [1]). Съ этой цѣлью былъ вызванъ изъ Германіи Э. М. Арндтъ, извѣстный нѣмецкій патріотъ. Въ Петербургѣ Арндтъ, работая подъ руководствомъ Штейна, занимался, между прочимъ, составленіемъ политическихъ памфлетовъ и книжекъ, а также принималъ нѣкоторое участіе въ «Сынѣ Отечества». Былъ и другой, тоже рекомендованный Штейномъ, публицистъ Фаберъ, трудами котораго воспользовалось русское правительство.

Такимъ образомъ русское общество или совсѣмъ ничего не знало о современномъ положеніи дѣлъ или получало извѣстія, сильно прикрашенныя, преломленныя сквозь призму воинственнаго патріотизма и «обезвреженныя» цензурой; провѣрять же извѣстія, касающіяся военныхъ дѣйствій, газеты не имѣли права, да и возможности, такъ какъ не держали на театрѣ военныхъ дѣйствій своихъ корреспондентовъ и не могли прибѣгать къ иностраннымъ газетамъ. Волей-неволей приходилось довольствоваться офиціальными свѣдѣніями, о доброкачественности которыхъ наглядѣе всего свидѣтельствуютъ знаменитыя ростопчинскія афиши, полныя заносчивости и хвастливости.

Основаніемъ для этихъ афишъ служили донесенія изъ главной квартиры, а оттуда, напримѣръ, за іюнь и іюль мѣсяцы возвѣщалось только о побѣдахъ и о взятіи въ плѣнъ французовъ, объ отступленіи же и его причинахъ не говорилось ни слова. О нашихъ потеряхъ или ничего не сообщалось или доносилось, напримѣръ, что 11 іюля въ сраженіи у

---

[1]) Пыпинъ, „Общественное движеніе при Александрѣ I“, стр. 280—2.

Дашковки уронъ непріятеля равенъ 5 тыс. человѣкъ, у насъ же—не болѣе 600 чел.; о сраженіи подъ Кобринымъ ген. Тормасовъ доносилъ: «потеря же съ нашей стороны не весьма значительна». Отдача Смоленска объяснялась только тѣмъ, что онъ былъ объятъ пламенемъ и что войска наши заняли позиціи отъ Днѣпра къ Дорогобужу, о жителяхъ же сообщалось, что они «нѣсколько дней до сраженія вышли изъ города». Эту систему вполнѣ усвоилъ гр. Ростопчинъ, переводя только офиціальныя реляціи на свой своеобразный жаргонъ и произвольно измѣняя ихъ [1]). Такое же искаженіе офиціальныхъ извѣстій изъ арміи практиковалось и въ Петербургѣ. Такъ, донесеніе Кутузова отъ 27 августа было прочтено кн. Горчаковымъ въ Невскомъ монастырѣ передъ молебномъ и напечатано въ «Сѣверной Почтѣ», но изъ донесенія были выпущены строки, которыя могли произвести неблагопріятное впечатлѣніе [2]). Точно такъ же при опубликованіи въ «Сѣверной Почтѣ» въ № отъ 18 (сентября) донесенія фельдмаршала отъ 4 сент. по поводу занятія Москвы Наполеономъ были выпущены заключительныя слова донесенія: «съ тѣмъ разстроеннымъ совершенно состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ» (въ августѣ, послѣ потери Смоленска) [3]). Офиціальное «извѣстіе изъ Москвы отъ 17 сентября» прямо утверждало, что французы сами жгли Москву и разбивали ядрами дома. («Записки» Шишкова, стр. 46.)

Цензурный экземпляръ картины, изображающей инвалида 1812 г. (Ориг. въ Ист. музеѣ).

Результатомъ такой политики замалчиванія и даже искаженія истинныхъ фактовъ, рисующихъ положеніе дѣлъ, была, конечно, полная не-

---

[1]) См. въ IV т. статьи: „Ростопчинъ—московскій главнокомандующій“ и „Ростопчинскія афиши“.
[2]) См. въ IV примѣчанія къ ст. „Бородино“ и „Фили“.
[3]) Шильдеръ, „Императоръ Александръ I“, т. III, стр. 109, 112.

освѣдомленность населенія, невозможность приготовиться къ грядущимъ событіямъ и потому напрасныя жертвы людьми и имуществомъ. Михайловскій-Данилевскій въ своихъ запискахъ о войнѣ 1812 года пишетъ, что 29 августа въ Москвѣ не знали еще, что непріятель близко. «Въ Москвѣ,—пишетъ онъ,—полагали французовъ за Можайскомъ и думали, что сей городъ, въ который они уже вступили за два дня, пребывалъ еще во власти нашей». «Я,—прибавляетъ онъ,—не имѣлъ ни духа, ни намѣренія ихъ разувѣрять». Однако изъ его дальнѣйшихъ словъ видно, что «народъ не вѣрилъ уже болѣе печатнымъ листкамъ, въ которыхъ гр. Ростопчинъ истощалъ всю силу площаднаго краснорѣчія своего, чтобы ободрить его». Не лучше была освѣдомлена о дѣйствительномъ положеніи вещей и сама армія. Г. Богдановичъ пишетъ (т. III, стр. 334), что «солдаты, проходя черезъ Москву, не знали, куда идутъ, думая, что ихъ ведутъ окольнымъ путемъ противъ французовъ».

На почвѣ неосвѣдомленности общества о томъ, что происходитъ, естественно, возникала масса слуховъ и толковъ, часто совершенно фантастическихъ.

Уже въ 1809 году въ Петербургѣ «праздными людьми» распространялись слухи на темы [1]): «Возстанетъ ли война въ предѣлахъ отъ Россіи отдаленныхъ? Одержана ли войсками нашими побѣда? Появится ли непріятельскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ?» При этомъ «предвидѣли уже раздробленіе нашихъ провинцій, бунты, возмущенія». Распространялись слухи и о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Официозъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» предостерегалъ отъ довѣрія къ такимъ слухамъ и обѣщалъ предать всеобщему посмѣянію имена ихъ распространителей, а харьковскій губернаторъ предписалъ предводителямъ дворянства ознакомить съ этой выпиской изъ официоза дворянъ своего уѣзда. Иначе—проще и грубѣе, боролся съ такими слухами и ихъ распространителями въ 1812 г. гр. Ростопчинъ (самъ, однако, принадлежавшій къ ихъ числу, какъ было указано выше). Объ этихъ упрощенныхъ пріемахъ цензуры устнаго слова онъ самъ сообщаетъ въ своихъ письмахъ. Въ письмѣ Балашеву отъ 23 іюля 1812 г. онъ сообщаетъ, напримѣръ [2]), что послѣ отъѣзда изъ Москвы императора, бывшій студентъ Урусовъ, «не пьяный», «въ трактирѣ сталъ доказывать, что приходъ Наполеона въ Москву возможенъ и послужитъ къ общему благополучію». Въ трактирѣ онъ былъ избитъ, а потомъ взятъ полиціей, но «такъ какъ онъ,—говоритъ Ростопчинъ,—и послѣ у меня говорилъ то же, что въ трактирѣ, то я, дабы увѣриться, не сумасшедшій ли онъ, приказалъ его посадить на день въ домъ умалишенныхъ». Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ объ арестѣ по подозрѣнію «священника-иностранца Буффа» и о намѣреніи выслать изъ Москвы «за бредни» «хромого Солового». О подобныхъ же случаяхъ онъ сообщаетъ въ письмахъ отъ 26 іюля, 4 августа 1812 г., отъ 6 января 1813 г. и проч. Въ своихъ запискахъ [3]) Ростопчинъ такъ описываетъ свою расправу съ «болтунами»: «Время отъ времени полиція забирала кой-какихъ появлявшихся болтуновъ, но такъ какъ я не желалъ огла-

---

[1]) „Р. Стар.“, 1875 г., № 3, стр. 634.
[2]) Дубровинъ, „Война 1812 года въ письмахъ современниковъ“, № 55.
[3]) „Р. Ст.“, 1889 г., № 12, стр. 689.

Партизаны. „Не замай, дай подойти“.

(*Верещагина*).

ΓΡΑΦΗΣΗΣ. "Η ΘΕΜΑΝ, ΔΕΝ ΠΟΘΟΝΤΑΙ."

шать подобныя исторіи, то вмѣсто того, чтобы предавать суду этихъ людей, которые сами по себѣ не имѣли значенія, я отсылалъ ихъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ ихъ подвергали послѣдовательному лѣченію, т.-е. всякій день дѣлали имъ холодные души, а по субботамъ заставляли глотать микстуру». Такъ же дѣйствовалъ новгородскій, тверской и ярославскій ген.-губернаторъ, принцъ Ольденбургскій, который въ сентябрѣ сажалъ въ Ярославль въ тюрьму тѣхъ, которые говорили, что Москва взята французами.

Былъ еще одинъ источникъ проникновенія въ общество извѣстій, неблагопріятныхъ правительству — это частная переписка и сообщеніе съ заграницей. Но и противъ этого были приняты мѣры. Особенно слѣдили за письмами военноплѣнныхъ, и изъ переписки министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева съ витебскимъ губернаторомъ, ген.-губернаторомъ Петербурга Вязмитиновымъ и императоромъ въ 1813 году [1]) мы знаемъ, что перлюстрація писемъ была въ то время самымъ обычнымъ явленіемъ. Что же касается вопросовъ о выѣздѣ изъ Россіи за границу и объ обратномъ въѣздѣ, то они были предметомъ неоднократнаго обсужденія въ комитетѣ министровъ (въ апрѣлѣ и маѣ 1812 г.), и какъ выѣздъ, такъ и въѣздъ были почти совершенно воспрещены—почти всегда требовалось для разрѣшенія особое высочайшее повелѣніе. Всѣ иностранцы, живущіе въ Россіи, были взяты на учетъ, многихъ выслали или сослали.

Все это вмѣстѣ взятое вело къ тому, что русское общество въ 1812 году было очень плохо освѣдомлено о томъ, что происходило на театрѣ военныхъ дѣйствій; съ одной стороны — противорѣчивые, фантастическіе, но зато чрезвычайно обильные, слухи, на которые было падко общество, съ другой — краткія офиціальныя извѣщенія, которыя прежде всего стремились «успокоить умы», но явно и быстро опровергались всѣмъ ходомъ событій.

К. Сивковъ.

„Речька хъвасъ ту.....шька село въралиха...“. (Ист. муз.).

---

[1]) „Р. Стар.“, 1890 г., № 12.

Москва послѣ ухода французовъ (совр. аллегор. изображ.).

II. Война и русская журналистика.

1. „Русскій Вѣстникъ“ Глинки.

Проф. И. И. Замотина.

Русская журналистика начала XIX столѣтія, развиваясь количественно, вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно начинала органически срастаться съ окружающею жизнью и въ литературныхъ и въ общественныхъ ея проявленіяхъ: въ эту пору мы встрѣчаемъ рядъ журналовъ не только литературнаго, но и чисто-публицистическаго порядка,—при этомъ вторая группа выдѣляетъ какъ прогрессивное, такъ и консервативное направленія. Вполнѣ понятно поэтому, что историческій моментъ такого огромнаго общественнаго значенія, какъ 1812 годъ, не могъ пройти безъ яркаго отраженія въ современной ему русской журналистикѣ. При этомъ самый характеръ момента уже обусловилъ собою то, что наиболѣе сильный и характерный откликъ на войну дала именно консервативная печать, прочно опиравшаяся на патріотическое чувство верхнихъ слоевъ общества. Въ частности, особенно горячо отозвался на событія 1812 года «Русскій Вѣстникъ» С. Н. Глинки.

Дворянинъ по происхожденію, готовившійся къ военной службѣ, С. Н. Глинка сознательно перемѣнилъ военную карьеру сначала на скромное дѣло учителя на Украйнѣ, а потомъ сочинителя и переводчика при театрѣ въ Москвѣ. Отдавшись литературѣ, онъ избралъ въ ней такую область, гдѣ, по его убѣжденію, лучше всего можно было выполнить высшую роль патріота—борца за внѣшнюю и внутреннюю независимость родины противъ иноземнаго засилія. Эта область была журналистика. Въ 1808 году онъ началъ издавать «Русскій Вѣстникъ», не безъ вліянія пресловутыхъ патріотическихъ «мыслей вслухъ на Красномъ крыльцѣ» гр. Ѳ. В. Ростопчина и при его сочувствіи и сотрудничествѣ.

Приступая къ изданію своего журнала, С. Н. Глинка не желалъ ограничивать его общественной роли исключительно только борьбой съ Западомъ и въ частности съ наполеоновской Франціей, и въ объявленіи, напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», далъ обѣщаніе помѣщать въ своемъ журналѣ все то, что «непосредственно относится къ русскимъ», что «можетъ услаждать сердца русскія». И онъ былъ до извѣстной степени вѣренъ этой программѣ: въ книжкахъ «Русскаго Вѣстника» за 1808—1811 гг. мы встрѣчаемъ рядъ стихотворныхъ пьесъ, разсужденій, повѣстей и анекдотовъ, посвященныхъ наивному восхваленію величія русскаго духа. Имена Минина, Авраамія Палицына, Артамона Матвѣева, Ѳедора Ртищева, Якова Долгорукова, Кирилла Разумовскаго, даже Лукьяна Стрѣшнева и т. д. пестрятъ почти въ каждой страницѣ журнала; издатель съ паѳосомъ говоритъ отъ себя и отъ лица своихъ сотрудниковъ, захваченныхъ тѣмъ же наивнымъ лиризмомъ, и объ «историческихъ памятникахъ въ Россіи» («Р. В.», 1809, ч. 5, № 1), развивая свое излюбленное положеніе.—именно, что «истинные россіяне всегда были питомцами славы» (тамъ же, стр. 18); говоритъ и о русскихъ герояхъ, начиная съ древнихъ временъ и кончая Суворовымъ, которому отводится мѣсто почти въ каждой книжкѣ журнала, и о русскихъ геніяхъ изъ народа (ср. 1811, ч. 13, № 3, 103 и сл.: «Механикъ Иванъ Кулибинъ»), и о «великодушныхъ поступкахъ», и «благодѣяніяхъ» отдѣльныхъ обывателей, разсѣянныхъ по лицу русской земли [1]), и даже о «добродѣтеляхъ отдаленныхъ жителей Россіи», напримѣръ, «О свойствахъ камчадаловъ», о «любви чукчей къ справедливости» (1811, ч. 15, № 8, стр. 9 и слѣд.). Усердно собирая весь этотъ матеріалъ изъ области русскаго прекраснодушія, издатель вмѣстѣ съ тѣмъ старался показать, что русская культура, уже въ древности, до Петра Великаго, отличалась высокой самобытностью и мощью, а поэтому и послѣ Петра не нуждается въ подражаніяхъ и заимствованіяхъ и можетъ итти своимъ собственнымъ путемъ (ср. 1808, ч. 3, стр. 17—48, «О просвѣщеніи русскихъ до временъ Петра Великаго»; тамъ же, стр. 49—64, «О свойствахъ россіянъ и замѣчанія о измѣненіи коренного свойства народовъ»).

Однако этотъ общій фонъ журнала, т.-е. наивное возвеличеніе русской самобытности и мощи, уже съ первыхъ лѣтъ изданія «Русскаго

---

[1]) Ср. 1809, ч. 5, № 2, стр. 312—„Истинная добродѣтель“, 1809, ч. 6, № 4, стр. 97—„Благотворительные братья-друзья“, 1809, ч. 7, № 8, стр. 249—„Благотворительный купецъ“, 1809, ч. 8, стр. 232—„Откупщикъ Яковъ Сорочинъ“, 1811, ч. 13, № 2, стр. 91—„Благодѣяніе“, 1811, ч. 15, № 8, стр. 46—„Описаніе великодушныхъ поступковъ“ и т. д.

Вѣстника», нуженъ былъ издателю не самъ по себѣ, а прежде всего для того, чтобы вырисовать на немъ отрицательное отношеніе къ Западу и въ частности—къ французамъ. Видя въ нихъ самыхъ сильныхъ враговъ для русской самобытности, С. Н. Глинка уже съ 1808 года готовитъ своихъ читателей къ близкой борьбѣ съ воюющей Франціей. Черезъ всѣ почти стихотворныя и прозаическія пьесы его журнала проходитъ одинъ главный мотивъ—вражда къ французскимъ идеямъ и вліяніямъ, и почти каждое свое разсужденіе на ту или другую тему издатель оканчиваетъ однообразнымъ «Ceterum censeo»..., въ которомъ слышится и угроза французамъ и предостереженіе русскимъ, слишкомъ довѣрчиво относящимся къ законодателямъ модъ и вкусовъ. Если дѣло идетъ объ идеальномъ воспитаніи русскаго юноши, то подчеркивается исключительная необходимость изучать свои «города, уѣзды и всѣ полезныя въ нихъ заведенія», а изученіе Европы и въ частности Франціи предлагается ограничить «чтеніемъ «Вѣдомостей» съ географической картой» (1809, ч. 5, № 1: «Здравомыслъ и Плѣнира, воспитатели дѣтей своихъ», русская повѣсть, стр. 66—7); если говорится о Суворовѣ, то указывается, что онъ именно «превзошелъ Тюреня» (тамъ же, «Военные анекдоты о Суворовѣ», стр. 102); если разсказывается о какой-либо безвѣстной представительницѣ скромнаго русскаго героизма, напримѣръ, дѣвицѣ Лупаловой, то непремѣнно дѣлается замѣчаніе, что два-три «изреченія дѣвицы Лупаловой превосходнѣе цѣлаго романа г-жи Котень» (тамъ же, «О новыхъ книгахъ», стр. 186); если повѣствуется о Симеонѣ Полоцкомъ, то онъ непзбѣжно противополагается, какъ нѣчто положительное и идеальное, разнымъ представителямъ отрицанія—«софистамъ», въ родѣ Вольтера, и разрушителямъ, въ родѣ Марата и Робеспьера (1809, ч. 8, «Наставленіе Симеона Полоцкаго царю Алексѣю Михайловичу» и разсужденіе по поводу этой статьи, стр. 294); если, наконецъ, дѣлаются «выписки» изъ воинскаго устава времени царя Алексѣя Михайловича, то особенному вниманію читателя предлагается изъ этого устава статья «О развращеніи европейскихъ войскъ» (1811, ч. 13, № 2, стр. 70 и слѣд.). Особенно же сильно обрушивается негодованіе издателя «Русскаго Вѣстника» на французское просвѣщеніе XVIII вѣка въ лицѣ его философовъ и писателей, которыхъ С. Н. Глинка считаетъ источникомъ на Руси французскаго зла и настоящаго и грядущаго; онъ называетъ ихъ, особенно же Вольтера, Дидро, д'Аламбера, «французскими вольнодумцами или лжеумствователями осьмагонадесять вѣка» (1811, ч. 16, окт., стр. 81) и считаетъ «долгомъ всякаго россіянина, любящаго свое отечество, изобличать въ наглой и оскорбительной лжи иностранныхъ, особенно французскихъ писателей» (1809, ч. 5, № 1, стр. 190).

Между тѣмъ съ развитіемъ политическихъ событій, накануѣ Отечественной войны, наивные намеки С. Н. Глинки на французскую опасность получили реальное подтвержденіе. Наступилъ 1812 годъ. Первая книжка журнала за этотъ годъ открылась статьею «Обѣты русскихъ воиновъ» съ торжественнымъ эпиграфомъ: «Никому живому не сдаваться, всѣмъ умирать за одного; биться досмерти за вѣру, за царя, за землю русскую» (1812, ч. 17, № 1, стр. 3); а немного ниже (стр. 74) торжественная ода (переложеніе псалма 2-го) ободряла русскихъ къ смѣлому

выступленію противъ враговъ на защиту священныхъ правъ своей родины:

«Вотще грозятъ Ерусалиму
Иноплеменники войной»...

И вотъ когда эта война съ «иноплеменниками» разразилась, Глинка уже всецѣло посвятилъ свой журналъ той борьбѣ съ западнымъ супостатомъ, къ которой такъ тщательно готовилъ себя и своего читателя еще задолго до 1812 года. Но напрасно мы стали бы искать въ журналѣ Глинки какихъ-либо серьезных, научно обоснованныхъ и строго-систематическихъ пріемовъ борьбы противъ французовъ и Наполеона: никакихъ политическихъ, стратегическихъ или даже просто статистическихъ выкладокъ, направленныхъ противъ непріятеля, мы не найдемъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Средства борьбы, избранныя Глинкой, были такъ же наивны и непосредственны, какъ и его патріотизмъ: это было, съ одной стороны, возведеніе на степень апоѳеоза всего русскаго, съ другой—униженіе французовъ вплоть до самаго грубаго и плоскаго ихъ высмѣиванія.

С. Н. Глинка.

Первое средство достигалось рядомъ статей и стихотворныхъ произведеній, посвященныхъ русскому патріотизму, храбрости, великодушію и другимъ добродѣтелямъ. Эти статьи буквально заполняютъ страницы журнала за 1812 и 1813 годы. Такъ, мы встрѣчаемъ тутъ рядъ обращеній къ героямъ и героическимъ эпохамъ русской исторіи [1]). Съ той же цѣлью—возвеличить славу русскаго имени и поднять патріотическое одушевленіе—страницы «Русскаго Вѣстника» пестрятъ справками о современномъ рус-

---

[1]) „Рѣчь Димитрія Донского къ войску передъ сраженіемъ на Куликовомъ полѣ“ (1812, ч. 18, № 6, стр. 119), портретъ Ивана Сусанина съ подписью: „Умремъ всѣ за Вѣру и Царя-Государя“ (тамъ же, № 5, стр. 1), портретъ Минина (тамъ же, № 6, стр. 5), описаніе „подвига Прокофія Ляпунова... поборника по Вѣрѣ и Отечеству во время междуцарствія“ (1812, ч. 17, № 2, стр. 1 и также ч. 18, № 4), воспоминаніе о Полтавской побѣдѣ (1812, ч. 19, № 7, стр. 90—3), справки съ тактикой Суворова (тамъ же, № 9, стр. 1 и слѣд.). „Военные анекдоты изъ событій 1810 года“ (1812, ч. 18, № 4, стр. 81) и т. д.

скомъ геройствѣ и великодушіи; на эту тему написана, напримѣръ, «Рѣчь русскаго помѣщика крестьянамъ своимъ, при отправленіи надлежащаго числа ратниковъ въ новое войско, составляющееся къ защитѣ вѣры, храмовъ Господнихъ, домовъ и семействъ» и «Русская рѣчь Никифора Михайлова, крестьянина государева села Крылацкаго, что близъ Хорошева» (1812, ч. 19, № 9, стр. 85); на ту же тему разсказаны многочисленные случаи въ родѣ такихъ, напримѣръ, какъ «Усердіе русскаго купечества къ военнослужащимъ» (1812, ч. 19, № 9, стр. 121), «Чувствованія калужскихъ жителей по пріѣздѣ генерала Милорадовича» (тамъ же, стр. 128), «Подвигъ смоленскаго дворянина Петра Николаевича Клочкова» (1812, ч. 20, № 10, стр. 89), «Пожертвованіе и великодушное терпѣніе смоленскаго дворянина и отца семейства Николая Михайловича Калячитскаго» (тамъ же, стр. 91), «Вѣрный смоленскій служитель Давидъ Алексѣевъ» (тамъ же, стр. 94) и т. д. Наиболѣе же излюбленнымъ пріемомъ въ этомъ направленіи является для Глинки торжественный гимнъ въ стихотворной формѣ,—стихи онъ и сочиняетъ и печатаетъ на самые прозаическіе случаи, лишь бы по поводу ихъ можно было высказаться въ патріотическомъ духѣ; дѣйствительно, оды и гимны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» носятъ самыя разнообразныя и иногда неожиданныя заглавія: тутъ есть и «Стихи, написанные по прочтеніи въ Вѣдомостяхъ о выступленіи гвардейскихъ полковъ изъ С.-Петербурга» (1812, ч. 18, № 4, стр. 96—102), и «Стихи, написанные по прочтеніи манифеста о новомъ наборѣ рекрутовъ» (тамъ же, стр. 103), и «Пѣснь русскихъ поселянъ русскимъ воинамъ» (1812, ч. 19, № 7, стр. 13—18), и «Польской на прибытіе императорской гвардіи въ городъ Вильну» (тамъ же, стр. 49—51), и даже стихотвореніе «По случаю собранія дворянства и купечества въ слободскомъ дворцѣ, іюля 5-го 1812 года» (1812, ч. 19, № 9, стр. 31—4).

Второе средство борьбы, приниженіе Наполеона и французовъ, реализировалось еще проще. И въ торжественной одѣ и въ прозаической статьѣ Глинка и его сотрудники не жалѣли для Наполеона самыхъ рѣзкихъ и даже грубыхъ эпитетовъ. Наполеонъ—это «невѣрный Гольяоъ», выступившій противъ «вѣрнаго Давида» (1812, ч. 18, № 4, стр. 96—102); это—«лицемѣръ», для котораго самъ Богъ будетъ «карателемъ» (1812, ч. 19, № 7, стр. 89); это—«исчадіе грѣха, рабъ ложной, адской славы, извергъ естества, лютый сынъ геенны» (1812, ч. 20, № 11, стр. 16). Армія Наполеона, съ той же цѣлью, изображается въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ карикатурномъ видѣ и подвергается грубому высмѣиванію со стороны своей боевой способности, тактическихъ пріемовъ, внутренней организаціи и т. д. (Ср., напримѣръ, 1812, ч. 20, № 10, стр. 97: «Письмо, писанное въ нашу армію раненымъ офицеромъ, попавшимся въ плѣнъ къ французамъ»...). Иногда въ своемъ ожесточеніи противъ Наполеона и французовъ издатель «Русскаго Вѣстника» доходилъ до крайностей и, между прочимъ, старался вооружить своихъ соотечественниковъ даже противъ мирныхъ французовъ, торгующихъ въ Москвѣ. Такъ, въ статьѣ «О московскихъ вывѣскахъ» (1812, ч. 19, № 8, стр. 61) русскій патріотъ разражается грозной филиппикой по поводу того, что на французскихъ вывѣскахъ въ Москвѣ «русскія рѣчи ставятся всегда ниже французскихъ» и что вообще слишкомъ много французскихъ вывѣсокъ въ русскомъ го-

„Ретирада французскихъ генераловъ“ (П. Теребеневъ).

родъ. Въ частности, одна вывѣска на Кузнецкомъ Мосту, рекомендующая «подрѣзку волосъ въ послѣднемъ вкусѣ», вызываетъ такое патріотическое замѣчаніе: «Кажется, что въ нынѣшнее время рѣдкому придетъ охота подставлять волосы свои подъ французскія ножницы; лучше класть головы свои на полѣ ратномъ, сражаясь противъ французовъ, нежели образовывать и волоса и умы по волѣ французскихъ волосочесателей» (тамъ же, стр. 67—8).

Какъ ни наивны были эти средства борьбы противъ грознаго врага, они, несомнѣнно, достигали своей цѣли въ соотвѣтствующей средѣ читателей «Русскаго Вѣстника». По собственному признанію издателя (1811, ч. 16), журналъ имѣлъ за 1811 годъ около 750 подписчиковъ; изъ нихъ на долю Москвы приходилось меньше трехсотъ, остальные пятьсотъ подписчиковъ распредѣлялись по самымъ разнообразнымъ городамъ и мѣстечкамъ обширной Россіи. Такимъ образомъ патріотическія рѣчи Глинки, можно сказать, звучали всюду и вездѣ находили достаточно читателей, которыхъ въ то время даже и для самыхъ популярныхъ журналовъ было невелико. На наивный патріотизмъ читателей Глинка воздѣйствовалъ своими статьями, несомнѣнно, съ большею силою, чѣмъ Ростопчинъ своими афишами; къ тому же Глинка говорилъ и писалъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Къ тому же ограничивать историческое значеніе журнала Глинки только этимъ воздѣйствіемъ на наивное патріотическое чувство средняго человѣка и, главнымъ образомъ, провинціала, конечно, нельзя. Надо думать, что къ журналу, несомнѣнно, прислушивалась иногда и родовитая русская знать и передовая русская интеллигенція. То серьезное и важное, къ чему нужно было прислушаться, заключалось въ энергическомъ подчеркиваніи дѣйствительной опасности какъ внѣшняго, такъ и внутренняго завоеванія со стороны французовъ. Это былъ такой лейтъ-мотивъ «Русскаго Вѣстника», который, несомнѣнно, билъ по нервамъ всѣхъ, даже и читателей высшаго порядка, заставляя и убѣжденныхъ и случайныхъ космополитовъ задуматься надъ возможной утратой политической и національной самобытности. Подчеркивая внѣшнюю опасность, «Русскій Вѣстникъ» рѣзко

указывалъ на то, что въ лицѣ Наполеона Россія встрѣчаетъ не просто внѣшняго врага, но и «гордаго тирана, нарушителя закона» (1812, ч. 17, № 2, стр. 40—46). Французское вторженіе разоблачалось со стороны своего характера самымъ безпощаднымъ образомъ. «Французы,—читаемъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1812, ч. 19, № 9, стр. 88),—«лживые и невѣрные», обѣщали жить въ мирѣ, а сами «разбойнически ворвались въ земли любезнаго нашего отечества». Подобное нашествіе могло имѣть въ виду, какъ понималъ Глинка, только самыя грубыя завоевательныя цѣли. «Презрѣніе совѣсти, чести и нарушеніе священныхъ народныхъ правъ,—говорится на этотъ счетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»,—производитъ наглое и неожиданное нашествіе, или вторженіе въ чужія земли» (тамъ же, стр. 1). Ближайшимъ и наиболѣе страшнымъ слѣдствіемъ «нарушенія священныхъ народныхъ правъ» Глинка считаетъ потерю собственной національной территоріи. Это онъ особенно настойчиво старался выяснить въ своемъ журналѣ,—очевидно, для тѣхъ круговъ русскаго общества, въ которыхъ даже въ моментъ войны продолжала еще господствовать французоманія. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ «Злоумышленность французскихъ военныхъ правилъ» (1812, ч. 20, № 10, стр. 36—7) на первомъ планѣ поставлена именно тенденція французовъ къ территоріальнымъ захватамъ, которая формулирована такъ: «Области побѣжденныхъ должны быть собственностью побѣдителя». Не менѣе страшной представлялась для Глинки и опасность внутренняго, культурнаго завоеванія, съ которой онъ вступилъ въ борьбу еще до 1812 года. Въ моментъ войны онъ продолжаетъ подчеркивать и эту опасность, высмѣивая французскій языкъ и французскіе нравы и выражая энергическія до крайности пожеланія, въ родѣ того, напримѣръ, «чтобы французскіе продавцы и торговки убійственныхъ модъ и вкусовъ скорѣе выселились съ Кузнецкаго Моста» (1812, ч. 19, № 9, стр. 134). Конечнымъ идеаломъ Глинки было освобожденіе Москвы и вообще Россіи не только отъ внѣшняго нашествія французовъ, но и отъ ихъ внутренняго, вреднаго, по его мнѣнію, вліянія.

Журналъ Глинки, созданный предчувствіемъ французской опасности, расцвѣлъ именно въ разгарѣ Отечественной войны, т.-е. въ моментъ наиболѣе острой борьбы съ французами, и постепенно увядалъ по мѣрѣ того, какъ затихала эта французская гроза. Еще въ началѣ войны 1812 г. Глинка давалъ въ своемъ журналѣ мѣсто пророческимъ изреченіямъ насчетъ близкой судьбы Наполеона и его войска (1812, ч. 19, № 7: «Стихи по случаю извѣстія о нашествіи непріятеля», стр. 77—80):

«...На зачинающаго Богъ!
О Россы! Богъ, Богъ будетъ съ вами;
Пойдетъ предъ вашими рядами;
Неправдѣ, злобѣ сломитъ рогъ.
. . . . . .
Грядетъ отмщеніе Владыки,
Вселенна въ трепетѣ предъ нимъ;
Исчезнутъ буйные языки,
Равно какъ исчезаетъ дымъ».

„Съ оружіемъ въ рукахъ? Разстрѣлять!“

(Верещагина).

([illegible])

„Съ оружіемъ въ рукахъ! Разстрѣлять!“

И вотъ, когда эти предсказанія въ глазахъ Глинки сбылись, роль его журнала сама собою прекращалась. Дѣйствительно, съ выходомъ французовъ изъ Москвы и изъ предѣловъ Россіи патріотическое одушевленіе «Русскаго Вѣстника» замѣтно стихаетъ. Книжки журнала за 1813 и 1814 годы, правда, еще пестрятъ благодарственными одами и патріотическими пѣснями въ честь свѣжихъ событій Отечественной войны, но прежняго подъема воинственности въ журналѣ уже не наблюдается. И только по временамъ слышатся отголоски основного мотива, т.-е. все еще разъясняется французская опасность и разоблачается Наполеонъ со стороны его «самохвальства», «наглости», «хитрости», «клеветническихъ рѣчей» и въ особенности со стороны характера его «правительства» (1813, ч. 1, № 1, стр. 54), которое продолжаетъ казаться опаснымъ для русскаго патріота и послѣ освобожденія Москвы и Россіи отъ французовъ.

Современная лубочная картина по поводу изгнанія французовъ изъ предѣловъ Россіи.

Роль журнала Глинки наканунѣ Отечественной войны и въ самый разгаръ ея была понята уже его современниками. «Въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы тогда находились, — говоритъ Ф. Ф. Вигель,—журналъ его, при всемъ несовершенствѣ своемъ, былъ полезенъ, даже благодѣтеленъ для провинціи». Эту пользу современники Глинки, въ родѣ, напримѣръ, М. А. Дмитріева и кн. П. И. Шаликова, сначала видѣли въ томъ, что «Русскій Вѣстникъ» открылъ читателямъ забытую русскую старину и русскую же современность, изъ которыхъ, по выраженію кн. Шаликова, С. Н. Глинка построилъ цѣлую «оружейную палату нравственныхъ сокровищъ»; а потомъ, съ ростомъ завоевательныхъ стремленій Наполеона, польза «Русскаго Вѣстника» получила въ глазахъ его современниковъ спеціальное назначеніе: «Русскій Вѣстникъ» пріобрѣлъ, по выраженію кн. П. А. Вяземскаго, «всю важность событія, какъ противодѣйствіе владычеству наполеоновской Франціи и какъ воззваніе къ единомыслію и единодушію предчуемой уже въ воздухѣ грозы 1812 года». Въ Москвѣ, въ широкихъ кругахъ читателей и даже среди университетской молодежи «Русскій Вѣстникъ» пользовался большою популярностью; изъ провинціальныхъ городовъ Глинка также получалъ выраженія восторженной благодарности за свое смѣлое выступленіе противъ французовъ и защиту русской чести. Значеніе «Русскаго Вѣстника», какъ извѣстно, не укрылось и отъ наблюдательнаго Наполеона: его посолъ Коленкуръ въ 1808 году жаловался императору Александру I

на нѣкоторыя статьи «Русскаго Вѣстника» и въ томъ числѣ на статью о Тильзитѣ; эта жалоба имѣла для Глинки непріятныя служебныя послѣдствія въ то самое время, когда А. Л. Нарышкинъ, восторгавшійся «Русскимъ Вѣстникомъ», собирался обратить на него вниманіе государя, какъ на предпріятіе въ высшей степени благородное. Но съ 1812 года Глинка пользовался уже милостями и довѣріемъ и императора Александра I: въ качествѣ издателя «Русскаго Вѣстника» и вмѣстѣ съ тѣмъ ополченца онъ получилъ орденъ Владимира 4-й степени «за любовь къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями», въ «триста тысячъ экстраординарной суммы» въ полное распоряженіе. Эти деньги, однако, Глинка сохранилъ для казны въ полной неприкосновенности, что свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ безкорыстіи и искренности его патріотизма. Въ благородствѣ и искренности Глинки его почитатели, впрочемъ, не сомнѣвались. «У Глинки,—говоритъ К. А. Полевой,—не было ничего ложнаго, и убѣжденія его были всегда искренны; только подвижная природа его духа была способна къ измѣнчивости... Одно было въ немъ неизмѣнно: благородство, возвышенность души, которая и заставляла его презирать наружнымъ и дорожить только тѣмъ, что почиталъ онъ истиннымъ и согласнымъ съ достоинствомъ человѣка»... Независимо отъ своихъ наивныхъ патріотическихъ увлеченій, граничащихъ иногда съ шовинизмомъ,—С. Н. Глинка встаетъ передъ нашимъ воображеніемъ какъ одинъ изъ своеобразныхъ борцовъ противъ Наполеона, общими усиліями сдѣлавшихъ великое дѣло спасенія родины, и въ то же время какъ одна изъ интереснѣйшихъ разновидностей того общественно-психологическаго типа, который, независимо отъ офиціальной народности, но не безъ вліянія войны съ Наполеономъ, складывалъ въ нашей общественности консервативно-патріотическое направленіе.

И. Замотинъ.

„Французской вороній супъ“.

„Бѣда намъ съ Великимъ нашимъ Наполеономъ:
Кормитъ насъ въ походѣ изъ костей бульономъ,
Въ Москвѣ попировать свистѣлъ у насъ зубъ;
Не тутъ-то! похлебаемъ же нашъ вороній супъ“.
(Теребеневъ, „С. От.“, 1812, VII).

Обратный проходъ Наполеоновой гвардіи черезъ Вильну (Теребеневъ).

2. „Сынъ Отечества".

Н. П. Сидорова.

Громадныя событія 12-го года, когда все было такъ «необычайно, неожиданно и чудесно», не могли не всколыхнуть общественнаго сознанія, не могли не вызвать желанія по горячимъ слѣдамъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ событій, чтобы ориентироваться въ ихъ бурномъ потокѣ: уяснять себѣ и другимъ смыслъ совершающагося. Правда, это была запретная и во всякомъ случаѣ подозрительная область политики: еще недавно, въ связи съ обсужденіемъ на страницахъ «Русскаго Вѣстника» С. Глинки (1808 г.) только что протекшей войны съ Наполеономъ, давалось цензурному комитету указаніе слѣдить строжайшимъ образомъ за «матеріями политическими», такъ какъ сочинители, «увлекаясь одною мечтою своихъ воображеній, пишутъ всякую всячину въ терминахъ неприличныхъ»; а по учебнымъ округамъ разсылалось предписаніе не пропускать «никакихъ артикуловъ, содержащихъ извѣстія и разсужденія политическія». Теперь, въ трудныхъ обстоятельствахъ 12-го года, въ этихъ «артикулахъ» правительство было заинтересовано не меньше, чѣмъ общество: тревожные слухи будоражили общественную мысль, патріотическое чувство искало себѣ выраженія и нуждалось въ поддержкѣ. Отвѣтомъ на этотъ запросъ и явился подъ редакціей Н. И. Греча журналъ «Сынъ Отечества». Вотъ

что по этому поводу писалъ Гречъ («Чтенія о русскомъ языкѣ», ч. II, 1840 г., стр. 391): «въ то время, когда московскіе журналы прекратились отъ нашествія непріятельскаго, а петербургскіе умолкли оттого, что большая часть сотрудниковъ ихъ разъѣхалась въ разныя стороны, когда ужасы войны терзали Россію, и она съ недоумѣніемъ и страхомъ смотрѣла въ туманную даль, начался «Сынъ Отечества», имѣвшій при великодушномъ пособіи свыше, при покровительствѣ просвѣщенныхъ вельможъ-патріотовъ и при участіи всей публики, успѣхъ дотолѣ небывалый, который долженъ быть вполнѣ приписанъ тогдашнимъ обстоятельствамъ». Мысль объ изданіи журнала возникла у попечителя С.-ПБ. учебнаго округа С. С. Уварова; онъ задумалъ перевести и распространить въ русской публикѣ сочиненіе Арндта «Гласъ истины», въ которомъ изображалось бѣдственное положеніе Европы и предвѣщалось скорое ея освобожденіе Россіей.

— Гдѣ бы это напечатать?—спросилъ Сергѣй Семеновичъ (такъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ», стр. 231, Гречъ) у цензора Тимковскаго.

— Напечатать особою книжкою,—сказалъ Тимковскій:—политическіе журналы и даже политическія статьи въ журналахъ у насъ воспрещены.

— Но теперь обстоятельства перемѣнились, и государь непремѣнно позволитъ. Если бы только найти редактора...

Редакторъ, какъ извѣстно, нашелся; государь даже пожаловалъ Гречу на первые расходы тысячу рублей и пожелалъ, чтобы журналъ началъ выходить какъ можно скорѣе, почему Гречъ, не дожидаясь новаго года, сталъ выпускать его съ октября мѣсяца. Журналъ предназначался «для помѣщенія реляцій и частныхъ извѣстій изъ арміи, для опроверженія вредныхъ толковъ насчетъ хода происшествій, для сосредоточенія патріотическихъ мнѣній». Такъ намѣчалась сверху цѣль журнала, въ редакціи котораго приняли участіе «вельможи-патріоты» Уваровъ и Оленинъ. Самъ издатель немного позднѣе («С. От.», 1813 г., X, стр. 244), оглядываясь на пройденный путь, сообщалъ своимъ читателямъ, что въ то тревожное время, когда «непріятель тлетворнымъ дыханіемъ своимъ распространялъ повсюду ужасъ, боязнь и недоумѣніе», онъ (Гречъ) направлялъ всѣ свои усилія къ «вящшему ободренію мужественныхъ, возстановленію малодушныхъ, изобличенію безстыднаго хищника въ лжахъ и злодѣйствахъ». Съ этой цѣлью журналъ, выходившій «каждый четвертокъ», давалъ рѣчи, разсужденія, воззванія, историческія и политическія статьи, выписки изъ иностранныхъ журналовъ, анекдоты, стихотворенія и т. д. Пользуясь покровительствомъ, журналъ очень быстро получалъ изъ главной квартиры реляціи и извѣстія о войнѣ, и эта свѣжая освѣдомленность вмѣстѣ съ рѣзко патріотическимъ характеромъ статей создавали ему популярность: конечно, не одинъ Вигель «съ жадностью читалъ эти жиденькія книжки, исполненныя выразительныхъ, даже бѣшеныхъ статей» (Вигель, «Записки», ч. IV, стр. 80, см. еще Остафьев. архивъ, ч. I, стр. 8). Въ этихъ нерѣдко, дѣйствительно «бѣшеныхъ» статьяхъ давалось освѣщеніе событій, проводилась своеобразная «философія» текущей исторіи, которую мы найдемъ, правда, не въ такомъ яркомъ видѣ, и въ другихъ журналахъ того времени [1]).

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, „Другъ Юношества“, „С.-Петербургскій Вѣстникъ“.

Открывалась первая книжка журнала упомянутой выше статьей Арндта, «Гласъ истины», которая сразу задавала тонъ, и по формѣ и по мыслямъ, послѣдовавшему за ней литературному матеріалу. «Кровожадный, ненасытимый опустошитель, разорившій Европу отъ одного конца ея до другого, не перестаетъ ослѣплять всѣхъ своимъ кощунствомъ и лжами», такъ выразительно начиналась статья. Авторъ намѣревался показать вѣрное изображеніе Наполеона въ «ужасномъ зерцалѣ»; онъ представляетъ его себѣ «сидящимъ на престолѣ своемъ посреди блеска и пламени, какъ Сатана въ средоточіи ада», вокругъ него горятъ города и деревни, въ пламени и развалинахъ Москва. Но у русскаго народа вѣрные сподвижники: «первый есть Богъ силъ», вторые союзники: свобода, Отечество, честь; далѣе—гнѣвъ и мщеніе, тихія молитвы, обѣты и желанія. Россіянамъ, народу «единственному», сильному и храброму, выпадаетъ на долю безсмертная слава «сражаться за свободу и честь своего Отечества, подвизаться за свободу и честь всей Европы». Жребій брошенъ! «Идетъ великая брань, дѣло Божіе, дѣло правосудія и свободы!» Россія стряхнетъ желѣзное иго, и послѣ бури наступятъ времена мира и благополучія: «цари на престолахъ, дворяне въ помѣстьяхъ своихъ, граждане и крестьяне въ своихъ домахъ и хижинахъ насладятся безопасностью». Въ томъ же воинственно-патріотическомъ, приподнятомъ тонѣ, отвѣчавшемъ общему настроенію («намъ тогда было не до простоты», говоритъ Гречъ въ «Запискахъ»), пошли и другія статьи: во второмъ номерѣ статья «Гласъ русскаго» повторяла основныя мысли «Гласа истины», въ особенности выдвигая мотивъ мщенія за оскорбленную и разоренную Москву; «ложные защитники свободы, мнимые герои просвѣщенія не пощадили ничего»: ни святости храмовъ, ни древности зданій, ни святилищъ наукъ. Горящая Москва требуетъ мщенія: «да будетъ во всѣхъ сердцахъ одно чувство, во всѣхъ устахъ одинъ крикъ: мщеніе!» Къ борьбѣ за свободу, къ мщенію и мужеству призывалъ А. Куницынъ («С. От.», № V, 173): «пусть нивы наши порастутъ терніемъ, пусть села наши опустѣютъ, пусть грады наши падутъ въ развалинахъ,—сохранимъ единую только свободу, и всѣ бѣдствія прекратятся»... Куницынъ увѣренъ, что «мы умремъ свободными въ свободномъ отечествѣ»: враги уже поколебались... Для «вящшаго ободренія мужественныхъ и возстановленія малодушныхъ» «С. Отечества» помѣщалъ анекдоты о геройскихъ подвигахъ русскихъ воиновъ и вооруженныхъ крестьянъ; для этого же предлагались

Н. И. Гречъ.

примѣры народовъ, съ малыми силами успѣшно отстаивавшихъ свою независимость: такъ, въ отрывкѣ изъ «Исторіи освобожденія соединенныхъ Нидерландовъ» (Шиллера) изображался бѣдный и невоинственный отъ природы народъ, однако нашедшій въ себѣ силу «противоборствовать безпредѣльной власти и несмѣтнымъ силамъ перваго Монарха Европы»; въ статьѣ «Походъ Дарія въ Скиѳію» проводилась еще болѣе близкая аналогія, защищался самый способъ оборонительно-отступательной войны, и показывалось, какъ, несмотря на перевѣсъ въ численности и опытности войскъ Дарія, «народъ свободный, приверженный къ Отечеству, Царю и вѣрѣ праотцевъ своихъ, обратилъ его въ постыдное бѣгство». Наиболѣе же излюбленнымъ примѣромъ національнаго мужества и геройской защиты родины являлись испанцы въ ихъ борьбѣ съ «Бонапартовыми французами». «Сынъ Отечества» напечаталъ даже особый «Гражданскій катихизисъ» испанцевъ, гдѣ, между прочимъ, стояли такіе вопросы и отвѣты:

В. Кто врагъ нашего благополучія?

О. Императоръ французовъ.

В. Кто онъ таковъ?

О. Новый, безконечно кровожадный и корыстолюбивый властелинъ, начало всякаго зла и искоренитель всего добра; скопище всѣхъ пороковъ и злодѣйствъ.

В. Сколько онъ имѣетъ естествъ?

О. Два: сатанинское и человѣческое.

В. Отчего происходитъ Наполеонъ?

О. Отъ ада и грѣха...

Нападки на Наполеона, этого недавно еще «великаго мужа», какъ называлъ его самъ же Гречъ (въ ж. «Геній временъ», 1809 г.), идутъ безпрерывно въ самомъ яростномъ тонѣ, иногда переходя въ прямую брань: онъ лютостью подобенъ тигру, лицемѣріемъ равенъ гіэнѣ; это—«величайшій убійца и зажигатель всемірной исторіи», «новый Каракалла», «фабрикантъ мертвыхъ тѣлъ, имѣющій на ежемѣсячный расходъ свой по 25 тысячъ французскихъ и союзничьихъ труповъ» и т. под. Изъ двухъ его естествъ, по испанскому катихизису, выдвигается исключительно «сатанинское»:

«Въ семъ городѣ разнесся слухъ,
Что будто Бонапартовъ духъ
Изъ этой жизни въ адъ переселился.
Ну, что жъ! Щастливый путь! въ о т ч и з н у бъ возвратился!» («С. От.», 1813, № XXV).

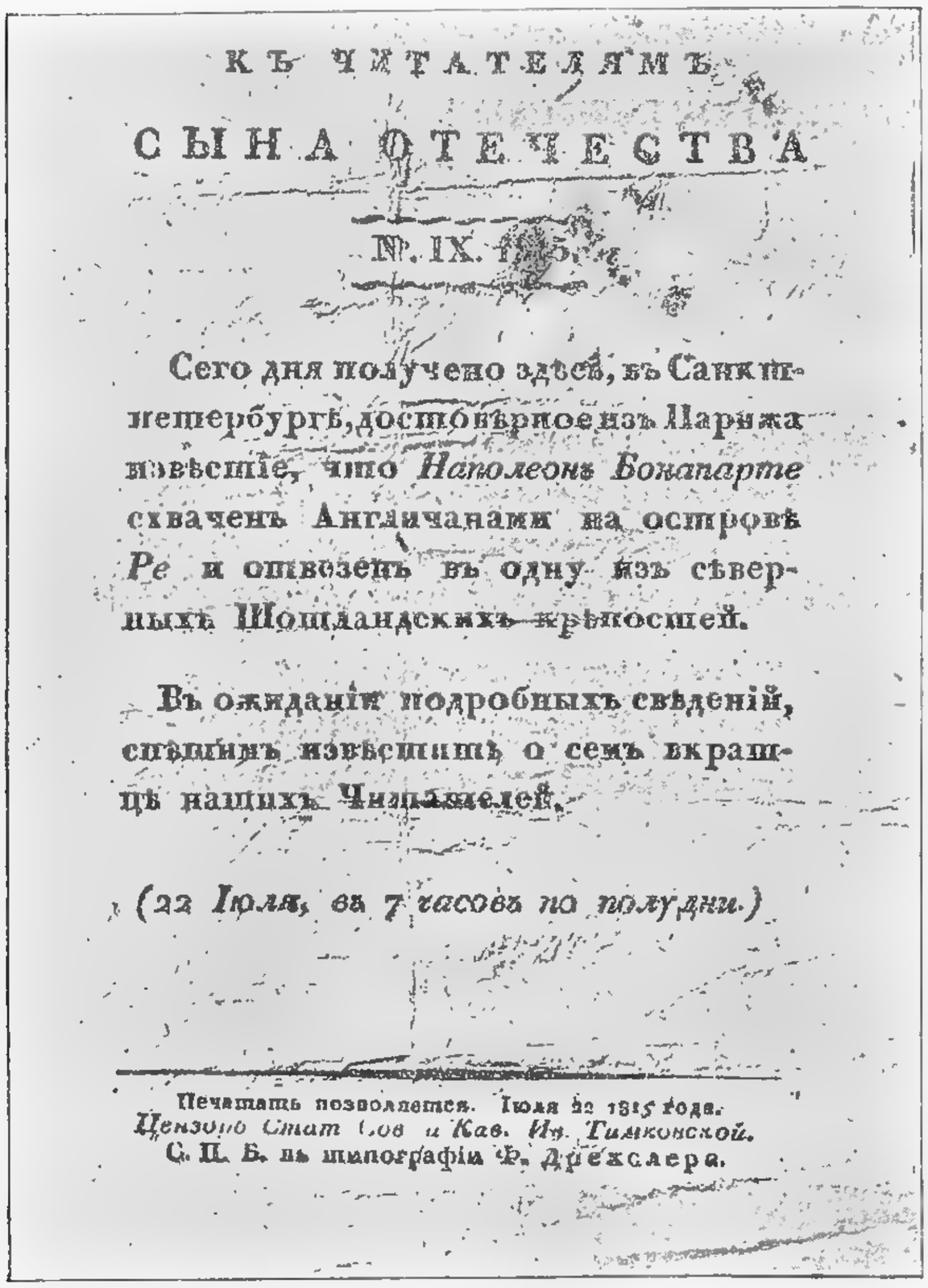
Въ запальчивой злобѣ, понятной въ тогдашнихъ условіяхъ, Наполеону отказывали не только въ административныхъ талантахъ, но даже и въ дарованіяхъ военныхъ: онъ не болѣе, какъ «счастливый сынъ случая». Ожесточенное преслѣдованіе не ограничивалось Наполеономъ, съ него оно переходило и на весь французскій народъ, шло еще далѣе и глубже—обращалось къ идеямъ и принципамъ французской революціи и французской литературы XVIII в. «Кто враги наши?» спрашиваетъ авторъ статьи «Голосъ русскаго» и отвѣчаетъ: «Народъ корыстолюбивый и надменный, невмѣщающій ни великой мысли, ни глубокаго чувства,—народъ съ развращеннымъ воображеніемъ и хладнымъ сердцемъ, гибкое орудіе въ рукахъ тирана». Въ любопытныхъ письмахъ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ

(1813, XXXV) французской націи предрекается скорое исчезновеніе; «жиды, хотя и безъ Отечества, но имѣютъ нѣкоторое политическое существованіе»: религія служитъ скрѣпой ихъ общественнаго союза; положеніе французовъ хуже, имъ остается одно—«быть особливымъ родомъ цыганъ: старые мѣняютъ лошадей, ворожатъ, пляшутъ; новые будутъ дѣлать помаду, чепчики и учить танцовать»; на большее французъ и неспособенъ: возьми изъ нихъ любого наудачу, «перегони его въ кубъ,—выйдетъ парикмахеръ». Проповѣдуется новая континентальная система, долженствующая установить политическое равновѣсіе въ Европѣ; а по отношенію къ французамъ она должна примѣняться, «доколѣ не вымретъ нынѣшнее развращенное поколѣніе». Этотъ развратъ, по мнѣнію публицистовъ «Сынъ Отечества», вытекаетъ изъ началъ освободительной философіи XVIII в., исходитъ отъ французской революціи, порожденіемъ которой является Наполеонъ: въ немъ *адомъ изверженная* французская революція сосредоточила всѣ свои силы. Поэтому, вполнѣ послѣдовательно со своей точки зрѣнія «С. Отечества» съ первыхъ же книжекъ ополчается бранью противъ «мудрованія философовъ», этого «душевнаго яда», который мы свободно глотаемъ изъ книгъ, разговоровъ, театральныхъ зрѣлищъ, школьнаго ученія. «Тотъ вѣкъ,—говорится въ «Мысляхъ и правилахъ» («С. Отеч.», 1812, № VIII, стр. 73),—въ который свобода мыслить почиталась своевольствомъ, произвелъ Фенелоновъ, Боссюетовъ, Корнелевъ, Расиновъ и другихъ свѣтилъ ума человѣческаго; но послѣдующій за нимъ, столь неправильно названный вѣкомъ просвѣщенія, покрылъ вселенную мракомъ ложной философіи, въ которомъ Вольтеры, Руссо, Монтескье, Дидероты блистали наподобіе всепожирающихъ молній». Чтобы загасить эти молніи, чтобы уничтожить революцію въ корнѣ, надо итти въ Парижъ; тамъ «она доселѣ гнѣздится, и въ Парижѣ только можно истребить сіе чудовище».

А. Н. Оленинъ (раб. Оленина).

Въ 1813 году, когда врагъ бѣжалъ, «поражаемый ежедневно праведнымъ мщеніемъ геройскаго народа», «С. О» въ рядѣ статей пытался окинуть общимъ взглядомъ событія, волна которыхъ уже перекатилась за русскую границу; теперь можно было сравнительно спокойнѣе подводить итоги минувшему, о которомъ до сихъ поръ, по мѣткому выраженію Филарета, на всѣхъ образованныхъ языкахъ человѣческихъ не столько разсуждали, сколько восклицали. Война Россіи съ французами и десятью европейскими державами — это борьба съ «разумомъ, оставленнымъ самому себѣ и возникшимъ въ прошедшемъ столѣтіи изъ

гордаго самолюбія философской мечты; рѣшившейся на дерзкое просвѣщеніе человѣчества чрезъ уничтоженіе всего духовнаго, всего Божественнаго и самой вѣры христіанской» («Воззрѣніе на войну»..., «С. О», 1813, № II). Наполеонъ это тотъ же «кичащійся разумъ на престолѣ». Разумъ побѣждается вѣрой: «О вѣра, побѣждающая міръ! ты въ сынахъ россійскихъ и на землѣ и на небѣ торжествуешь... А ложный разумъ живо напечатлѣвается на побѣгѣ Наполеона». Эта философія Отечественной войны всего ярче и послѣдовательнѣе развита въ разсужденіи архимандр. Филарета (по просьбѣ А. Н. Олешина) о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ настоящей войнѣ («С. О.», 1813 г., № 32 и 33): въ основу разсужденія положена антитеза «священнаго закона нравственности» и «ложнаго просвѣщенія». Россія сильна первымъ, внутреннимъ закономъ, живущимъ въ сердцахъ; этотъ именно законъ и повелѣвалъ русскимъ умереть за вѣру и отечество. «Вотъ,—говоритъ Филаретъ, — истинно свободная наука необразованнаго по новѣйшимъ умозрѣніямъ народа, которою онъ обличилъ западныхъ просвѣтителей въ буйномъ и рабскомъ невѣжествѣ». Мудрый Филаретъ выражается сдержанно и нѣсколько прикровенно; представитель религіи, онъ высшую славу воздаетъ Богу: «благочестивые, вѣрные и добродѣтельные сыны Россіи не почтутъ похищеніемъ славы своея и



КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ
СЫНА ОТЕЧЕСТВА
№ IX.

Сего дня получено здѣсь, въ Санктпетербургѣ, достовѣрное изъ Парижа извѣстіе, что *Наполеонъ Бонапарте* схваченъ Англичанами на островѣ *Ре* и отвезенъ въ одну изъ сѣверныхъ Шотландскихъ крѣпостей.

Въ ожиданіи подробныхъ свѣдѣній, спѣшимъ извѣстить о семъ вкратцѣ нашихъ Читателей.

(22 Іюля, въ 7 часовъ по полудни.)

Печатать позволяется. Іюля 22 1815 года.
Цензоръ Стат. Сов. и Кав. Ив. Тимковской.
С. П. Б. въ типографіи Ф. Дрекслера.

(Ист. музей).

то, есть.ли она вознесется до престола Царя славы» [1]). Не столь мудрые сыны Россіи высказывались проще и откровеннѣе: «послѣ сего,— писалось въ «С. О». (1813 г., X), — кажется, можно согласиться, что все Русское и всѣ Русскіе, будучи въ покровительствѣ Промысла Божія, не только непобѣдимы на поляхъ брани, но даже несравненны и

[1]) Интересно кстати отмѣтить, что Филаретъ едва ли не первый отмѣтилъ и охарактеризовалъ заслуги Барклая-де-Толли, этого „вождя, который понесъ на главѣ своей неизбѣжныя непріятности, можно сказать, новой для Россійскихъ воиновъ войны оборонительной и отступательной и тяжесть народнаго мнѣнія“...

1812 годъ.

(Краткое).

1812 ГОДЪ.

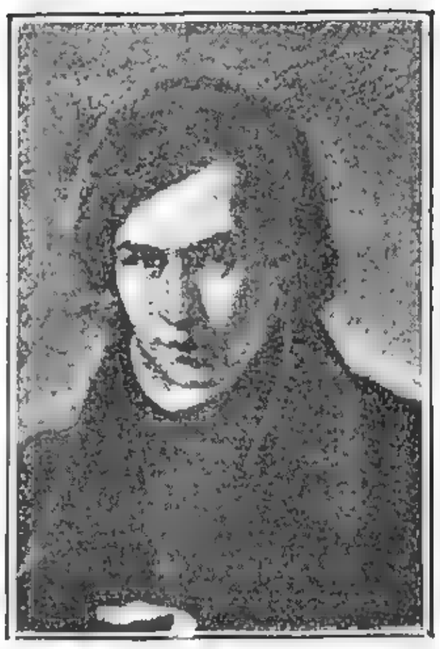
въ кругу жизни миролюбивой». Такъ намѣчались отношенія Россіи къ западной Европѣ, къ ея духовной и общественно-политической культурѣ; такъ вырабатывались предпосылки и обоснованіе для того консервативно-мистическаго направленія, которое вскорѣ тяжело отозвалось на нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, а въ Западную Европу понесло «тихую неволю» Священнаго союза. Этотъ послѣдній тоже какъ бы прозрѣвался въ статьѣ У. М. (Лабзинъ?) «Послѣдняя ночь 1813 г.», гдѣ авторъ возлагалъ на Россію мистическія чаянія и проводилъ мысль о богоизбранности русскаго народа для какой-то важной цѣли: «Всемогущій... безъ сомнѣнія, имѣетъ намѣреніе произвести что-либо великое чрезъ сей народъ, во всѣхъ концахъ міра», и это великое будетъ актомъ не политическимъ только, но гораздо важнѣйшимъ, какъ даетъ объ этомъ разумѣть «духъ вѣры, который чрезъ Россію распространяется теперь и въ другихъ народахъ» («С. О.», 1814, № 3).

Само собой разумѣется, что подобнаго рода идеологія мистическаго и національно-консервативнаго самоутвержденія не охватывала всѣхъ теченій русской общественной мысли, которыя вызрѣвали въ ту же годину. Потрясеніе 12-го года показало Россіи ея собственныя до того дремавшія народныя силы, возбудило интересъ къ политическимъ дѣламъ и вопросамъ, содѣйствовало, между прочимъ, черезъ журналистику зарожденію публицистики, а вмѣстѣ съ нею и общественнаго мнѣнія; не всѣ же, наконецъ, выносили изъ опытовъ Отечественной войны самолюбованіе своимъ «изящнымъ характеромъ, на который нынѣ Европа смотритъ, какъ изнеможенный старецъ на бодрость и силу цвѣтущаго юноши» (Прибавл. къ «С. О.», 1813 г., № VII): лучшая часть дворянской молодежи извлекала изъ столкновенія съ Европой, изъ знакомства съ ея бытомъ во время заграничныхъ походовъ цѣлый рой свѣжихъ, обновляющихъ идей и стремленій, для которыхъ, однако, еще не пробилъ ихъ урочный часъ и, конечно, ни въ «Сынѣ Отечества», ни въ другихъ журналахъ того времени не нашлось бы свободныхъ страницъ.

Н. Сидоровъ.

„Русской Сцевола“ (Теребеневъ, „С. От.,„ 1813 г., кн. 4).

М. А. Бестужевъ-Марлинскій.



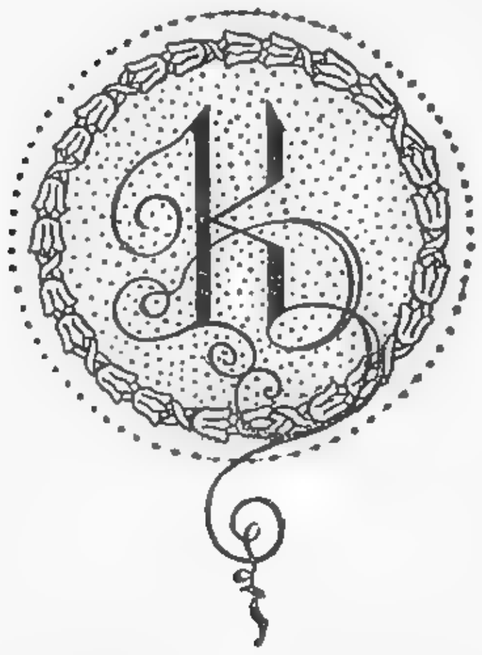
Н. В. Кукольникъ.

М. Н. Загоскинъ.

В. Т. Нарѣжный.

III. Отголоски 12-го года въ русской повѣсти и романѣ.

Н. П. Сидорова.



акой славный трудъ предстоитъ будущему творцу русской Иліады!» восклицаетъ извѣстный мемуаристъ Ф. Вигель, подводя итоги своимъ впечатлѣніямъ «чудеснаго» 12-го года. Россійскіе «Гомеры» не заставили себя ждать; съ 1813 года начали появляться разнообразныя поэмы и эпическія пѣсни Телепнева, Глѣбова, неизвѣстнаго автора («Освобожденная Европа». Поэма, «В. Европы», № 3, 1813 г.); позднѣе—Павла Свѣчина («Александроида» въ 6 пѣсняхъ, М., 1827 г., первоначально отрывки въ «Калужскихъ вечерахъ», 1825 г.), Невѣдомскаго (1828 г.) и др. Каковы были эти поэмы, можно судить по тому, что даже весьма снисходительный къ патріотическому паренію ж. «Сынъ Отечества» (1814 г.), съ непзбѣжнымъ по тому времени выпадомъ противъ Наполеона, далъ такую оцѣнку одной изъ нихъ («Наполеонъ въ Россіи» Телепнева, М., въ тип. Селивановскаго, 1813 г.): «поэма, достойная своего героя. Столь же нелѣпая, безобразная, чудовищная въ отношеніи къ піитическому достоинству, какъ Наполеонъ въ отношеніяхъ къ величію и нравственности». Въ лучшемъ случаѣ всѣ подобныя произведенія доказывали только искреннее патріотическое усердіе ихъ авторовъ. «Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ», и задача—въ широкой картинѣ охватить событія знаменательной исторической годины, ея «дѣла и дни»,—выпадала на долю повѣствовательной прозы, повѣсти и романа. Прозаическое повѣствованіе начинало скромно, такъ сказать, съ мелочей; оно выступило въ формѣ эстетически непритязательныхъ и наивныхъ анекдотовъ, которыхъ цѣлью было—сообщать «геройскіе подвиги россіянъ» для ободренія живыхъ и, еще болѣе, въ назиданіе потомковъ. Анекдоты эти помѣщались сначала въ журналахъ «Сынъ Отечества», «Русскій Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы», а потомъ соединялись въ сборники съ очень выразительными заглавіями, напр.: «Анекдоты нынѣшней войны или ясное

изображеніе мужества, великодушія, человѣколюбія, привязанности къ Богу, вѣрѣ и государю россійскаго народа; трусости, подлости, безчеловѣчія, безсмыслія, звѣрства и непримиримаго коварства французовъ» (Спб., 1813 г. Ср. подобный же сборникъ, «Анекдоты достопамятной войны»... С. Ушакова въ 3 тт.). Изъ приведеннаго заголовка ясно видно, какъ распредѣляются краски въ обрисовкѣ обѣихъ сторонъ. Мы остановимся только на изображеніи въ анекдотахъ русскихъ героевъ. Здѣсь передъ нами и крупныя фигуры Кутузова, Милорадовича, Раевскаго и скромный капитанъ Захаровъ, который, будучи тяжело раненъ, скорбитъ лишь о томъ, что не можетъ сражаться за отечество, и въ предсмертныя минуты спрашиваетъ безпрерывно, наша ли побѣда; тутъ же и совсѣмъ безвѣстные подмосковные крестьяне, которыхъ, за нападеніе на французскихъ мародеровъ, разстрѣливаютъ для острастки другимъ: они падаютъ съ молитвой на устахъ, безъ слезъ и стоновъ, такъ что врагъ приходитъ въ трепетъ, понявъ, «что никогда не покоритъ и не развратитъ сего геройскаго народа»; воины-поселяне (серпуховскіе, рузскіе, звенигородскіе и др.) и понамарь села Савенокъ, Сычевскаго у., Алексѣй Смирягинъ со своей особой командой; въ «классическихъ» позахъ русскіе Сцевола и Курцій: одинъ, отрубившій себѣ руку, заклейменную непріятелемъ, другой, бросающійся на французскаго полковника въ надеждѣ убить самого Наполеона, а рядомъ съ ними простой русскій поваръ, сражающійся съ кирасирами наполеоновской гвардіи; «Россійскій геркулесъ» бурмистръ села Левшина, припершій могучимъ плечомъ дверь съ 31 французомъ въ избѣ, и популярная старостиха Василиса, которая ведетъ въ городъ плѣнныхъ и убиваетъ косой французскаго офицера, приговаривая: «всѣмъ вамъ, ворамъ, собакамъ, будетъ то же... Ужъ я двадцати семи такимъ же вашимъ озорникамъ сорвала головы!» Излюбленными героями являются казаки, одного упоминанія которыхъ достаточно, чтобы навести панику на непріятеля.

Ѳаддей Булгаринъ.

«Въ то время, какъ французскіе мародеры,—разсказываетъ одинъ анекдотъ,—шатались еще по Бѣльскому уѣзду, нѣсколько человѣкъ вошло въ избу, гдѣ, кромѣ бѣдной старой крестьянки, никого не было. Преслѣдуемые голодомъ французы тотчасъ начали требовать съ угрозами, исковерканнымъ русскимъ языкомъ хлѣба и млека. Старуха поспѣшила имъ отдать свой остальной кусокъ хлѣба, но на второе требованіе отвѣчала, что молока у нея нѣтъ, что всѣхъ коровушекъ и овечекъ ея французы отняли и порѣзали, что осталась у ней одна коза... «Куди коза?» закричали французы. «Тамъ, родные,—отвѣчала старуха,—на дворѣ, въ хлѣвѣ».—

«На дворъ козакъ!» закричали опять французы и давай Богъ ноги. Они не поняли старухи и вздумали, что она толкуетъ имъ о спрятавшихся козакахъ на дворѣ. Какъ тутъ не убѣжать!» («С. От.», 1812 г., № 4, стр. 128).

Прославляется и специфическое орудіе казака «нагайка», которою онъ наноситъ сокрушительные удары, потерявъ въ схваткѣ копье и саблю. На ряду со сценами жестокой расправы съ непріятелемъ, «крестьянскаго гостепріимства»: угостили и «уложили»,—идутъ разсказы о состраданіи къ побѣжденнымъ, о «великодушіи» къ плѣннымъ простого русскаго солдата:

«Послѣ одной побѣды, одержанной графомъ Витгенштейномъ надъ французами, русскіе солдаты засѣли около горячихъ щей съ говядиной, а тамъ, невдалекѣ, въ эту пору вели плѣнныхъ французовъ; всѣ они были тощіе, блѣдные, насилу ноги тащили, и когда увидали нашихъ солдатъ за щами, остановились несчастные, дальше не идутъ, такъ имъ хотѣлось ѣсть. Тогда нѣсколько человѣкъ встали и сказали товарищамъ: «Ребята, что намъ стоитъ день не поѣсть?! уступимъ свою порцію бѣднымъ плѣннымъ,—они вѣдь тоже люди!» Вдругъ всѣ поднялись, и плѣнные французы бросились ѣсть, при чемъ они не могли скрыть своего удивленія, видя великодушіе русскихъ солдатъ» («Сынъ Отеч.», 1813 г., № 6).

Съ удовольствіемъ отмѣчаютъ при случаѣ разсказы и анекдоты вѣрность и преданность крестьянъ помѣщикамъ, чье добро они охраняютъ отъ разоренія (напр., крестьяне г-жи Прянишниковой, с. Володимирово, въ 40 верстахъ отъ Москвы. «Сынъ Отеч.», 1812 г., № 10), или изображаютъ самоотверженіе дворовыхъ людей, которые, «не щадя ничего, старались спасти своихъ господъ отъ бѣдствій», что, по словамъ поэтессы Буниной, опровергаетъ «гнусную клевету малодушныхъ французовъ» и доказываетъ, что «мы нерѣдко въ рабахъ своихъ имѣемъ истинныхъ друзей» («В. Евр.», 1812 г., № 19—20); очень любопытенъ разсказъ въ «Сынѣ Отеч.» (1813 г., XII ч., стр. 297) о томъ, какъ оброчные крестьяне, узнавъ, что баринъ ихъ (А. И. Д...ъ) принужденъ удалиться въ Нижній-Н. съ больной женой и не имѣетъ тамъ пристанища, покупаютъ ему домъ за 3.000 р., нанимаютъ за значительную цѣну врача, ставятъ безплатно подводы и «на обзаведеніе его дома послѣ московскаго разоренія» собираются поклониться 20.000 руб.; еще любопытнѣе заключеніе къ этому разсказу: «Благочестивый русскій человѣкъ скажетъ—вотъ плоды родительскаго семейнаго правленія!» Просвѣщенный европеецъ отнесетъ поступокъ сей къ невѣжеству, глупости и рабству нашего народа. Спрашивается: «кто изъ нихъ правъ?» «Достохвальная и неимовѣрная приверженность русскихъ слугъ къ господамъ» бываетъ такова, что ее трудно чѣмъ-либо вознаградить: «денежное пособіе и отпущеніе вѣчно на волю все было бы мало и обыкновенно; ибо сими возмездіями, а особливо послѣднимъ, не всегда награждается вѣрный слуга, но часто развратный холопъ, тяготящій помѣщика своего»,—такъ, повидимому, и оставались безъ награды крѣпостные герои, эти «рабы благополучны», какъ они сами себя называютъ («С. Отеч.», 1812 г., № 3).

Укажемъ еще на отношеніе патріотическаго анекдота къ евреямъ (см. «Анекдоты достопамятной войны»... С. Ушаковъ); таковъ анекдотъ «Человѣколюбіе евреевъ» (ч. II, стр. 106), гдѣ разсказывается о похвальныхъ поступкахъ лепельскаго еврейскаго общества, облегчившаго русскимъ войскамъ переходъ черезъ Березину и ухаживавшаго за ранеными; разсказчикъ утверждаетъ, что евреи показали себя во время войны «истинными сынами Россіи»: «несмотря на всѣ ухищренія безбожнаго Наполеона... остались приверженными къ прежнему своему правительству и въ возможнѣйшихъ случаяхъ не упускали даже различныхъ средствъ доказать на опытѣ ненависть и презрѣніе свое къ гордому и безчеловѣчному утѣснителю народовъ и искреннюю любовь къ славѣ и благоденствію Россіи».

Было бы долго разбирать весь пестрый анекдотическій соръ, чтобы послѣ тщательной критической промывки добыть цѣнныя зерна исторической правды, найти въ немъ любопытныя частныя черты, тѣ малозамѣтныя бытовыя клѣточки, изъ которыхъ слагается живая ткань дѣйствительности; для насъ анекдоты интересны не только какъ элементарныя отраженія быта и событій Отечественной войны, но и по своей несомнѣнной связи съ послѣдующей литературой повѣстей и романовъ, относящихся къ 12 г.: авторы берутъ отсюда иногда форму, чаще матеріалъ и даже роднятся въ самомъ тонѣ повѣствованія, въ распредѣленіи, до лубочности рѣзкомъ, свѣта и тѣни. Такъ, въ формѣ художественнаго анекдота ведетъ разсказъ Несторъ Кукольникъ — «Староста Меланья» (46 г.); какъ матеріаломъ пользуются анекдотами Булгаринъ и Загоскинъ, который, напр., въ своемъ «Рославлевѣ» цѣликомъ перепечатываетъ (т. III, изд. 1831 г., стр. 295—301) апокрифическую бесѣду Милорадовича съ Мюратомъ (см. «С. Отеч.», 1812 г., № IX, 99—103, и «Анекдоты достопамятной войны», ч. I, 97—102) [1]).

„Плѣнный русскій офицеръ говоритъ съ Наполеономъ". Грав. Галактіонова къ роману Булгарина („П. Выжигинъ". Спб., 1831).

Минуя повѣсть Нарѣжнаго «Александръ» [2]), по своему содержанію относящуюся къ моменту вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ и написанную въ стилѣ «гимна лиро-эпическаго» тяжелой риторической прозой, мы подходимъ къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ, когда въ нашей литературѣ романтизмъ выкинулъ свое боевое знамя. У насъ, какъ и на Западѣ, романтизмъ создавалъ культъ не только отдѣльной личности, но и личности народной, того національнаго «я», которое творитъ свою исторію. Въ художественной сферѣ романтизмъ направлялъ вниманіе не только на

---

[1]) Разговоръ Милорадовича съ Мюратомъ былъ всецѣло вымышленъ А. Я. Булгаковымъ и, съ согласія Ростопчина, посланъ въ журн. «С. Отеч.».

[2]) Напечатана въ ж. „Соревнователь", 1819 г.; затѣмъ вошла въ составъ „Славенскихъ вечеровъ".

исключительныя личности, въ ихъ наиболѣе интенсивныхъ проявленіяхъ, но и обращался къ народно-поэтическимъ преданіямъ, къ мѣстному колориту, къ прошлымъ историческимъ эпохамъ. Въ 1825 году Пушкинъ въ одномъ черновомъ наброскѣ какъ разъ указываетъ на толки о народности и на попытки подойти къ ней «въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи». Вслѣдъ за Вальтеръ Скоттомъ историческіе романы становятся модными: «Въ наше время тысячи романовъ бываютъ раскуплены, прочитаны и даже расхвалены, можетъ-быть, только за то, что къ заглавію ихъ прибавлено волшебное словцо: историческій» (Петръ Сумароковъ, предисловіе къ повѣстямъ 1833 г.). «Московскій Телеграфъ» (1832 г., отд. Камеръ-Обскура, № 8) въ юмористическомъ «объявленіи» иронизируетъ надъ этимъ большимъ спросомъ на историческіе романы: одинъ литераторъ извѣщаетъ, что принимаетъ на себя поставку всякаго рода произведеній, при чемъ въ самой высокой цѣнѣ ставитъ «оригинальный исторической романъ, въ 4 томахъ, съ любовью, русскими и мужицкими фразами, множествомъ собственныхъ именъ... Цѣна 300 руб. ассигнаціями».

Вполнѣ естественно, что широкій интересъ къ историческому роману, въ значительной степени созданный обострившимся въ испытаніяхъ Отечественной войны національнымъ самосознаніемъ, направлялъ и романистовъ къ этой громкой эпохѣ, въ которую русскій человѣкъ, м.-б., впервые такъ живо ощутилъ самый ходъ исторіи и впечатлѣнія отъ которой еще были свѣжи и ярки. Сначала повѣсть даетъ лишь отдѣльные эпизоды въ рамкѣ 12-го года: задорная поѣздка русскаго офицера во французскій лагерь въ гости, чтобы «умереть или пообѣдать» («Вечеръ на бивуакѣ», 1823 г., Марлинскаго) или живыя батальныя сцены изъ послѣднихъ моментовъ Отечественной войны, когда партизанскій отрядъ гонится по горячимъ слѣдамъ за Наполеономъ (Марлинскій, «Латникъ»); въ старомъ сентиментальномъ тонѣ разсказываетъ Погорѣльскій (Перовскій) тяжелую сердечную драму, которая разыгрывается въ связи съ занятіемъ Москвы французами: Анюта остается въ Москвѣ съ умирающей матерью, а ея возлюбленный Изидоръ отправляется въ армію; вернувшись въ Москву, по оставленіи ея непріятелемъ, онъ находитъ лишь пепелище и обгорѣлый стволъ того клена, который «оспѣнялъ послѣднее его свиданіе»... («Изидоръ и Анюта»—«Двойникъ или мои вечера въ Малороссіи», 1828 г.). Также лишь эпизодически затрагиваетъ 12-й годъ Яковлевъ въ повѣсти «Удивительный человѣкъ» (31 г.), гдѣ въ однообразную ткань гротесковъ-похожденій г. Удивленьева вплетается занятіе Москвы французами, пожаръ Москвы, дѣйствія крестьянскихъ дружинъ; въ своихъ «Разсказахъ лужницкаго старца» (1828 г., стр. 112) тотъ же Яковлевъ мимоходомъ набрасываетъ любопытную фигуру помѣщика,—«наслѣдника отцовской глупости и трехсотъ душъ», который беззаботно гоняетъ зайцевъ въ то время, «когда отечество стонетъ подъ игомъ новыхъ татаръ, когда древняя столица наша пылаетъ!.. И сколько этихъ наслѣдниковъ!» прибавляетъ авторъ, отмѣчая такимъ образомъ обычно замалчиваемое явленіе.

Въ 1831 году почти одновременно появились произведенія двухъ въ то время считавшихся «первыми» романистовъ, Булгарина и Загоскина; оба претендовали на званіе русскихъ Вальтеръ-Скоттовъ, у обоихъ уже было по историческому роману — Дмитрій Самозванецъ у одного, Юрій

Милославскій у другого. Теперь они, очевидцы и участники 12-го года,— правда, во враждебныхъ станахъ: Булгаринъ въ наполеоновской арміи противъ Россіи, Загоскинъ—въ русской противъ Наполеона—подошли вплотную къ этому громадному историческому моменту и попытались охватить его уже не въ повѣсти, а въ просторныхъ рамкахъ историческаго романа; еще до выхода въ свѣтъ, отрывки изъ Булгаринскаго «Петра Ивановича Выжигина» помѣщались въ «Сѣверной пчелѣ», а въ «Телескопѣ» Н. И. Надеждина печатались отрывки изъ романа Загоскина «Рославлевъ или русскіе въ 1812 г.» (напр., отрывокъ «Наполеонъ въ Кремлѣ»). Первымъ вышелъ въ свѣтъ «П. И. Выжигинъ» Булгарина; осторожный писатель оговаривался на всякій случай въ предисловіи, что его романъ преимущественно нравоописательный, и что война 12-го г. въ немъ только эпизодъ. Съ этимъ, однако, нельзя согласиться; на самомъ дѣлѣ, въ произведеніи два самостоятельныхъ и лишь искусственно слитыхъ теченія: романъ и исторія идутъ рядомъ, легко отдѣляясь другъ отъ друга, какъ масло отъ воды; такъ же рядомъ, рука объ руку, идутъ герой романа П. И. Выжигинъ и несомнѣнный герой его историческаго разсказа Наполеонъ. Автору не удалось сплесть въ одинъ цѣльный узоръ частную жизнь героя романа, его любовныя похожденія, съ историческими дѣйствіями и лицами. Мы не будемъ долго останавливаться на собственно романической сторонѣ произведенія; достаточно сказать, что съ этой стороны мы имѣемъ предъ собою типичный романъ съ приключеніями: герой съ первыхъ же главъ влюбляется въ бѣдную дѣвушку, затѣмъ разлучается съ возлюбленной, странствуетъ по литовскимъ замкамъ, участвуетъ въ сраженіяхъ, попадаетъ въ плѣнъ, освобождается, сталкивается съ самимъ Наполеономъ, изъ богача становится бѣднякомъ... Въ это же самое время претерпѣваетъ рядъ метаморфозъ и возлюбленная Выжигина: нѣсколько разъ ее увозятъ; спасаютъ, чтобы сейчасъ же опять потерять; она выходитъ замужъ, какъ бы измѣняя своему герою; сначала бѣдная сирота, неожиданно оказывается дочерью князя и богачкой,—и всѣ эти вычуры для того, чтобы сквозь всевозможныя испытанія и передряги, особенно сгущенныя въ послѣдней (4-й) части романа, привести героевъ къ вожделѣнному концу по старому рецепту:

А. А. Перовскій.

И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

Въ историческихъ сценахъ, рисующихъ Наполеона съ его свитой и французское войско, Булгаринъ сильнѣе и интереснѣе; слѣдуя за Сегю-

ромъ, Шамбре, пользуясь своими личными воспоминаніями, онъ даетъ иногда живыя и правдивыя картины, въ родѣ, напр., ночи передъ Бородинскимъ боемъ (ч. III, стр. 103), гдѣ автору, очень близко держащемуся Сегюра, удалось довольно драматично передать душевную смуту «больного героя»,или французскихъ биваковъ подъ Москвою, этого въ своемъ родѣ единственнаго зрѣлища, въ которомъ уже зловѣще соединялись роковые для «великой» арміи контрасты: «въ густой грязи разложены были огни. Вмѣсто дровъ жгли мебель краснаго дерева Одни лежали на мокрой соломѣ, а другіе покоились на шелковыхъ софахъ и въ дорогихъ креслахъ... Бѣдные, изнеможенные покорители Москвы ѣли съ жадностью пареную рожь, кашицу изъ ржаной муки или лошадиное мясо, полусырое, облитое кровью» (ч. III, стр. 237). У огней французскихъ биваковъ искали безопасности и грѣлись московскіе жители, утолявшіе голодъ «остатками трапезы своихъ притѣснителей»; даже вооруженные русскіе солдаты расхаживали между шатрами, и французы не обращали на нихъ вниманія: «бѣдствіе и разстройство военнаго порядка сдѣлало ихъ ко всему равнодушными»... Авторъ пытается показать постепенную деморализацію французской арміи, объяснить ея причины, и во всякомъ случаѣ не дѣлаетъ Наполеона и французовъ предметомъ безразборчивой злобы и издѣвательства; говоря о жестокостяхъ войны, онъ выдѣляетъ, словами литовскихъ крестьянъ, — «безпальцевъ и поварцевъ», т.-е. вестфальцевъ и баварцевъ, которые «во сто разъ хуже французовъ»: французъ готовъ, какъ сытъ да выспался, подѣлиться послѣднимъ кускомъ съ голоднымъ, а «ужъ эти безпальцы и повары такъ хуже исправниковъ и засѣдателей на экзекуціи»... (ч. II, стр. 112). Также, повидимому, Булгаринъ у себя дома, когда ведетъ читателя въ литовскія семьи и усадьбы, къ гг. Мориконскимъ, Ромбалинскимъ и т. п.; не безъ юмора изображаетъ онъ литовскій полкъ, «сильный духомъ, но не числомъ солдатъ», полкъ, въ которомъ очень много офицеровъ, живущихъ, впрочемъ, по своимъ деревнямъ, и мало солдатъ, къ тому же служащихъ ординарцами у гг. офицеровъ... Такого рода сценки — счастливые «оазисы» въ обширномъ романическомъ хитросплетеніи четырехтомнаго повѣствованія. Переходя къ изображенію русскихъ, Булгаринъ явно слабѣетъ; онъ еще удачно намѣчаетъ канву событій (во многомъ сходную съ исторической канвой «В. и М»): Вильно, балъ въ Закретѣ, высочайшіе приказы о вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи, ополченіе Москвы и Петербурга, сцены въ Слободскомъ дворцѣ, Москва передъ вступленіемъ непріятеля (афиши Ростопчина, ихъ чтеніе народомъ...), бѣгство изъ Москвы населенія, Бородино, Тарутино... Но самый рисунокъ событій — вялый, безцвѣтный, утомительно-скучный, замѣняющій изображеніе риторической декламаціей; онъ почти не выводитъ на сцену живыхъ дѣятелей исторіи — ни народа, ни «русскихъ героевъ», такъ какъ этихъ послѣднихъ «не смѣлъ заставить говорить и дѣйствовать», предпочитая разсказывать о нихъ устами вымышленныхъ лицъ или прячась въ цитаты изъ писемъ Ѳ. Глинки [1]). Самъ сражавшійся противъ русскихъ, онъ теперь становится въ позу русскаго патріота и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, холодный внутри, искусственно горячитъ

---

[1]) „Письма русскаго офицера“. М. 1815 г.

Наполеонъ при Березинѣ.

(Эскизъ *Верещагина*).

Напоминание объ обязанностяхъ.

(Отъ Редакціи).

и перенапрягаетъ свое патріотическое рвеніе. Устами Коленкура въ бесѣдѣ съ Наполеономъ авторъ даетъ такую характеристику новому поколѣнію Россіи: «Русское дворянство, въ общемъ смыслѣ, единственное въ мірѣ. Оно предано престолу и всѣмъ пожертвуетъ за независимость Россіи. Богатое русское купечество отдастъ всѣ свои сокровища, а простой народъ охотно пойдетъ на явную смерть по первому слову своего государя, за вѣру и отечество! Государь! Россія есть гранитный утесъ въ политическомъ мірѣ» (ч. II, стр. 91). Авторъ, впрочемъ, не скрываетъ, что и «въ самомъ лучшемъ саду водятся черви», но даетъ мало убѣдительныя карикатуры графа Хохленкова или семьи князей Курдюковыхъ, въ которой «княгиня плачетъ, что прекратились сообщенія съ Парижемъ, а княжна горюетъ, что кузены ея будутъ бить французовъ, и что французы пришли въ Россію не на балы, и получатъ дурное объ насъ мнѣніе, живя по деревнямъ» (ч. II, стр. 244). Такое французолюбіе, конечно, не остается безнаказаннымъ,—и княжна бѣжитъ съ французомъ, оказавшимся простымъ барабанщикомъ, что вызываетъ у г. Русакова такую реплику: «Вотъ те французолюбіе! Княжна—чуть-чуть не барабанщица! Ха-ха-ха! Дѣльно, не ищи мужа за морями!» Такъ же карикатурно построена сцена бѣгства населенія изъ Москвы, гдѣ тѣ же графъ Хохленковъ и князь Курдюковъ везутъ на подводахъ предметы роскоши и двухъ французовъ, друзей дома, совершенно не обращая вниманія на плетущихся по дорогѣ раненыхъ русскихъ офицеровъ и солдатъ. Выжигинъ опрастываетъ силою подводы, пересаживаетъ на запятки французовъ и размѣщаетъ раненыхъ. «Ребята!—сказалъ Выжигинъ раненымъ солдатамъ, помѣстившимся на повозкахъ графа и князя:—поблагодарите ихъ сіятельства за милость! Они добровольно пожертвовали своимъ добромъ, чтобы только пособить вамъ. А вотъ они же велѣли дать вамъ денегъ!» Выжигинъ вынулъ изъ собственнаго бумажника пукъ ассигнацій и далъ унтеръ-офицеру, чтобъ онъ раздѣлилъ ихъ между ранеными отъ имени графа Хохленкова и князя Курдюкова (ч. III, стр. 231). Эта лубочная сценка, имѣющая цѣлью наглядно противопоставить французолюбію и эгоизму истинный патріотизмъ, можетъ дать достаточное понятіе о томъ фальшиво подчеркнутомъ патріотическомъ тонѣ, въ какомъ авторъ рисуетъ лица и событія русской дѣйствительности 12-го года. Справедливо въ свое время замѣтилъ по этому поводу Бестужевъ-Марлинскій, что въ романѣ Булгарина «русскихъ едва видно, и то они теряются въ возгласахъ или падаютъ въ карикатуру»...

Не совладалъ съ изображеніемъ 12-го года и Загоскинъ въ своемъ «Рославлевѣ». Романъ написанъ какъ бы на тему упомянутаго выше г. Русакова: «Не ищи мужа за морями», или, какъ выражался Марлинскій, «героиня любви Рославлева вспѣвена изъ двухъ стиховъ трагедіи (Хераскова) «Освобожденная Москва»:

«Она жила и жизнь окончила для Вѣянка:
Да тако всякая погибнетъ россіянка!»

Такой погибающей россіянкой оказывается Полина, дочь богатой помѣщицы Лидиной, большой поклонницы всего французскаго; Полина еще въ Парижѣ полюбила французскаго полковника графа Сеникура; въ нее

же влюбляется Влад. Рославлевъ, который и становится женихомъ... Настаетъ 12-й годъ. Рославлевъ отправляется на войну и совершаетъ чудеса храбрости. Сенкуръ, раненый, попадаетъ въ плѣнъ и оказывается въ имѣніи Лидиныхъ. Раненый Рославлевъ ѣдетъ туда же... Но поздно: Полина—жена Сенкура. Послѣ разнообразныхъ приключеній Рославлевъ снова встрѣчается въ Данцигѣ съ Полиной, уже овдовѣвшей, обезславленной, въ нищетѣ, больной... Русская бомба прекращаетъ ея страданія, а Рославлевъ женится на сестрѣ Полины Ольгѣ, истинно русской дѣвушкѣ. Эта схема разработана авторомъ въ стилѣ заурядnаго авантюрнаго романа и сдобрена крупной дозой модnаго тогда радклифизма; интересъ сосредоточивается на прихотливыхъ изворотахъ романической фабулы, сказочныхъ случайностяхъ и совпаденіяхъ, надъ дикими вычурами которыхъ не прочь иногда пошутить и самъ авторъ; такова, напр., сцена на кладбищѣ (ч. II, стр. 206), когда въ бурную ночь подъ раскаты грома происходитъ вѣнчанье Полины и Сенкура, а Рославлевъ становится неожиданнымъ свидѣтелемъ этой свадьбы и лишается чувствъ. «Изъ этого,—говоритъ веселый другъ Рославлева Зарѣцкій,—можно сдѣлать такую адскую трагедію à la madame Радклифъ [1]), что у всѣхъ зрителей волосы станутъ дыбомъ! Кладбище... полночь... и вдобавокъ сумасшедшая Ѳедора... Ну, свадебка!»

Въ основу интриги романа Загоскинъ положилъ истинное происшествіе, которое въ свое время было предметомъ общихъ разговоровъ; нѣкогда «проклятья оскорбленныхъ россіянъ гремѣли надъ главой несчастной», и теперь, заднимъ числомъ, авторъ отъ себя собираетъ новыя несчастья на голову дѣвушки, виновной лишь въ томъ, что она полюбила, не справляясь о національности. Тенденція романа очень опредѣленно выражена въ словахъ Полины: «... развѣ у меня есть отечество? Развѣ найдется во всей Россіи уголокъ, гдѣ бы дали пріютъ русской, вдовѣ плѣннаго француза?.. Безумная! я думала, что могу сказать ему: твой Богъ будетъ моимъ Богомъ, твоя земля—моей землей» [2])... Эти слова достаточно выразительны для того наивнаго патріотическаго пыла, который Загоскинъ вложилъ въ романическую сторону своего повѣствованія. Что касается собственно историческаго заданія, то автору не удалось оправдать притязательнаго титула: «Русскіе въ 1812 году». Въ этомъ новомъ своемъ романѣ Загоскинъ въ значительной степени повторилъ свой старый (Юрій Милославскій): Милославскій—Рославлевъ, Кручина—г.-жа Лидина, юродивый—дура Ѳедора, Кирша—партизанскій офицеръ и т. д.; «исторія» у него тонетъ въ «романѣ»; авторъ не показалъ ни крупныхъ историческихъ лицъ ни хода историческихъ событій; объ нихъ онъ говоритъ въ перечневомъ изложеніи, которымъ связываетъ отдѣльные моменты романа. Только Наполеонъ сильно и живо зарисованъ одинъ разъ среди московскаго пожарища, когда онъ едва не гибнетъ въ бушующемъ вихрѣ

---

[1]) Планъ романа à la Radcliff.

Разбойники и подземелья,
Съ полдюжины на башнѣ совъ;
Луна чуть свѣтитъ сквозь ущелья,
Вдали шумъ вѣтровъ, вой волковъ;
Во снѣ моимъ героямъ снится
Драконъ въ огнѣ, летящій Грифъ;
Страхъ, ужасъ вслѣдъ за ними мчится...
Вотъ вамъ романъ à la Radcliff!
(„Харьк. Демокритъ“, 1816, № 5).

[2]) Ср. для контраста постановку этого вопроса въ романѣ Тургенева „Наканунѣ“.

дыма и пламени — сцена, въ которой яркій драматизмъ, заимствованный у Сегюра, смѣшивается съ самодѣльно-патріотической мелодрамой: проводникъ-купецъ заводитъ Наполеона въ объятый со всѣхъ сторонъ пламенемъ тупикъ, бѣжитъ отъ французовъ, «какъ злой духъ, стрегущій преддверіе ада», появляется на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы горящаго дома и «съ громкимъ хохотомъ исчезаетъ снова среди пылающихъ развалинъ»... (т. III, с. 114). Можно вполнѣ согласиться съ современными роману критиками, которые отмѣчали «несвязность мелкой интриги романа съ историческими событіями» («М. Телеграфъ», 1831 г., № 8), съ одной стороны, и даже отрицали самую его историчность—съ другой: «Неужели три четыре черты составить могутъ картину? Неужели пара помѣщиковъ да пары двѣ офицеровъ, да одинъ уголокъ траншеи подъ Данцигомъ могутъ дать полное понятіе о русскихъ, о войнѣ громоваго 12-го года?» [1]) Если не двѣ, то одна «пара офицеровъ» заслуживаетъ быть отмѣченной: живая фигура партизана Зарѣцкаго, смѣсь поэзіи, разгула, любви къ веселой Франціи и въ то же время готовности топтать врага въ лихихъ напѣздахъ и сложить свою голову за родину; «пѣвецъ любви, вина и славы» въ мирное время, а въ военное «ангелъ истребитель» со своими крылатыми полками, и рядомъ съ нимъ мрачная фигура молчаливаго артилерійскаго офицера, который «желалъ бы быть палачомъ, чтобы отсѣчь однимъ ударомъ голову всей (французской) націи» (т. I, 125) и частично выполняетъ эту роль, цѣлыми грудами истребляя беззащитныхъ плѣнниковъ (т. II, 210).

Изъ книги „Бичъ Франціи“.

Въ томъ и другомъ безъ труда можно узнать Давыдова и Фигнера. Оставляя въ сторонѣ безцвѣтную и безхарактерную личность Рославлева, въ уста котораго авторъ влагаетъ свои патріотическія декламаціи, укажемъ на то, что Загоскинъ интереснѣе всего какъ бытописатель: и не тогда, когда пытается дать въ первыхъ главахъ романа послѣдовательную характеристику общественнаго настроенія и мнѣній о походѣ Наполеона въ Россію франтовъ и молодежи, лицъ купеческаго званія, знатныхъ галломановъ, какова княгиня Радугина, полагающая высочайшей степенью

[1]) Марлинскій-Бестужевъ. Статья «О романѣ И. Полевого: Клятва при гробѣ Господнемъ». Собраніе сочиненій. 1840 г., т. XI, стр. 294—295.

просвѣщенія для Россіи «быть сколкомъ съ другихъ націй, а особенно съ французской», наконецъ мужиковъ и мѣщанъ... У автора хорошо выходятъ тѣ сценки, въ которыхъ онъ безъ заднихъ цѣлей отдается своему благодушному юмору и набрасываетъ картинки помѣщичьей жизни провинціальнаго захолустья или изображаетъ стоянку ополченцевъ, которые несутъ сюда изъ своихъ дворянскихъ гнѣздъ привычку къ широкому хлѣбосольству и не могутъ выдержать военнаго тона, невольно сбиваясь изъ полковниковъ и адъютантовъ въ простыхъ Николаевъ Степановичей.

Все это отдѣльные, болѣе или менѣе счастливые этюды къ большому историческому полотну, котораго Загоскинъ дать не могъ. Получился, поворяемъ, авантюрный романъ съ очень пряной патріотической тенденціей, которую Ап. Григорьевъ въ рѣзкихъ и сильныхъ выраженіяхъ сформулировалъ такъ: «Непроходимая пошлость всѣхъ чувствъ, даже и патріотическихъ, фамусовское благоговѣніе предъ всѣмъ существующимъ — даже до кулака, восторженное умиленіе передъ тѣми сторонами стараго быта, которыя были недавно правдиво казнены великимъ народнымъ комикомъ Грибоѣдовымъ, не китайское даже, а звѣрское отношеніе ко всему нерусскому... вотъ черты романа Загоскина «Рославлевъ»,—романа, который, впрочемъ, будетъ безсмертенъ по безсмертному отрывку Пушкина» (Ап. Григорьевъ, 521 стр). Лишь для курьеза можно упомянуть такую вещь, какъ «Графиня Рославлева или супруга-героиня» (ч. I., М., 1832), гдѣ нѣтъ и признаковъ художественности, а тенденціи Загоскина доведены до предѣльной наивности; вотъ, напр., какъ графъ Лелевъ рисуетъ себѣ устои русской жизни: «Привязанность и врожденное повиновеніе властямъ — отличительныя черты въ характерѣ русскаго народа. Дворянинъ любитъ царя и отечество, крестьянинъ—своего господина» (20 стр.)... Отсюда побѣды русскаго оружія, и «вѣкъ нашъ ясно доказалъ, что Россія есть та держава въ Европѣ, которой другія должны слѣдовать во всемъ, и что геній просвѣщенія оной долженъ плѣнять собою другіе народы» (70 с.) Мы не станемъ останавливаться на другихъ романахъ—«Леонидѣ» Зотова (4 ч. 1832 г.), «Графѣ Обоянскомъ» Коншина (С.-ПБ., 1834 г.), на произведеніяхъ Вельтмана «Лунатикъ» (1834 г.), «Ротмистръ Чернокнижниковъ» (1839 г.), «Генералъ Каломеросъ» (1840 г.), и т. п. Они ничего не прибавляютъ къ обрисовкѣ и пониманію 1812 г.: двѣнадцатый годъ—въ нихъ лишь обстановка, удобная канва для романическихъ узоровъ; ко всѣмъ имъ можно приложить характеристику одного изъ нихъ, сдѣланную Бѣлинскимъ,—это «Дюкредюменилевскіе романы съ Вальтеръ-Скоттовскими приправами», и развѣ только «Генералъ Каломеросъ» Вельтмана представляетъ собою не лишенную интереса попытку показать Наполеона въ его интимныхъ настроеніяхъ, изобразить его уже утомленнымъ внѣшними отношеніями, въ которыя ставитъ его санъ, и желающимъ скинуть съ себя императорское и зажить человѣческимъ... Любопытно кстати отмѣтить, что современная критика не обнаруживаетъ симпатіи ни къ художественной манерѣ, ни къ тенденціямъ этой волны историческаго романа; она констатируетъ, что 1812 г. послужилъ камнемъ преткновенія для нашихъ писателей, она упрекаетъ ихъ за то, что они «изображаютъ 1812 г. по тѣмъ понятіямъ, какія въ наше время, когда почти 20 лѣтъ прошло послѣ нашествія Наполеона, пора оставить»; что авторы списываютъ

«съ книжекъ, какія печатались у насъ въ 1813 и 1814 гг.»; что Наполеонъ, напр., у Зотова, «изображенъ какимъ-то счастливымъ разбойникомъ, а глубины этой великой души, высоты этого генія среди стьсненныхъ и славныхъ для него обстоятельствъ ньтъ и слъда». Однако самый сильный и высокохудожественный протестъ противъ ставшаго стереотипнымъ изображенія 12-го года выразилъ Пушкинъ въ своемъ незаконченномъ наброскъ «Рославлевъ» [1]), направленномъ, какъ показываетъ заглавіе, главнымъ остріемъ своимъ противъ одноименнаго загоскинскаго романа. Взамънъ размалеваннаго радужными красками всенароднаго патріотизма, передъ нами московское общество, о которомъ съ полнымъ основаніемъ разсказчица говоритъ, что оно «было довольно гадко»: легкомысленный и пошлый бонапартизмъ однихъ—«тогдашнихъ умниковъ», которые подсмъивались надъ нашими неудачами и «шутя предсказывали Россіи участь рейнской конфедераціи», а противъ нихъ «простоватые» заступники отечества съ ихъ патріотизмомъ, «ограничивавшимся грозными выходками противъ Кузнецкаго Моста и тому под.»,—словомъ, ничтожное общество «обезьянъ просвъщенія», которымъ заъзжая иностранка (M-de de Staël) должна подсказывать въру въ народныя силы. Когда появилось извъстіе о нашествіи непріятеля и «народъ ожесточился», тогда подъ грозой народнаго гнъва и гостиныя наполнились патріотами: «кто высыпалъ изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русскій; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюрокъ; кто отказался отъ лафита, а принялся за кислыя щи. Всъ заклялись говорить по-французски; всъ закричали о Пожарскомъ и Мининъ и стали проповъдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ саратовскія деревни» (Пушкинъ, ред. Венгерова, ч. IV, стр. 249). А въ этихъ деревняхъ старались жить по-московскому—давали объды, заводили theatres de société, гдъ разыгрывались французскія proverbes и такъ же поверхностно относились къ грознымъ событіямъ, переходя отъ трусливыхъ предсказаній къ глупому хвастовству. Пушкинъ не забываетъ отмътить и толки о «патріотическихъ пожертвованіяхъ» и «безсмертную ръчь молодого графа Мамонова, пожертвовавшаго всъмъ своимъ имъніемъ», послъ чего нъкоторыя маменьки стали находить его уже не столь завиднымъ женихомъ, и типичную фигуру брата разсказчицы, который безъ всякой показной шумихи, среди «шутокъ умныхъ и плохихъ» и «пошлыхъ увъреній въ любви» къ Полинъ, сумълъ просто и благородно сложить на Бородинскомъ полъ свою голову. Наконецъ, какъ свътлый лучъ, выступаетъ передъ нами привлекательный образъ Полины, той самой Полины, на которую обрушилъ свои патріотическіе громы Загоскинъ. «Она по-русски плохо знала, журналовъ нашихъ не читала», и однако въ ней Пушкинъ показалъ настоящій патріотизмъ, раскрылъ глубину русскаго женскаго сердца, тонко и четко зарисовалъ первый граціозный контуръ той героической русской дъвушки, которая пройдетъ позднъе въ романахъ Тургенева. Полина не любитъ ходить по избитымъ дорогамъ: ее оскорбляетъ «уничиженіе» женщины, она знаетъ, «какое вліяніе женщина можетъ имъть на мнъніе общественное или даже на сердце хотя одного человъка». Пат-

[1]) Произведеніе это, написанное въ 1831 г., появлялось частями, начиная съ 1836 г. («Современникъ», т. III), и въ своемъ подлинномъ видѣ стало извѣстно только въ наше время въ Венгеровскомъ изданіи Пушкина (т. IV).

ріотическое хвастовство ей претитъ, и она нарочно говоритъ по-французски на бульварѣ, прославляетъ военный геній Наполеона и вмѣстѣ съ тѣмъ мучительно задумывается о судьбахъ Россіи: «казалось ей, что Россія быстро приближается къ своему паденію, военныя реляціи усугубляли ея безнадежность—политическія объявленія гр. Ростопчина выводили ее изъ терпѣнія, шутовской слогъ ихъ казался ей верхомъ неприличія, а мѣры, имъ принимаемыя, варварствомъ нестерпимымъ» (Пушкинъ, редак. Венгерова, т. IV, стр. 250). У нея появляется мысль, навѣянная образомъ Шарлоты Корде, «явиться въ французскій лагерь, добраться до Наполеона и тамъ убить его изъ своихъ рукъ» (Ср. Пьера Л. Толстого). Такая дѣвушка встрѣчается съ пѣшнымъ Синекуромъ... Поэтическая полемика Пушкина, какъ мы указывали, осталась незавершенной, и мы не знаемъ, какъ развернулся бы весь романъ, но и въ этихъ немногихъ штрихахъ геніальный поэтъ «возстановилъ и настоящія краски и настоящее значеніе событія и эпохи, такъ жалко изуродованныхъ въ романѣ Загоскина» (Ап. Григорьевъ).

Своимъ «Рославлевымъ» Пушкинъ выводилъ изображеніе «исполинскаго» года съ торной дороги романическихъ авантюръ и патріотическаго славословія на путь художественной правды, чуткаго анализа личныхъ и общественныхъ настроеній; набрасывалъ широкую канву, намѣчалъ вѣрный историческій фонъ... По тому же пути пошелъ другой великій художникъ русскаго слова и далъ геніальную эпопею двѣнадцатаго года.

Н. Сидоровъ.

„Ретирада французской конницы, которая съѣла своихъ лошадей въ Россіи“ (Теребеневъ).

В. А. Жуковскій.

И. А. Крыловъ.

К. Н. Батюшковъ.

IV. Отечественная война въ русской лирикѣ.

Н. П. Сидорова.

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ,
Громкій, величавый:
Былъ огромный человѣкъ,
Расточитель славы... (Д. Давыдовъ).

Первыя наши встрѣчи съ этимъ «огромнымъ человѣкомъ» наносили довольно глубокія раны общественному самолюбію, той упоенной побѣдами «народной гордости», которая въ только что умчавшійся XVIII вѣкъ—«вѣкъ военныхъ споровъ, свидѣтель славы россіянъ»—нашла для себя почти каноническое выраженіе въ условно-классическихъ формахъ торжественной лирики.

Теперь, на зарѣ новаго вѣка, старый екатерининскій бардъ Державинъ чувствуетъ себя безсильнымъ «въ путь летѣть орлиный, съ Пиндаромъ плесть вѣнцы побѣдъ»; а послѣ Тильзитскаго договора, когда императоръ Александръ сталъ «другомъ» Наполеона, ему приходится мѣнять редакцію своихъ стиховъ—замѣнять французовъ фазанами! такъ, въ одѣ въ честь Платова:

... бросая петли округъ шей,
Фазановъ (вм. французовъ) удишь, какъ ершей.

Тяжесть континентальной системы настраиваетъ его, прежде столь громозвучную, лиру элегически, и онъ въ сѣтованіяхъ Давида о бѣдствіи отечества выражаетъ свое собственное «сердечно сокрушеніе» (стих. «Надежда на Бога», «Сѣтованіе»); за это «Сѣтованіе» онъ даже получаетъ выговоръ: «Россія не бѣдствуетъ», съ раздраженіемъ сказалъ Александръ, примѣняя къ Россіи смыслъ державинскаго стихотворенія.

Однако общее настроеніе было на сторонѣ стараго поэта, и позднѣе (1823 г.) Пушкинъ, уже безъ державинскихъ недомолвокъ, мѣтко обрисовалъ этотъ историческій моментъ, когда

«Владыкѣ полуночи (Александру)
Владыка запада, грозящій, предстоялъ.
Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлица
Дружины сѣвера гнала его десница,
И русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ и съ позоромъ
Предъ юношей-царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ».....

Свидѣтельства современниковъ не оставляютъ сомнѣній, что Тильзитскій миръ переживался сознательной частью русскаго общества именно какъ «позоръ», какъ оскорбительное подчиненіе «всемірному врагу», къ тому же вскорѣ невыгодно отозвавшееся и на экономическомъ благосостояніи, особенно городского, населенія. На этой почвѣ назрѣвалъ тотъ «порывъ національности», которому предстояло серьезное испытаніе:

... гроза двѣнадцатаго года — Не испыталъ великаго народа —
Еще спала; еще Наполеонъ — Еще грозилъ и колебался онъ...

Высочайшіе приказы арміямъ и фельдмаршалу гр. Салтыкову 13 іюня 1812 г.) оповѣстили русское общество, что гроза разразилась; Наполеонъ былъ уже въ Россіи: «Русь обняла кичливаго врага».

Въ быстромъ, почти бѣшеномъ темпѣ стали разыгрываться на русской равнинѣ одинъ за другимъ акты единственной въ своемъ родѣ трагедіи... Какъ же откликнулась русская литература на эти бурныя событія Отечественной войны?—Вотъ что по этому вопросу писалъ обозрѣватель русской литературы въ ж. «Сынъ Отечества» (1815 г.): «Въ половинѣ 1812 г. грянулъ громъ, и литература наша сначала остановилась совершенно, а потомъ обратилась къ одной цѣли — споспѣшествованію Отечественной войнѣ. Въ продолженіе второй половины 1812 г. и первой 1813 г. не только не вышло въ свѣтъ, но и не написано ни одной страницы, которая не имѣла бы предметомъ тогдашнихъ происшествій»... По отношенію къ лирикѣ надо признать вполнѣ вѣрнымъ это наблюденіе современника (Н. И. Греча). Дѣйствительно, въ первый моментъ, какъ бы не находя,—«послѣ двухъ вѣковъ славы, счастія»,—готоваго тона для небывалыхъ событій, поэзія, если только можно ее такъ называть, даетъ сравнительно рѣдкіе отзывы:

«Въ насъ силы духа упадали, — Ужъ звуки лирные молчали —
Скорбѣлъ встревоженный Парнасъ, — Печали раздавался гласъ!..»
(«Собраніе стих., относящихся къ незабвенному 1812 г.», 2 ч. М., 1814 г., ч. I, 28 стр.)

Но вскорѣ, когда стала все яснѣе и яснѣе обозначаться возможность счастливаго исхода, и особенно, когда врагъ «бѣжалъ», неудержимымъ потокомъ хлынули ему вдогонку оды, гимны, пѣсни, гласы, диѳирамбы, поэмы... Въ нихъ оживала державинская помпа, вновь зазвучалъ въ

Сожженіе знаменъ.

(*Коссакъ*).

Собственность Библиотеки "Москва"

WOJCIECH KOSSAK - pinxit 1898
renovavit 1925

тонахъ и краскахъ старой пінтики знакомый боевой кличъ, засверкали шлемы и кольчуги, загремѣли мечи и копья. Однако за искусственно-героической позой и звонкимъ лирнымъ бряцаніемъ, за крикливой и вычурной патріотической риторикой, за мглистымъ оміамомъ славословій, за всей этой условной поэтической бравадой можно усмотрѣть нѣкоторыя живыя черты подлинныхъ настроеній русскаго общества того времени. Даже крайне приподнятый тонъ тогдашняго стихотворства можетъ объясняться не только готовымъ литературнымъ шаблономъ; во всякомъ случаѣ, онъ поддерживался и необыкновенностью переживавшихся событій: «Нельзя теперь о Россіи ни писать ни даже говорить слогомъ обыкновеннымъ,—говоритъ одинъ современникъ («Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ», ж. «С. Отечества», 1813 г., № XXXV, стр. 92),—и какъ тому быть иначе? Въ событіяхъ нашего отечества все чудесно: какъ будто читаешь Аріоста». Невыношенная въ свободнотворческомъ процессѣ, сдѣланная на скорую руку для даннаго момента, вся въ злобѣ дня, поэзія 12-го года не зрительница, а участница событій, торопливо поспѣвающая за ихъ стремительно развертывающимся ходомъ.

Рядъ стихотвореній идетъ за первыми же царскими приказами, повторяя ихъ мысли и даже выраженія:

«Мы чисты совѣстью, дѣлами,
Злодѣй лишь крыть ехидство могъ;
Будь презрѣнъ онъ! Монархъ, ты съ нами!
На зачинающаго Богъ!» («По прочтеніи приказа дѣйств. арміямъ.» «Собр. стих. 1812 г.», ч. II, стр. 6.)

А. С. Пушкинъ.

Какъ и шишковскіе манифесты, какъ журналистика того времени, лирика ставитъ себѣ задачу «вящшаго ободренія мужественныхъ, возстановленія малодушныхъ, изобличенія безстыднаго хищника въ лжахъ и злодѣйствахъ его» («Сынъ Отеч.», 1813 г., X); она, по словамъ Жуковскаго:

«Вливаетъ бодрость, славы жаръ,
И месть, и жажду боя». («Пѣвецъ во станѣ русск. воиновъ»).

Она не зарисовываетъ намъ отрицательныхъ явленій тогдашней военной и гражданской жизни; лишь мелькомъ касается охватившаго многихъ отчаянія, когда

«Повсюду было здѣсь смятенье...
Во всѣхъ россійскихъ городахъ
Былъ зримъ одинъ всеобщій страхъ» (ч. I, 97) [1]),

когда казалось, что и для Россіи «часъ рабства, гибели приспѣлъ». Она не отмѣтила намъ ни малодушныхъ и беззаботныхъ, о которыхъ разсказываютъ мемуары (Вигель, Добрынинъ и др.), ни тѣхъ раздоровъ

[1]) Здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, при указаніи ч. I или III разумѣется „Собраніе стихотвореній, относящихся къ незабвенному 1812 г.“, 2. М., 1814 г.

и корыстныхъ интригъ, которые не смолкли даже въ эту страшную годину. Лишь сатирикъ и скептикъ П. А. Крыловъ по поводу злостной внутренней неурядицы далъ въ своей баснѣ «Раздѣлъ» слѣдующее предостереженіе:

«Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Нерѣдко оттого погибель всѣмъ бываетъ,
Что чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей!»

Но сатира и скептицизмъ были не ко времени, и «хоть были нѣкоторые, которые предвѣщали, что затѣянная борьба не по рукамъ намъ, но ихъ было весьма мало, и зловѣщее ихъ предсказаніе почитали трусостью» (кн. Волконской «Записки», 148). Въ отвѣтъ на призывъ манифеста: «Да встрѣтитъ онъ (врагъ) въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго» и т. д.,— военная пѣснь съ увѣренностью восклицала:

«Не всякъ ли тотъ изъ насъ Пожарскій,
Кто духомъ, сердцемъ, чувствомъ Россъ?»

Наша «брань — праведная», французскій императоръ «открылъ первый войну», «съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестью въ устахъ несетъ онъ вѣчныя (для Россіи) цѣпи и оковы», такъ говорятъ правительственные манифесты, которымъ вторятъ и стихотворцы:

«Ужели намъ, въ войнѣ сей правымъ,
Подъ игомъ тягостнымъ страдать?..
Что мы такое учинили,
Почто идутъ войной на насъ?
Союзъ давно ли заключили?
И вдругъ пресѣкся мирный гласъ...
Мы ль вторгнулись въ его предѣлы,
Смутили домы поселянъ?
Мы ль отняли его удѣлы [1])?
Обманомъ ворвались во станъ?»

спрашиваетъ авторъ (П. Ламанскій) и обращается съ молитвой къ Богу «не попустить врагамъ лукавымъ надъ истиной торжествовать». Однако врагъ торжествовалъ, и шелъ прямо въ грудь Россіи, къ самому ея сердцу...

Поэзія становится сплошнымъ боевымъ кличемъ, горячимъ призывомъ къ дѣлу, къ жертвамъ кровью и благосостояніемъ, къ единодушному отпору врагамъ: «Вы тѣмъ гордитесь, что славяне, но будьте славны дѣломъ вы!.. Сокровищницы отворите, всѣхъ состояній богачи!..» «Къ оружію, къ защитѣ, россы!» — «Отчаянью не предавайтесь, мужайтесь, росскіе сыны!»

«Иль мужество въ груди остыло,
И мстить желѣзо позабыло?
Скорѣй сомкнитесь въ ратный строй!
Зоветъ отечество: летите!
И сколь ужасно покажите
Россіи нарушать покой»
(Милоновъ, «В. Евр.», 1812 г., авг.).

---

[1]) Вѣроятно, намекъ на захватъ Наполеономъ владѣній герцога Ольденбургскаго.

Врагъ не страшенъ, говоритъ отчасти въ тонъ ростопчинскихъ афишъ Астафьевъ въ пьснь русскимъ воинамъ:

«Посмотрите, подступаетъ
Къ вамъ соломенный народъ,
Бонапарте выпускаетъ
Разныхъ націй хилый сбродъ.
Не въ одной они всѣ вѣрѣ,
Съ принужденьемъ всѣ идутъ;
При чувствительной потерѣ
На него же нападутъ».

Ѳедоръ Глинка, сидя у полевыхъ огней подъ Смоленскомъ, пишетъ солдатскую пьсню, которая распѣвается въ полкахъ:

«Вспомнимъ, братцы, россовъ славу,
И пойдемъ враговъ разить.
Защитимъ свою державу;
Лучше смерть—чѣмъ въ рабствѣ жить!..
Мы впередъ, впередъ, ребята!
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ...»

(18 іюля 1812 г., село Сутоки).

Отъ гнетущихъ впечатлѣній настоящаго мысль охотно уходитъ въ прошлое, чтобы тамъ, въ славныхъ воспоминаніяхъ, черпать живыя силы бодрости и надежды, поднимать національное самочувствіе; лихолѣтье смутнаго времени, Полтава—вотъ наиболѣе частыя и близкія историческія аналогіи: Наполеону грозитъ участь Карла XII, котораго «гордость завела къ Полтавѣ, и гордый съ колесницы палъ»; поэтому

«Умремъ, какъ прежде умирали,
Съ Донскимъ, Пожарскимъ злыхъ карали,
Съ Екатериной иль Петромъ...
Греми отмщенья страшный громъ»

(«В. Евр.», 1812 г., № 13).

Эта жажда мести является главнымъ мотивомъ всей поэзіи 12-го года, какъ она, несомнѣнно, захватывала и всѣ наиболѣе активные элементы русскаго общества: «Мщеніе и мщеніе было единымъ чувствомъ, пылающимъ у всѣхъ и каждаго» (кн. Волконской, «Зап.», 147); имъ горятъ даже такіе обычно незлобивые люди, какъ Ѳ. Глинка и Максимъ Невзоровъ:

«Воздвигнемъ знамя чистой вѣры,
Надежды крѣпкой и любви!
Богъ превзойдетъ всѣ съ нами мѣры,
Упьется въ вражіей крови» (М. Невзоровъ).

Такъ своеобразно чувство мести завязывается въ одинъ узелъ съ мотивами націоналистическими и религіозными; оно питалось новыми и новыми ударами національному самолюбію, успѣхами французской арміи, бѣдствіями войны, которая всюду несла свой «мечъ и пламень».

СОБРАНІЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ
ОТНОСЯЩИХСЯ
КЪ НЕЗАБВЕННОМУ 1812 ГОДУ.
А.
Всякъ сердца къ тебѣ влечетъ.
МОСКВА
Въ Университетской Типографіи
1814 года.

Отгремѣло Бородино—«Россійскій Марафонъ», гдѣ «дрогнулъ въ первый разъ злодѣй Наполеонъ», затѣмъ настали новые «дни ужаса и плача»: Москва въ рукахъ французовъ, Москва запылала... Пожаръ и плѣнъ Москвы—одна изъ самыхъ популярныхъ темъ лирики 12-го года. Впечатлѣніе отъ событія, несомнѣнно, было огромное; однако стихотворные отклики на него не даютъ въ большинствѣ случаевъ живыхъ и захватывающихъ картинъ; готовая риторическая схема болѣе, чѣмъ когда-либо мѣшаетъ почувствовать біеніе потрясеннаго скорбью сердца; нѣтъ тѣхъ иногда мелкихъ, но пережитыхъ и свѣжихъ деталей, которыя дѣлали бы поэтическую живопись вполнѣ убѣдительной и заражающей. Яркое художественное слово нашлось только у К. Н. Батюшкова, который сумѣлъ въ немногихъ, какъ похоронный звонъ отдающихся въ душѣ, стихахъ своего посланія къ Д. В. Дашкову выразить всю жуть и боль совершившагося:

«Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ бѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьѣ видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ груд-
Онѣ въ отчаяньи рыдали, [ныхъ,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ—гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ—гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ—гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!..
Нѣтъ, нѣтъ! талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!»

Могли, конечно, говорить, что «потеря Москвы не есть еще потеря отечества»; могли даже рукоплескать въ Петербургѣ словамъ Пожарскаго (въ трагедіи Крюковскаго «Пожарскій»):

«Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она,
Которыхъ вѣрна грудь любовью къ ней полна!» (Д. I, явл. 2).

Но этими фразами нельзя было заговорить той жгучей скорби, какая вылилась въ стихахъ Батюшкова; и въ не очень художественномъ, но искреннемъ «Плачѣ надъ Москвой» кн. Ив. Долгорукій («Бытіе моего сердца», ч. I, стр. 162) даетъ отвѣтъ успокоительнымъ голосамъ:

«У матушки Москвы есть множество дѣтей,
Которыя твердятъ по новому пристрастью,
Что прахъ ея не есть бѣда Россіи всей...
Утѣшитъ ли кого сія молва народна?
Отечества я сынъ, и здѣсь сказать дерзну:
Россія! ты колоссъ,—когда Москва свободна;
Россія—ты раба, когда Москва въ плѣну!»

За что же этотъ плѣнъ?—возникалъ вопросъ у наиболѣе чуткихъ и совѣстливыхъ. За что «гнѣвъ Божій надъ тобой, злосчастная Москва?»

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно стихотвореніе свящ. Матѳея Аврамова «Москва, оплакивающая бѣдствія свои»... (Отд. изд. 1813 г.; въ Собраніи стих. 12-го года, ч. II, 67—100). Обрисовавъ съ большой силой, съ прочувствованными подробностями бѣдствія Москвы, авторъ представляетъ ее «въ образѣ вдовицы», которая въ своей покаянной рѣчи рѣзко обличаетъ соціальную неправду, истинную причину отяготѣвшей надъ нею казни Божіей: она задремала «на лонѣ ложныхъ благъ», «корысть» стала ея «душой»; повсюду «лесть медоточная и хитрое притворство, вина общественныхъ неисцѣлимыхъ ранъ»: повсюду «наглость, варварство, ложь, клеветы, обманъ»:

Обманъ между родныхъ,—обманъ между друзьями,
Между супругами, между сыновъ съ отцами,
Обманъ на торжищахъ, въ судахъ и вкругъ царей,
Обманъ въ святилищахъ,—обманъ у алтарей...

Невинные страдали, богатство и покой покупались «правосудія и истины цѣной»; «изъ бѣдныхъ съ пóтомъ ихъ, съ слезами пили кровь». Съ одной стороны, нищета, уходившая въ пьянство, «впивала съ жадностью въ себя піянства страсть», съ другой—

«Любимцы счастія среди забавъ и нѣгъ,
На лонѣ роскоши, въ объятіяхъ утѣхъ,
Тогда для собственныхъ лишь удовольствій жили...»

Любовь была забыта, и вмѣстѣ съ нею «пало основанье, которое одно дѣлъ добрыхъ держитъ зданье». Взамѣнъ воцарилось «самолюбіе жестокое, слѣпое»... Вотъ почему Богъ прогнѣвался на Россію и «мечомъ врага сталъ дѣйствовать надъ вашими сердцами».—Стихотвореніе [1]), писанное въ 1812 г. въ продолженіе разоренія Москвы и въ первые дни ея избавленія, оканчивается призывомъ къ исправленію и надеждой на Бога:

«Сыны Москвы! Средь бѣдъ смущаться намъ не должно,
Богъ прахъ одушевитъ—отъ Бога все возможно».

Этотъ глубокій и строгій взглядъ внутрь самого себя передъ лицомъ народнаго бѣдствія, этотъ призывъ къ покаянію былъ поистинѣ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Вокругъ раздавались совсѣмъ другіе голоса. У громаднаго большинства «униженіе» Москвы, ея «слезы горькія», когда въ ней «начался грабежъ неслыханный, загорѣлись кровы мирные, запылали храмы Божіи», отозвались не самоуглубленіемъ, не покаянно обличительными настроеніями, а все разгорающейся жаждой мщенія: «при

---

1) Ср. въ то же время написанную и поразительно совпадающую по мыслямъ замѣтку неизвѣстнаго автора о праведномъ попущеніи Божіемъ на всѣхъ россіянъ и на Москву, «оспротѣвшую вдову русскаго царства»—Щукинъ, «Сб. 12-го года», ч. V (изъ бумагъ Алябьевскаго архива).

имени Москвы, при одномъ названіи нашей доброй, гостепріимной, бѣлокаменной Москвы, сердце мое трепещетъ (писалъ Батюшковъ Гнѣдичу), и тысячи воспоминаній, одно другого горестнѣе, волнуются въ моей головѣ. Мщенія, мщенія!» Вотъ, напр., одинъ изъ характерныхъ образчиковъ тогдашней «музы», — напечатанная въ ж. «Сынъ Отечества» 1812 г. (писанная 15 сентября) «Солдатская пѣсня» Ив. Кованько, за которую цензоръ Тимковскій поплатился выговоромъ по представленію кн. Адама Чарторижскаго, обидѣвшагося намеками на поляковъ:

Иллюстрація къ баснѣ Крылова „Ворона и Курица“. Рис. Ивановъ, грав. Галактіоновъ. (М. Изданіе 1815 г.).

«Хоть Москва въ рукахъ французовъ,
Это, право, не бѣда!—
Нашъ фельдмаршалъ, князь Кутузовъ,
Ихъ на-смерть впустилъ туда.

Вспомнимъ, братцы, что поляки
Встарь бывали также въ ней:
Но не жирны кулебяки—
Ѣли кошекъ и мышей.

Напослѣдокъ мертвечину,
Земляковъ пришлось имъ жрать,
А потомъ предъ русскимъ спину
Въ крюкъ по-польски изгибать.

Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги:
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.

Побывать въ столицѣ—слава!
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать».

И хотя нѣкоторые смѣялись надъ этими стихами, говоря: Ah bah! on va dejà a Paris et l'ennemi vient de prendre Moscou! Comme c'est bête! — авторъ оказался правъ: быстрой чередой послѣдовали Тарутино, выступленіе французовъ изъ Москвы, бѣгство великой арміи, изгнаніе непріятеля изъ предѣловъ Россіи, заграничные походы, наконецъ, Парижъ!..

Въ это-то время, когда раздался «Росскій всепалящій громъ», и хлынулъ тотъ неудержимый потокъ россійскаго пѣснотворчества, о которомъ мы говорили выше, повылѣзли изъ щелей мошки да букашки,—всѣ эти Овдулины, Поповы, Юшковы, Урываевы, Кулаковы и проч., чтобы дубовыми стихами разить бѣгущаго врага; «на радостяхъ избавленія отъ двунадесяти языкъ спѣшили тогда упражняться всѣ призванные и непризванные «піиты», говоритъ современникъ Никитенко («Записки», ч. I, 41). За исключеніемъ всѣмъ извѣстныхъ басенъ Крылова («Обозъ», «Ворона и Курица», «Волкъ на псарнѣ», «Щука и Котъ») и «Пѣвца во станѣ русскихъ

воиновъ» [1]), гдѣ Жуковскій воспѣлъ воинскія доблести живыхъ полководцевъ (забывъ, однако, Барклая-де-Толли) и бросилъ нѣсколько цвѣтовъ на могилы падшихъ — Кульнева, Кутайсова, Багратіона, — вся остальная «поэзія» не имѣетъ почти никакой эстетической цѣнности. Это эфемериды, созданныя тогда, когда, по выраженію Дениса Давыдова, «ненависть къ посягателю на честь и существованіе нашей родины внушали намъ одни ругательства на него» («Письма Пушкина», изд. подъ ред. Саитова, ч. III, 419). Но зато въ этой своеобразной «поэзіи» довольно отчетливо вскрывается та популярная идеологія, которая сложилась во время Отечественной войны и стала позднѣе руководящей. Основной ея пафосъ — все тотъ же пафосъ мщенія:

«Сей кубокъ мщенью! Други, въ строй!
И къ небу грозны длани!» восклицаетъ Жуковскій.

Надо прибавить, что теперь это пѣснь торжествующей мести... Врагъ бѣжитъ:

«Бѣжитъ,—и пламеннымъ мечомъ
Его въ тылъ ангелъ погоняетъ»... (Державинъ).

«Бѣжитъ... Россія, веселися
О мужествѣ сыновъ твоихъ...
Бѣжитъ неистовый злодѣй,
И съ скрежетомъ зубовъ трепещетъ,
Зря мечъ въ десницѣ роковой
Блистающъ надъ его главой» (Кованько, «Собр. стих. 1812 г.», ч. I, 70).

„Господа, какой бритвой вы сдѣлаете мнѣ бороду?“ — „Англійской бритвой!“ (Теребеневъ).

Поэзія превращается въ свистъ, риомованную травлю загнаннаго звѣря. Нѣтъ возможности перечислить всѣ прозвища, какими надѣляется Наполеонъ, — «убійства алчущій злодѣй», «сей лютый крокодилъ, короны похититель, чертоговъ, алтарей, престоловъ сокрушитель», «несытый болѣ, чѣмъ Аттиллъ», «сынъ адской тьмы», «князь бездны», «вспоенный кровью вепрь» или даже такъ:

«Наполеонъ—проказникъ,
Другъ ада, сатаны согласникъ,
И трусъ великій и подлецъ («Собр. стих.», ч. I, 174).

Онъ—апокалипсическій «таинственныхъ числъ звѣрь», и имя его, какъ вычислилъ дерптскій проф. Гецель, содержитъ въ себѣ число звѣриное 666, а 1813-ый годъ есть тоже 666-ой отъ начала Москвы,—годъ, въ который Антихристъ долженъ родиться и погибнуть:

«Въ Наполеонѣ адъ грозился,
И адъ сей Богомъ истребился».

---

[1]) Произведеніе было очень популярно: «Часто въ обществѣ военномъ читаемъ и разбираемъ «Пѣвца во станѣ русскихъ», новѣйшее произведеніе г. Жуковскаго. Почти всѣ наши выучили уже сію піесу наизусть... Какая поэзія! Какой неизъяснимый даръ увлекать за собою душу воиновъ!» («Походныя записки русскаго офицера Ив. Лажечникова», изд. 2, стр. 69).

Набравъ «двадцать ордъ съ буйной сволочью», онъ въ царство русское вошелъ разбойникомъ, чтобы «въ цѣпи тяжкія заковать славянъ, возмущеніемъ помрачить ихъ честь... мнимой вольностью обольстить умы»:

«Я грезъ глашатая рабамъ
Свободу дамъ,
И прахъ отъ ногъ моихъ полижутъ въ униженьи»...

Такъ «мнилъ» Наполеонъ, но ошибся: «мы буйной вольности не завидуемъ», а «рабы»—русскіе поселяне—поютъ такую пѣсню русскимъ воинамъ:

«Мы въ довольствѣ, мы въ приволѣ,
Есть хлѣбъ—соль, спокойно спимъ;
Въ русскомъ царствѣ намъ раздолье,
И чужбинъ мы не хотимъ.

Золотѣютъ наши нивы;
Тучны травы во лугахъ:
Мы въ домахъ своихъ счастливы,
Рай—житье намъ въ деревняхъ»
(«Собр. стих. 1812 г.», ч. II, 235 стр.).

Такова консервативная дворянская идеологія, которую мы найдемъ въ это время не только въ «поэзіи»: «мы страшились послѣдствій отъ сей войны, совершенно противныхъ тѣмъ, какія мы теперь видимъ (писалъ 27 окт. 1812 г. А. И. Тургеневъ кн. Вяземскому): отношенія помѣщиковъ и крестьянъ не только не разорваны, но еще болѣе утвердились. Покушенія съ сей стороны нашихъ враговъ совершенно не удались имъ, и мы должны неудачу ихъ почитать блистательнѣйшею побѣдой, не войсками нашими, но самимъ народомъ одержанною» («Остаф. архивъ», т. I, стр. 5—8).

Перемѣнъ вообще не нужно:

«Европа съ Франціей алкала
Россіи премѣнить судьбу»... но

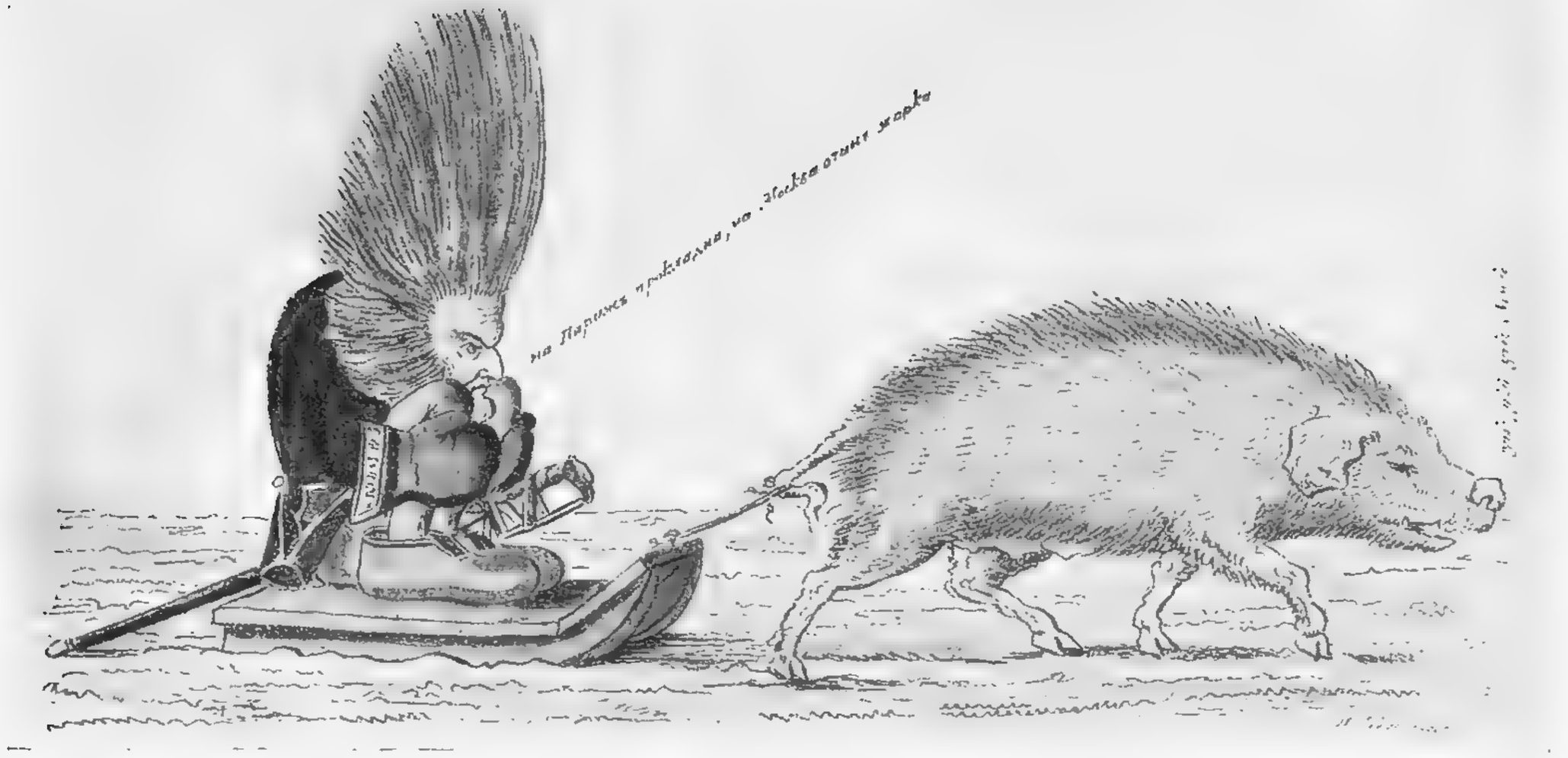
мы «останемся въ надеждѣ, что будемъ жить, какъ жили прежде» (кн. Ник. Кугушевъ, ч. I, 244). Ту же консервативную тенденцію проводитъ написанное каданспированной прозой въ фальшиво-народномъ стилѣ, бывшемъ тогда моднымъ, «Посланіе Серединской станицы козака Ермолая Гавриловича къ атаману своему Матвѣю Ивановичу» (Платову. См. «Сынъ Отечества», 1813 г., ч. V, стр. 185). «Не подъ стать намъ ваши норовы», обращается авторъ къ французамъ, и приводитъ примѣры крутой расправы стариковъ-казаковъ съ новаторами: привезъ молодой казакъ «дьявольское стекло», «что зовутъ у васъ кларнетами... Засадили парня въ темную, пусть-ка смотритъ онъ въ стекло свое! Не вводи ты, молокососишко, намъ хранцузскихъ злыхъ обычаевъ. А другого было дернуло нарядиться въ ваше платьице кургузое: старики поосерчалися, содрали съ него платье похабное, да досталось и плечамъ его!.. Ай ,спасибо, Матвѣй Ивановичъ, что ты держишься старинушки!... Ты нижи копьемъ за границею, ты щелчки давай молокососишкамъ, что задумаютъ стариковъ сѣдыхъ на хранцузскій ладъ перестраивать». Зачѣмъ что-либо перестраивать, когда Россія вышла побѣдительницей изъ борьбы съ цѣлой Европой, когда этой побѣдой она показала жизненную крѣпость своихъ общественныхъ и политическихъ устоевъ. Этотъ выводъ и былъ сдѣланъ какъ журналистикой, такъ и поэзіей: «Послѣ сего,—писалось въ «Сынѣ Отеч.» за 1813 г.

Отступленіе Наполеона изъ Россіи.

(*Нортенъ*).

Отступленіе Наполеона изъ Россіи.

(Фрагментъ)



„Французскій вояжеръ въ 1812 г.“ (Теребеневъ).

(ч. X),—кажется, можно согласиться, что все русское и всѣ русскіе, будучи въ покровительствѣ Промысла Божія, не только непобѣдимы на поляхъ брани, но даже несравненны и въ кругу жизни миролюбивой». Въ сущности то же и еще болѣе рѣшительно восклицала поэзія:

Наполеонъ «влекъ всю Европу за собою,
Шагнулъ и насъ попрать хотѣлъ.
Съ нимъ злоба, мщеніе, коварство,
Съ нимъ вѣроломство, съ нимъ лукавство,
Съ нимъ всѣ народы; съ нами Богъ» (Изъ «Русск. Вѣстн.»).

«Великъ, великъ твой Богъ, Россія! Великъ и славенъ русскій Богъ», на всѣ лады варіируютъ пѣты. Происходитъ, такимъ образомъ, не только процессъ національно-консервативнаго самоутвержденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ націонализація и самого Бога. Русскій народъ—богоизбранный:

«Народъ, тобой самимъ избранный
За то, что правдой, вѣрой твердъ».

Русскій Богъ—Богъ мститель, ветхозавѣтный Богъ съ жестоко карающей дланью:

«Подвигнись, исполинъ!
Спаси стенящій миръ отъ бѣдства,
И да бразды твоихъ полей
Подъ плугомъ зазвучатъ отъ вражескихъ костей!
Пусть дерзкій въ замыслахъ во времени грядущи
Заглянетъ въ лѣтопись и сердцемъ содрогнетъ,
Послышитъ хладный потъ, съ чела его бѣгущій,
И Бога мстителя почтетъ!» («Ѳ. Ивановъ», ч. I, 119).

Грозная туча свалила; непріятель за предѣлами Россіи:

«Страшная гроза промчалась,
Тамъ, вдали еще осталась,
Тамъ лишь слышенъ бой!» («Вѣстн. Евр.», 1813, мартъ).

Въ поэзіи—меньше грозныхъ перуновъ, съ мотивами военными сплетаются романтическіе; прославляется миръ—«краса земли, блаженство жизни сей»; увѣренность въ миновавшей бѣдѣ открываетъ мѣсто для насмѣшки, для шутливыхъ стихотвореній, въ родѣ «Побѣгъ Наполеона Карловича изъ земли Русской», или слѣдующаго «Завѣщанія Н. Бонапарте» А. Измайлова («Сынъ Отеч.», 1814 г.):

«Предчувствуя мою кончину,
Законнымъ королямъ я уступаю тронъ,
Чтобы изъ милости производили сыну
Хотя сиротскій пансіонъ.
Отъ братьевъ не видалъ я никакой заслуги,
Пускай живутъ ихъ чѣмъ хотятъ,
Пускай изъ королей пойдутъ они хоть въ слуги;
Сестеръ же въ госпиталь подъ старость помѣстятъ.
Остатки гвардіи и войска распускаю,
И благодарность имъ мою
За службы, раны ихъ и голодъ объявляю,
Но жалованья не даю:
Гдѣ взять его, когда я сдѣлался банкрутомъ.
Всѣ знаютъ, что война была безъ барыша
(Обманутъ жестоко я Коленкуромъ плутомъ).
Вся собственность моя теперь: одна душа,
Одинъ мой только геній!
Отказываю ихъ я князю Сатанѣ,
Который сочинялъ со мною бюллетени
И помогалъ во многомъ мнѣ.
Предъ смертію своей прошу у всѣхъ прощенья,
Не требую себѣ богатыхъ похоронъ,
Я даже обойтись могу безъ погребенья;
Прощайте! Помните, что былъ Наполеонъ».

Теперь поэзія замѣняетъ призывные боевые клики панегирикомъ въ честь «героевъ сѣвера», главнымъ образомъ, Кутузова, Витгенштейна, Платова; она почти не обрисовываетъ ихъ индивидуальности, а примѣняетъ къ этимъ «сынамъ Беллоны» общій типъ воинскаго героизма, какъ онъ сложился въ старой поэзіи XVIII вѣка,—это тотъ же стиль, наиболѣе талантливое примѣненіе котораго мы имѣемъ въ извѣстныхъ медальонахъ гр. Ѳ. Толстого на Отечественную войну; прославляется «Россъ», тоже уже обобщенный и поставленный въ классическую позу; «дворянскій родъ», который «взгорѣлъ простерть къ оружью длани» и за которымъ вслѣдъ «оратай», мѣщанинъ, купецъ, «спѣшатъ на поприще побѣдъ»... Но среди всѣхъ этихъ славословій одно имя обойдено самымъ упорнымъ молчаніемъ, это—Барклай-де-Толли; и даже впослѣдствіи (1835 г.), когда Пушкинъ въ стих. «Полководецъ» показалъ грядущимъ поколѣньямъ его «высокій ликъ», поэту пришлось оправдываться отъ обвиненія въ намѣреніи оскорбить чувство народной гордости.

Во время заграничныхъ походовъ центромъ поэтическаго вниманія и энтузіазма становится Александръ, его величаютъ спасителемъ Европы,

побѣдителемъ и миротворцемъ—«се Августъ щастіемъ, побѣдами Траянъ, а сердцемъ Титъ!» Съ его именемъ связывается великая миссія Россіи «Миръ міру славными побѣдами даровать», чтобы «обнялись, какъ братія, цари». Въ поэзіи проскальзываютъ тѣ настроенія, изъ которыхъ возникъ въ 1815 г. «Священный союзъ»; Державинъ въ своемъ гимнѣ лироэпическомъ уже славитъ на заржавѣвшей лирѣ дряхлой рукой это «царство Христово», когда цари «придутъ на сонмы, чтобъ миромъ умирить ихъ громы», а Карамзинъ въ одѣ «Освобожденіе Европы и слава Александра I» (1814 г.) намѣчаетъ и принципы этого царства:

«Цари! всемірную Державу
Оставьте Богу одному!
Залогъ, вамъ небомъ порученный,
Вы должны возвратить Ему» [1].

Такова задача царей, а вотъ обязанность народовъ:

«Народы! Власти покоряйтесь;
Свободой ложной не прельщайтесь:
Она призракъ, страстей обманъ.
Вы зрѣли Галловъ заблужденье...
Въ правленьяхъ новое опасно,
А безначаліе ужасно!»

Къ голосамъ Державина, Карамзина, Жуковскаго («Посланіе императору Александру I») вскорѣ присоединился звонкій и свѣжій голосъ Пушкина-лицеиста («Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», «На возвращеніе государя императора изъ Парижа въ 1815 г.»), и надо признать, что патріотическій порывъ, охвативший русское общество, едва ли не наиболѣе достойное выраженіе нашелъ себѣ въ одахъ молодого поэта; примыкая въ общемъ къ господствовавшимъ тогда настроеніямъ, въ стихотвореніи «Наполеонъ на Эльбѣ» отдавши сполна дань стремленію риторическими стихами «казнить» Наполеона [2], онъ вслѣдъ за Жуковскимъ выдвигаетъ освободительный характеръ борьбы, называя ее «свободы ярымъ боемъ» («На возвращеніе»), а позднѣе, въ связи съ извѣстіемъ о смерти Наполеона въ 1821 г., именно Пушкинъ нашелъ самое поэтическое, и слѣдовательно, самое гуманное слово, какое только было сказано въ русской литературѣ о Наполеонѣ. Взамѣнъ проклятій, онъ зоветъ къ примиренію. «Онъ,—говоритъ Стоюнинъ,—хочетъ возвысить народный патріотизмъ не ненавистью и злобой, которымъ въ свое время была причина, а прекраснымъ чувствомъ освободителя народовъ»:

«Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ»
(«Наполеонъ»).

Мало того, когда снова все пало и «подъ яремъ склонились всѣ главы», когда «тихая неволя» «Священнаго союза», ограждаемая владыкой сѣвера,

---

[1]) Ср. въ актѣ «Священнаго союза» та же мысль: «Три союзные государя почитаютъ себя аки поставленными отъ Провидѣнія. Самодержецъ народа христіанскаго... не иной подлинно есть, какъ Тотъ, Кому собственно принадлежитъ держава».

[2]) Не даромъ «Сынъ Отечества» еще въ 1814 г. иронически рекомендовалъ такой жестокій способъ казни Наполеона:

„На Эльбѣ виршами досмерти зачитайте,—
Ручаюсь, съ двухъ стиховъ у васъ зачахнетъ онъ“...

воцарилась среди народовъ, Пушкинъ, какъ грозное напоминаніе о свободѣ[1]), вызываетъ изъ могилы тѣнь Наполеона, и снова, какъ при Аустерлицѣ,—

«Владыкѣ полуночи
Владыка запада, грозящій, предстоялъ»...
(Недвижный стражъ дремалъ. 1823 г.).

И пусть здѣсь Пушкинъ переоцѣнивалъ Наполеона, пусть впослѣдствіи измѣнялъ этой точкѣ зрѣнія, во всякомъ случаѣ «только онъ,—говоря словами Н. О. Лернера,—пытался такъ благородно осмыслить это поразительное историческое явленіе».

Н. Сидоровъ.

„Русскій геркулесъ загналъ французовъ въ лѣсъ и давитъ какъ мухъ“ (Подр. Теребеневу).

V. Отечественная война въ русской народной поэзіи.

В. В. Каллаша.

I.

Психологія народной пѣсни своеобразна, часто загадочна. Всегда она идетъ своими путями, далекими отъ взглядовъ и вкусовъ «командующихъ классовъ». Только отрѣшившееся отъ нихъ вполнѣ, свободное и глубокое научное изслѣдованіе можетъ сколько-нибудь проникнуть въ тайники народно-поэтическаго творчества,—проникнуть, на каждомъ шагу ставя вопросы и формулируя недоумѣнія. Требованіе, легкое на словахъ, и слишкомъ трудное на дѣлѣ...

Почему незамѣтный, мимоходомъ, двумя словами отмѣченный одною только новгородскою лѣтописью Илья Ярославичъ (незаконный сынъ

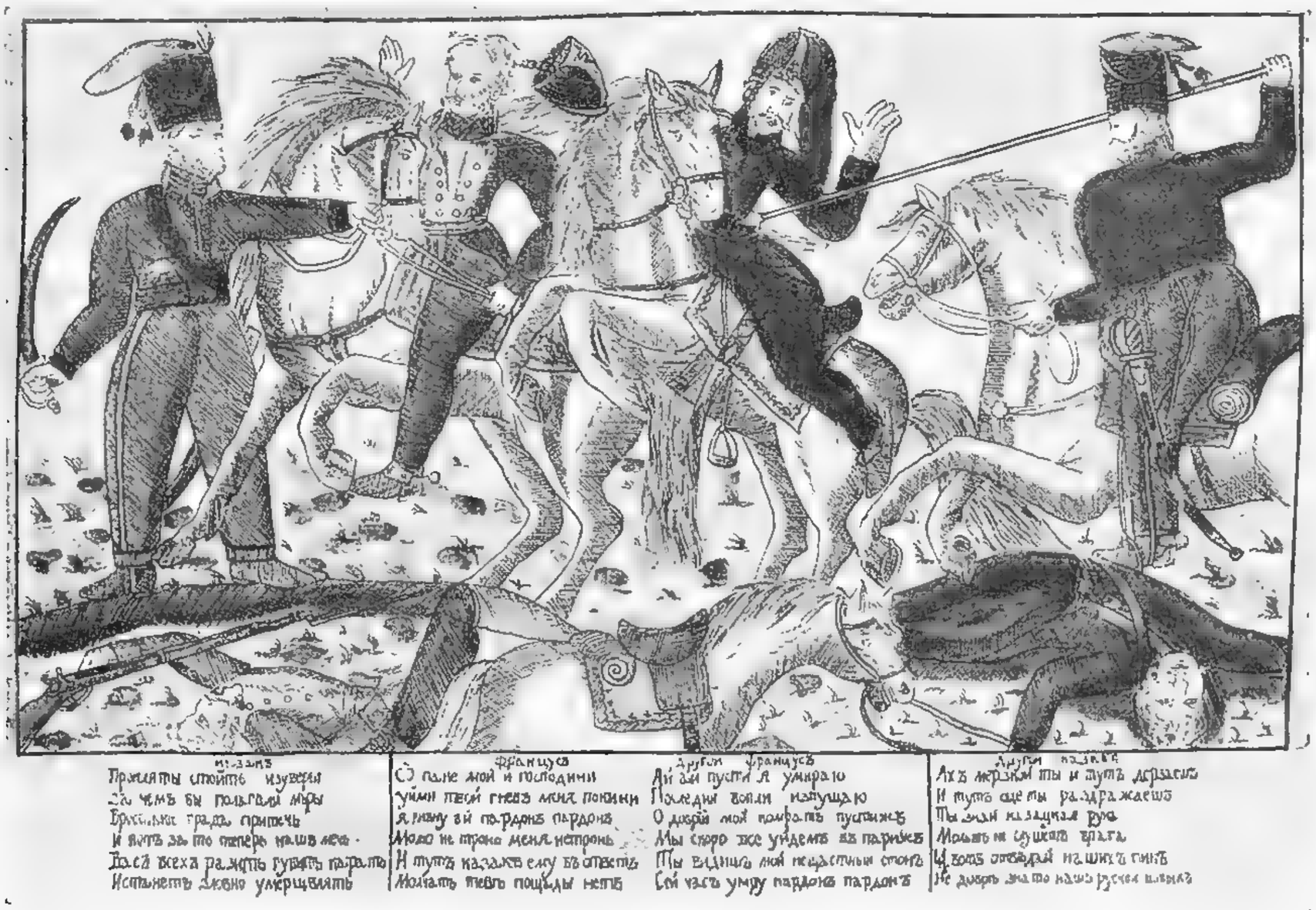
---

[1]) Ср. настроенія либеральной молодежи 20-хъ гг., будущихъ декабристовъ, которымъ сочувствовалъ Пушкинъ,—напр., Каховскій: «Судьба народовъ стала столь тягостной, что они пожалѣли время прошлое и благословляютъ память завоевателя Наполеона!» («Былое», 1906, I, 148) или Рылѣевъ: «Твое (Н-а) могущество захватило всѣ власти и п р о б у д и л о народы... Ты палъ, но самовластіе съ тобой не пало. Оно стало еще тягостнѣе, потому что досталось въ удѣлъ м н о г и м ъ» (Котляревскій. «Рылѣевъ», 38 стр.).

Ярослава Мудраго), ассимилируя въ историческомъ развитіи пьесннаго типа черты какого-то Моровленпна, святого Ильи Суздальца и самозванца Илейки Муромца, сдѣлался любимѣйшимъ богатыремъ русскаго народа, носителемъ его излюбленныхъ идеаловъ? Что потянуло, въ перекрещивавшемся притяженіи, историческія черты Владимира Святого, Владимира Ярославича, Владимира Мономаха и др. для объединенія въ былевомъ образѣ «Краснаго Солнышка» нашихъ «старинъ?» Почему ничѣмъ не выдѣлявшееся Ронсевальское побоище оставило такой необъяснимо глубокій слѣдъ въ памяти и фантазіи Франціи Карла Великаго и его ближайшихъ преемниковъ, а ничтожный для историка Роландъ сдѣлался идеальнымъ паладиномъ среднихъ вѣковъ? Почему Марко Кралевичъ занялъ, для серба простолюдина, такое не по заслугамъ громадное мѣсто на Косовомъ полѣ?

И почему не оставила никакихъ осязательныхъ слѣдовъ въ нашей народной поэзіи затяжная трагедія распада Кіевской Руси? Почему жуткій катаклизмъ татарскаго нашествія почти не вызвалъ къ жизни новыхъ сюжетовъ, механически наслаивалъ только новыя черты на старыя впечатлѣнія и воспоминанія? Почему погромъ Русско-японской войны отразился только полукомическими штрихами въ пошлой «частушкѣ?» Почему такъ скудны и жалки народно-пьесенные отголоски Отечественной войны?

A priori во многихъ подобныхъ случаяхъ мы должны были бы ожидать яркой вспышки народнаго творчества, но дѣйствительность часто опровергаетъ наши книжныя построенія и умствованія. Есть, повидимому, извѣстная мѣра психической угнетенности, за предѣлами которой замираетъ или еле теплится творчество — для него вѣдь прежде всего



Лубочная картина.

нужна хотя бы минимальная внутренняя свобода; удельный вѣсъ крѣпнувшей вѣками эпической традиціи и просторъ для созданія новаго всегда обратно пропорціональны; чѣмъ дальше и позднѣе, тѣмъ больше народное творчество развертывается «на старыхъ стезяхъ», насыщается «старыми словесы», и почти ко всему народному творчеству можно примѣнить то, что еще въ 1866 году было сказано акад. А. Н. Веселовскимъ о народной легендѣ: «легенда всегда и вездѣ служитъ выраженіемъ народно-историческаго взгляда; вмѣстѣ съ нимъ она растетъ и забывается, чтобы снова воскреснуть въ новомъ приложеніи: это на долгій обиходъ заготовленная форма, въ которую вѣчно отливается народная мысль. Мы такъ и относимся къ ней, и беремъ ее въ расчетъ, хотя часто не въ состояніи повѣрить ее фактами и не всегда понимаемъ ея цѣли».

Эти общія явленія осложнялись у насъ частнымъ, специфическимъ, если можно такъ выразиться, моментомъ—быстрымъ разрушеніемъ класса пѣвцовъ и поэтической техники—подъ напоромъ крѣпостническаго государства и новой, иноземной культуры. Опускаясь въ крестьянскую крѣпостную массу и дѣлаясь простонародной, общенародная поэзія мельчала и вырождалась, робко цѣплялась за непосильную старую технику, топталась по когда-то проторенным, но начавшимъ уже все больше и больше зарастать тропамъ. Было бы несправедливо, можетъ-быть, говорить объ убыли народной души, но сами факты ставятъ вопросъ объ очевидной убыли народнаго творчества... Его кривая рѣшительно и неизмѣнно понижается отъ эпохи Ивана Грознаго къ нашему времени: вспышка эпическаго творчества въ XVI вѣкѣ, все болѣе ослабляющіяся отраженія Смуты и Новой Руси, мало художественные шаблоны солдатской пѣсни, пѣсенные выверты «трактирно-лакейской цивилизаціи», чудовищный часто «модернизмъ» «частушекъ»—все это этапы прогрессирующаго вырожденія...

Отечественная война попала подъ уклонъ народной исторической пѣсни, была разработана въ шаблонахъ солдатскихъ пѣсенъ XVIII вѣка; тщетно пытались влить новое богатое содержаніе въ оскудѣвшія старыя формы. Платовъ заступилъ мѣсто и принялъ роль Красношекова, потянувшаго за собою изъ того же XVIII вѣка и «Лопухова» (Лопухина); слишкомъ сложныя комбинаціи прежнихъ международныхъ отношеній анахронистически были вдвинуты въ новую эпоху. Получилась пестрая амальгама съ преобладаніемъ все же старыхъ элементовъ. Попытаемся въ ней разобраться.

II.

Существующіе сборники памятниковъ народной поэзіи очень небогаты пѣснями объ Отечественной войнѣ. Не думаемъ, чтобы розыски въ старой періодической печати и новыя записи могли бы чѣмъ-нибудь существеннымъ пополнить собранный нами матеріалъ, подсказать иные выводы.

Въ народный обиходъ, съ цѣлью воздѣйствія, было пущено тогда много «сочиненныхъ» пѣсенъ. Ихъ пропагандировали усиленно жур-

налы, вѣроятно, и власти. Характерно, что это навязываніе народу темъ и героевъ, психологически плохо разсчитанное и технически слабо выполненное, пустило жалкіе ростки только въ чисто солдатскія пѣсни, до сихъ поръ сохранившія ароматъ казармы и бивака, не обнародниѣвшія. За вычетомъ варіантовъ и позднихъ контаминацій нѣсколькихъ сюжетовъ, чисто народныхъ пѣсенъ объ Отечественной войнѣ поразительно мало.

Главнымъ героемъ ихъ является не Кутузовъ, народный будто бы герой, а Платовъ. Его популярность расцвѣла на Дону и сильнѣе всего отразилась въ народной пѣснѣ. Очевидно, роль донцовъ и вообще казачества въ эпоху войны съ Наполеономъ была народу замѣтнѣе, чѣмъ намъ, хотя это не мѣшало подмосковнымъ, напр., крестьянамъ избивать отдѣльные казацкіе отряды за «нечистое русское произношеніе».

Уральскій казакъ Сила Вихревъ.
„Происшествіе, случившееся по освобожденіи русскими Москвы. Казакъ, захватя въ плѣнъ французскаго офицера, черезъ нѣсколько улицъ провелъ и доставилъ его въ Кремль къ нашимъ войскамъ“. (Сов. кар.).

Можетъ-быть, грубоватый, рѣзко очерченный Платовъ былъ ближе, понятнѣе народу, чѣмъ «лукавый царедворецъ»
«съ французской книжкою въ рукахъ»...

Волею судебъ народно-поэтической психики, Платовъ сдѣлался наслѣдникомъ Румянцева, Краснощекова; пѣсни о немъ созданы, главнымъ образомъ, изъ осколковъ пѣсенъ о прусскомъ походѣ, подвигъ Краснощекова, Лопухинѣ.

Заводилася война
Середи бѣлаго дня.
А что начато палить,—
Только дымъ столбомъ валитъ;
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму.

«Добрый молодецъ» подбадриваетъ русское войско:

«Посмѣлѣе поступайте
Со французомъ воевать!»
—«Ужъ мы рады воевать,
Слезны капли проливать!»

И дальше эпически-традиціонное бахвальство французовъ, повторяющее почти дословно мотивы пѣсенъ о прусскомъ походѣ:

Не пыль вò полѣ пылитъ,
Не дубравушка шумитъ:
Французъ съ арміей валúтъ.
Онъ валитъ, таки валитъ,
Самъ подваливаетъ,
Рѣчь выговариваетъ:
«Еще много генераловъ—
Всѣхъ въ ногахъ стопчу,
Всея матушку Россеюшку
Во полонъ себѣ возьму;
Во полонъ себѣ возьму,
Въ каменнýю Москву зайду!»

Традиціонеиъ испугъ военныхъ властей:

Генералы испугались,
Платкомъ слезы утирали,
Въ поворотъ слово сказали:
«Не бывать тебѣ, злодѣю,
Въ нашей каменной Москвѣ,
Не видать тебѣ, злодѣю,
Бѣлокаменныхъ церквей,
Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
Золотыхъ нашихъ крестовъ»...

Дальше—эпизодъ о «Лопуховѣ», курящемъ «трубку табаку» изъ пьесеиъ XVIII вѣка. Это пьеиа въ стадіи разложеиія: Платовъ замѣиеиъ «добрымъ молодцемъ»; небезосиовательно, можетъ-быть, предположеиіе Безсонова, что «Платовъ» далъ толчокъ встрѣчному образу «платка», которымъ утирали слезы испуганные генералы.

Но та же анахроиистическая комбииація мотивовъ и въ лучшихъ, наиболѣе сохранныхъ, варіантахъ.

Валитъ французъ, бахвалится; отъ дыма-сажи и чаду красна солица не видать. Графъ Платовъ-генералъ разъѣзжаетъ на добромъ коиѣ, подъѣзжаетъ къ своей силушкѣ, донскимъ казакамъ, и обращается къ имъ—словами пѣсни о Румянцевѣ и турецкомъ походѣ:

«Охъ вы, братцы молодцы,
Вы донскіе казаки!
Нельзя ли вамъ, ребяты,
Караулы крѣпки скрасть?»
—«Не велика эта страть (страсть?)
Караулы крѣпки скрасть!»

Это еще законное позаимствоваиіе: вѣроятно, и Платову съ его казаками не разъ приходилось «скрадывать караулы».

Караулы покрадáли,
За Дунай рѣку метали—

заимствоваиіе болѣе рискованное.

Графъ Платовъ-генералъ
Усю силушку побилъ:
Опъ которую побилъ,
Которую потопилъ,
Остальную его силушку
Онъ у плѣнъ забралъ,
Въ Сибирь-городъ сосслалъ—

какъ Румянцевъ турокъ.

Къ этой схемѣ, не очень содержательной, иногда механически прицѣпляется начало искусственной, мало обнародиѣвшей пѣсни о Румянцевѣ:

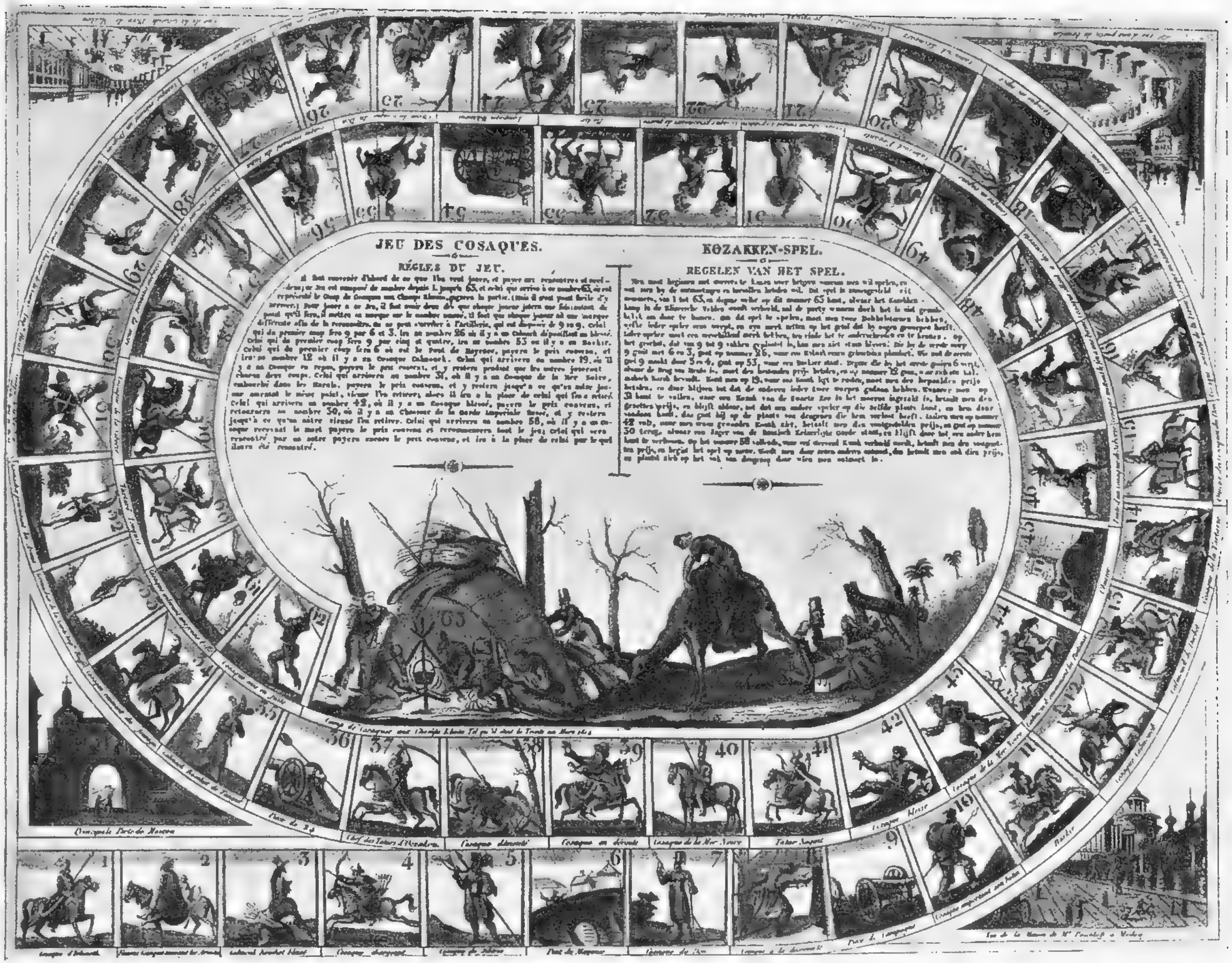
Отъ своихъ чистыхъ сердецъ
Совьемъ Платову вѣнецъ,
На головушку надѣнемъ,
Сами пѣсню запоемъ.
Сами пѣсню запоемъ,
Какъ мы въ арміи живемъ и пр.

Или зачинъ пѣсни о Лопухииѣ (изъ эпохи прусскаго похода):

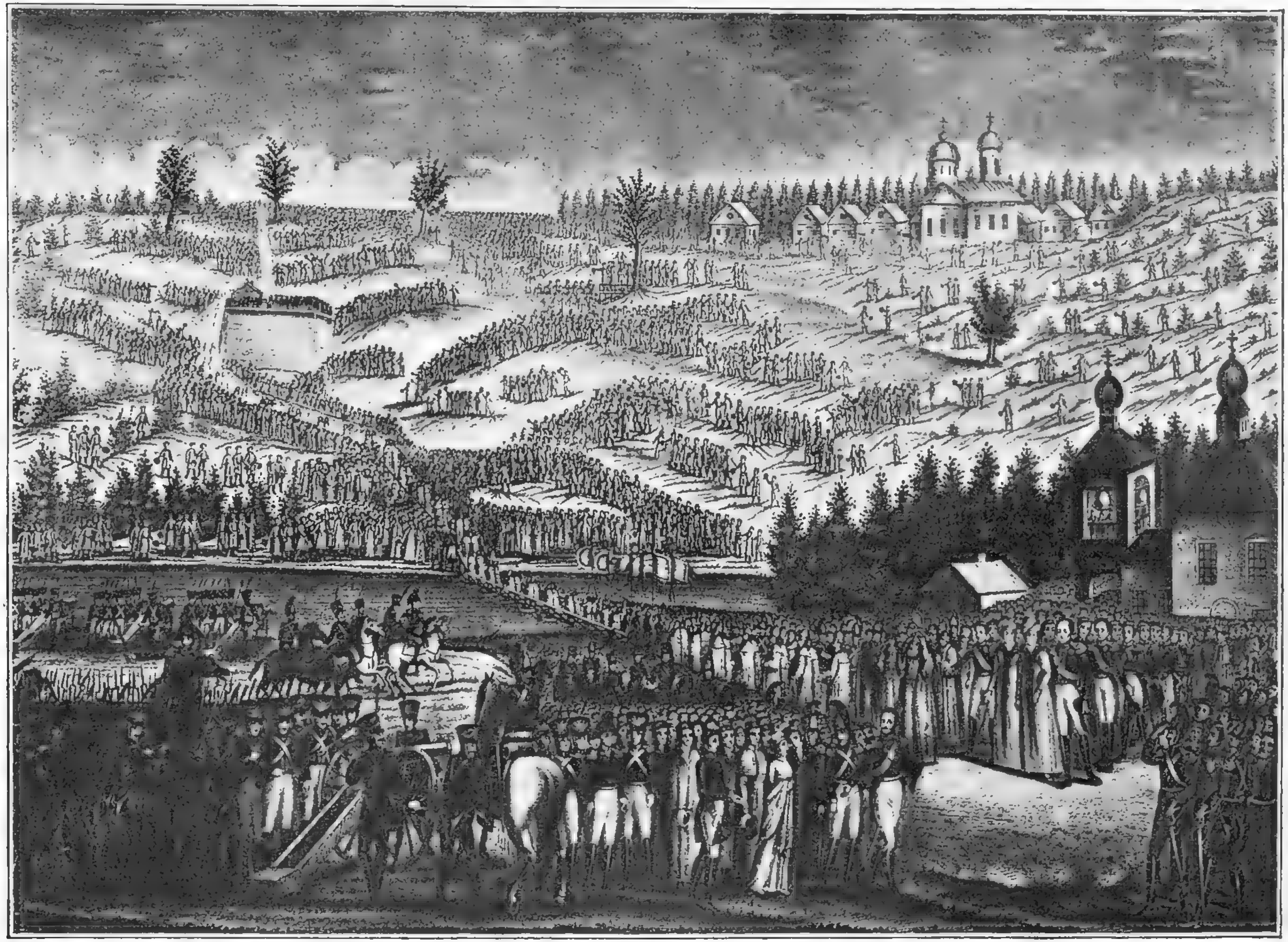
На зеленомъ на лугу
Стоитъ армія въ кругу,
Лопухинъ ѣздитъ въ полку

и «вѣнокъ» Румянцеву, не безъ вліянія традиціонныхъ мотивовъ народной лирики, создаютъ такой запѣвъ:

Мы гуляли во лужкахъ, забавлялись во кружкахъ,
Мы гуляли, цвѣты рвали, мы вѣночки совивали,
Совивали, совивали, на головку надѣвали,
На головку надѣвали, нову пѣсню запѣвали...



Игра—Казаки. (Ориг. въ Ист. музеѣ).



„Историческое изображеніе торжества, происходившаго при заложеніи храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ 1817 г. 12 октября".

Какъ французы подставлялись вмѣсто пруссаковъ, Платовъ смѣнялъ Румянцева, такъ Платова заступалъ Паскевичъ, когда пришелъ чередъ реагировать на другія историческія событія: механическая подстановка именъ съ сохраненіемъ всѣхъ красокъ и образовъ прежнихъ временъ.

Есть немногія попытки выйти изъ этого заколдованнаго круга—попытки безсильныя, срывающіяся, или ищущія точки опоры въ искусственной пѣснѣ:

Уральскіе казаки на бивакѣ (Стол. Воен. Мин.).

Похвалился воръ-французикъ Россію взять;
Заплакали сенаторы горькими слезами,
Выходилъ же казакъ Платовъ:
«Вы не плачьте, сенаторы, можетъ, Богъ поможетъ!»
Поздно вечеромъ солдатамъ приказъ отдавали,
Недалеко походъ сказанъ—есть городъ Аршава.
Тамъ рѣчушка Песочна, стоитъ воръ-французикъ,
Черезъ рѣчушку Веснушку перевозу нѣту.
Поздно вечеромъ казакамъ приказъ отдавали:
«Вы, казаки и солдаты, слушайте приказу:
Пушки, ружья зарядите,

Безъ моего безъ приказу огня не сдавайте!»
Генералъ-то казакъ Платовъ
Со правого планту...

И только! Въ другой пьснь, съ очевиднымъ налетомъ искусственныхъ оборотовъ, есть, по крайней мѣрѣ, какое-нибудь содержаніе:

Ни двѣ тучюшки, ни двѣ грозныя вмѣстѣ сыходилися:
Двѣ армеюшки превеликія вмѣстѣ сыѣзжалися,
Французская армеюшка съ россійскою;
Какъ французская россійскую очень призобидѣла.
Ни ясменъ соколъ по крутымъ горамъ—соколикъ вылетывалъ,
Александра царь по армеюшкѣ конемъ рѣзко (рѣзво?) бѣгаетъ.
Онъ журитъ, бранитъ россійскаго повелителя (sic: Кутузова!):
«Мы нашто-прошто сами худо сдѣлали,
Для (чего) же мы покинули сзади полки донскіе?»
Напередъ у нихъ выбѣгаетъ Платовъ генералушка,
Обнажомши вострую сабельку, ее на-голо держалъ.
Приложили острыя пики ко чернымъ гривамъ,
Закричали-загичали, сами на ударъ пошли.
Тутъ французская армеюшка очень потревожилась,
Бонапартскія знаменушки назадъ воротилися.
Какъ въ ту пору Александра-царь очень много радовался,
Называетъ онъ донскихъ казаковъ всѣхъ кавалерами,
А урядниковъ называетъ всѣхъ офицерами,
Офицерушковъ называетъ майорушками,
Майорушковъ называетъ полковничками,
А полковничковъ называетъ генералушками...

Другая пьсня—о взятіи Парижа—головою выдаетъ свой искусственный и мало-искусный источникъ:

Исполняли мы службу вѣрну
И удивляли всю вселенну...

За такими пьснями мы чувствуемъ руку грамотея—полкового стихоплета, «презрьвшаго печать» (или презрѣннаго печатью). Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ псевдо-народными и сочиненными солдатскими пьснями болѣе высокаго калибра, о которыхъ упоминалось выше, и которыя «не обсѣменили нивы народной».

Очень интересна судьба слѣдующаго мотива—допросъ «языка»—плѣннаго французскаго майора. Собственно, это—единственный мотивъ, пріуроченный къ Кутузову, но въ пьсняхъ у «Свѣтлѣйшаго» его постоянно оспариваетъ Платовъ, при чемъ этотъ мотивъ почти текстуально повторяетъ эпизодъ изъ пьсенъ XVIII вѣка о Шереметевѣ и Красношековѣ.

Нашъ батюшка казакъ Платовъ воружился,
Подъ Москвою со полками собирался,
Набираетъ казакъ Платовъ ясауловъ,
Посылаетъ ясауловъ подъ француза.
Ясаулы-то француза порубили,
А французскаго майора въ полонъ взяли;
Повели этого майора къ фельдмаршалу,
Ко тому ко фельдмаршалу ко Кутузову...
Сталъ его Кутузовъ выспрашивать:

«Ты скажи, скажи, майорикъ, ты скажи, французскій,
Ужъ и много ль у тебя силы во Парижѣ?»
—«У меня силы во Парижѣ сорокъ тысячъ,
У самого Наполеёна смѣты нѣту».
Какъ ударилъ его Кутузовъ его (sic!) въ щеку:
«И ты врешь ли все, майорикъ, лицемѣришь,—
Я угрозъ вашихъ французскихъ не боюся,
До самого Наполеёна доберуся,
Доберуся, доберуся, съ нимъ порублюся».
Не красно солнце въ чистомъ полѣ возсіяло,
Возсіяла у Кутузова вострая сабля,
Надъ твоей ли надъ французской головою.

Платову естественно было взять «языка»; по этимъ слѣдамъ двигалась пьеса и выталкивала изъ своего содержанія Кутузова: во многихъ варіантахъ Платовъ не только беретъ въ плѣнъ, но и допрашиваетъ майора; блистаетъ сабля не Кутузова, а Платова или, вообще, донского казачества.

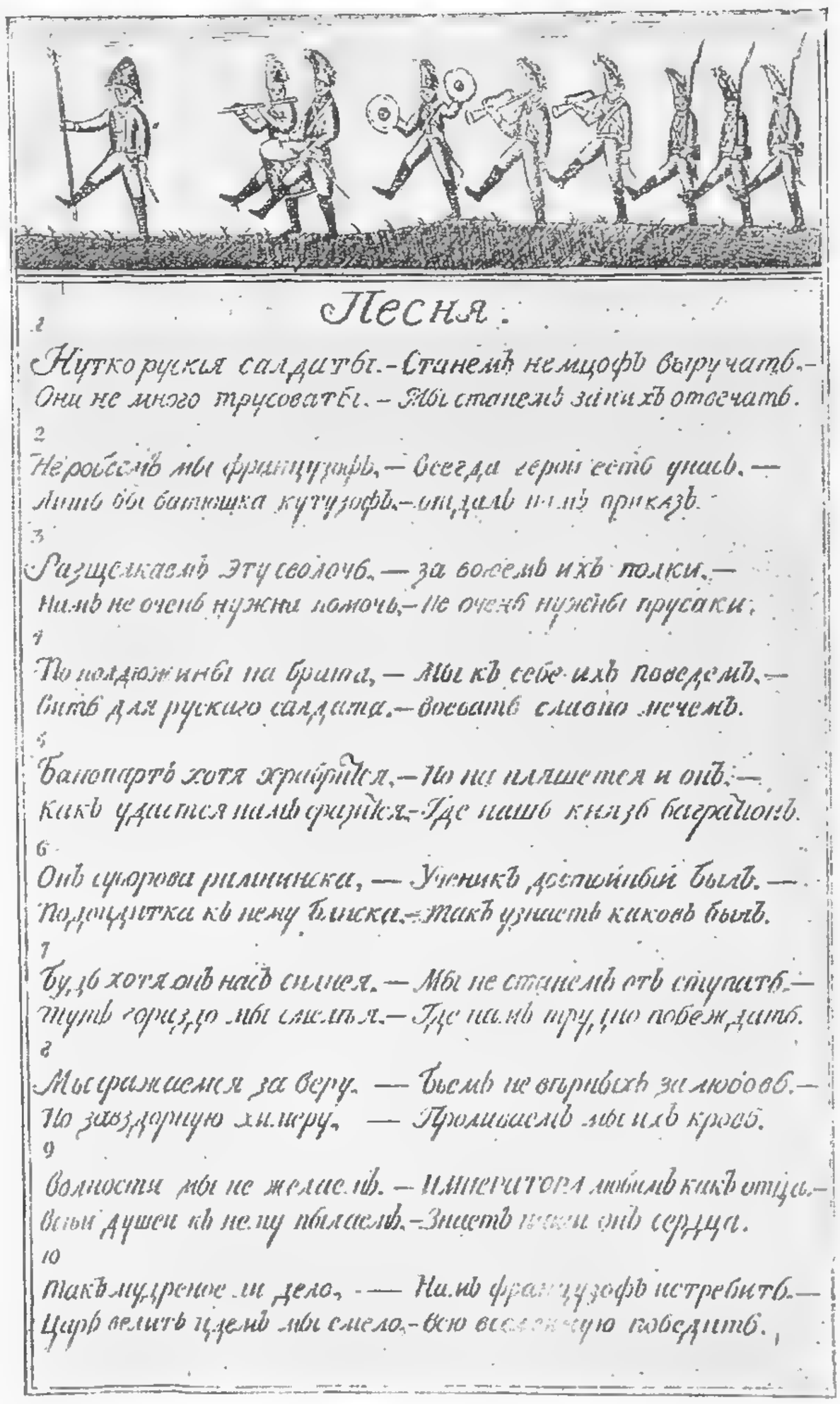
Въ пьесѣ, еще болѣе контаминированной, угрозы Турецкаго царя, заступившаго мѣсто шведскаго короля предшествующихъ пьесъ, допросъ турецкаго на этотъ разъ майора самимъ императоромъ Александромъ—

Тутъ его царская персонушка съ лица измѣнилася,
Его бѣлыя руки и ноги подломилися—

и обличеніе бахвальства плѣннаго врага опять-таки Платовымъ.

Изъ всего Платовскаго цикла наиболѣе популяренъ мотивъ—«Платовъ въ гостяхъ у француза», цѣликомъ повторяющій эпизодъ пьесы о Краснощековѣ.

По приказу царя, Платовъ (какъ донецъ, будто бы раскольникъ) бреется, переодѣтый пріѣзжаетъ къ французу, который допрашиваетъ его о немъ же са-



Песня.

1
Нуткорускія салдаты.—Станемъ нѣмцофъ выручать.—
Они не много трусоваты.—Мы станемъ зайцихъ отсѣчать.
2
Не робѣемъ мы французофъ,—всегда герои есть у насъ.—
Лишь бы батюшка кутузофъ—отдалъ намъ приказъ.
3
Разщекаемъ эту сволочь,—за бокемъ ихъ полки.—
Намъ не очень нужны ломоть,—не очень нужны пруски.
4
По колдужинѣ на брата,—мы къ себѣ ихъ повернемъ.—
Битъ для рускаго салдата—воевать славно мечемъ.
5
Бонапартъ хотя хрибится,—но на плящется и онъ.—
Какъ удастся намъ сразиться—гдѣ нашъ князь багратіонъ.
6
Онъ суворова рилишки,—ученикъ достойный былъ.—
Подходитка къ нему блиски—такъ узнаешь каковъ былъ.
7
Будь хотя онъ насъ сильнѣя,—мы не станемъ отъ ступать.—
Тутъ горизду мы сильнѣя—гдѣ намъ труду побѣждать.
8
Мы сражаемся за вѣру,—тѣмъ не впервихъ за любовь.—
По завѣдомую химеру,—проливаемъ мы имъ кровь.
9
Волности мы не желаемъ,—императора любимъ какъ отца.—
Всѣи душей къ нему пламемъ,—знаетъ всякій онъ сердца.
10
Такъ мудреное ли дѣло,—намъ французофъ истребить.—
Царь велитъ цѣлить мы смѣло—всю вселенную побѣдить.

(Ист. музей).

момъ; портретъ выдастъ «инкогнито», Платовъ избѣгаетъ опасности, издѣваясь надъ безсиліемъ врага. Мотивировка этого своеобразнаго подвига вездѣ слаба. Появляется, вѣроятно, по созвучію

У француза дочь Арина,

которая переодѣтому Платову

рѣчи говорила,

принимая иногда значительное участіе въ дѣйствіи, въ пользу или во вредъ русскому смѣльчаку.

Этотъ всего менѣе историческій эпизодъ особенно полюбился народу, можетъ-быть, потому, что всего болѣе напоминалъ ему мотивы старой былины и сказки, Илью Муромца у Тугарина-Змѣевича и пр. Мы не знаемъ (и, вѣроятно, никогда не узнаемъ), что вызвало его къ жизни первоначально, въ исторической обстановкѣ нашего XVIII вѣка.

Мы умышленно остановились съ такими подробностями на Платовскомъ циклѣ: онъ лучше всего вводитъ въ психологію и эволюцію нашей поздней исторической пѣсни. Дальше мы можемъ ограничиться только бѣглымъ обзоромъ.

III.

Кое-гдѣ мы слышимъ отголоски общей растерянности при вступленіи французовъ и бѣглые намеки на роль Кутузова.

Не во лузяхъ-то вода разливалася:
Тридцать три кораблика во походъ пошли
Со дорогими со припасами—свинцомъ, порохомъ.

Угрозы француза, испугъ Александра; Кутузовъ успокаиваетъ. Все это мотивы предшествующей исторической пѣсни, кое-какъ, на живую нитку, прилаженные къ новымъ событіямъ.

Какъ во той-то было во французской земелькѣ
Проявился тамъ сукинъ врагъ-Наполеонъ король,

который грозитъ Александру словами прусскаго, шведскаго короля или турецкаго султана предшествующихъ по моменту возникновенія пѣсенъ. Раньше успокаивали Румянцевъ, Краснощековъ... — теперь Кутузовъ. Вѣщій сонъ дѣвушки Петровской эпохи передъ Сѣверной войной обратился въ пророческое предсказаніе гибели Москвы. Держась только фактической почвы, пѣсня даетъ немного—только бѣгло констатируетъ эти факты, безъ особаго поэтическаго «замышленія»:

Разорена путь-дорожка отъ Можаю до Москвы:
Разорилъ-то путь-дорожку непріятель—воръ французъ.
Разоримши путь-дорожку, въ свою землю жить пошелъ...

Все это, конечно, исторически вѣрно, но не даетъ размаха, какъ и

Во двѣнадцатомъ году
Объявилъ французъ войну.
Объявилъ французъ войну
Въ славномъ городѣ Данскòмъ.
Мы подъ Дàнскомъ стояли,
Много нужды и горя приняли..

Или:

Французъ, шельма ты, грубитель,
Полно съ нами тебѣ грубовать!

Или:

Подъ Парижемъ мы стояли,
Въ полѣ мокрые дрожали,
Повелѣнья дожидали...

Итакъ, сухое, кое-какъ уложенное въ ритмическую форму и бѣглое констатированіе фактовъ, не всегда типическихъ, или черпанье полными пригоршнями изъ «стараго замышленія», съ очевидными слѣдами механическаго нанизыванія: дальше наша народная Наполеоновская эпопея не пошла. Мало сохранила она историческихъ именъ: совсѣмъ ньтъ, напр., партизановъ, популярность которыхъ можно было бы à priori предполагать. Кто-то усиленно подсказывалъ ей въ герои Витгенштейна, а она предательски выдала полное художественное безсиліе автора:

Французы вступили въ Москву въ гости,
Оставили свои кости;
Сдѣлали въ Москвѣ пожаръ,
Москва дала смертный ударъ.
. . . . . .
Былъ князь Ветьштитьштейнъ:
Вступилъ въ Парижъ,
Сдѣлалъ Наполеону крыжъ...

Въ самоповтореніи эпоса—всегда запахъ тлѣнія: высота подъема исторической волны не нашла для себя подходящаго поэтическаго русла, слишкомъ загроможденнаго обломками старины, загрубѣвшаго, потерявшаго былую эластичность, и волна разбросалась въ безплодныхъ брызгахъ...

Я началъ вопросами, и кончу вопросомъ. Насколько могъ разобраться нашъ народъ въ сложной политической конъюнктурѣ, которую рѣзко, ребромъ поставилъ передъ нами 12-й годъ? Онъ, конечно, понималъ, что «сукинъ врагъ» вторгся, «разорилъ путь-дороженьку», сжегъ Москву... Но почему, зачѣмъ?

Поколѣніями привыкли видѣть въ пруссакѣ, «глицянкѣ» (Англія) врага, теперь они союзники; перебои войны и мира съ Франціей. Все это рождало недоумѣнія, запутывало мысль и поэтическое творчество. Развѣ не слышится смятеніе мысли и чувства въ запѣвѣ:

Что это за диво, за диковинка?
Отдаютъ нашу армеюшку непріятелю,
Непріятелю, королю прусскому!

Непріятели дѣлались союзниками, перебои политическіе приводили къ перебоямъ пѣсеннымъ, и «разбезсчастной король прусскій» старой пѣсни своеобразно модернизовался:

Разбезсчастненькой, безталаненькой
Французъ зародился!
Онъ сы вечера спать ложился,
Долго почивать.
«Ничего жъ ли то я, французикъ,
Ничего не знаю»,
Што побили его, его армію
Донскіе казаки.

«Што мнѣ жаль-то, мнѣ жаль свою армію,—
Есть еще жалчѣя:
Што вотъ сняли момý, мому родному,
Да родному братцу,
Што вотъ сняли ему, сняли ему головку,
Да головку!»

Въ другихъ варіантахъ снялъ «племянничекъ родной Блатовъ», т.-е. все тотъ же Платовъ—

«Што мене ль то, мене, все французика»,
Во полонъ мене взяли;
Посадили мене, все французика,
Во темную темницу;
Што вотъ тошно ли мнѣ, все французику,
Во темницѣ сидѣти.
Еслибъ зналъ, то бы зналъ, французикъ ли,
Я бъ того не дѣлалъ!»

Что это: отголоски св. Елены, перепутанныя отраженія прусскихъ и французскихъ войнъ—или просто слитность историческаго сознанія, безнадежно запутавшагося въ настоящемъ и прошломъ? Раньше было проще, ближе по разстоянію, понятнѣе—даже Иванъ Грозный съ своей психопатологіей (или зоопсихологіей), тѣмъ болѣе Смута, даже стремительные скачки Петровской эпохи; затѣмъ пошло—для народа, и для него ли одного?—дипломатическая, международная неразбериха, совпавшая съ уклономъ народно-поэтическаго творчества вообще. И передъ нами сумбурная подчасъ пѣсенная амальгама съ парными (или тройными) синкретическими образами: Платовъ-Краснощековъ, Кутузовъ-Румянцевъ-Шереметевъ, пруссаки-французы-турки или Платовъ-Паскевичъ... Народная память всегда анахронистична, но въ данномъ случаѣ она превзошла самое себя и окончательно утопила крупицы исторической правды въ цѣломъ морѣ контаминацій и синкретизма...

В. Каллашъ.

(Л у б о к ъ).

Театръ Медокса въ Москвѣ.

VI. Театръ и драма въ Отечественную войну.

Н. Л. Бродскаго.

Въ то время, какъ на политическомъ горизонтѣ сгущались грозовыя тучи, въ обществѣ нарастала тревога, повышалось настроеніе,—театръ продолжалъ увеселять публику такими пьесами, какъ «очень игривая комедія» «Отплата», «Старый глупецъ и молодой хитрецъ», «Училище ревнивыхъ» и т. п., ставилъ трагедіи и оперы, сюжеты которыхъ далеки были не только отъ современной жизни, но и вообще отъ русской жизни. «Амалія и Монрозъ», «Дафнисъ и Хлоя» слишкомъ уносили отъ злобы дня, а быстро развертывавшіяся событія такъ задѣвали за живое, что театръ неизбѣжно долженъ былъ откликнуться на воинственный порывъ, охватившій русское общество особенно съ момента вторженія непріятеля въ предѣлы страны. Могли ли захватить зрителя турецкіе и испанскіе дивертисменты, когда онъ утромъ узналъ о взятіи Смоленска? Не до «Сельской любви» и «Филаткиной свадьбы» было ему, когда стало извѣстно о приближеніи врага къ столицѣ. Но репертуаръ почти исключительно состоялъ изъ подобныхъ пьесъ. Пришлось прибѣгнуть къ старымъ пьесамъ, къ тѣмъ трагедіямъ, темы которыхъ хотя немного напоминали современность, отдѣльныя мѣста которыхъ все же ближе были чувству зрителя, чѣмъ тирады Іосифа Прекраснаго и генерала Шлейсгейма (въ пьесахъ того же названія). «Пожарскій» драма Крюковскаго, «Дмитрій Донской» трагедія Озерова, написанныя въ 1807 году и тогда же завоевавшія успѣхъ, и были тѣми пьесами, которыя съ іюля мѣсяца стали особенно часто ставиться въ московскомъ и петербургскомъ театрахъ. Чтобы понять настроеніе публики во время представленія названныхъ трагедій, надо помнить, съ какой воинственной заряженностью приходила она на спектакли. По словамъ современника, «театръ трещалъ

отъ рукоплесканій, подобныхъ грому», когда пелъ «Дмитрій Донской». Съ необычайнымъ энтузіазмомъ встрѣчались такіе стихи, какъ:

«Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!»
или
«Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу русскій князь покоренъ одному».

Въ глубокомъ молчаніи слѣдили слушатели за словами актера:

«Первый сердца долгъ къ тебѣ, Царю царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей;
Прославь, и утверди, и возвеличь Россію;
Какъ прахъ земной, сотри враговъ кичливу выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
«Языки, вѣдайте, великъ россійскій Богъ!»

Съ опущеніемъ же занавѣса начиналось «фурорное хлопанье»[1])... Повышенное настроеніе, царившее въ залѣ, перебрасывалось на сцену, за кулисы, электризовало артистовъ, тѣ, въ свою очередь, иногда зажигали толпу неожиданнымъ военно-лирическимъ выпадомъ. Такъ было съ знаменитой Семеновой, нечаянно узнавшей о побѣдѣ русскаго оружія и съ радости вбѣжавшей на сцену съ крикомъ: «Побѣда! Побѣда!» [2]). Все французское стало не въ модѣ. Надъ галломаніей смѣялись: комедіи Крылова «Урокъ дочкамъ» и «Модная лавка» сопровождались шумнымъ смѣхомъ. Во французскій театръ перестали ѣздить, попытка актера Дальмаса поставить по-французски «Дмитрія Донского» успѣха не имѣла. Французскую труппу распустили [3]), хотя, надо сознаться, нѣсколько запоздали: указъ отъ 18 ноября объ увольненіи артистовъ былъ подписанъ тогда, когда зрители сами совсѣмъ бросили посѣщать театръ. Однажды французскій актеръ Дюранъ, выйдя для анонса и начавъ послѣ трехъ обычныхъ поклоновъ обычную фразу „Messieurs, demain nous aurons l' honneur de vous donner» и проч., увидалъ, что въ залѣ всего сидитъ одинъ зритель и то было, кажется, должностное лицо... Ему оставалось только перемѣнить начало рѣчи и сдѣлать удареніе: «Monsieur! demain nous aurons l'honneur» [4]). При такихъ условіяхъ далѣе держать труппу было явно убыточно. Необходимо отмѣтить, что театральнымъ зрѣлищемъ интересовались въ Петербургѣ неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Если въ сѣверной столицѣ театръ сотрясался отъ «фурорнаго хлопанья», москвичи отнеслись къ театральной забавѣ значительно сдержаннѣй. По словамъ историка, съ объявленіемъ войны съ Наполеономъ интересъ къ спектаклямъ въ Москвѣ понизился. Съ іюня мѣсяца театръ былъ почти пустой, дворянство перестало его посѣщать, зрителями являлись только купцы [5]). Дирекція была поставлена въ затрудненіе, видя, что съ отъѣздомъ изъ Москвы дворянства и лучшаго купечества

---

[1]) Волконскій, С. Г., „Записки“, стр. 148—49.
[2]) Пыляевъ, „Нашъ театръ въ эпоху Отеч. войны“ („Историч. Вѣстникъ“, т. XIII, 647).
[3]) Танѣевъ, „Изъ прошлаго имп. театровъ“, стр. 45. Любопытна замѣтка по этому поводу Загоскина: „Парижскія газеты, безъ сомнѣнія, найдутъ (въ фактѣ увольненія труппы) доказательство, что Россія впадаетъ въ варварство. О, какъ можно быть просвѣщеннымъ, не видя французскихъ скомороховъ“ „Сынъ Отеч.“, 1812, ч. II, № 10).
[4]) Зотовъ, „Театральныя воспоминанія“, стр. 34.
[5]) Погожевъ, „Столѣтіе организаціи имп. моск. театровъ“, вып. I, кн. I, стр. 170.

Разрушеніе всемірной монархіи.

(Карикатура *П. И. Теребенева*).

Разрушение всемірной монархіи.

(Гравюра М. К. Теребенева)

И. Теребеневъ.

невозможно будетъ продавать абонементъ, начинавшійся съ 10 сент. 1812 года. Кромѣ того, что отсутствіе публики не доставляло театру «никакихъ доходовъ», нельзя было ставить «всѣ оперы, трагедіи и другія пьесы» съ пѣньемъ, съ хоровыми номерами, такъ какъ «пѣвчіе, составляющіе хоръ въ театрѣ и принадлежащіе разнымъ господамъ, отправляются по волѣ ихъ изъ Москвы въ другія мѣста» [1]). Только одинъ спектакль, повидимому, удался на славу. Изъ Москвы кто-то даже послалъ корреспонденцію о немъ въ «Вѣстникъ Европы». Это было во вторникъ 30 іюля, когда вмѣсто обѣщанной комедіи «Модная лавка» была представлена опера «Старинныя святки». «Въ первой, — сообщаетъ неизвѣстный корреспондентъ, — увидѣли бы ежедневно видимыя на большомъ театрѣ свѣта бездѣльничества француженки мадамъ Каре и плутни француза мусье Трише, во второй неожиданно показали намъ любезную старину Москвы бѣлокаменной, житье-бытье славныхъ бояръ русскихъ и святочныя забавы цѣломудренныхъ дочерей ихъ и родственниковъ. Сія перемѣна сдѣлана по случаю полученныхъ извѣстій объ одержанной надъ Наполеономъ побѣдѣ при Кобринѣ и Клястицахъ». Описывая спектакль, онъ отмѣчаетъ, какъ «пріятно было пролить радостныя слезы въ честь знаменитыхъ защитниковъ отечества». Было воспѣто величаніе царю Александру при полномъ хорѣ музыки съ трубами и литаврами. Потомъ Сандунова запѣла своимъ дивнымъ, полнымъ глубокаго чувства, голосомъ «славу».

П. А. Дмитревскій.

«Слава храброму графу Витгенштейну,
Поразившему силы вражески! Слава!
Слава храброму генералу Тормасову,
Поборовшему супостата нашего! Слава!
Слава храброму генералу Кульневу,
Положившему животъ свой за отечество! Слава!»

По требованію восхищенной публики актриса повторила величаніе при всеобщемъ плескѣ [2]). Но, вѣроятно, болѣе подобныхъ торжественныхъ спектаклей въ Москвѣ не было. Населеніе покидало городъ, да и артисты, конечно, не находили въ себѣ достаточной силы гремѣть воодушевленными монологами при пустующей зрительной залѣ. Спектакли давно бы прекратились, если бы не приказаніе главнокомандующаго графа Ростопчина играть во что бы то ни стало [3]). Послѣднее представленіе состоялось въ пятницу 30 августа; шла драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Глинки «Наталья, боярская дочь», а послѣ нея маскарадъ. Въ ту же ночь, когда армія уже начала отступать, дирекція московскаго театра бросилась къ Ростопчину, чтобы тотъ далъ 150 подводъ увезти имущество, казну, артистовъ. Главнокомандующій отказалъ и посовѣтовалъ всѣмъ ѣхать во Владиміръ. Едва нашли 19 подводъ, куда помѣстили театральную

---

[1]) Ibidem., стр. 171.
[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1812, ч. LXIV (№ 13, іюль), стр. 230 („Московскія записки“). См. также М. К. (Кублицкаго) „Исторія оперы“, стр. 242.
[3]) Погожевъ, стр. 173.

школу, «всѣ богатыя вещи гардероба», поручивъ все оставшееся беречь «унтеръ-офицеру Мельникову съ находящейся при немъ инвалидной командой до той минуты, когда будетъ возможно» [1]). Артисты сами о себѣ должны были заботиться; нѣкоторые изъ нихъ одно время спасались въ подмосковныхъ имѣніяхъ, напр., семья Мочалова и артистка Насова укрывались у кн. Долгорукова въ Никольскомъ. Авторъ «Капища моего сердца» разсказываетъ, какъ Насова, та самая, которой въ бенефисъ бросали изъ партера на сцену кошельки съ особенными подарками, теперь, уѣзжая изъ деревни изъ опасенія быть пойманной непріятельскими партизанами, сама натягивала дугу у телѣги и впрягала въ нее лошадь. Семью Мочалова не пустили на какой-то заводъ подъ предлогомъ, что онъ актеръ, какъ бы Богъ не покаралъ за пріемъ актера... Трагику оставалось только вопіять противъ невѣжества нашего вѣка [2])... Въ началѣ 1813 года кое-кто изъ актеровъ добрался до Петербурга (С. Мочаловъ, Зловъ, Сандунова и др.).

Рѣзкую противоположность только что пережитому встрѣтили они тамъ. Театръ въ Петербургѣ въ это время былъ тѣмъ мѣстомъ, куда сходился потокъ національныхъ страстей, гдѣ манифестаціи и шумныя проявленія патріотическихъ настроеній достигали небывалыхъ размѣровъ. Въ то время, какъ московскій (арбатскій) театръ давалъ 30 августа послѣднее представленіе, на петербургской сценѣ въ тотъ же день шла новая пьеса новаго драматурга — «Всеобщее ополченіе» Висковатаго. Забытая нынѣ пьеса, не сохранившаяся ни въ одной московской библіотекѣ, въ тотъ вечеръ встрѣчена была такимъ успѣхомъ, какой врядъ ли выпадалъ когда-либо на другую драму. Висковатовъ дѣлилъ лавры вмѣстѣ съ Валберхомъ и Огюстомъ, тогда же поставившими балетъ «Любовь къ отечеству» съ хорами и пѣніемъ, муз. Кавоса. Въ драмѣ участвовалъ 75-лѣтній Дмитревскій, игравшій роль Усердова; въ балетѣ пѣлъ арію Самойловъ, представлявшій русскаго генерала [3]). «Теперь невозможно ни описать ни вообразить себѣ тогдашнихъ порывовъ всеобщаго восторга,—вспоминалъ объ этомъ спектаклѣ Р. Зотовъ;—былъ случай, что одинъ зритель, видя, какъ на сценѣ всѣ приносятъ въ даръ свое имущество, бросилъ на театръ свой бумажникъ, вскричавъ: «Вотъ возьмите и мои послѣдніе 75 рублей» [4]). Другой современникъ также пишетъ, что «невозможно описать, до какого изступленія доведена была публика при сихъ новыхъ представленіяхъ, особливо, когда осьмидесятилѣтній старецъ, сѣдинами украшенный, бывшій въ свое время честью и красотою россійской трагедіи и двадесять лѣтъ уже оставившій свое поприще,—словомъ, почтенный Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій представился взорамъ публики въ видѣ престарѣлаго инвалида, идущаго пожертвовать отечеству драгоцѣннѣйшими вознагражденіями долговременной службы, трудовъ, пота и проліянной крови — тремя медалями, нѣкогда геройскую, а теперь уже безсильную, но все еще любовью къ отечеству пламенѣющую грудь его украшающими.—Зрители выходили, такъ сказать, изъ себя, и по окончаніи представленія

---

1) Погожевъ, стр. 175.
2) Кн. И. Долгорукій, „Капище моего сердца“. М., 1874, стр. 263—64.
3) Араповъ, „Лѣтопись русскаго театра“, стр. 216.
4) Р. Зотовъ, „Театральныя воспоминанія“, стр. 38.

громкими восклицаніями и рукоплесканіями изъявляли чувство удовольствія и признательности, вызывали почтеннаго инвалида. Тронутый до глубины души старецъ благодарилъ публику прекрасной рѣчью, изъявляющею, что онъ, будучи не въ состояніи чѣмъ-либо инымъ при настоящемъ случаѣ показать отечеству любовь свою, собравъ слабыя силы свои, явился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стяжалъ похвалу и одобреніе своихъ соотчичей, для представленія имъ благороднаго примѣра любви къ отечеству. Громкія рукоплесканія нѣсколько разъ прерывали его.

«Балетъ имѣлъ подобное дѣйствіе: одно пошевеленіе знамени съ надписью за отечество, доводило сердечнаго чувствованія всѣ то плакали, то кричали, то рукоплескали. Сіи представленія даны были нѣсколько разъ сряду. Нѣкоторые изъ зрителей, вышедъ изъ театра, на другой день бѣжали прямо въ комитетъ записываться въ ряды ополченія»... [1]).

Драма Висковатаго была первымъ произведеніемъ, въ которомъ нашла отраженіе современная эпоха, вѣрнѣе, отдѣльный фактъ современной жизни. Написанная наспѣхъ, ad hoc, она попала въ центръ интересовъ публики и съ энтузіазмомъ принималась зрителями, искавшими въ пьесѣ не художественныхъ красотъ, не точнаго снимка съ жизни, а того гиперболизма, яркой окрашенности, приподнятости, что наполняло ихъ самихъ.

Н. С. Семенова.

События Отечественной войны, богатыя драматизмомъ сами по себѣ, естественно, не могли сразу, быстро вызвать въ жизни драматическое творчество: если лирикъ спѣшитъ за быстротекущей жизнью, нагоняетъ событія, то эпическому писателю, драматургу необходимо, чтобъ они отстоялись, отлились въ нѣчто устойчивое; надо отойти отъ нихъ на извѣстное разстояніе. Лишь требованіемъ зрѣлищъ можно объяснить появленіе нѣсколькихъ оригинальныхъ драматическихъ произведеній за періодъ 1812—1815 годовъ. И какъ тогдашняя беллетристика характеризуется анекдотомъ, такъ и драма—небольшимъ водевилемъ, коротенькой пьеской — моментальнымъ снимкомъ съ какого-нибудь случая, безъ долгаго обдумыванія характеровъ дѣйствующихъ лицъ, безъ сложной интриги. Въ 1813 году въ Петербургѣ

---

[1]) Писаревъ, „Военныя письма“. М., 1817, часть II, стр. 335—37.

были поставлены драмы Вронченко «Кириловцы», Свѣчинскаго «Освобожденіе Смоленска», Б. Оедорова «Крестьянинъ офицеръ», въ 1814 году водевиль кн. Шаховскаго «Казакъ-стихотворецъ» [1]), его же опера-водевиль «Крестьяне или встрѣча незваныхъ». Легче было удовлетворить запросы публики на спеціальныя зрѣлища постановкой балетовъ, живыхъ картинъ: какого-либо серьезнаго труда тутъ не было, а между тѣмъ сцены можно было скомпановать такъ, что вчерашняя реляція о побѣдѣ, изложенная въ газетномъ № болѣе или менѣе офиціально, на сценѣ, подъ звуки хора оркестра, въ блестящей обстановкѣ, дѣйствительно, оживала; пріукрашенная, болѣе льстила. По этимъ балетамъ, собственно, скорѣе всего напишешь исторію театра того времени въ его откликахъ на современныя событія. Эта пантомимная хронологія начинается съ указаннаго выше балета Вальберха и идетъ далѣе въ такомъ порядкѣ: «Русскіе въ Германіи», «Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій», «Казакъ въ Лондонѣ», «Торжество Россіи или русскіе въ Парижѣ», «Возвращеніе героевъ», «Возвращеніе на родину». Подъ пляску и пѣніе дѣлалась на сценѣ исторія, бенгальскимъ огнемъ освѣщалась она, далекая отъ той подлинной правды, что творилась на войнѣ. Самойловъ восхищалъ куплетами: «Ты возвратился, благодатный!»; «восторгъ публики и сочувствіе къ побѣдителямъ доходили до изступленія» [2]),—вотъ лаконическая фраза историка театра, покрывающая настроенія балетной публики того времени. «Изступленіе» это прорывалось особенно въ тѣ минуты, когда сцена говорила объ изгнаніи врага, о побѣдѣ. Жадно ловились соотвѣтственныя тирады даже въ старой трагедіи Озерова; отъ такихъ стиховъ, какъ

«Спокойся, о княжна, побѣда совершенна!
Разбитый ханъ бѣжитъ, Россія свобождена!»

театръ дрожалъ отъ рукоплесканій, всѣ зрители вскакивали со своихъ мѣстъ, кричали «ура»! Махали шляпами, платками и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ актеръ не могъ продолжать своего монолога [3]). Въ новыхъ только что написанныхъ пьесахъ, напр. кн. Шаховскаго, нерѣдко встрѣчались также зажигательныя мѣста. Самойловъ производилъ фуроръ, когда въ операхъ «Крестьяне или встрѣча незваныхъ», вспоминая о герояхъ старины Пожарскомъ, Мининѣ, пѣлъ:

«Вы живы, мужи незабвенны!
Вашъ духъ живетъ въ сердцахъ у насъ;
Губители во прахъ сраженны,
Въ россіянахъ познали васъ!
Вздремалъ вашъ духъ среди покоя,
Но грянулъ громъ, и онъ воскресъ!
Россію поддержалъ средь боя,
И славой къ небесамъ вознесъ!»

Всѣ факты, рисующіе «изступленіе» театральной публики той эпохи, относятся къ Петербургу. Москва, оправлявшаяся послѣ разгрома, только въ концѣ ноября 1813 года стала думать объ увеселеніяхъ: первый спектакль данъ былъ частной труппой 30 ноября въ театрѣ Позднякова. Императорскій театръ со всѣмъ инвентаремъ сгорѣлъ, многихъ артистовъ не досчитывалось; такъ, по донесенію директора «находилось въ отсутствіи» 56 служащихъ театра. Лишь 30 августа 1814 года на Знаменкѣ въ домѣ

---

[1]) Въ первый разъ представлено было въ 1812 году, на собственной половинѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны (Араповъ, стр. 215).
[2]) Араповъ, стр. 226.
[3]) Каратыгинъ, «Записки», стр. 14.

Апраксина дирекція открыла москвичамъ двери театра; въ $9^1/_2$ вечера начался маскарадъ, кромѣ того, шла опера «Старинныя святки» [1]). И тѣ балеты, оперы, драмы, которые недавно восхищали петербуржцевъ, вызывали восторги теперь у москвичей, горячо аплодировавшихъ отдѣльнымъ сценамъ въ пьесахъ кн. Шаховскаго, напр., въ его комедіи «Урокъ дочкамъ» рѣчамъ Пронскаго. Но стоило жизни войти въ русло обыденности, стоило «грибоѣдовскому» обществу занять прежнія позиціи, и вся эта драматическо-балетная исторія потеряла всякій интересъ: съ 1816 года пьесы, написанныя драматическихъ дѣлъ мастерами съ спеціальными намѣреніями, почти совсѣмъ перестали ставиться и возобновлялись развѣ съ благотворительной цѣлью въ пользу инвалидовъ; попрежнему стали увлекаться французской труппой, вернулся знаменитый Дидло и съ нимъ ожилъ балетъ, опять въ афишахъ замелькали «Стряпчій Щечила», «Калифъ багдадскій», появилась романтическая трагедія, «турецкіе и пейзанскіе» дивертисменты. —Всматриваясь въ пьесы, созданныя эпохой Отечественной войны, вполнѣ понимаешь это забвеніе публики: онѣ были интересны, когда общество жило опредѣленнымъ настроеніемъ; схлынули восторги, ненависть, оружіе перестало бряцать — и отъ драмъ Висковатаго, Вронченко, Ѳедорова не осталось ничего, кромѣ «возвышающаго обмана», фразъ, потерявшихъ былое значеніе, сценъ, о которыхъ не хотѣлось вспоминать. Мы не будемъ говорить о такихъ произведеніяхъ, какъ драма Ватація «Хижина, спасенная казакомъ, и признательность», о которой сами современники говорили, что «вся завязка и развязка, этой драмы заключается въ заглавіи» [2]). Не будемъ раскрывать всего содержанія оперы кн. Шаховскаго «Откупщикъ Бражкинъ или продажа села», такъ какъ для интересующей насъ темы достаточно отмѣтить пѣсню семинариста Указкина:

А. А. Шаховской.
(Грав. Галактіоновъ).

«Азъ бояхся зело:
Чтобы въ наше село
Вражья сила
Не вступила
И насъ въ плѣнъ не повлече».

Не будемъ анализировать его же оперы-водевиля «Казакъ-стихотворецъ», такъ какъ «дѣйствіе происходитъ вскорѣ послѣ Полтавской битвы», и пьеса пользовалась успѣхомъ изъ-за отдѣльныхъ стиховъ шаблоннаго настроенія. Не станемъ подробно разбирать такъ нашумѣвшую комедію того же князя Шаховскаго «Урокъ кокеткамъ», гдѣ отголоскомъ военныхъ событій звучали слова Пронскаго, что «въ Лейпцигѣ мы вписали спасеніе вселенной», что «наша храбрая, любезна молодежь, по всѣмъ дѣламъ слича свою страну съ чужою, надежду подаетъ, что воскреситъ собою духъ русской гордости, приличный намъ во всемъ», да гдѣ въ монологѣ княжны описывалась Москва, опять зажившая своей жизнью и почти

---

[1]) Погожевъ, стр. 195.
[2]) Араповъ, стр. 226.

забывшая о только что пережитомъ: «тамъ вездѣ забавы лишь одни, веселья, праздники, и бѣдъ какъ не бывало... Хоть погубить враговъ и дорого намъ стало, да ужъ за то они узнали насъ путемъ; не вздумаютъ впередъ»... Обратимся къ его оперѣ-водевилю «Крестьяне или встрѣча незванныхъ», какъ къ пьесѣ, исключительно относящейся къ военной эпохѣ. Знакомство съ этимъ произведеніемъ покажетъ тотъ предѣлъ, до котораго дошла современная драматургія. Согласно господствовавшей сентиментальной манерѣ водевиль насыщенъ любовными пѣсенками; ихъ то и дѣло распѣваютъ Варя, дочь старосты, и бобыль Василій, ея любовникъ, которымъ угрожаетъ разлука, такъ какъ староста рѣшилъ выдать дочь за богатаго винокура Дребендю, труса, съ ужасомъ поджидающаго непріятеля. Деревни кругомъ горятъ, носятся разные слухи, но староста, выражающій настроеніе всего села, «поетъ на-голосъ: говорилъ-то мнѣ сердечный другъ»:

«...Намъ покорствуль противъ злыхъ людей,
У насъ вѣра православная...
Не бывало и не быть тому,
Чтобъ врагу мы покорилися:
Лучше лечь намъ въ мать сыру-землю,
Чѣмъ безславить имя русское».

Для него ясно, что надо дѣлать, если покажутся непріятели; онъ «вѣрой и правдой долженъ служить Господу Богу, царю государю и властямъ отъ нихъ поставленнымъ». Онъ знаетъ, что Русь православная не пропадетъ, разъ есть «храбрые бояре и воеводы». «Ежели всякій будетъ стоять за свою церковь, за свою деревню, за своего помѣщика, то недолго кутить непріятелю», восклицаетъ онъ, повторяя слова священника, и съ крикомъ: «За вѣру, за царя, за святую Русь», бросается съ односельчанами въ «дѣло». Вскорѣ—«супостатовъ какъ не бывало, всѣ прибраны: одни на тотъ свѣтъ, другіе въ полонъ, иные въ огнѣ грѣются, другіе въ прудѣ купаются, а кой-какіе по улицамъ валяются». Крестьяне нагрянули на разбредшихся по деревнѣ французовъ, «кто топоромъ, кто рогатиной, кто изъ ружья, а кто швыркомъ»; тѣхъ же, кто пытались спастись по избамъ, всѣхъ сожгли... Старостиха Василиса организовала отрядъ изъ женщинъ и пошла на выручку своихъ: «Докажемъ басурманамъ,—говорила она,—каковы русскія бабы». Послѣ того, какъ деревня покончила съ непріятелемъ,—во все время, пока шла расправа съ «незваными гостями», батюшка молился въ церкви,—вдругъ пріѣзжаетъ помѣщикъ, графъ-ополченецъ; Василій было бросился обнимать своего барина, остановился въ смущеніи, но графъ сказалъ: «Обними меня: дѣтямъ не стыдно обнимать отца!» Этотъ помѣщикъ разсказываетъ своимъ крестьянамъ, что «непріятели вытѣснены и бѣгутъ опрометью», поетъ нѣсколько арій и, устроивъ счастье Вари и Василія, уѣзжаетъ «въ погоню за непріятелемъ». Крестьяне во главѣ со старостой поютъ въ честь барина, своего «избавителя» и «всѣхъ избавителей русской земли»:

«Позабудемъ грусть, невзгоду,
Воротилась радость къ намъ,
Слава русскому народу,
Слава войску и вождямъ».

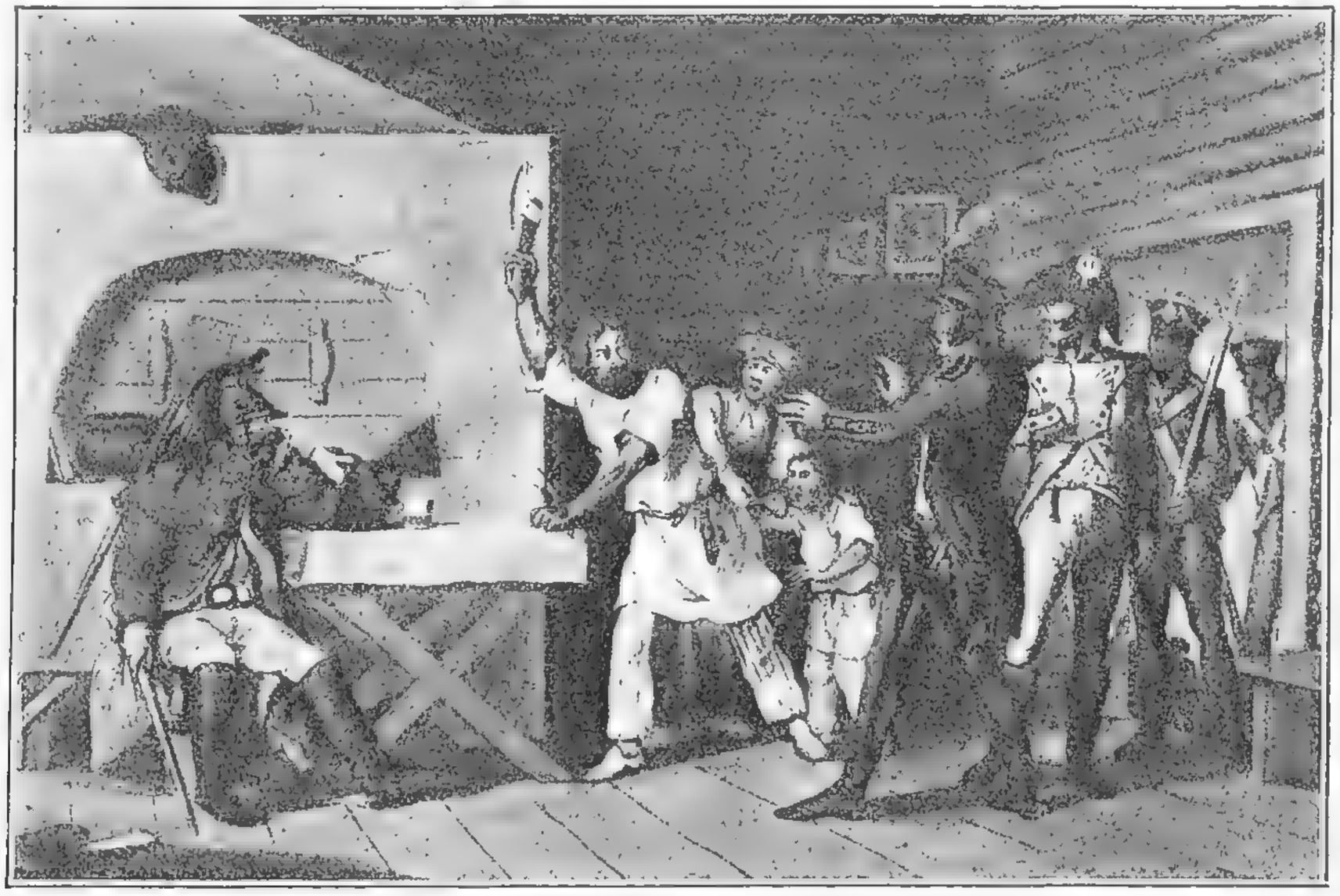
На этомъ заканчивается двухактный водевиль кн. Шаховскаго. Въ основѣ его одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ партизанской самообороны деревни того времени, но такъ раскрашенный княземъ-драматургомъ въ

духъ «офиціальной народности», съ такимъ привкусомъ грубаго шовинизма, слащавой манерности въ изображеніи отношеній между помѣщикомъ и крестьянами, что признать пьесу, какъ за художественную правду, не представляется никакой возможности. Эта опера — типичный образецъ для драмы, созданной въ эпоху Отечественной войны. Всѣ другія пьесы всецѣло примыкаютъ къ ней по тону, по настроенію. Драма, напр., Ѳедорова «Крестьянинъ-офицеръ или извѣстіе о прогнаніи французовъ изъ Москвы» разсказываетъ, какъ крестьянка Катя изнываетъ, поджидая милаго Ѳедю, и какъ онъ оплаканный всѣми, увѣренными въ его смерти, неожиданно возвращается офицеромъ. Свадьба благополучно завершаетъ всѣ тревоги «экономическихъ крестьянъ», среди которыхъ происходитъ дѣйствіе. Пьеса пересыпана хвалами «русскимъ солдатушкамъ-удальцамъ», возмущенными криками противъ «злодѣевъ» и далѣе этой трафаретной схемы не идетъ.—Тщетно будемъ искать во всѣхъ этихъ пьесахъ какой-либо широкой картины современной Руси, да это и невыполнимо было для драматурговъ, узко, крайне односторонне понимавшихъ свершавшіяся событія. Вѣдь тотъ рисунокъ, по которому развертывались драматическія сцены, такъ наивенъ, не сложенъ, что изслѣдователю, желающему вскрыть подлинную правду жизни той эпохи, дѣлать здѣсь ровно нечего: надо обращаться къ другимъ источникамъ и прямо сказать, что драма эпохи Отечественной войны ни съ литературной, ни съ исторической стороны цѣнностей не представляетъ, что та мелодія, которая звучала въ ней притягательно для современниковъ, даже для нихъ скоро показалась однообразной, монотонной и совсѣмъ потеряла эмоціональность для послѣдующихъ поколѣній. Лишь Грибоѣдовъ пытался зачертить 1812 годъ, дѣйствительно, широко, крупными мазками, но мы не имѣемъ права говорить о его планѣ, незавершенномъ наброскѣ, поздно увидѣвшемъ свѣтъ и любопытномъ только для изучающаго личность его автора. Исторія русской драмы не впишетъ въ свои страницы этого краткаго, но глубокаго по мысли отрывка, гдѣ Грибоѣдовъ хотѣлъ сказать о войнѣ не правду лирнаго бряцанья, воинственнаго лиризма, а развернуть громадное полотно съ начала до конца войны, съ «народными чертами», Наполеономъ, разгромленной Москвой, «сельской картиной», съ «всеобщимъ ополченіемъ безъ дворянъ, съ трусостью служителей правительства», съ «зимними сценами преслѣдованія непріятеля и ужасныхъ смертей», геройскими подвигами крѣпостного крестьянина М*, постепенно разочаровывающагося въ «поэзіи отличій», отпускаемаго во-свояси «съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію» и кончающаго самоубійствомъ по возвращеніи «подъ палку господина», среди «прежнихъ мерзостей».

А. С. Грибоѣдовъ. (Грав. Н. Уткинъ).

Это единственный голосъ современнаго драматурга, пытавшагося взглянуть на событія войны не по установившемуся шаблону, но онъ остался неслышнымъ, прозвучалъ только для того, кто жилъ трагедіей «горя отъ ума». Если Пушкинъ, Л. Толстой дали геніальныя произведенія на тему объ Отечественной войнѣ, если эпическое творчество по праву гордится непревзойденными шедеврами «Рославлева», «Войны и мира»,—русская драма тускло сіяетъ именами Свѣчинскаго, Вронченко, Оедорова, кн. Шаховскаго, не прибавивъ къ нимъ никого, кто затмилъ бы ихъ!..

Н. Бродскій.



Русскій герой (Аткинсонъ, гр. Скотти).

VII. Отечественная война въ живописи.

К. С. Кузьминскаго.

Отечественная война, оставивъ глубокій слѣдъ почти во всѣхъ сферахъ русской жизни начала XIX столѣтія, оказала благотворное вліяніе и на развитіе русскаго искусства. Безспорнымъ считается тотъ фактъ, что эта война пробудила любовь къ родинѣ, къ народу, ко всему родному. Если до двѣнадцатаго года, по удачному выраженію историка, всѣ русскіе хотѣли казаться французами, то послѣ Отечественной войны они такъ же сильно хотѣли быть русскими. Вотъ это-то желаніе стать русскими проявилось и у нашихъ художниковъ той эпохи.

Извѣстно, что наша живопись конца XVIII вѣка была всецѣло подъ иноземнымъ вліяніемъ. Не только по художественной манерѣ и техникѣ,

Карикатура Гвоздила и Долбила.

Карикатура Венеціанова.

Карикатуры Венецианова.

Карикатуры Гроссмана и Лансере.

(Первая лубочная картинка.)

Тріумфальное прибытіе въ Парижъ Наполеона.

но и по содержанію она была чужой. Казалось, что русскіе художники того времени поставили своей задачей быть какъ можно дальше отъ русской дѣйствительности. Почти всѣ они были, такъ или иначе, связаны съ Академіей Художествъ, которая въ то время была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было получить художественное образованіе. Это учрежденіе было своего рода барометромъ, показывавшимъ состояніе русской живописи въ извѣстный моментъ. Замѣчательно, что уже за нѣсколько лѣтъ до Отечественной войны въ нашей живописи стало обнаруживаться стремленіе выбиться изъ-подъ иноземнаго вліянія. Несомнѣнно, что это стремленіе было отголоскомъ нарождавшейся въ обществѣ потребности повернуть русскую жизнь въ сторону національнаго развитія. Сначала раздавались единичные голоса — Ростопчина и другихъ — о желательности избавиться отъ французскаго вліянія, которое распространилось на всѣ сферы русской жизни, а затѣмъ все чаще и чаще стали говорить о необходимости отдѣлаться отъ всякаго иноземнаго вліянія вообще.

Уже въ самомъ началѣ XIX столѣтія выражаются пожеланія въ различныхъ журналахъ, чтобы живопись оставила нерусскіе сюжеты и обратила вниманіе на темы изъ русской жизни и исторіи. Указываются даже «случаи и характеры въ Россійской имперіи, которые могутъ быть предметами художествъ». Эти совѣты не остались безъ вниманія, и профессора Академіи Художествъ стали задавать своимъ ученикамъ для конкурсныхъ программъ темы въ родѣ слѣдующей: «Представить въ дѣйствіи извѣстнаго нижегородскаго гражданина Козьму Минина, подвинувшаго сердца всѣхъ согражданъ своихъ къ пожертвованію своимъ имуществомъ къ спасенію отечества».

Однако, хотя темы для художественныхъ произведеній все чаще и чаще стали выбирать изъ русской жизни, но само выполненіе ихъ еще долго было лишено реальности, даже картины родоначальника русской бытовой живописи—Венеціанова—долгое время страдали отсутствіемъ этой реальности. Его русскіе парни, по удачному выраженію А. Бенуа, скорѣе были похожи на переодѣтыхъ антиноевъ. Если этотъ высоко-талантливый художникъ долго не могъ отдѣлаться отъ укоренившейся академической условности, то другіе менѣе чуткіе художники въ своихъ картинахъ изъ русской исторіи скорѣе изображали греческихъ и римскихъ, чѣмъ русскихъ героевъ.

Когда началась Отечественная война съ массой трагическихъ событій и героическихъ подвиговъ, то она должна была неизбѣжно вызвать желаніе у русскихъ художниковъ такъ или иначе изобразить отдѣльные моменты ея въ живописи [1]). Академія Художествъ задаетъ своимъ ученикомъ темы: «Изобразить великодушіе русскихъ воиновъ, уступающихъ свою кашицу плѣннымъ французамъ», или «изобразить вѣрность Богу и государю русскихъ гражданъ, которые, будучи разстрѣливаемы въ Москвѣ, съ твердымъ и благочестивымъ видомъ шли на смерть, не соглашаясь исполнить повелѣніе Наполеоново», и т. д. Эти картины до насъ не дошли, но можно съ полной увѣренностью утверждать, что эти «великодушные русскіе воины» и «твердые и благочестивые русскіе граждане» были похожи на тѣхъ же переодѣтыхъ антиноевъ.

---

[1]) Подробн. см. Бар. Врангель, „Очеркъ по искусству эпохи Александра I“, Спб., 1908 г.

Исторія русской живописи вообще знаетъ немного произведеній русскихъ художниковъ, которые написаны были бы въ эпоху Отечественной войны на сюжеты, связанные съ нею. Эта благодарная тема была использована позже.

Однако, если эта эпоха не была достаточно полно изображена современными художниками жанристами и баталистами, то этого нельзя сказать про художниковъ карикатуристовъ. Они дали значительное количество произведеній, въ которыхъ война съ Наполеономъ хотя и была изображена односторонне, но зато достаточно полно. Эти произведенія — карикатуры и небольшія жанровыя картинки—были, несомнѣнно, первыми реальными произведеніями русской живописи.

До сихъ поръ историки нашей живописи не обращали на нихъ достаточнаго вниманія, а между тѣмъ онѣ, несомнѣнно, сыграли весьма важную роль хотя бы въ томъ отношеніи, что разрушили то представленіе о живописи, которое твердо было усвоено всѣмъ тогдашнимъ русскимъ обществомъ. Уже одно то, что они были полнымъ контрастомъ картинамъ, въ которыхъ все было мало жизненно, придуманно и скучно, могло способствовать нарожденію новаго представленія о цѣляхъ и задачахъ русской живописи.

Роль карикатуры эпохи Отечественной войны въ исторіи русской живописи была, несомнѣнно, гораздо больше, чѣмъ это до сихъ поръ предполагали. Это обстоятельство побуждаетъ насъ прослѣдить шагъ за шагомъ, какъ началась наша карикатура, кто былъ піонеромъ этой отрасли живописи у насъ, въ Россіи, и какое было ея истинное значеніе въ различныхъ областяхъ русской жизни. Правильное выясненіе послѣдняго вопроса особенно важно, такъ какъ вслѣдствіе различныхъ причинъ онъ настолько запутанъ, что трудно рѣшить, безъ основательнаго ознакомленія съ первоисточниками, гдѣ кончается выдумка и гдѣ начинается правда.

Карикатура.

I.

Ни одна историческая эпоха не была такъ полно представлена въ карикатурахъ, какъ эпоха Наполеона Бонапарта. Во Франціи, въ Англіи, Испаніи, Австріи, Пруссіи, а также и другихъ государствахъ будущей Германской имперіи и, наконецъ, въ Россіи всякое болѣе или менѣе серьезное его предпріятіе было встрѣчаемо карикатурой, возбуждающей не только смѣхъ, но часто и негодованіе. Казалось, что цѣлый рядъ талантливыхъ художниковъ различныхъ странъ сговорился сообща дѣйствовать противъ Наполеона. И надо признать, что ихъ карикатуры сдѣлали свое дѣло. Въ то время какъ самъ Наполеонъ всячески стремился поддержать свой престижъ великаго человѣка, эти художники усиленно выискивали пятна на этомъ новомъ солнцѣ Франціи, подмѣчали слабыя стороны его характера и его дѣятельности и выставляли ихъ на показъ всему міру, умышленно подчеркивая все наиболѣе неприглядное и смѣшное.

Наполеонъ прекрасно понималъ, что ничто такъ не умаляетъ въ глазахъ общества его личность, какъ карикатуры, выходившія притомъ въ огромномъ количествѣ. Ноту за нотой посылалъ онъ въ Англію, требуя отъ правительства укрощенія карикатуристовъ. Заключая Амьенскій миръ, онъ внесъ условіе, чтобы пасквилянты, осмѣивающіе его личность и дѣянія, привлекались къ судебной отвѣтственности наравнѣ съ убійцами. Но такія мѣры могли только подзадоривать карикатуристовъ, и ихъ дѣятельность не только не прекратилась, но еще усилилась. Чѣмъ извѣстнѣе становилось его имя, чѣмъ большее число народовъ подпадало подъ его владычество, тѣмъ больше и сильнѣе становилась армія карикатуристовъ. Они возбуждали противъ него и безъ того враждебно настроенное общественное мнѣніе. Результаты ихъ неустанной работы особенно сказались въ дни неудачъ Наполеона: онъ, осмѣянный и униженный въ глазахъ тѣхъ, кто раньше предъ нимъ преклонялся, даже въ изгнаніи былъ преслѣдуемъ карикатурой вплоть до самой смерти.

Изслѣдователи единогласно указываютъ, что карикатуры на Наполеона создали новую эру въ исторіи этого рода живописи. Именно съ нихъ начинается карикатура въ современномъ ея видѣ. Мало того. Карикатуры на Наполеона явились для нѣкоторыхъ странъ совершенно новымъ видомъ живописи. Съ нихъ, напримѣръ, начинается исторія нашей современной карикатуры; съ наполеоновскихъ же карикатуръ начинается пробужденіе и нѣмецкой карикатуры, имѣвшей когда-то славное прошлое. Карикатуры на Наполеона были въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ объединяющимъ элементомъ для всѣхъ европейскихъ народовъ, своего рода интернаціональнымъ языкомъ, на которомъ эти народы могли обмѣниваться мыслями объ интересовавшемъ всѣхъ человѣкѣ — о Наполеонѣ.

Универсальный монархъ (кар.).

Наша карикатура начала свое существованіе тогда, когда на Западѣ, особенно въ Англіи, она уже имѣла многолѣтнюю исторію. Западно-европейскіе художники-карикатуристы конца XVIII и начала XIX вѣка продолжали дѣло, начатое предшественниками. Имъ не нужно было, подобно художникамъ другихъ странъ, затрачивать слишкомъ много труда на усвоеніе карикатурной техники, ибо они получили ее въ готовомъ видѣ. Это, конечно, увеличивало продуктивность работы и способствовало развитію этого рода живописи.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи было дѣло въ Россіи. До начала XIX вѣка русская національная живопись почти не знала карикатуры въ томъ видѣ, какъ она существовала въ Западной Европѣ. Правда, у насъ были народныя сатирическія картины въ родѣ «Какъ мыши кота погре-

баютъ», «Шемякинъ судъ» или «Повѣсть о Ершѣ, Ершовѣ сынѣ, Щетинниковѣ»; изрѣдка появлялись также карикатуры на враговъ, съ которыми Россія вела войны въ XVIII в., — на турокъ и пруссаковъ [1]). Извѣстны, напримѣръ, карикатуры эпохи императр. Елизаветы Петровны, изображающія казаковъ, побивающихъ нагайками толстыхъ нѣмцевъ и запутавшихся въ широкихъ шароварахъ турокъ. Но это были явленія единичныя, и русской карикатурной традиціи, если такъ можно выразиться, не было. Конечно, этому мѣшали историческія условія. Русское правительство преслѣдовало карикатуру, хотя иногда и само прибѣгало къ ея содѣйствію. Извѣстно, напримѣръ, что въ царствованіе императрицы Екатерины II, съ ея разрѣшенія, была сочинена и пущена въ народъ карикатура — «Просьба кашинскому архіепископу отъ монаховъ Калязинскаго монастыря», съ цѣлью подготовить русское общество къ предполагавшемуся отобранію монастырскихъ недвижимыхъ имуществъ. Въ ея же царствованіе издавались карикатурные листки о пользѣ оспопрививанія. Но это было исключеніе, вообще же до 1812 года Россія была вѣнь черты осѣдлости карикатуры. И вотъ, когда она опять понадобилась русскому правительству, какъ средство борьбы съ такимъ врагомъ, какъ Наполеонъ, то оказалось, что собственныхъ средствъ для ея изготовленія слишкомъ мало. Пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ Западу, благо тамъ уже было такъ много необходимаго матеріала, что нетрудно было позаимствовать все нужное. Широкой рукой черпали наши первые художники-карикатуристы изъ этого источника, усваивая не только технику, но часто присваивая и сюжетъ.

Это обстоятельство заставляетъ разсмотрѣть, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, карикатуры на Наполеона и его армію у главнѣйшихъ западно-европейскихъ народовъ, ибо безъ этого въ исторіи русской карикатуры будетъ многое неясно, а иногда и совсѣмъ непонятно.

Наполеонъ, какъ выдающаяся личность, сталъ извѣстенъ, прежде всего, само собой разумѣется, у себя на родинѣ, гдѣ карикатура была весьма развита, особенно въ революціонную эпоху. Но она долго не касалась общаго народнаго любимца, который увеличилъ славу и могущество народа. Но какъ только Наполеонъ сталъ добиваться переворота съ цѣлью превращенія республики въ монархію, карикатуристы сейчасъ же обнаружили замыслы Наполеона. Особенно непріятна была ему карикатура «Первый консулъ», ибо она предостерегала французовъ, которымъ, по выраженію художника, Наполеонъ «сыпалъ въ глаза песокъ», чтобы незамѣтно для нихъ добиться своей цѣли. Но недолго могла карикатура касаться такой благодарной темы, какъ превращеніе перваго консула въ императора, отмѣны многихъ республиканскихъ принциповъ во имя «свободы», которой такъ любилъ прикрываться Наполеонъ, и т. д. Строгая полицейская цензура положила ей конецъ по приказанію недавняго защитника республиканскихъ принциповъ, а теперь императора французовъ. Карикатура, особенно политическая, во Франціи замерла, долго не смѣла касаться Наполеона, но съ новой энергіей напала на него, когда онъ утратилъ сначала вліяніе, а потомъ и власть. Тутъ она сыграла роль

---

[1]) Снегиревъ, „Лубоч. картинки“, изд. 1861 г., стр. 132.

Терсита. Нужно, однако, сказать, къ чести тогдашнихъ выдающихся французскихъ художниковъ, что немногіе изъ нихъ принимали участіе въ этой травлѣ Наполеона. Этимъ занимались третьестепенные таланты, и ихъ произведенія не имѣли большого успѣха ни во Франціи, ни тѣмъ болѣе въ другихъ странахъ. Однако надо замѣтить, что двѣ-три изъ нихъ попали къ намъ, въ Россію, и были использованы нашими карикатуристами, какъ матеріалъ для ихъ произведеній.

Въ иномъ положеніи была англійская карикатура. Въ Англіи художники и журналисты могли болѣе свободно высмѣивать Наполеона, а потому каждый его поступокъ находилъ здѣсь строгую оцѣнку въ ядовитой статьѣ или въ злой карикатурѣ. Нужно къ этому еще прибавить, что нигдѣ такъ высоко въ то время не стоялъ этотъ родъ живописи, какъ здѣсь. Этому способствовало отсутствіе чрезмѣрно стѣснительныхъ цензурныхъ условій, съ одной стороны, и продолжительное культивированіе карикатуры—съ другой. Уже въ началѣ XVШ вѣка у англичанъ стала обнаруживаться любовь къ ней. Сначала пользовались большимъ успѣхомъ карикатуры на англійскую жизнь, привезенныя изъ Голландіи, въ которой европейская карикатура достигла въ то время наивысшаго развитія, а потомъ произведенія В. Гогарта, создавшаго себѣ безсмертное имя своими знаменитыми картинами-сатирами. Увлеченіе ими было такъ велико, что ихъ не успѣвали печатать, а цѣны на нѣкоторыя изъ нихъ достигли колоссальныхъ размѣровъ.

Успѣхъ Гогарта способствовалъ появленію цѣлаго ряда художниковъ-карикатуристовъ, которые уже въ концѣ XVШ вѣка превзошли голландскихъ собратій, и англійская карикатура на много лѣтъ стала образцомъ для карикатуристовъ всего міра и въ особенности для русскихъ.

Цѣлая плеяда тогдашнихъ англійскихъ карикатуристовъ—съ Гильрэ, Роландсономъ и Крукшанкомъ во главѣ—трудилась тогда въ этой области искусства и соперничала другъ съ другомъ въ остроуміи. Одной изъ излюбленныхъ темъ для нихъ былъ, конечно, Наполеонъ, который энергично, но безрезультатно стремился сломить могущество Англіи. Всякая его неудачная попытка, всякій неловкій поступокъ немедленно вызывали карикатуру. Потомъ, постепенно знакомясь съ характеромъ Наполеона и предугадывая его замыслы, художники-карикатуристы стали направлять стрѣлы своего художественнаго остроумія на его личность и въ этомъ отношеніи достигли совершенства. Не было ни одной слабой черты въ его характерѣ, не осталось, кажется, ни одной части тѣла, которыя не были бы изображены ими въ карикатурномъ видѣ. Они-то и создали карикатурный типъ Наполеона, и онъ сталъ общимъ для художниковъ всей Европы.

Нѣтъ возможности разсказать здѣсь хотя бы о главнѣйшихъ англійскихъ карикатурахъ на Наполеона, ибо ихъ не менѣе тысячи. Въ виду этого приходится остановиться только на наиболѣе выдающихся.

Одна изъ первыхъ карикатуръ на Наполеона (появилась въ 1798 г.) была посвящена неудачной его попыткѣ отнять у Англіи владычество на морѣ. Извѣстный англійскій карикатуристъ Гильрэ (Gillray) изобразилъ результатъ этого соперничества слѣдующимъ образомъ. Jack Tar (то же, что John Bull) и Бонапартъ сидятъ на земномъ шарѣ. Первый ловкимъ

ударомъ бокса сталкиваетъ Наполеона, и онъ вотъ-вотъ свалится въ бездну. Другая карикатура, того же художника и посвященная тому же событію, изображаетъ Наполеона въ весьма комичной позѣ, вооруженнаго съ ногъ до головы и дающаго клятву на мечѣ отомстить за нанесенный Нельсономъ позоръ и смести Англію съ лица земли.

Дѣятельность Наполеона во Франціи въ области внутренней политики подверглась тоже весьма ядовитой оцѣнкѣ. Въ концѣ 1799 и началѣ 1800 года тотъ же Gillray выпустилъ въ свѣтъ, между прочимъ, двѣ особенно интересныя карикатуры. Первая изображаетъ Наполеона, отдающаго приказаніе солдатамъ штыками прогнать толпу. Здѣсь имѣется въ виду событіе въ С.-Клу 10 ноября 1799 года, которое положило конецъ «свободѣ, равенству и братству». На другой изображено засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Наполеона, посвященное измѣненію французской конституціи. Тутъ особенно характерна фигура «перваго консула», вооруженнаго мечомъ, на которомъ красуется надпись «Liberté».

Много трудился Gillray надъ созданіемъ карикатурнаго типа Наполеона. Уродливый носъ, невзрачная фигура на некрасивыхъ ногахъ въ высокихъ сапогахъ, длинныя руки,—все это было имъ подчеркнуто и притомъ такъ удачно, что другимъ художникамъ оставалось только подражать. Онъ же первый пустилъ въ оборотъ изображеніе Наполеона въ видѣ корсиканской лисицы (намекъ на хитрость корсиканскаго выходца) и корсиканскаго мясника, въ лавкѣ котораго среди свиныхъ, воловьихъ и иныхъ тушъ висятъ людскія туши (намекъ на безпощадное истребленіе рода человѣческаго благодаря безпрерывнымъ войнамъ).

Не отставали отъ этого выдающіеся карикатуристы Cruikshank, Rowlandson, Elmés, Braok. Первый далъ особенно много художественныхъ карикатуръ въ концѣ 1812 и въ 1813 году, когда Наполеонъ потерпѣлъ фіаско въ Россіи и съ остатками своей великой арміи возвращался въ Парижъ. Это онъ былъ авторомъ карикатуръ: «Смотръ французскимъ войскамъ на обратномъ походѣ изъ Смоленска», «Въѣздъ Наполеона въ Парижъ», «Наполеонъ въ видѣ волчка» и массы другихъ, которыя пользовались особеннымъ успѣхомъ у насъ, въ Россіи. Однако онъ же и заимствовалъ карикатуры у нашихъ художниковъ, что доказано документально. Между прочимъ, онъ почти цѣликомъ перерисовалъ карикатуру Теребенева, извѣстную подъ заглавіемъ «Наполеонова слава». Но объ этомъ будетъ сказано ниже.

Этотъ успѣхъ раздѣлялъ съ Cruikshank'омъ карикатуристъ Rowlandson. Ниже мы увидимъ, что нѣкоторыя его карикатуры заимствовали наши знаменитые карикатуристы той эпохи — Теребеневъ и Ивановъ. Огромнымъ успѣхомъ пользовались двѣ его карикатуры: «Бонапартъ сдѣлался философомъ» (Bonney torned Philosoph) и «Блюхеръ, поймавшій корсиканскую собаку».

Большой фуроръ произвела также карикатура Roberts'a «Англійскій бульдогъ и корсиканская щейка». Не было, кажется, ни одного цивилизованнаго народа, который не воспроизвелъ бы это не только остроумное, но и художественное произведеніе Roberts'a.

Цѣлый рядъ другихъ менѣе извѣстныхъ карикатуристовъ не отставалъ отъ упомянутыхъ художниковъ, и въ результатѣ появилось огромное

количество карикатуръ на Наполеона. Онѣ наводнили художественный рынокъ не только Англіи, но и другихъ странъ, въ томъ числѣ и Россію. Это, помимо талантливости ихъ произведеній, тоже способствовало усиленію вліянія англійской карикатуры въ этихъ странахъ.

Англійскіе художники своими карикатурами на Наполеона задали тонъ. Всѣ покоренные имъ народы пылали ненавистью и привѣтствовали поэтому появленіе всего, что такъ или иначе мстило ему за пролитую въ такой массѣ кровь, за разореніе, за лишеніе свободы.

Успѣхъ англійскихъ карикатуристовъ не могъ не вызвать желанія подражать имъ. Но тогда во многихъ странахъ на континентѣ этотъ родъ живописи не стоялъ еще на надлежащей высотѣ. Несмотря на тяжелыя политическія условія въ Германіи, здѣсь не могла окончательно исчезнуть въ живописи и скульптурѣ любовь къ юмору и къ сатирѣ, которые такъ ярко сказались въ тысячахъ фигурокъ на церквахъ и домахъ, въ знаменитомъ «Танцѣ смерти» Гольбейна, въ иллюстраціяхъ къ брандтовскому «Кораблѣ дураковъ» и т. д. У нѣмцевъ уже во второй половинѣ XVIII вѣка было нѣсколько карикатуристовъ, которые касались не только бытовыхъ условій тогдашней жизни, но и пытались затрагивать въ своихъ произведеніяхъ политическія темы. Съ этого времени нѣмецкая карикатура начинаетъ мало-по-малу пріобрѣтать извѣстное общественное значеніе и, находясь все еще подъ вліяніемъ англійской, вліять, между прочимъ, на русскую карикатуру эпохи Наполеона Бонапарта. Впослѣдствіи русская карикатура подпала подъ почти исключительное вліяніе нѣмецкой и лишь съ недавняго времени отъ него освободилась для того, чтобы опять-таки подпасть подъ французское и отчасти англійское вліяніе.

„Стыдись, храбрецъ!“ говоритъ Блюхеръ, хватая корону съ корсиканской кровавой собаки.

Это обстоятельство побуждаетъ насъ, прежде чѣмъ перейти къ изложенію исторіи развитія русской карикатуры этой эпохи, сказать, хотя бы нѣсколько словъ, о тогдашнихъ нѣмецкихъ карикатуристахъ, ибо нѣкоторыя ихъ карикатуры перерисовывались или передѣлывались нашими художниками и еще до нашихъ дней считались ихъ произведеніями.

Наиболѣе талантливымъ изъ нѣмецкихъ карикатуристовъ конца XVIII и начала XIX вѣка былъ Д. Ходовецкій, славянинъ по происхожденію, но нѣмецъ по воспитанію и по духу. Съ него въ сущности начинается нѣмецкая карикатура, ибо онъ умѣлъ вложить въ свои произведенія опредѣленную идею, смотрѣлъ на свой трудъ серьезно и видѣлъ въ немъ средства для борьбы съ несимпатичными ему явленіями

тогдашней общественной жизни. Не всѣ его карикатуры были только юмористическими картинками, возбуждающими веселый смѣхъ,—у него уже встрѣчаются карикатуры-сатиры, которыми онъ клеймилъ все то, что казалось ему достойнымъ бичеванія. Онъ далъ нѣсколько карикатуръ на политическія темы,—на французскую революцію и на политическія событія изъ жизни его страны. Несомнѣнно, онъ посвятилъ бы извѣстное число карикатуръ и Наполеону, но этому помѣшала смерть, — онъ умеръ въ 1801 году.

Направленіе, данное Ходовецкимъ нѣмецкой карикатурѣ, не окончилось съ его смертью, но, наоборотъ, стало развиваться, несмотря на весьма неблагопріятныя условія. Наполеонъ, какъ извѣстно, своими войнами прекратилъ самостоятельное существованіе почти всѣхъ нѣмецкихъ государствъ и строго наблюдалъ черезъ своихъ агентовъ, чтобы здѣсь ничто не подрывало его авторитетъ. При такихъ условіяхъ карикатура еле влачила свое существованіе до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ не потерпѣлъ пораженія въ Россіи. Лишь въ 1813 году появляется, и притомъ сразу въ большомъ количествѣ, политическая карикатура, почти цѣликомъ посвященная Наполеону, его обратному походу изъ Россіи, русскимъ казакамъ и т. п. Огромное большинство этихъ карикатуръ (а можетъ-быть, и всѣ) собрано въ Берлинской національной галлереѣ и въ двухъ музеяхъ въ Лейпцигѣ, посвященныхъ Наполеону. Кто знакомъ съ англійскими карикатурами на ту же тему [1]), тотъ сразу замѣтитъ, что немногія нѣмецкія карикатуры на Наполеона и его эпоху имѣютъ самостоятельный характеръ. Три нѣмецкіе карикатуриста работали надъ дискредитированіемъ уже развѣнчаннаго Наполеона, но дали весьма немного оригинальныхъ карикатуръ, — чаще всего они перерисовывали или заимствовали сюжетъ изъ англійскаго источника.

Большая часть этихъ карикатуръ издана въ Нюрнбергѣ у Кампе. Наибольшей оригинальностью, на нашъ взглядъ, отличаются карикатуры (и рисунки) Гейслера, который былъ въ свое время въ Россіи вмѣстѣ съ Палласомъ, а потому могъ достаточно правдиво изображать русскіе типы, русскую обстановку и природу. Но въ его произведеніяхъ было мало юмора, и они не имѣли того успѣха, которымъ, не всегда заслуженно, пользовались карикатуры двухъ другихъ художниковъ—Фольца и Шадова. Многія ихъ произведенія занесены къ намъ, въ Россію, и были встрѣчены весьма сочувственно. Особенно нравились у насъ карикатуры Фольца. Именно ему принадлежитъ «Портретъ Наполеона», составленный изъ труповъ, который разошелся у насъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, приписывался И. Теребеневу и былъ приложенъ къ азбукѣ «Подарокъ дѣтямъ въ память 1812 года». Онъ же нарисовалъ распространенную у насъ карикатуру «Удачный охотникъ», — Наполеонъ, несущій на плечахъ убитаго козла, и т. д.

Кромѣ карикатуры Фольца, и другія нѣмецкія карикатуры, большей частью анонимныя, вліяли на творчество нашихъ карикатуристовъ. Такъ, въ вышеупомянутую азбуку, составленіе которой приписывали Теребеневу, имѣется, по крайней мѣрѣ, двѣ картинки, которыя заимствованы изъ нѣ-

---

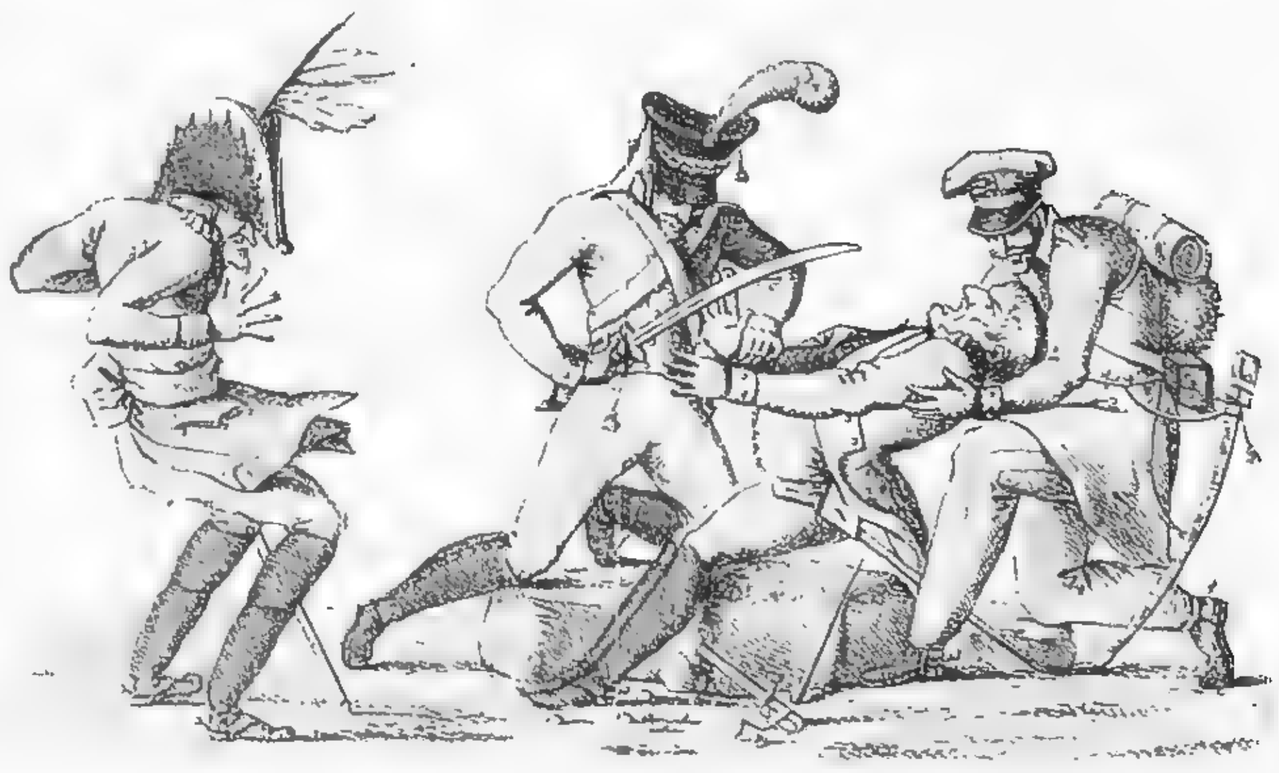
[1]) Въ большомъ количествѣ онѣ имѣются въ музеѣ П. И. Щукина.

Французскіе гвардейцы подъ командой бабушки Спиридоновны. *(Теребеневъ).*

Наполеонъ въ намѣреніи своемъ уничтожить Пруссію—
грибъ съѣлъ. *(И. Теребеневъ).*

Французы, испугавшіеся козы.

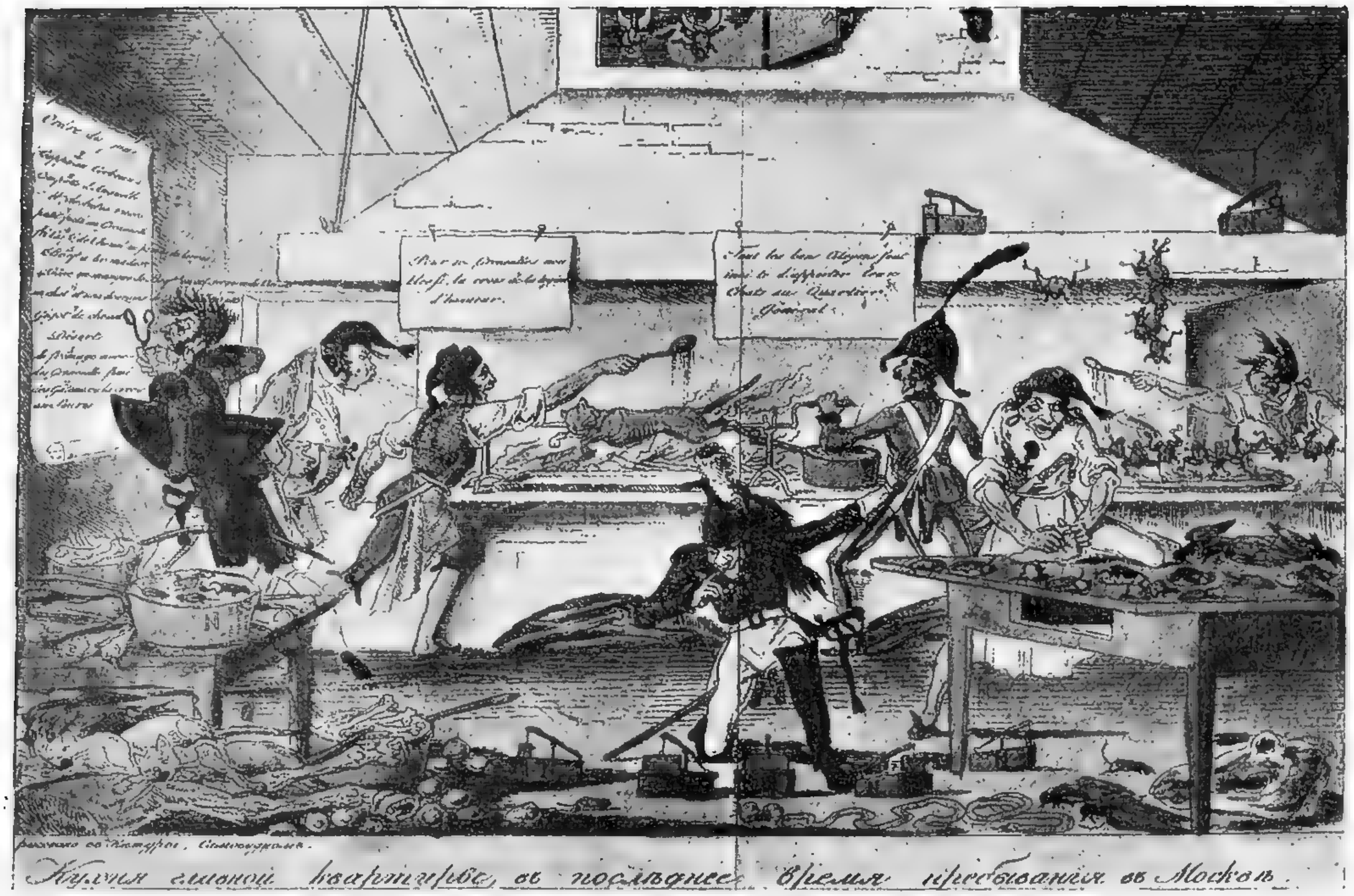
(Подражаніе Теребеневу. *Сынъ Отечества.* 1812, № 9).



Полезная операція.

Маршалъ: Я вамъ говорилъ, В. В., остригите ногти; больно велики выросли... Нѣтъ, не слушали, такъ вотъ и поневолѣ обрубятъ.

Наполеонъ: Ай, ай, ай, помилуйте! Оставьте мнѣ хоть два, чѣмъ бы колупать.



(Рисунокъ „самовидца“. Копія съ иностраннаго оригинала).

(Венеціановъ).

мецкаго источника. Это подъ буквой «Р.»—Наполеонъ, ѣдущій на ракѣ,— и подъ буквой «О»—Наполеонъ и грибъ.

Чуть не до самой смерти преслѣдовали Наполеона нѣмецкіе карикатуристы (точно такъ же, какъ англійскіе и русскіе). И въ этой травлѣ низвергнутаго съ высоты величія человѣка было что-то мало симпатичное. Это обстоятельство отмѣчается историками нѣмецкой карикатуры. Они подчеркиваютъ то обстоятельство, что нѣмецкіе карикатуристы до 1813 г. не смѣли касаться Наполеона, а когда онъ палъ, его стали всячески третировать, изображая его то въ видѣ сына сатаны, то въ видѣ собаки, то заключеннымъ въ клѣткѣ и т. д.

Кромѣ англійскихъ и нѣмецкихъ карикатуръ, на Наполеона есть еще карикатуры итальянскія и испанскія. Первыя не отличаются ничѣмъ особеннымъ ни по рисунку, ни по сюжету. Однако одна итальянская острота, подписанная подъ карикатурой, имѣла огромный успѣхъ. Она связана съ именемъ ставшаго въ Италіи легендарнымъ Пасквино.

— Неужели это правда, Пасквино, что всѣ французы разбойники?

— Всѣ, нѣтъ, — сострилъ современный Пасквино, — но Buonaparte (добрая половина) — да.

Наполеонъ съ козломъ на плечахъ (кар. Фольца).

Гораздо болѣе замѣчательна испанская карикатура, благодаря тому обстоятельству, что знаменитѣйшій тогдашній художникъ Франсиско Гойя посвятилъ не одинъ десятокъ карикатуръ Наполеону и его войнамъ съ Испаніей. Его «ужасы войны» слѣдуетъ причислить къ самымъ выдающимся художественнымъ сатирическимъ произведеніямъ, направленнымъ противъ Наполеона. Однако, несмотря на то, что они пользовались огромнымъ успѣхомъ въ Испаніи, вліяніе ихъ на карикатуру другихъ странъ было невелико. Во Франціи они были запрещены, въ Германію не дошли; въ одной Англіи они были распространены, но тамъ было такъ много собственныхъ талантливыхъ карикатуристовъ, что не было надобности въ матеріалѣ для подражанія, хотя бы такому выдающемуся таланту, какъ Гойя.

Такимъ образомъ, англійская карикатура осталась главнымъ образцомъ для странъ, въ которыхъ новая карикатура началась лишь съ XIX вѣка.

II.

Выше было сказано, что по причинамъ политическаго характера карикатуры на Наполеона появились у нѣмцевъ гораздо позже, чѣмъ въ Англіи и Испаніи. Извѣстны примѣры необыкновенно жестокой расправы

Наполеона съ тѣми нѣмцами, которые осмѣлились выступать противъ него въ печати: онъ предавалъ ихъ военному суду, и дѣло кончалось разстрѣломъ. Конечно, при такихъ условіяхъ не могло появиться у кого-нибудь изъ нѣмцевъ желаніе высмѣять Наполеона при помощи карикатуры въ эпоху его могущества.

По другимъ причинамъ не было въ Россіи до 1812 года карикатуръ на Наполеона. Извѣстно, что Наполеонъ неоднократно мѣнялъ свою политику по отношенію къ «сѣверянымъ скиѳамъ», какъ онъ любилъ выражаться. Императоръ Александръ былъ долго въ нерѣшительности. Съ одной стороны, пугало его могущество Наполеона, а съ другой—онъ не былъ увѣренъ въ собственныхъ силахъ. Къ этому надо прибавить, что императоръ Александръ былъ вообще человѣкъ нерѣшительный. Онъ боялся выступить съ рѣшительнымъ протестомъ противъ той или иной, иногда очень рѣзкой и оскорбительной, выходки Наполеона. Мало того, онъ, повидимому, остерегался обидѣть или раздражить Наполеона какимъ-либо поступкомъ.

Несомнѣнно, онъ зналъ, что Наполеону были очень не по сердцу англійскія и иныя карикатуры, въ которыхъ такъ ядовито развѣнчивалась его личность. Есть предположеніе, высказанное извѣстнымъ собирателемъ и изслѣдователемъ русскихъ народныхъ картинъ Д. Ровинскимъ, что императоръ Александръ строжайше запретилъ выпускъ въ свѣтъ карикатуръ на Наполеона. Знаменитый впослѣдствіи художникъ Венеціановъ въ 1807 году издалъ «Журналъ карикатуръ на 1808 годъ», въ которомъ, по словамъ Ровинскаго, было нѣсколько карикатуръ, непріятныхъ Наполеону. И вотъ какъ отнесся къ этому начинанію Венеціанова императоръ Александръ. Онъ велѣлъ изданіе журнала прекратить, указавъ при этомъ издателю, «что онъ дарованіе свое могъ бы обратить на гораздо лучшій предметъ и временемъ могъ бы воспользоваться съ большей выгодой къ пріученію себя къ службѣ, въ коей находится» [1]).

Достовѣрность сообщеннаго Ровинскимъ факта долгое время не подвергалась сомнѣнію. Лишь въ началѣ 1911 года въ «Русскомъ библіофилѣ» появилась статья В. Верещагина, которому удалось найти въ Публичной библіотекѣ три карикатуры, или, вѣрнѣе, рисунка 1-го выпуска изъ упомянутаго выше журнала Венеціанова. В. Верещагинъ находитъ возможнымъ утверждать, что въ этомъ журналѣ не было никакихъ карикатуръ на Наполеона. Запрещенъ же онъ былъ, повидимому, потому, что въ нѣкоторыхъ карикатурахъ высмѣивались сановники и вельможи, чего не могъ допустить императоръ Александръ, который уже тогда отказался отъ своихъ прежнихъ либеральныхъ увлеченій.

Врядъ ли, однако, можно согласиться съ мнѣніемъ г. Верещагина. Ровинскій извѣстенъ какъ чрезвычайно добросовѣстный изслѣдователь. Онъ могъ ошибаться въ выводахъ, но онъ никогда не сообщалъ невѣрныхъ, непровѣренныхъ имъ лично фактовъ. Несомнѣнно, онъ видѣлъ карикатуры Венеціанова на Наполеона, или, по крайней мѣрѣ, получилъ о нихъ точныя свѣдѣнія изъ достовѣрнаго источника, если рѣшился разсказать о нихъ то, что было выше приведено нами. Съ другой стороны,

---

[1]) Венеціановъ занималъ тогда должность землемѣра въ Лѣсномъ Департаментѣ.

г. Верещагинъ видѣлъ только три рисунка и притомъ изъ одного выпуска, тогда какъ есть свидѣтельство и помимо Ровинскаго (Сопиковъ), что выпусковъ было три. Это, конечно, не даетъ возможности утверждать, что сообщаемый Ровинскимъ фактъ не вѣренъ. Такимъ образомъ, будетъ гораздо осторожнѣе придерживаться мнѣнія, высказаннаго Ровинскимъ, и считать Венеціанова первымъ русскимъ карикатуристомъ, рѣшившимся затронуть въ своихъ произведеніяхъ личность Наполеона. Это подтверждается еще тѣмъ, что Венеціановъ, какъ увидимъ ниже, нарисовалъ впослѣдствіи на французовъ, жившихъ въ Москвѣ, цѣлый рядъ карикатуръ, которыя появились раньше, чѣмъ произведенія Теребенева, Иванова и другихъ карикатуристовъ.

Послѣ неудачной попытки Венеціанова, вплоть до 1812 года, никто изъ нашихъ художниковъ не далъ ни одной карикатуры на Наполеона. Лишь въ этомъ году, когда истинные замыслы Бонапарта стали ясны всѣмъ, когда вся Россія встрепенулась при извѣстіи, что двадесять языкъ идутъ покорить ее,—никто не сталъ уже болѣе стѣснять ни тогдашнюю нашу убогую прессу, ни художниковъ въ ихъ пропагандѣ необходимости бороться во что бы то ни стало съ «исчадіемъ ада, сыномъ сатаны»—съ Наполеономъ.

Въ настоящее время чрезвычайно трудно установить хронологію появленія той или иной русской карикатуры на Наполеона, на французскую армію или французовъ вообще. А между тѣмъ это необходимо сдѣлать хотя бы въ предѣлахъ главнѣйшихъ датъ Отечественной войны, такъ какъ только тогда будетъ ясна роль этихъ карикатуръ и источникъ ихъ происхожденія.

Прежде всего нужно установить, какія карикатуры были изданы въ Москвѣ, ибо она была особенно тѣсно связана съ Отечественной войной и вмѣстѣ съ тѣмъ была центромъ производства различнаго рода народныхъ картинъ. Самый тщательный просмотръ этихъ карикатуръ показываетъ, что изъ довольно большого числа ихъ (около двухсотъ) только весьма немногія были изданы въ Москвѣ въ періодъ до оставленія ее жителями и до вступленія въ нее французовъ. Мало того. Эти московскія карикатуры скорѣе относятся къ разряду иллюстрированныхъ прокламацій, чѣмъ къ карикатурамъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Всѣ изслѣдователи карикатуръ и народныхъ картинъ, всѣ историки Отечественной войны, а также біографы Ростопчина сходятся въ мнѣніи, что только три или четыре [1]) московскія картинки можно безспорно отнести къ періоду Отечественной войны до вступленія французовъ въ Москву. Первая изъ нихъ—«Русскій ратникъ Гвоздила и милицейскій Долбила»—лубочная картина, слишкомъ реальная и грубая, чтобы быть причисленной къ разряду карикатуръ—состоитъ изъ двухъ самостоятельныхъ гравированныхъ картинокъ очень грубой работы. На верхней части листа изображенъ ратникъ Иванъ Гвоздила, прикалывающій косой, привязанной къ древку, французскаго солдата. На картинкѣ гравированная подпись: «У бусурмана ношки тоненки душа коротенка. Што мусье промахнулся анъ вотъ тебе разъ другой бабушка дастъ». Картинка на нижней части

---

[1]) Двѣ изъ нихъ были награвированы на одномъ листѣ.

листа представляетъ слѣдующее: русскій милицейскій мужикъ Долбила убиваетъ прикладомъ француза, приговаривая: «Што мусье кувырнулся расъ, два, три, аль не прибавитли мусье». На уровнѣ головы Долбилы награвировано:

«Вить очнется Басурманъ
Не вдавайся братъ въ обманъ».

Эта картинка появилась не случайно и не по иниціативѣ какого-нибудь издателя, который пускаетъ въ продажу ходкій товаръ. Въ Москвѣ въ то время было много такихъ издателей лубочныхъ картинъ, и впослѣдствіи они не разъ переиздавали «Гвоздилу и Долбилу» или сочиняли сами подобныя ей картинки. Упомянутая картинка была награвирована и отпечатана по распоряженію Ростопчина [1]), который, какъ извѣстно, своими довольно шумливыми афишами старался поднять духъ патріотизма и вызвать ненависть къ приближающимся врагамъ. Ростопчинъ хорошо зналъ, что правительство временъ Екатерины не безъ успѣха прибѣгало къ картинкамъ, какъ къ средству пропаганды извѣстной идеи. Картинка «Ратникъ Гвоздила и милицейскій Долбила» должны были наводить простонародье на мысль, какъ вооружаться и какъ драться съ врагомъ.

Интересно отмѣтить связь этой картинки съ прежними лубочными картинками. Выше было указано, что съ вѣдома императрицы Екатерины была пущена въ народъ картинка-карикатура—«Просьба кашинскому архіепископу отъ монаховъ калязинскаго монастыря». Просьбу эту, какъ значится на картинкѣ, подписали: Колотила, Долбила, Суетила да дьяконъ Хоботила. Отсюда, несомнѣнно, взято имя «милицейскаго Долбилы», а по образцу вышеприведенныхъ именъ было составлено имя «Ратника Гвоздилы». Такое позаимствованіе именъ было сдѣлано, конечно, съ цѣлью лучше поддѣлаться подъ народный ладъ. А къ этому, какъ извѣстно, Ростопчинъ очень стремился въ своихъ «дружескихъ посланіяхъ къ жителямъ Москвы».

Интересна также лубочная картинка подъ заглавіемъ «Крестьянинъ Иванъ Долбила», имѣющая самую тѣсную связь съ ростопчинскими афишами. Въ одной изъ нихъ находимъ слѣдующія слова, имѣющія несомнѣнную связь съ нашей картинкой: «Когда до чего дойдетъ,—говорилось тамъ,—мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два; а теперь не надо; я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогаткой, а всего лучше вилы-тройчатки; французъ не тяжеле снопа ржаного». На упомянутой же картинкѣ изображенъ мужикъ, колющій француза вилами съ такими словами: «Вотъ и вилы-тройчатки пригодились убирать да укладывать. Ну, мусье, полно вздрагивать». Тутъ же нарисована телѣга, на которой, какъ снопы, сложены трупы убитыхъ французовъ.

Такимъ образомъ, эта картинка была, несомнѣнно, иллюстраціей къ только что приведеннымъ словамъ Ростопчина.

Болѣе содержательной, а потому, вѣроятно, и болѣе продуктивной, была другая картинка, изданная также по приказанію Ростопчина, и даже

---

[1]) Эта картинка вышла въ свѣтъ 1 іюля 1812 года, точно такъ же, какъ и картинка „Корнюшка Чихиринъ“.

при его личномъ участіи, и извѣстная въ литературѣ подъ названіемъ «Корнюшка Чихиринъ». Сама картинка не представляетъ особаго интереса. Нарисованъ весьма примитивно кабакъ съ орломъ на крышѣ. У двери стоитъ здоровенный мужикъ Корнюшка Чихиринъ, а передъ нимъ толпа народа, которая слушаетъ его рѣчи [1]).

Картинками, изображающими Гвоздилу, Долбилу и Чихирина, началась, и ими же, можно сказать, заканчивается московская серія оригинальныхъ иллюстрацій къ Отечественной войнѣ въ періодъ до сожженія Москвы. Нехудожественны, неостроумны и безсодержательны онѣ и почти ничѣмъ не отличаются отъ плохихъ лубочныхъ картинъ конца XVIII вѣка. Въ Москвѣ не оказалось талантливаго художника, который, пользуясь хотя бы иностранными образцами, далъ бы произведенія, способныя удовлетворить мало-мальски развитой вкусъ.

Но чего не дала Москва, далъ въ изобиліи Петербургъ. Здѣсь, вдали отъ театра военныхъ дѣйствій, не прекращалась культурная жизнь: работали типографіи, выходили періодическія изданія, въ которыхъ описывались важнѣйшія событія, получались донесенія полководцевъ и опубликовывались правительствомъ,—словомъ, не было недостатка въ свѣдѣніяхъ о положеніи дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Вскорѣ нашлись и люди, которые стали изображать наиболѣе важныя или интересныя событія въ иллюстраціяхъ и въ карикатурахъ. Это своего рода тріумвиратъ—Венеціановъ, Теребеневъ и Ивановъ, которые, по свидѣтельству современниковъ, были связаны тѣсной дружбой и очень часто работали свои произведенія сообща. На томъ же поприщѣ, хотя и не такъ интенсивно, отличался извѣстный художникъ Орловскій. Но наиболѣе выдающимся среди нихъ былъ П. Теребеневъ. Его карикатуры имѣли такой огромный успѣхъ, что имя его было извѣстно всей грамотной Россіи, и большая часть вышедшихъ тогда карикатуръ приписывалась ему. А между тѣмъ многія изъ нихъ принадлежали другимъ художникамъ — чаще всего Венеціанову и П. Иванову. Кромѣ того, пальма первенства изданія карикатуръ на событія, связанныя съ Отечественной войной, принадлежитъ не Теребеневу, а, какъ было упомянуто выше, Венеціанову. Есть еще и другія основанія, по которымъ слѣдуетъ считать этого художника родоначальникомъ карикатуръ на Наполеона въ Россіи: кромѣ карикатуръ, которыя были помѣщены въ упомянутомъ «Журналѣ», ему принадлежитъ значительное число такихъ же произведеній, относящихся къ болѣе позднему времени.

(Англ. копія; см. карик. Теребенева: „Смотръ французскимъ войскамъ“ на стр. 209).

---

[1]) См. статью П. М. Мендельсона въ IV т.

Изъ наполеоновскихъ карикатуръ, которыя, несомнѣнно, принадлежатъ Венеціанову, нѣтъ ни одной, помѣченной его именемъ. Только, вѣроятно, поэтому весьма немногіе знаютъ о существованіи этихъ карикатуръ, а между тѣмъ онѣ такъ художественны, что вполнѣ достойны имени этого знаменитаго художника.

Авторство Венеціанова установлено въ печати впервые Ровинскимъ, который видѣлъ въ собраніи Ваулина 9 карикатуръ съ именемъ этого художника, помѣченнымъ рукою Галактіонова. Затѣмъ, сличивъ эти карикатуры съ другими анонимными карикатурами, Ровинскій пришелъ къ заключенію, что Венеціанову принадлежитъ еще одиннадцать, а всего, значитъ, двадцать. Врядъ ли можно сомнѣваться въ правильности мнѣнія Ровинскаго, всегда точнаго въ сообщеніи фактовъ. Дѣйствительно, почти всѣ двадцать упомянутыхъ въ «Слов. русскихъ граверовъ» карикатуръ такъ своеобразны по рисунку, что не имѣютъ ничего общаго съ карикатурами, помѣченными именемъ Теребенева, Иванова или другихъ менѣе извѣстныхъ художниковъ. Съ другой стороны, онѣ такъ художественны, что, несомнѣнно, принадлежатъ къ работамъ выдающагося по таланту художника. Помѣта фамиліи Венеціанова на девяти карикатурахъ рукой Галактіонова, извѣстнаго гравера и современника Венеціанова,—тоже служитъ достаточной порукой, что, по крайней мѣрѣ, девять карикатуръ на событія изъ Отечественной войны принадлежатъ именно этому художнику.

Семь изъ этихъ достовѣрныхъ карикатуръ Венеціанова тѣсно связаны другъ съ другомъ и всѣ трактуютъ одну тему: дурное вліяніе французовъ-гувернеровъ, гувернантокъ, учителей, артистовъ, парикмахеровъ и т. д.—на русское общество. На одной съ подписью «Французское воспитаніе» изображено: гувернеръ надѣваетъ на мальчика колпакъ съ бубенчикомъ и надписью: «Названія всехъ наукъ, познанія о удовольствіяхъ Парижа». Гувернантка, стоящая сзади мальчика, накачиваетъ въ голову насосомъ французскій языкъ, безстыдство, эгоизмъ и вольнодумство. На другой изображена толстая «мадамъ», лежащая въ постели и подающая одному изъ мужчинъ цвѣтокъ; въ другой комнатѣ сидятъ три портнихи и двое ухаживателей. Подъ картинкой, озаглавленной «Дѣятельность француженки въ магазинѣ», подпись: 1) «Завтра здесь у Мадамъ въ 2 часа я буду—и увенчаетъ насъ любовь», и 2) «Каковъ мой пароль д'онеръ?» На третьей карикатурѣ изображенъ французскій парикмахеръ, дѣлающій мужу прическу съ высокими рогами. На четвертой изображено наглядно тлетворное вліяніе французскаго образованія: на полу разбросаны «сочиненія россійскихъ авторовъ, россійская грамматика, катихизисъ», а вмѣсто нихъ на столѣ лежатъ сочиненія Вольтера.

Таково содержаніе первыхъ четырехъ карикатуръ Венеціанова. Сюжетъ ихъ очень напоминаетъ знаменитыя Ростопчинскія «Мысли не вслухъ на Красномъ крыльцѣ».

Если вспомнимъ, что это произведеніе Ростопчина было издано въ 1807 году и что въ концѣ того же года вышелъ впослѣдствіи уничтоженный «Журналъ карикатуръ» Венеціанова, въ которомъ, какъ сказано было выше, были какія-то карикатуры на Наполеона (а можетъ-быть, только на французовъ вообще?), то невольно напрашивается вопросъ,—нѣтъ ли связи между этими произведеніями? Не эти ли карикатуры противъ

французовъ (или нѣкоторыя изъ нихъ) были уничтожены изъ боязни международныхъ осложненій? И не были ли онѣ впослѣдствіи возобновлены Венеціановымъ и изданы въ годъ нашествія французовъ въ Россію, когда Ростопчинъ своими прокламаціями возбуждалъ русскихъ противъ давно ненавистныхъ ему компатріотовъ Наполеона, захватившихъ въ свои руки воспитаніе нашего юношества?

Иначе трактуютъ вопросъ остальныя три изъ семи вышеупомянутыхъ карикатуръ. Тутъ изображено уже изгнаніе изъ Москвы «мадамовъ», учителей, артистовъ, поваровъ и пр. французовъ, которыхъ «нигдѣ по дорогамъ не задержали, а съ честью крестьянки провожали». Эти три картинки имѣли огромный успѣхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти карикатуры Венеціанова были награвированы въ 1812 году, и именно въ то время, когда по полученіи извѣстія о походѣ Наполеона на Россію «гонители французскаго языка и Кузнецкаго Моста взяли въ обществахъ рѣшительный перевѣсъ, и гостиныя наполнились патріотами» [1]). Тогда ни Ростопчину ни Венеціанову уже не зачѣмъ было скрывать свой взглядъ на французоманію русскаго общества.

Остальныя тринадцать изъ двадцати, приписываемыхъ Ровинскимъ Венеціанову, карикатуръ не имѣютъ общей между собой связи и касаются самыхъ разнообразныхъ эпизодовъ похода Наполеона въ Россію и обратно во Францію. Тутъ мы находимъ карикатуры: «Наполеонъ послѣ сраженія подъ Малоярославцемъ», «Неправильная ретирада», «Французскіе гвардейцы подъ командой бабушки Спиридоновны» и т. д. Вполнѣ оригинальны были только семь выше упомянутыхъ карикатуръ Венеціанова, въ остальныхъ же карикатурахъ (если онѣ дѣйствительно принадлежатъ ему) онъ не избѣгнулъ подражанія англійскимъ образцамъ. Такъ, напримѣръ, карикатура «Зимнія квартиры», изображающая Наполеона и его приближенныхъ въ снѣгу по шею,—съ подписью: «Какъ прикажете написать въ бюллетенѣ?» Пишите: «Остановились на зимнихъ квартирахъ», почти цѣликомъ срисована съ англійской карикатуры, которая, несомнѣнно, имѣла у насъ большой успѣхъ, такъ какъ появилась сразу въ четырехъ варіантахъ. Есть еще карикатуры, если не цѣликомъ, то отчасти, заимствованныя Венеціановымъ изъ иностраннаго источника (напр., карик. «Большая французская армія, задача по Галлевой системѣ»).

Такъ нова была эта отрасль живописи, что даже такой первоклассный художникъ, какимъ былъ Венеціановъ, долженъ былъ заимствовать не только сюжетъ, но и рисунокъ. Впрочемъ, большинство его карикатуръ такъ оригинальны и своеобразны, что этого знаменитаго художника слѣдуетъ признать талантливѣйшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ по времени русскимъ карикатуристомъ.

Съ легкой руки Венеціанова посыпались въ Россіи карикатуры на Наполеона и его сподвижниковъ какъ изъ рога изобилія. Наиболѣе плодовитымъ и талантливымъ карикатуристомъ, послѣ Венеціанова, былъ, несомнѣнно, И. И. Теребеневъ, который на этомъ поприщѣ пріобрѣлъ такую извѣстность, что всякая анонимная карикатура той эпохи еще и

---

[1]) Слова А. С. Пушкина.

Наполеонова слава. „Попалась впросакъ! Русской солдатъ штыкомъ снялъ съ нее маску, Козакъ нагайкою всѣ вѣнцы ея лавровые охлесталъ, а Вавила Морозъ и огромную трубу ея заткнулъ снѣгомъ“. (И. Теребеневъ).

до сихъ поръ приписывается ему. Ровинскій находилъ, что «карикатуры Теребенева вполнѣ художественны и оригинальны, и только въ немногихъ изъ нихъ проглядываетъ нѣкоторое подражаніе (курсивъ нашъ) французскимъ карикатурамъ конца прошедшаго столѣтія; но за всѣмъ тѣмъ карикатуры нашего Теребенева и замысловатѣе и несравненно художественнѣе французскихъ» [1]). Таково мнѣніе выдающагося знатока русскаго искусства вообще и гравюры во всѣхъ ея видахъ въ частности. Высказано оно было тридцать лѣтъ тому назадъ, когда эта область была еще мало изслѣдована, а потому не удивительно, что оно не совсѣмъ вѣрно. Ровинскій оказался правъ только въ первой части своего сужденія о карикатурахъ Теребенева: онѣ художественны. Что же касается оригинальности, то въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ ниже, онѣ не вполнѣ оправдываютъ мнѣніе Ровинскаго.

Теребеневъ представляетъ значительный интересъ не только какъ художникъ, но и какъ личность. Это былъ живой, отзывчивый человѣкъ съ мятущейся душой, вѣчно искавшій смысла жизни, съ характеромъ, «не терпящимъ принужденія». Онъ получилъ образованіе въ Академіи Художествъ, курсъ ученія въ которой окончилъ въ 1800 году. Сначала своею спеціальностью онъ избралъ скульптуру и былъ даже оставленъ пенсіонеромъ для подготовки къ профессорской дѣятельности, но бросилъ и рѣшился, по выраженію одного біографа, «итти своимъ путемъ неопытнаго, безпечнаго юноши». Сдѣлавъ нѣсколько скульптурныхъ работъ (между прочимъ, барельефы адмиралтейскаго фасада), онъ поступилъ въ

[1]) «Русск. народн. картинки», т. IV, стр. 420.

Карикатура И. И. Теребенева.

Капитулы Н. Н. Тевердиева.

Угощеніе Наполеона въ Россіи.

„Свое добро тебѣ пріѣлось!
Гостинцевъ русскихъ захотѣлось?!
Вотъ сласти русскія, поѣшь—не подавись!
Вотъ съ перцемъ збитенекъ, попей—не обожгись!“

Мыльные пузыри.

„Наполеонъ занимается прожектами снарядовъ для будущей кампаніи“.

„Носъ, привезенный Наполеономъ съ собой изъ Россіи въ Парижъ“.

Наполеонъ: Вотъ какой носъ приставили мнѣ русскіе! Не знаю, какъ мнѣ съ нимъ показаться парижской публикѣ! Нѣтъ ли средствъ укоротить его?

1. Докт.: Надобно его отрѣзать.
2. Докт.: Въ такомъ случаѣ я не отвѣчаю за жизнь Его Вел.

Бертье: Не зачѣмъ его укорачивать; показывайтесь съ нимъ смѣло парижанамъ. Мы напишемъ, что онъ у Васъ выросъ отъ раннихъ морозовъ и гололедицы.

1805 году въ Тверскую гимназію учителемъ рисованія. Проведя здѣсь тяжелыхъ два года, онъ вернулся въ Петербургъ и сталъ опять заниматься искусствомъ, но уже не какъ скульпторъ, а какъ рисовальщикъ и граверъ. Большая семья требовала значительныхъ средствъ, а между тѣмъ заработокъ оплачивался довольно скудно. Теребеневъ трудился сверхъ силъ, истощилъ свой организмъ и умеръ въ январѣ 1815 года 36-ти лѣтъ отроду. Особенно интенсивно онъ работалъ въ послѣдніе два года своей жизни, именно, 1813 и 1814 годъ, такъ какъ только въ это время онъ получилъ возможность широко использовать свой природный талантъ карикатуриста. Этотъ новый для него родъ дѣятельности Теребеневъ началъ, по свидѣтельству А. Воейкова (автора «Сумасшедшаго дома»), «не прежде, какъ въ февралѣ 1813 года». Начиная съ этого времени до дня своей смерти, онъ выпустилъ въ свѣтъ 37 подписанныхъ его именемъ карикатуръ, такъ или иначе связанныхъ съ Отечественной войной. Но кромѣ этихъ подписанныхъ карикатуръ, ему принадлежитъ еще нѣкоторое число карикатуръ, не помѣченныхъ его именемъ. Ровинскій насчитываетъ только шесть карикатуръ, которыя по техникѣ и манерѣ могутъ быть приписаны этому художнику, но съ большой увѣренностью можно сказать, что ихъ гораздо больше. Изъ общаго числа художественныхъ карикатуръ той эпохи (а ихъ не менѣе 200), только штукъ 50 имѣютъ подписи Теребенева, Иванова или какого-нибудь менѣе извѣстнаго карикатуриста. Такимъ образомъ, имена авторовъ около 150 карикатуръ неизвѣстны. По общему свидѣтельству современниковъ, больше всѣхъ художниковъ трудился на этомъ поприщѣ Теребеневъ. Это и даетъ возможность предполагать, что значительное число анонимныхъ карикатуръ было сдѣлано, несомнѣнно, Теребеневымъ.

Его произведеніямъ долго придавали большое политическое значеніе, полагая, что они много способствовали проявленію ненависти къ Напо-

(Теребеневъ).

леону и его арміи, что облегчало борьбу съ ними. Но на самомъ дѣлѣ это было далеко не такъ. Выше мы приводили свидѣтельство Воейкова, что Теребеневъ началъ издавать свои карикатуры лишь съ февраля 1813 года. Такимъ образомъ, ни одна изъ нихъ не появилась до сожженія Москвы и даже до ухода французовъ изъ предѣловъ Россіи. Всѣ карикатуры Теребенева вышли уже тогда, когда въ Россіи не было ни одного вооруженнаго француза. Мало того. Многія его карикатуры появились уже послѣ взятія Парижа и ссылки Наполеона на Эльбу.

Это обстоятельство весьма умаляетъ практическое значеніе карикатуръ Теребенева, ибо роль всякой карикатуры состоитъ въ томъ, чтобы путемъ осмѣянія какого-либо нежелательнаго явленія уменьшить размѣры приносимаго имъ вреда. Если она не въ состояніи этого сдѣлать, тогда она изъ художественной сатиры превращается въ невинную юмористическую картинку, которая вызываетъ не злобу и негодованіе, а добродушный смѣхъ.

Могли ли имѣть значеніе художественной сатиры карикатуры Теребенева, если онѣ осмѣивали Наполеона не въ дни его могущества и славы, а тогда, когда онъ растерялъ свою армію и даже былъ заключенъ подъ строгій надзоръ вооруженной силы? На этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Несомнѣнно, онѣ такой роли не играли, ибо въ то время, когда онѣ появились, народная война уже почти прекратилась, а наша армія, шедшая все время по слѣдамъ Наполеона, конечно, этихъ карикатуръ и не видала.

Изъ карикатуръ Теребенева, несомнѣнно ему принадлежащихъ, болѣе тридцати посвящены осмѣянію Наполеона и его арміи, при чемъ большая половина касается исключительно его личности. Наполеонъ изображенъ здѣсь въ самыхъ комическихъ положеніяхъ: русскій солдатъ обрѣзаетъ ему саблей ногти, русскіе бреютъ его въ банѣ, заставляютъ его плясать подъ русскую дудку, при чемъ подстегиваютъ его кнутомъ, угощаютъ его «калужскимъ тѣстомъ», заставляютъ его ѣхать на свиньѣ или на ракѣ, пускать мыльные пузыри или змѣя и т. д., и т. д. Вездѣ на этихъ карикатурахъ фигура Наполеона самая комичная: ростъ маленькій, носъ длинный, иногда съ волдырями, волосы дыбомъ, оружіе непомѣрно большое, точно такъ же, какъ и сапоги.

Много оригинальнаго въ этихъ художественныхъ сатирахъ на Наполеона, но немало и подражательнаго. Ниже мы увидимъ, что Теребеневъ имѣлъ всѣ данныя быть художникомъ вполнѣ самостоятельнымъ, но Наполеона онъ изображалъ чаще всего такъ, какъ его изображали англичане. Они исчерпали въ теченіе многихъ лѣтъ эту благодарную тему, использовали всѣ смѣшныя стороны его дѣятельности и недостатки его фигуры. Теребеневу, который видѣлъ карикатуры англійскихъ художниковъ, оставалось одно—взять готовую карикатурную фигуру Наполеона и перенести его въ русскую обстановку и въ тѣ новыя условія, въ каторыя онъ попалъ вслѣдствіе пораженія въ Россіи. Надо сказать при этомъ, что нашъ художникъ дѣлалъ это очень умѣло—онъ использовалъ главнѣйшіе моменты неудачнаго похода и тѣ комичныя или трагическія положенія, въ которыя не разъ попадалъ Наполеонъ.

Его карикатуры нравились не только въ Россіи, но и за границей, и были распространены далеко за предѣлами нашего отечества. Мало того.

Нѣкоторыя изъ нихъ были заимствованы иностранными художниками. Такъ, извѣстная теребеневская карикатура «Наполеонова слава», появившаяся въ началѣ 1813 года, уже въ маѣ была перерисована знаменитымъ англійскимъ карикатуристомъ Крукшанкомъ, на что указываетъ слѣдующая ссылка на источникъ: «Copied from a russian print Cruikshank». Заимствована англичанами и другая карикатура Теребенева: «Крестьяне увозятъ у французовъ пушку». При перерисовкѣ въ обѣ копіи внесены лишь незначительныя измѣненія по сравненію съ оригиналами. Значитъ, даже извѣстные англійскіе художники признали карикатуры Теребенева вполнѣ художественными, если заимствовали ихъ почти цѣликомъ.

Но, отдавая должное таланту Теребенева, слѣдуетъ указать, что нерѣдко онъ, просто-напросто, дѣлалъ копіи съ иностраннаго оригинала и подписывалъ ихъ своимъ именемъ безъ ссылки на источникъ. Вотъ, напримѣръ, карикатура «Пастухъ и волкъ» (№ 383 по Ровинскому). Какъ видно изъ помѣщаемыхъ здѣсь карикатуръ Теребенева и англійскаго художника Rowlandson'a, первая представляетъ копію со второй, но съ характерными измѣненіями. Фигура Блюхера замѣнена фигурой русскаго мужика и замѣнены подписи. Въ англійскомъ источникѣ, который появился 9 апрѣля 1814 года, сказано: «Храбрый Блюхеръ заставляетъ корсиканскую ищейку отказаться отъ престола». Другую подпись мы видимъ подъ карикатурой Теребенева. «Радуйтесь, пастухи добрые, — говорится здѣсь.—Уже вы больше не потерпите недочету въ вашихъ овечькахъ; звѣрь обнаруженъ. Онъ былъ страшенъ только тѣмъ, которые не умѣли за него взяться. А я попросту, какъ въ старину, бывало: приноровилъ, схватилъ, и какъ хочу, такъ теперь его и поворочу». Трудно сказать, какія причины заставили нашего художника замѣнить Блюхера пастухомъ и измѣнить подпись подъ карикатурой. Вѣроятнѣе всего, что онъ хотѣлъ приспособиться къ русскому простонародному пониманію. Карикатура «Смотръ французскимъ войскамъ на обратномъ ихъ походѣ черезъ Смоленскъ» почти цѣликомъ скопирована съ англійской карикатуры подъ тѣмъ же заглавіемъ работы Крукшанка, помѣченной 27 маемъ 1813 г.

Еще болѣе точно скопирована Теребеневымъ карикатура «Ретирада французскихъ генераловъ» съ англійской карикатуры конца 1812 года работы Cruikshank'a съ тѣмъ же заголовкомъ. Точное воспроизведеніе нѣмецкой карикатуры «Napoleon unter der Hände der Aerzte» представляетъ собою и его карикатура «Консиліумъ».

Немало также найдется у Теребенева карикатуръ, которыя, хотя и не представляютъ копіи съ иностраннаго образца, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не являются произведеніями оригинальными. В. В. Стасовъ въ своемъ отзывѣ [1]) о трудѣ Ровинскаго «Русскія народныя картинки» приводитъ списокъ пяти теребеневскихъ карикатуръ, сюжеты которыхъ заимствованы, это: «Угощеніе Наполеону въ Россіи», «Русская баня», «Попляши подъ нашу дудку», «Наполеонова пляска» и «Мыльные пузыри»». Но разсмотрѣніе иностранныхъ карикатуръ—изъ собранія П. И. Щукина въ Москвѣ, Бертша и Бурга въ Лейпцигѣ, Берлинской національной галлереѣ и

---

[1]) «Собран. сочин.», т. II, стр. 675.

Консилiумъ. Доктора: „Языкъ бѣлехонекъ! (Въ наказаніе за то, что много лгалъ въ бюллетеняхъ.) Пульсъ едва бьется! (Отъ чрезмѣрнаго кровопусканія.) Голова въ страшномъ жару!“ (Отъ того, что не удались сумасбродные планы.) Наполеонъ. „Надобно скорѣе убираться въ Парижъ, видно, въ Россіи климатъ мнѣ не благопріятствуетъ“... („Сынъ От.“, 1812 г., № 10, стр. 182). (Ив. Теребеневъ).

другихъ нѣмецкихъ художественныхъ хранилищъ, а также карикатуръ, помѣщенныхъ въ книгѣ Grand Carteret—«Napoleon I in der Caricatur (Leipzig, 2-е изд.)—показываетъ, что этотъ списокъ слѣдуетъ значительно дополнить. Кромѣ вышеупомянутыхъ карикатуръ, заимствованы въ большей или меньшей степени: «Торжественный въѣздъ въ Парижъ непобѣдимой французской арміи», «Наполеонъ занимается прожектами снарядовъ для будущей кампаніи своей противу русскихъ», «Наполеонъ въ намѣреніи своемъ уничтожить Пруссію—грибъ съѣлъ», «Наполеонъ претерпѣваетъ кораблекрушеніе», «Карнавалъ или парижское игрище на масленицѣ», «Наполеонъ, разбитый на равнинахъ при Люценѣ, прикладываетъ себѣ пластыри», «Разрушеніе всемірной монархіи». Возможно, что найдутся еще оригиналы (вѣроятнѣе всего англійскіе), которые послужили матеріаломъ для другихъ карикатуръ Теребенева.

Какъ бы то ни было, но уже и сейчасъ можно сказать, что изъ тридцати съ лишнимъ карикатуръ Теребенева, посвященныхъ Наполеону и его арміи, не менѣе половины не оригинальны,—частью скопированы, частью съ заимствованнымъ сюжетомъ и рисункомъ.

Кромѣ этихъ карикатуръ, есть у Теребенева нѣсколько картинокъ,—не совсѣмъ правильно причисленныхъ Ровинскимъ къ разряду карикатуръ,—въ которыхъ совсѣмъ не затрогивается личность Наполеона и въ которыхъ французы вообще не играютъ первенствующей роли. Цѣль этихъ немногихъ картинокъ—прославленіе подвиговъ казаковъ и крестьянъ, боровшихся съ французами. Тутъ находимъ мы картинки: «Чѣмъ онъ побѣдилъ врага своего?»—«Нагайкой», «Крестьянинъ увозитъ у французовъ пушку въ русской лагерь», «Русской Геркулесъ города Сычевки», «Русской Сцевола», «Твердость русскаго крестьянина» и, наконецъ, «Казацкая шутка». Эти картинки всѣ безъ исключенія оригинальны, что вполнѣ понятно. Здѣсь трактуются темы мѣстныя, чисто русскія, которыя, конечно, были раньше извѣстны Теребеневу, жителю Петербурга, чѣмъ англійскимъ или другимъ иностраннымъ художникамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ картинокъ послужили даже оригиналомъ для иностранныхъ карикатуръ. Такъ, картинка Теребенева «Русской Сцевола», судя по сходству рисунковъ, вѣроятно, была использована для англійской карикатуры съ тѣмъ же

заглавіемъ, выпущенной въ свѣтъ гораздо позже оригинала. Впрочемъ, относительно этой картинки Теребенева слѣдуетъ замѣтить, что на этотъ же сюжетъ появилась 11 января 1813 года картинка другого русскаго художника И. Иванова.

Только что перечисленныя картинки Теребенева, если взглянуть на нихъ съ практической точки зрѣнія, гораздо болѣе содержательны, чѣмъ упомянутыя выше его карикатуры на Наполеона и его армію. Въ послѣднихъ, какъ мы видѣли, преслѣдовалась, главнымъ образомъ, одна цѣль: художнику хотѣлось всячески принизить личность Наполеона и осмѣять его дѣянія. При просмотрѣ этихъ карикатуръ въ настоящее время трудно отдѣлаться отъ мысли—зачѣмъ это было дѣлать, когда самымъ ходомъ событій Наполеонъ постепенно развѣнчивался? Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если мы вспомнимъ, что имя Наполеона даже послѣ отступленія отъ Москвы не переставало быть пугаломъ для всей Европы, то становится ясно, что Теребеневъ видѣлъ въ своихъ карикатурахъ средство для постояннаго возбужденія русскаго общества противъ коварнаго врага, который не разъ мѣнялъ свои отношенія къ Россіи. Другую цѣль преслѣдовали «Русской Сцевола», «Русской Геркулесъ» и т. п. картинки. Ими Теребеневъ хотѣлъ наглядно показать примѣры русской храбрости и возбудить у зрителей желаніе дѣйствовать такимъ же образомъ въ случаѣ надобности.

Къ счастью, этого не понадобилось, и карикатуры, а также и картинки Теребенева, не имѣли практическаго значенія.

Но это уже не вина художника.

Кромѣ отдѣльныхъ карикатуръ, съ именемъ Теребенева связана азбука, изданія 1815 года (цензурное разрѣшеніе помѣчено 30 декабря 1814 года), подъ заглавіемъ «Подарокъ дѣтямъ въ память 1812 года» и состоящая изъ 34 карикатуръ съ двустишіями на каждую букву. Ровинскій, въ своемъ сочиненіи о русскихъ народныхъ картинкахъ [1]), категорически заявляетъ, что въ этой азбукѣ «Теребеневъ повторилъ, въ уменьшенномъ видѣ, прежнія карикатуры свои». Трудно сказать, на чемъ основывался въ данномъ случаѣ знаменитый изслѣдователь, но, какъ увидимъ ниже, здѣсь допущена имъ ошибка.

Наполеонъ, посреди приближенныхъ своихъ маршаловъ и принцевъ, учитъ сына своего бѣгать. Сынъ. „Папенька, я усталъ“. Нап. „Привыкай, сынъ мой, наука бѣганья нужнѣе для династіи Наполеоновой, нежели наука царствованія“. (Ив. Теребеневъ).

Изъ только что приведенныхъ словъ

1) Т. II, стр. 458-я.

Ровинскаго можно вывести заключеніе, что всѣ карикатуры, вошедшія въ азбуку, принадлежатъ Теребеневу и повторены имъ лично въ уменьшенномъ видѣ. Въ дѣйствительности дѣло было не совсѣмъ такъ. Далеко не всѣ карикатуры работы Теребенева. Такъ, подъ буквой О находимъ карикатуру съ подписью:

«Одинъ лишь Россъ въ врагахъ чтитъ христіанску кровь,
«Сколь месть его страшна, столь искренна любовь».

Она принадлежитъ не Теребеневу, а Иванову, и его иниціалы находятся подъ такой же карикатурой, изданной отдѣльно въ большомъ видѣ. Подъ слѣдующей буквой П помѣщена другая карикатура того же Иванова, при чемъ буквально воспроизведены слѣдующіе два стиха изъ помѣщеннаго подъ нею четверостишія:

«Постой-ка, не въ свои ты сани, братъ, садишься,
«Ты править нашею лошадкой не годишься».

Подъ буквой М съ двустишіемъ—

«Москва вѣдь не Берлинъ, не Вѣна, не Мадридъ,
«Здѣсь гробъ всей арміи французской былъ открытъ»,—

дана тоже карикатура Иванова, извѣстная подъ заглавіемъ «Русской Курціи», при этомъ съ подписью: «Ратникъ московскаго ополченія, жертвующій жизнію въ намѣреніи убіеніемъ избавить отечество отъ злобнаго врага Наполеона, вмѣсто его поражаетъ ошибкою польскаго полковника». Такимъ образомъ, между приведеннымъ двустишіемъ и этой подписью нѣтъ ничего общаго.

Подъ буквою Ю находимъ карикатуру Венеціанова—«Жидъ обманываетъ вещами, цыганъ — лошадьми, французъ — воспитаніемъ, — который вреднѣе?»—съ такимъ двустишіемъ:

«Юлитъ французъ всегда и горы обѣщаетъ,
Но что онъ дѣлаетъ?—Лишь юность развращаетъ».

Затѣмъ карикатуры Венеціанова даны также подъ буквами И, Х, Ц, Щ.

Вообще изъ 34 карикатуръ, вошедшихъ въ «Подарокъ дѣтямъ въ память 1812 года», только 16 карикатуръ принадлежатъ, несомнѣнно, Теребеневу, 8—другимъ художникамъ и 10—авторамъ, имена которыхъ не извѣстны..

Можно ли при такихъ условіяхъ приписывать эту азбуку Теребеневу? Несомнѣнно, нѣтъ.—Она является своего рода карикатурной хрестоматіей, если можно такъ выразиться. Если бы азбуку составлялъ самъ Теребеневъ, то онъ имѣлъ полную возможность помѣстить только свои карикатуры, которыя были къ тому же художественнѣе многихъ вошедшихъ сюда. По такимъ же причинамъ точно такъ же поступилъ бы и Венеціановъ и Ивановъ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ предполагать, что эту азбуку составлялъ кто-то четвертый, вѣроятно, съ согласія или вѣдома упомянутыхъ художниковъ. Нужно прибавить при этомъ, что такія иллюстрированныя азбуки были тогда въ большой модѣ и у насъ и за границей. Ловкій издатель «Подарка» внесъ въ азбуку карикатуры на Наполеона въ предположеніи, что азбука будетъ имѣть такой же успѣхъ, какой имѣли раньше вошедшія въ нее отдѣльныя карикатуры.

Какое же значеніе могла имѣть эта азбука, изданная въ 1815 году? Заглавіе ея—«Подарокъ дѣтямъ въ память 1812 года»—показываетъ, для какой среды она предназначалась. Составитель азбуки хотѣлъ, конечно, рядомъ карикатуръ и поясняющихъ ихъ смыслъ двустишій возбудить въ дѣтяхъ негодованіе къ Наполеону и нелюбовь къ французамъ. Изъ тридцати четырехъ карикатуръ большая половина посвящена лично Наполеону,—значитъ, его имѣли, главнымъ образомъ, въ виду. Тутъ собраны всѣ тѣ карикатуры, которыя могли характеризовать Наполеона съ самой смѣшной или дурной стороны, и дѣти, заучивъ наизусть двустишія въ родѣ:

«Гуляй, любезный сынъ, великій корсиканецъ,
Будь золъ, какъ тигръ, подлъ, какъ я, трусливъ, какъ заяцъ», —

получали о немъ самое нелестное представленіе. Практическое значеніе азбуки было ничтожно. Зато съ воспитательной точки зрѣнія этотъ «Подарокъ дѣтямъ» былъ безусловно вреденъ. Картины расправы съ безоружными врагами, въ родѣ сжиганія ихъ живьемъ, не могли не подѣйствовать деморализующимъ образомъ на дѣтей, которыя заучали, глядя на карикатуры, слѣдующіе «поучительные» стихи:

«Французовъ какъ мышей словили въ западню.
Не будь ихъ духъ въ Руси—я всѣхъ предамъ огню».

Или такіе:

«Э, э! добыча есть, ребята, не зѣвайте.
Я этихъ двухъ спущу, а прочихъ вы спускайте».

Вообще вся эта азбука на современнаго намъ читателя производитъ тяжелое впечатлѣніе. Несомнѣнно, тоже испытывали и дѣти, которыя имѣли гораздо менѣе основаній быть озлобленными противъ Наполеона и французовъ, чѣмъ тогдашніе взрослые, немало испытавшіе отъ ихъ вторженія въ Россію. Только одно гуманное двустишіе встрѣчается въ этомъ, несомнѣнно, вредномъ изданіи. Это —

«Одинъ лишь россъ въ врагахъ чтитъ христіанску кровь,
Сколь месть его страшна, столь искренна любовь»,—

находящееся подъ карикатурой, или вѣрнѣе, картинкой Иванова, изображающую «великодушныхъ воиновъ графа Витгенштейна, отдающихъ свою порцію голоднымъ плѣнникамъ французскимъ».

Послѣ Венеціанова и Теребенева наиболѣе талантливымъ карикатуристомъ эпохи Отечественной войны былъ И. А. Ивановъ, болѣе извѣстный какъ хорошій иллюстраторъ и граверъ, чѣмъ карикатуристъ. Какъ видно изъ писемъ Теребенева, оба эти художника были связаны дружбой и часто работали вмѣстѣ. Возможно, что часть карикатуръ Теребенева была гравирована Ивановымъ, такъ какъ въ этомъ искусствѣ онъ былъ сильнѣе. И этотъ художникъ, подобно Теребеневу, получилъ образованіе въ Академіи Художествъ, при чемъ приблизительно въ то же время. Это былъ хорошій рисовальщикъ и образованный человѣкъ. Онъ иллюстрировалъ басни и сказки Хемницера, Измайлова и Крылова, далъ много иллюстрацій къ стихотвореніямъ Жуковскаго, Батюшкова, Востокова и др. поэтовъ. Эти занятія въ области иллюстраціи наложили отпечатокъ на его дѣятельность, какъ карикатуриста.

Карикатуръ, несомнѣнно принадлежащихъ Иванову, т.-е. подписанныхъ его иниціалами П. И., немного, всего шесть. Однако число ивановскихъ карикатуръ въ дѣйствительности гораздо больше. Повидимому, художникъ по какимъ-то причинамъ не хотѣлъ обозначать произведеній этого рода своимъ полнымъ именемъ и ставилъ или иниціалы или совсѣмъ не подписывался.

Его карикатуры по техникѣ и по сюжету значительно отличаются отъ подобныхъ произведеній Венеціанова и Теребенева. Карикатуры Теребенева возбуждали смѣхъ или негодованіе, а карикатуры Венеціанова были своего рода memento mori — напоминаніемъ о томъ, что ожидаетъ русское общество, если оно не избавится отъ французскаго вліянія. Ивановъ, какъ карикатуристъ, не обладалъ большимъ талантомъ. Въ его карикатурахъ мало юмора, еще меньше сатиры. Зато его произведенія отличаются большой сложностью. У Теребенева рѣдко можно встрѣтить больше трехъ-четырехъ фигуръ, а у Иванова ихъ не меньше десяти, и всѣ онѣ вырисованы самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Даже самая комичная по замыслу его карикатура «Наполеонъ формируетъ новую армію изъ разныхъ уродовъ и калѣкъ» не въ состояніи вызвать улыбку, несмотря на то, что лица у двухъ-трехъ фигуръ полны экспрессіи. Строго говоря, къ разряду карикатуръ, кромѣ упомянутой выше, можно отнести еще только одну картинку Иванова (съ его подписью)—«Бѣгство Наполеона», изображающаго послѣдняго ѣдущимъ въ саняхъ, на козлахъ которыхъ сидитъ мужикъ, говорящій:

«Постой-ка, не въ свои ты сани, братъ, садишься.
Увы, править нашей лошадкой не годишься.
Вотъ у тебя и четверня
Не стоитъ одного ретиваго коня».

Но и въ этой карикатурѣ нѣтъ ничего смѣшного.

Гораздо лучше впечатлѣніе производятъ тѣ картинки Иванова, въ которыхъ по сюжету и не должно было быть карикатурнаго элемента, какъ, напримѣръ, «Русскій Сцевола» и «Хлѣбосольство—отличная черта въ характерѣ народа русскаго». Особенно хороша послѣдняя картинка, изображающая, «какъ великодушные воины графа Витгенштейна отдаютъ свою порцію голоднымъ плѣнникамъ французскимъ». Здѣсь рисунокъ настолько хорошъ, что ничуть не уступаетъ рисункамъ Венеціанова и другихъ первоклассныхъ художниковъ того времени. Такая разница между карикатурами и картинками Иванова объясняется общимъ характеромъ его художественной дѣятельности. Онъ былъ, какъ сказано выше, прекраснымъ иллюстраторомъ. Карикатуристомъ же онъ сталъ случайно — быть-можетъ, потому только, что на этомъ поприщѣ занимались его друзья Венеціановъ и Теребеневъ. Въ виду этого его карикатуры, какъ по малочисленности, такъ и степени выполненія, не могли имѣть того значенія, какое имѣли, напримѣръ, карикатуры хотя бы Венеціановы.

Кромѣ карикатуръ трехъ упомянутыхъ выше художниковъ, есть еще значительное число ихъ безъ указанія автора, но составленныхъ во всякомъ случаѣ не новичками въ живописи. Среди нихъ попадаются весьма часто произведенія вполнѣ художественныя, не уступающія карикатурамъ Венеціанова и Теребенева.

Карикатура И. И. Теребенева.

Карикатура N. N Теребеневъ.

Наполеонова пляска.

„Не удалось тебѣ насъ переладить на свою погудку; попляши же, басурманъ, подъ нашу дудку“.

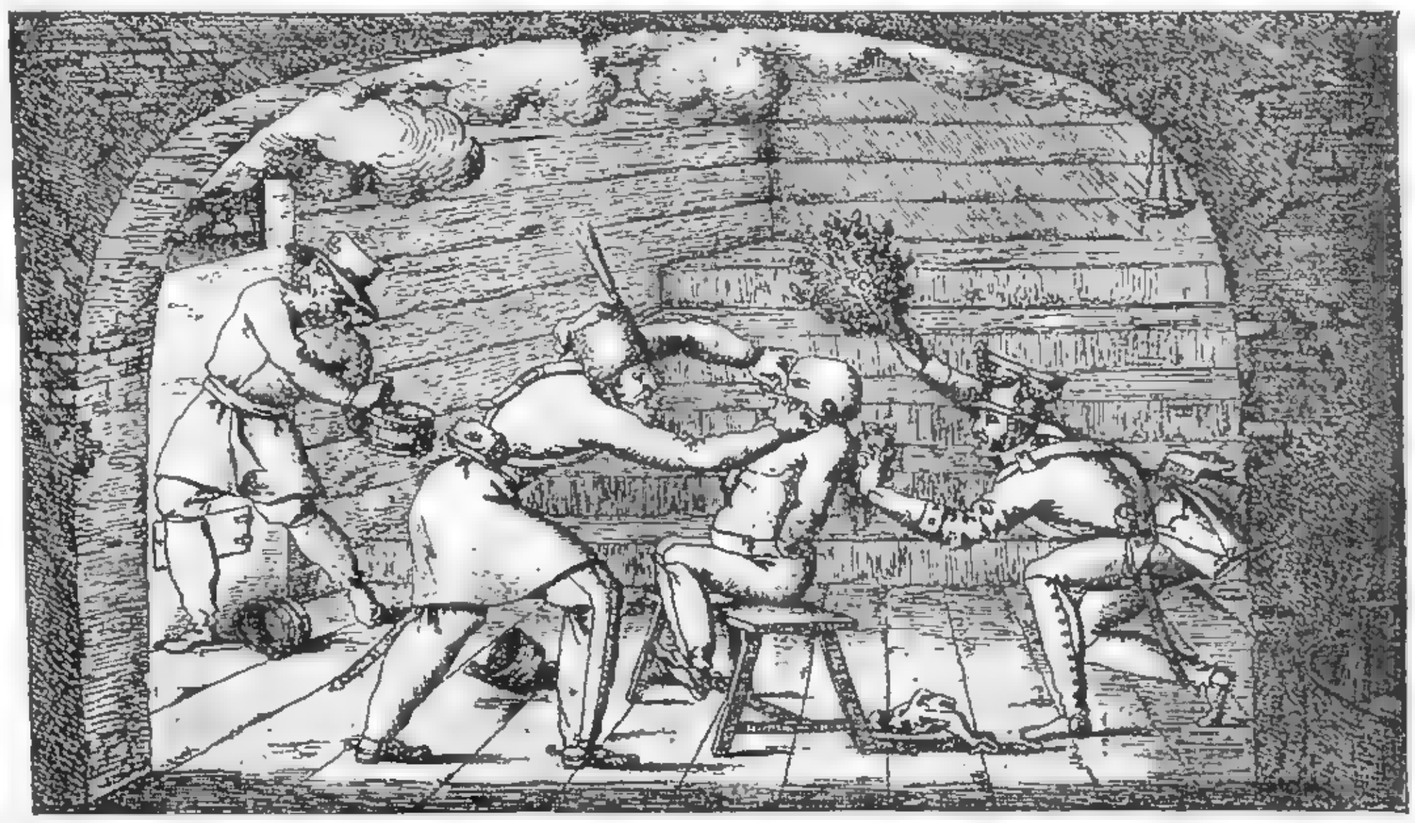
„Карантинъ для Наполеона по возвращеніи его изъ Россіи“.

„Проѣздъ высокаго путешественника отъ Варшавы до Парижа подъ именемъ своего шталмейстера съ ощипаннымъ орломъ и изнобленнымъ Мамелюкомъ“.

Пастухъ и волкъ.

„Радуйтесь, пастухи добрые! Уже вы больше не потерпите недочета въ вашихъ овечкахъ: звѣрь обнаруженъ. Онъ былъ страшенъ только тѣмъ, которые не умѣли за него взяться. А я попросту, какъ въ старину бывало, — приноровилъ, схватилъ и, какъ хочу, такъ теперь его и поворочу“.

Кто же былъ авторомъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многія изъ нихъ принадлежатъ Венеціанову, Теребеневу и Иванову, особенно послѣднему, который, какъ было сказано выше, не любилъ подписываться подъ своими произведеніями. Возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ награвированы пріѣхавшимъ въ Россію и прославившимъ себя картинами и карикатурами польскимъ художникомъ Орловскимъ, ибо, какъ теперь выяснилось, послѣ него остались и хранятся до сихъ поръ оригиналы нѣсколькихъ карикатуръ на Наполеона, впрочемъ, невышедшихъ въ свѣтъ [1]). Можетъ-быть, среди нихъ есть карикатуры работы Егорова и Витберга, ибо и они не избѣгли общаго увлеченія карикатурами на Наполеона [2]). Излишне было бы высказывать предположеніе, которая именно изъ этихъ карикатуръ, по рисунку и по сюжету, болѣе подходитъ къ характеру творчества того или иного художника. Болѣе важно дать характеристику этихъ анонимныхъ произведеній и указать, какія изъ нихъ оригинальныя и какія подражательныя или даже простыя копіи.



Нап. „Эдакаго мученья я сроду не терпѣлъ! меня скоблютъ и жарятъ, какъ въ аду“. Ратн. „Отдувайся, коли самъ полѣзъ въ русскую баню; попотѣй хорошенько, а мы не устанемъ поддавать пару“. Солд. „Натремъ тебѣ и затылокъ, и спину, и бока; будешь помнить легкую нашу руку“. Каз. „Побреемъ тебя, погладимъ, молоддомъ поставимъ“. (Теребеневъ).

Изъ болѣе чѣмъ семидесяти упомянутыхъ карикатуръ значительное число (около четверти) граничитъ съ народными лубочными картинками—и по художественной техникѣ и по содержанію. Нѣкоторыя изъ нихъ даже можно было бы причислить къ нимъ, если бы они не носили въ значительной степени субъективнаго отпечатка и если бы по цѣнѣ своей не были назначены для состоятельныхъ слоевъ населенія.

Строго говоря, къ народнымъ картинкамъ слѣдуетъ относить только такія художественныя произведенія, которыя исполнены художниками, вложившими въ свое творчество идеалы и представленія народной среды—это во-первыхъ. Затѣмъ эти произведенія—подобно народнымъ пѣснямъ, которыя въ отличіе отъ поэзіи субъективной, имѣютъ свою особую технику,—тоже должны быть творимы при помощи особыхъ техническихъ пріемовъ. Но что важнѣе всего—они должны быть по цѣнѣ доступны народнымъ массамъ. Такимъ образомъ, какъ содержаніе (сюжетъ) лубочныхъ картинокъ, такъ и рисунокъ (съ иконографической и технической стороны) должны быть вполнѣ народными.

---

[1]) См. „Старые годы“, 1908 г., іюнь, стр. 385.
[2]) См. тамъ же, стр. 384.

При такомъ опредѣленіи народной картинки съ большой натяжкой можно еще причислить къ этому роду художественныхъ произведеній уже упоминаемыя выше иллюстрированныя афиши Ростопчина въ родѣ «Корнюшки Чихирина» Но еще съ большимъ трудомъ можно отнести сюда такія картинки, какъ: «Бабы бьютъ французскихъ мародеровъ», «Французы, голодныя крысы, въ командѣ у старостихи Василисы» (съ различными ея варіантами), «Бабушка Кузьминишна угощаетъ французскихъ мародеровъ щами», «Русскій мужикъ Вавила Морозъ на заячьей охотѣ» и т. д. Первая изъ этихъ картинокъ изображаетъ трехъ бабъ, которыя бьютъ французскихъ мародеровъ, кто ухватомъ, кто лаптемъ; справа крестьянинъ гонитъ мародера топоромъ. Интересна подпись къ этой картинкѣ [1]): «Алчные французы, кровожаждущіе тигры, наши имѣнія похищаютъ, изъ печки кушанья таскаютъ, съ жадностью утробу свою насыщаютъ. Разсердясь Прошкина сноха и Еремина невѣстка, поднявъ свое орудіе, начали бить и таскать, некому было и отнять, а товарищи его бѣжать. И такъ имъ сказалъ: «Лучше отъ нихъ бѣжать, чѣмъ отъ ихъ орудія умирать». Какъ мало народнаго въ этой подписи, такъ очень мало его и въ рисункѣ, который составленъ какимъ-нибудь городскимъ художникомъ изъ интеллигенціи. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ изъ упомянутыхъ выше картинокъ. Вотъ, напримѣръ, знаменитая картинка,—которая впослѣдствіи, послѣ соотвѣтствующихъ измѣненій, стала дѣйствительно народной,—«Французскія голодныя крысы въ командѣ у старостихи Василисы». Старостиха сидитъ верхомъ на лошади, съ косой въ одной рукѣ и угрожая другой мародерамъ, которыхъ привела на веревочкѣ баба. Сзади Василисы три дѣвки съ ухватами и парень съ косой, показывающій французамъ лягушку. Въ довершеніе картины изображенъ пѣтухъ, побивающій золотого орла Наполеона. Надъ картиной надпись, и не прозой, а стихами, рядомъ съ фигурой Василисы:

«Знать вы въ Москвѣ-то несолоно похлебали,
Что хуже прежняго и тоще стали.
А кабы занесло васъ въ Питеръ,
Онъ бы вамъ всѣ бока повытеръ».

Надъ мародерами же написано:

«Добрыхъ людей
Да званыхъ гостей
Съ честію у насъ встрѣчаютъ.
А незваныхъ нахаловъ,
Грабителей-бусурмановъ
Съ безчестьемъ прогоняютъ
И кулакомъ провожаютъ».

Эти силлабическія вирши, какъ и вся картинка, конечно, не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительно народными картинками въ родѣ «Мыши кота погребаютъ», «Еруланъ Лазаревичъ» и т. д.

Ничѣмъ не отличаются отъ только что разсмотрѣнныхъ карикатуръ и многія другія quasi-народныя картинки изъ эпохи Отечественной войны. Онѣ представляютъ собою не что иное, какъ поддѣлку, и притомъ не всегда удачную подъ эти произведенія народнаго художественнаго вкуса.

Напрасно Стасовъ [2]) полагаетъ, что карикатуры на Наполеона и французовъ — это народныя картинки, утерявшія, подобно всѣмъ лубоч-

[1]) Приводимъ въ современной транскрипціи.
[2]) Собран. сочин., т. III, стр. 673.

ным картинкам петербургской школы, главнейшія художественныя особенности народныхъ картинокъ школъ московской и кіевской. Можно ли причислить къ народнымъ картинкамъ произведенія Теребенева и Иванова, которые получили художественное образованіе въ Академіи и были въ значительной степени заражены «академизмомъ», такъ долго налагавшимъ на русскую живопись печать условности и интернаціонализма? Конечно, нѣтъ.

Впрочемъ, авторы-издатели этихъ карикатуръ и картинокъ никогда и не думали предназначать эти произведенія для народа. Въ самомъ дѣлѣ, много ли могло попасть этихъ карикатуръ въ народъ, когда цѣна на каждую картинку, какъ видно изъ каталоговъ книжныхъ магазиновъ, назначалась въ размѣрѣ отъ 1 р. 50 к. до 2 руб. за штуку, смотря по раскраскѣ. Теребеневскія же карикатуры продавались одно время въ видѣ альбома сначала по 35 руб. асс. за экземпляръ, а послѣ его смерти по 24 руб.

Все это говоритъ за то, что было бы гораздо правильнѣе отнести карикатуры эпохи Отечественной войны къ произведеніямъ личнаго творчества, притомъ не всегда оригинальнаго, а часто подражательнаго характера, ибо какъ среди карикатуръ Теребенева и Иванова, такъ въ числѣ анонимныхъ карикатуръ встрѣчается значительное число не оригинальныхъ, заимствованныхъ изъ иностраннаго источника. Стасовъ, въ упомянутой выше книгѣ [1]), дополняетъ, со словъ Д. Ф. Кобеко (директора Публичной библіотеки), сдѣланный Ровинскимъ списокъ карикатуръ, заимствованныхъ съ иностраннаго источника. Д. Ф. Кобеко указываетъ, что еще есть двѣ-три изъ этихъ карикатуръ, имѣющія параллели въ нѣмецкихъ картинкахъ. Это — «Русскій ратникъ, возвращаясь, для курьезу ребятишкамъ бирюлекъ принесъ» и «Русскій мужикъ Вавила Морозъ на заячьей охотѣ». Подъ послѣдней карикатурой, какъ увидимъ ниже, помѣщено объясненіе, разсчитанное якобы на народный вкусъ. Однако на самомъ дѣлѣ такихъ заимствованныхъ карикатуръ и картинокъ значительно больше. Карикатура «Благоразумная ретирада доставляетъ мнѣ спокойствіе» представляетъ копію (съ небольшими измѣненіями) съ нѣмецкой карикатуры [2]) «Der Flanken Marsch, oder: Bedrohung von Petersburg».

„Рускої Сцевола, лишающій себя руки, чтобъ не служить Наполеону, врагу отечества... Пропшествіе, случившееся къ славѣ Россіянъ въ 1812 году во время вторженія французовъ въ Россію“. (И. Ивановъ, изд. 11 января 1813 г.).

[1]) Собран. сочин., т. III, стр. 675.
[2]) Имѣется въ музеѣ П. И. Щукина.

Карикатура «Когорты» (Посольство отъ ополченій и Наполеоново бѣгство изъ Россіи со славою) заимствована изъ французскаго источника, изъ карикатуры съ подписью «Toye (?) de la grande nation», хотя, возможно, что французская надпись не опредѣляетъ ея происхожденія. Неоригинальны еще карикатуры «Отступленіе въ полномъ порядкѣ», имѣющая, кромѣ русскаго, еще французскій заголовокъ—«Retirade en bon ordre» и всѣ надписи тоже на двухъ языкахъ,—затѣмъ «Чрезвычайная французская почта въ Парижъ», а также «Наполеонъ и Мюнхаузенъ»—обѣ съ надписями на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Несомнѣнно, заимствована и карикатура «Казачья аттака», изданная въ Москвѣ въ февралѣ 1813 года, но имѣющая англійское заглавіе—«Cosack mode of Attack. Drawn after Nature and Dedicated to Napoleon the Great». Цѣликомъ внесена фигура Наполеона, несущаго убитаго козла, съ нѣмецкаго источника въ карикатуру «Что жъ, батюшка, бѣжишь»... и т. д.

Наибольшимъ успѣхомъ изъ заимствованныхъ анонимныхъ карикатуръ пользовался у насъ «Портретъ Наполеона», о которомъ мы упоминали при разсмотрѣніи нѣмецкихъ карикатуръ, съ слѣдующей подписью: «Лицо составлено изъ труповъ, платье—изъ ландкарты, на которой означены знаменитыя въ нынѣшнюю войну мѣста сраженій, воротникъ образуетъ кровавое море, поглощающее корабль. Ленту почетнаго легіона представляетъ кровавая полоса, на коей вмѣсто слова Эрфуртъ начертанъ нынѣшній французскій девизъ «Эре фортъ» (т.-е. честь пропала). Звѣзда состоитъ изъ паутины, а на плечѣ вмѣсто эполетъ лежитъ тяжкая рука Немезиды (богини мщенія). Все сіе вѣнчаетъ орелъ въ видѣ шляпы, у коего глазъ служитъ кокардою шляпы и который когтями своими изображаетъ волосы». Эта карикатура, извѣстная въ нѣсколькихъ варіантахъ,—иногда съ надписью «Тріумфъ 1813 года»—долгое время приписывалась, какъ и вообще всѣ остроумныя карикатуры Теребеневу, и была даже приложена къ азбукѣ «Подарокъ дѣтямъ на память о 1812 годѣ». Однако нетрудно догадаться, что эта карикатура нѣмецкаго происхожденія. Уже одна игра словъ «Эрфуртъ—Эре фортъ» (Ehre fort) изобличаетъ источникъ. Эта, какъ было уже сказано, карикатура работы нѣмецкаго художника І. Фольца.

Кромѣ этихъ копированныхъ и явно заимствованныхъ анонимныхъ карикатуръ есть цѣлый рядъ, источникъ происхожденія которыхъ не установленъ документально, но которыя по всѣмъ признакамъ заимствованы въ большей или меньшей степени. Къ такимъ карикатурамъ относятся: «Кухня главной квартиры, въ послѣднее время пребыванія въ Москвѣ», къ которой всѣ поясненія даны на французскомъ языкѣ, «Ретирада французской арміи» съ такими же надписями и т. д.

Болѣе или менѣе народный элементъ можно найти въ весьма немногихъ картинкахъ. Особенно выдѣляются изъ нихъ: «Французы, испугавшіеся козы», «Наполеонова гвардія подъ конвоемъ старостихи Василисы», да еще двѣ-три не болѣе. И только одна изъ нихъ ведетъ свое начало отъ карикатуръ: это «Бѣгство Наполеона» (№ 437 по Ровинскому), представляющая въ сущности только плохую копію карикатуры подъ заглавіемъ «Благоразумная ретирда доставляетъ мнѣ спокойствіе».

Итакъ, въ итогѣ выходитъ, что въ сущности не правъ былъ Ровинскій, внесшій карикатуры Венеціанова, Теребенева, Иванова, а также и многія анонимныя въ свое изслѣдованіе о русскихъ народныхъ картинкахъ. Выше было приведено достаточно фактовъ, доказывающихъ, что огромная часть этихъ карикатуръ ни по техникѣ, ни по сюжету, ни по цѣнѣ, а тѣмъ болѣе по рисунку не имѣютъ ничего, или почти ничего, общаго съ народными картинками. Самъ Ровинскій раздѣляетъ картинки, изданныя до 1839 года, на барскія и на простонародныя и, конечно, не для простого народа, а для баръ, издавались карикатуры съ французскими, нѣмецкими или англійскими пояснительными надписями. Изъ всей массы карикатуръ и картинокъ изъ эпохи Отечественной войны, о которыхъ говорено выше, едва наберется пять-шесть, которыя подходятъ подъ опредѣленіе народной картинки.

Кромѣ художественной стороны карикатуръ эпохи Отечественной войны, слѣдуетъ разсмотрѣть и ихъ литературную сторону, ибо имѣющіяся при нихъ поясненія составлялись такъ, что не только разъясняли смыслъ, но и дополняли ихъ содержаніе. Кромѣ того, онѣ не были простыми заголовками; это были маленькія литературныя произведенія, написанныя въ формѣ сценокъ или въ стихахъ. Разсмотрѣніе этихъ надписей еще болѣе убѣждаетъ, что ихъ составители въ рѣдкихъ случаяхъ имѣли въ виду народъ.

Особенно большой интересъ представляетъ, если такъ можно выразиться, литературная часть карикатуръ Теребенева, т.-е. тѣ подписи и надписи, которыя ихъ сопровождаютъ. Вообще говоря, онѣ гораздо остроумнѣе объясненій къ карикатурамъ Венеціанова, который избѣгалъ многоглаголанія и ограничивался чаще всего надписями, сдѣланными на самомъ рисункѣ. Напримѣръ, на карикатурѣ «Французское воспитаніе» изображенъ гувернеръ, надѣвающій на мальчика колпакъ, на которомъ красуется надпись: «Названіе всѣхъ наукъ, познанія о удовольствіяхъ Парижа». Подъ нѣкоторыми карикатурами Венеціанова нѣтъ совсѣмъ поясненій.

Иначе поступалъ Теребеневъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ онъ ограничивался краткимъ поясненіемъ. Къ тѣмъ карикатурамъ, которыхъ смыслъ вполнѣ ясенъ, онъ предпочиталъ совсѣмъ ихъ не давать. Подъ болѣе же замысловатыми карикатурами онъ давалъ поясненія въ разговорной формѣ или въ стихахъ. Чаще всего подъ его карикатурами мы встрѣчаемъ діалоги, иногда довольно остроумные. Вотъ, напримѣръ, діалогъ къ карикатурѣ «Русская баня»:

Наполеонъ. Эдакаго мученья я сроду не терпѣлъ, меня сколютъ и жарятъ, какъ въ аду...

Ратникъ. Отдувайся, коли самъ полѣзъ въ русскую баню; попотѣй хорошенько, а мы не устанемъ поддавать пару.

Солдатъ. Натремъ тебѣ и затылокъ, и спину, и бока; будешь помнить легкую нашу руку.

Казакъ. Побреемъ тебя, погладимъ, молодцомъ поставимъ.

Или вотъ подпись подъ карикатурой: «Наполеонъ посреди приближенныхъ своихъ маршаловъ и принцевъ учитъ сына своего бѣгать».

Сынъ. Папенька, я усталъ.

Наполеонъ. Привыкай, сынъ мой. Наука бѣганья нужнѣе для династіи Наполеоновой, нежели наука царствованія.

А на карикатурѣ изображенъ заяцъ, который тянетъ маленькаго Наполеона впередъ. Самъ же Наполеонъ поддерживаетъ сына полотенцемъ.

Подъ пятью карикатурами Теребенева даны стихотворныя подписи, сочиненныя, несомнѣнно, самимъ художникомъ, такъ какъ въ письмахъ [1]) къ своему другу академику Востокову онъ увѣрялъ, что «упражненіе въ стихотворствѣ доставляетъ ему несказанное утѣшеніе». Всѣ онѣ написаны однимъ размѣромъ и чаще всего въ формѣ четверостишій. Вотъ подпись подъ карикатурой «Угощеніе Наполеону въ Россіи»:

«Свое добро тебѣ пріѣлось,
Гостинцевъ русскихъ захотѣлось:
Вотъ сласти русскія. Поѣшь, не подавись.
Вотъ съ перцемъ сбитенекъ, попей, не обожгись».

Подпись очень гармонируетъ съ содержаніемъ карикатуры. Наполеонъ провалился въ кадку, наполненную «калужскимъ тѣстомъ». Одинъ солдатъ засовываетъ ему въ ротъ огромный «вяземскій пряникъ», а другой угощаетъ его сбитнемъ, который, какъ говорится въ надписи, «вскипяченъ на московскомъ пожарищѣ».

Интересна также надпись подъ карикатурой «Французскій вороній супъ».

«Бѣда намъ съ великимъ нашимъ Наполеономъ:
Кормилъ насъ въ походѣ изъ костей бульономъ,
Въ Москвѣ попировать свистѣлъ у насъ зубъ;
Не тутъ-то, похлебаемъ же хоть вороній супъ».

Вообще надо сказать, что надписи подъ карикатурами Теребенева вообще усиливаютъ ихъ юморъ или сарказмъ. Нужно помнить также, что русское общество, почти не видавшее до того времени карикатуръ, очень нуждалось въ поясненіяхъ ихъ содержанія. Это, несомнѣнно, понималъ Теребеневъ, котораго не покидалъ юморъ и въ то время, когда онъ отъ рисунка переходилъ къ литературному его объясненію.

Немногое можно сказать о литературной сторонѣ карикатуръ Иванова. Въ одномъ только случаѣ встрѣчается стихотворная надпись (подъ карикатурой «Бѣгство Наполеона»), которая была приведена выше. Подъ другими его карикатурами даны только заглавія да краткія ссылки на источникъ, откуда заимствованъ сюжетъ.

Значительный интересъ представляютъ поясненія къ тѣмъ анонимнымъ карикатурамъ, въ которыхъ авторы старались поддѣлаться подъ народный художественный вкусъ и языкъ. Выше мы приводили двѣ-три надписи къ нимъ и указывали, какъ искусственъ этотъ языкъ и какъ мало въ немъ народнаго. Вотъ еще образецъ (ихъ немало) этого псевдо-народнаго остроумія. Его мы находимъ подъ карикатурой, заимствованной, какъ мы указывали выше, изъ иностраннаго источника «Русской мужикъ Вавила Морозъ на заячей охотѣ». Ратникъ гонитъ Наполеона и его войско, изображенное въ видѣ убѣгающихъ зайцевъ съ человѣческими головами въ треуголкахъ. На вилахъ у него нанизано нѣсколько убитыхъ зайцевъ. Вавила Морозъ говоритъ: «Ату, ату его. Проклятый оборотень. Небось. Коли не догоню, такъ метлою достану. Что, пакостникъ, шаловливъ, какъ кошка, а трусливъ, какъ заяцъ.

---

[1]) „Русск. Стар.“, 1901 г., кн. 1, стр. 245-я.

(Венеціановъ).

Своихъ растерялъ, да и самъ угналъ. Явился, осрамился и воротился. Ау, братцы, сосѣдушки! берегите поле, не прозѣвайте вы его».

Надъ Наполеономъ надписано: «Экое чудо, даромъ, что съ бородою, а ничѣмъ его не обманешь и не испугаешь. Лихо бы мнѣ добраться до своихъ земель, а тамъ ужъ я налгу съ три короба».

А маршалы, бѣгущіе впереди, говорятъ: «Намъ бы спасти наши кошелечки съ золотомъ, да наши жезлы,—а прочее—гори все огнемъ. Здѣсь не до миру, а быть бы только живу».

Какъ много въ этомъ языкѣ общаго съ языкомъ шумливыхъ прокламацій и афишъ Ростопчина. Несомнѣнно, этотъ языкъ нравился авторамъ карикатуръ и находилъ много поклонниковъ въ публикѣ, если вызывалъ подражаніе.

Подъ нѣкоторыми карикатурами находимъ длинныя вирши. Всѣ онѣ написаны, какъ и четверостишія и двустишія въ азбукѣ, однообразнымъ размѣромъ. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ стиховъ подъ карикатурой: «Бонапартъ валяется въ снѣгу»:

«Эй, Бонапартъ, убирайся
И на снѣгу не валяйся,
Скоро казаки нагрянутъ,
Долгимъ арканомъ притянутъ,
И тебѣ, адскому сыну,
Вздуютъ нагайками спину...» и т. д.

Въ концѣ значится имя автора карикатуры и стиховъ — Александръ Смирновъ. Это еще лучшіе стихи. Большинство же изъ нихъ крайне слабы. Особенной бездарностью отличаются стихи художника И. Тупылева, въ родѣ слѣдующихъ подъ картинкой «Русскій Сцевола» (варьянтъ карикатуры Иванова):

«Вотще Порсена Римъ громами потрясаетъ,
Кай Муцій твердостью одинъ его спасаетъ.
Ктожъ, кто поколебать возможетъ тотъ престолъ,
Который держатъ тьмы Сцеволъ».

Такова «литературная» сторона карикатуръ эпохи Отечественной войны. Не говоря уже о крайней безграмотности многихъ надписей подъ карикатурами (мы приводили цитаты въ современной транскрипціи), нужно признать, что въ нихъ мало остроумія и много ненужнаго, иногда грубаго зубоскальства — часто съ неудачной попыткой поддѣлаться подъ народный языкъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ даются въ стихотворной формѣ, находимъ очень неудачныя вирши. Исключеніе составляютъ карикатуры одного Теребенева. Въ надписяхъ надъ ними есть и остроуміе и нѣкоторая литературность.

Все это объясняется, конечно, тѣмъ, что юморъ почти отсутствовалъ въ нашей тогдашней литературѣ. Поэзія тоже насчитывала немного талантливыхъ представителей. Силлабическій размѣръ и ложноклассицизмъ еще господствовали въ литературѣ, и только Державинъ да Крыловъ выводили поэзію на новую дорогу. Жуковскій и Пушкинъ только еще начинали свое литературное поприще. Гдѣ же было авторамъ подписей подъ карикатурами дать что-нибудь истинно литературное, когда сама литература только еще начинала самостоятельное существованіе?..

Итакъ, наши карикатуры эпохи Отечественной войны, при свѣтѣ новыхъ данныхъ, представляются во многихъ отношеніяхъ не тѣмъ, чѣмъ представлялись напримѣръ, Ровинскому, которому принадлежитъ заслуга ихъ описанія и изданія въ знаменитомъ трудѣ о русскихъ народныхъ картинкахъ. Данныя, приведенныя въ настоящей статьѣ, показываютъ, что эти карикатуры, во-первыхъ, очень часто заимствованы изъ иностранныхъ источниковъ, во-вторыхъ, представляютъ продуктъ индивидуальнаго интеллигентскаго творчества и, въ-третьихъ, въ нихъ нѣтъ ничего, или почти ничего, общаго съ русскими народными картинками. Наконецъ, онѣ не имѣли того политическаго значенія, которое по своему сюжету онѣ могли бы имѣть.

Ихъ роль и ихъ значеніе были другого характера. Вмѣстѣ съ ними началась первая глава исторіи русской карикатуры новаго времени. До этихъ карикатуръ, появившихся въ массѣ и стоявшихъ съ точки зрѣнія искусства на европейскомъ уровнѣ, исторія знаетъ весьма немного русскихъ карикатуръ. Подобно тому какъ въ Западной Европѣ Наполеонъ способствовалъ появленію массы карикатуръ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ она раньше не существовала или была въ упадкѣ, и въ Россіи, только начиная съ 1812 года, начинается безпрерывное развитіе карикатуры. Это развитіе не могло быть уже ничѣмъ остановлено, и русская карикатура стала пріобрѣтать все большее и большее политическое значеніе. Именно благодаря карикатурѣ эпохи Отечественной войны русское общество стало цѣнить и понимать этотъ родъ живописи, и съ того времени карикатура стала однимъ изъ факторовъ общественной жизни въ Россіи. Вотъ въ чемъ прежде всего заключается значеніе карикатуръ разсматриваемой эпохи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ имѣли также большое значеніе и въ исторіи русской живописи. Подобно тому, какъ «Душенька» Богдановича, фривольныя поэмы и сатиры конца XVIII-го вѣка много способствовали разрушенію холоднаго, бездушнаго, преисполненнаго всякихъ условностей ложноклассицизма въ русской литературѣ, — карикатуры и жанровыя

Карикатуры И. А. Иванова.

Кафедра N: Л. Иванова.

Бѣгство Наполеона.

„Наполеонъ формируетъ новую армію изъ роты уродовъ и калѣкъ“.

„Хлѣбосольство—отличительная черта въ характерѣ народа русскаго“.
(„*С. От.*“ 1813 г. № 6.)

картинки эпохи «Отечественной войны», изображавшія тогдашнюю дѣйствительность не только въ реальномъ, но и шаржированномъ видѣ, несомнѣнно, разрушали въ теченіе многихъ лѣтъ создавшееся въ Россіи представленіе о живописи — тоже холодной и условной подобно литературѣ. Не случайно, конечно, обстоятельство, что «первый по времени русскій живописецъ натуралистическаго направленія и родоначальникъ русской бытовой живописи» А. Г. Венеціановъ началъ съ карикатуры и только много лѣтъ спустя далъ произведенія, создавшія ему такую почетную извѣстность въ исторіи русской живописи.

„Иду, несу мечъ мой, да сокрушу духъ брани и водворю миръ въ людяхъ“. Переходъ за Рейнъ 1813 г.
(Медальонъ гр. Толстого).

Живопись.

Переходя къ вопросу о томъ, какъ русская батальная и жанровая живопись отразила въ себѣ «Отечественную войну», слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на то, что первыя произведенія на эту тему были написаны художниками, воспитавшимися еще на старыхъ традиціяхъ академическаго классицизма. Естественно, поэтому, что немногіе изъ нихъ даютъ намъ реальное представленіе объ изображаемыхъ фактахъ этой войны. Болѣе извѣстные русскіе художники того времени, кромѣ Венеціанова, Теребенева, Иванова и Орловскаго (если его вообще можно причислять къ русскимъ художникамъ), какъ-то особенно индиферентно отнеслись къ такой благодарной темѣ, какъ «Отечественная война». Извѣстны лишь слѣдующія картины, относящіяся къ той эпохѣ: «Благословеніе ратника на ополченіе» (1812 г.) И. Лучанинова, находящаяся въ музеѣ имп. Александра III; программная работа впослѣдствіи извѣстнаго пейзажиста Максима Воробьева на званіе

академика: «Торжественное молебствіе, совершонное русскимъ духовенствомъ въ Парижѣ на площади Людовика XV, въ присутствіи Августѣйшихъ Монарховъ и многихъ другихъ знатнѣйшихъ особъ и союзныхъ войскъ, также стеченіе многочисленнаго народа», тоже программная работа В. Мошкова «Сраженіе предъ городомъ Лейпцигомъ», да еще двѣ-три ученическія работы въ Академіи Художествъ. Вотъ и все, что дали намъ тогдашніе русскіе художники.

Гораздо плодовитѣе оказались иностранцы. Не говоря уже о томъ, что во Франціи, въ Германіи и Англіи появились въ огромномъ количествѣ картины, иллюстрирующія различныя событія эпохи наполеоновскихъ войнъ, — цѣлый рядъ иностранныхъ художниковъ предлагалъ свои услуги Россіи изобразить въ картинахъ главнѣйшіе подвиги русскихъ героевъ, дать ихъ портреты и вообще увѣковѣчить «Отечественную войну» при помощи кисти или рѣзца. Одинъ предлагаетъ «выгравировать 14 картинъ съ фронтисписомъ, кои представлять будутъ 14 достославнѣйшихъ побѣдъ, одержанныхъ россійскими войсками въ продолженіе бывшей въ 1812 году кампаніи», другой (Дезарно) «—воинъ наполеоновской арміи» — за картину на сюжетъ изъ этой войны получаетъ званіе русскаго академика, третій (итальянецъ Карделли) удостоенъ званія гравера Его Величества за портреты героевъ войны 12 года и гравюры съ картинъ другого итальянца — Д. Скотти, четвертый, тоже итальянецъ (Вендрамини), издавшій «Галлерею гравированныхъ портретовъ» дѣятелей войны, получилъ званіе академика, а впослѣдствіи былъ возведенъ въ званіе профессора гравированія. И такихъ примѣровъ можно было бы привести еще нѣсколько. Упомянемъ еще курлянца Л. Зауэрвейда, приглашеннаго въ 1814 г. имп. Александромъ для исполненія картинъ военнаго содержанія и сдѣлавшагося впослѣдствіи вліятельнымъ профессоромъ батальной живописи въ Академіи Художествъ. Но русскіе художники той эпохи — повторяемъ — иллюстрировали «Отечественную войну» чрезвычайно скудно. А какъ только кончилось съ взятіемъ Парижа это бурное время, такъ утомившее всѣ народы Европы, во всѣхъ странахъ — въ Россіи же въ особенности — почувствовалась такая потребность въ отдыхѣ, что всѣмъ «захотѣлось, по удачному выраженію бар. Врангеля [1]), сидѣть на солнцѣ и отдыхать отъ ужасовъ прошлаго». Конечно, такое настроеніе русскаго общества не могло способствовать появленію художниковъ, которые восполнили бы тотъ пробѣлъ въ русскомъ искусствѣ, который допустили ихъ предшественники. Тихая, уютная жизнь должна была сказаться и въ живописи. И дѣйствительно, мирный сельскій пейзажъ и жанръ стали развиваться съ большой быстротой, а батальная живопись была почти совсѣмъ забыта. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до конца царствованія имп. Александра I.

Другой характеръ приняла наша живопись въ эпоху имп. Николая Павловича, который былъ большимъ поклонникомъ батальнаго жанра и покровительствовалъ художникамъ баталистамъ. Упомянутый выше Зауэрвейдъ и его ученики — Пиратскій и особенно Виллевальде и Коцебу—

---

[1]) „Очерки по искусству эпохи Александра I“.

(Медальонъ гр. Толстого 1817 г. Съ изданія 1838 г.; гр. Менцова).

дали цѣлую массу батальныхъ картинъ, правда, не всегда жизненныхъ, но все же отличающихся извѣстными достоинствами, среди которыхъ главнѣйшее — это точное воспроизведеніе формъ одежды, вооруженія и обстановки вообще.

Изъ эпохи «Отечественной войны» значительное число картинъ далъ В. П. Виллевальде. Получивъ въ 1848 году званіе профессора Академіи Художествъ за картины: «Сраженіе при Гисгюблѣ» и «Сраженіе при Парижѣ», онъ, между прочимъ, далъ цѣлый рядъ картинъ, посвященныхъ пребыванію русскихъ войскъ за границей во время похода противъ Наполеона въ 1813—1815 гг. Изъ нихъ особенно интересны: «Александръ I въ Дрезденѣ на террасѣ Брюля», «Александръ I въ лагерѣ башкирскаго войска на Бельвильскихъ высотахъ въ Парижѣ, въ 1814 г.», «Башкиры во Франціи въ 1814 г.», «Казаки при Бауценѣ въ 1813 г.», «Лейбъ-гусаръ и савояры», «Казаки вездѣ дома» и мн. другихъ. Всѣ эти картины принадлежатъ кисти, несомнѣнно, талантливаго и притомъ образованнаго художника, который серьезно готовился къ каждой своей картинѣ путемъ чтенія мемуаровъ и изученія географической и исторической обстановки. Не его вина, если его произведенія слишкомъ эф-

фектны и блестящи, если они красивѣе, чѣмъ сама жизнь, давшая ему тотъ или иной сюжетъ. На его картинахъ многое прикрашено; глядя на нихъ, такъ и кажется, что художникъ хотѣлъ скрыть ужасы войны и выдвинуть на первый планъ ея поэзію. Какъ бы то ни было, картины Виллевальде даютъ хорошій матеріалъ для ознакомленія со многими эпизодами эпохи Отечественной войны.

Въ области русской батальной живописи сыгралъ также важную роль и А. Е. Коцебу, учившійся подобно Виллевальде у Зауэрвейда и пользовавшійся покровительствомъ имп. Николая Павловича. Большая часть его картинъ, какъ и другихъ баталистовъ, находится въ галлереѣ Зимняго дворца. Довольно полную, хотя и краткую, характеристику Коцебу даетъ А. Сомовъ. Этотъ высоко даровитый баталистъ трактовалъ свои сюжеты «не только какъ сцены борьбы и убійства, но и какъ пейзажныя задачи». Для своей картины онъ прежде всего выбиралъ мѣстность и точку зрѣнія, наиболѣе благодарныя для развитія изображаемаго эпизода, и представлялъ въ этомъ пейзажѣ самый характерный моментъ происшествія съ ясностью и неподдѣльнымъ движеніемъ. «Его композиція полна жизни и нерѣдко очень поэтична, рисунокъ правиленъ, колоритъ блестящъ и гармоиченъ, кисть свободна и одинаково искусна какъ въ фигурахъ, такъ и въ ландшафтѣ». Однако тотъ же А. Сомовъ совершенно правильно указываетъ, что фигуры русскихъ солдатъ у Коцебу недостаточно народны. Къ этому надо еще прибавить, что во всемъ творчествѣ этого художника, нѣмца по крови, воспитавшагося подъ вліяніемъ иностранца Зауэрвейда, вообще много нерусскаго. Это особенно ясно при сравненіи его картинъ съ произведеніями, напримѣръ, Верещагина. Въ разсматриваемой нами области «Отечественная война въ живописи» Коцебу, однако, сдѣлалъ не такъ много. Давъ цѣлый рядъ картинъ, посвященныхъ семилѣтней войнѣ и Суворовскимъ походамъ,— онъ отдавалъ изображенію Отечественной войны, повидимому, только свои досуги.

Такимъ образомъ, уже въ серединѣ прошлаго вѣка, благодаря сначала иностранцамъ, а потомъ русскимъ художникамъ (но все-таки иностраннаго происхожденія), появился цѣлый рядъ портретовъ и картинъ, такъ или иначе, связанныхъ по содержанію своему съ «Отечественной войной». Но мы видѣли, что въ этихъ картинахъ были затронуты только отдѣльные эпизоды, притомъ большею частью изъ второго періода этой войны, когда наши войска были за границей — въ предѣлахъ Германіи и Франціи. Замѣчательно еще то, что главный герой этой войны — Наполеонъ — почти нигдѣ не фигурируетъ на этихъ картинахъ. Первый періодъ войны — борьба русскихъ съ полчищами Наполеона, пребываніе французовъ въ Москвѣ и обратный походъ ихъ, — кромѣ карикатуръ и картинокъ Теребенева, Венеціанова и Иванова — почти не былъ затронутъ художниками до появленія знаменитыхъ картинъ Верещагина. Нося довольно случайный характеръ, эти картины до-верещагинскаго періода не выясняли, такъ сказать, основной идеи этой ужасной—по количеству жертвъ и массѣ человѣческихъ страданій — войны. Казалось, что для такихъ художниковъ, какъ Виллевальде и ихъ послѣдователей, эта идейная сторона была лишней. Впрочемъ, виноваты въ этомъ не они

Вдова генер. Тучкова ищетъ тѣло своего мужа. (Матвѣевъ).

лично. Такова была батальная школа живописи того времени, они же были только талантливыми представителями ея.

Эпоха великихъ реформъ внесла, какъ извѣстно, большое оживленіе во всѣ сферы русской жизни. Живопись тоже не осталась чуждой этого вліянія и стала сначала приближаться къ жизни, стремясь возможно реальнѣе изображать ее, а затѣмъ начала трактовать ее съ той или иной общественной точки зрѣнія. Въ послѣднемъ случаѣ идея добра (въ широкомъ смыслѣ слова) ставилась выше всѣхъ другихъ принциповъ.

Стремленіе художниковъ къ реализму въ интересующей насъ области — батальной живописи — выразилось въ томъ, что они стали относиться къ войнѣ иначе, чѣмъ, напримѣръ, Зауэрвейдъ или его ученикъ Виллевальде. Они поняли, что слишкомъ односторонне трактовать войну только какъ рядъ эффектныхъ эпизодовъ, героическихъ подвиговъ и красивыхъ положеній, и начали изображать ее безъ всякихъ прикрасъ, безъ сокрытія печальныхъ сторонъ, — такой, какой она представляется въ дѣйствительности.

Уже вышеупомянутый художникъ Коцебу былъ во многомъ не согласенъ съ своимъ учителемъ Зауэрвейдомъ и въ своихъ картинахъ приблизился до извѣстной степени къ реальному изображенію войны. Но ему не хватало, какъ мы видѣли выше, одного — это пониманія русскаго человѣка вообще и солдата въ частности. Изображай Коцебу, напримѣръ, войну франкопрусскую, онъ, несомнѣнно, былъ бы еще реальнѣе, чѣмъ въ своихъ картинахъ на темы изъ русскихъ походовъ. Вѣрному изображенію войны много мѣшало и то, что наши первые баталисты никогда не видали войны со всѣми ея ужасами и писали свои картины не съ натуры, а въ своихъ мастерскихъ, больше всего полагаясь на

собственное воображеніе, да на героическіе разсказы уцѣлѣвшихъ участниковъ войны.

Невѣрному изображенію войны много способствовала и наша литература. Марлинскій, поэтъ-партизанъ Давыдовъ, даже Пушкинъ и Лермонтовъ дали русскому обществу невѣрное представленіе о сраженіяхъ и воинскихъ подвигахъ вообще.

Подобныя гиперболическія картины войны рисовали и наши баталисты, пока не появились такія правдивыя произведенія, какъ «Севастопольскіе разсказы» Льва Толстого, давшіе настоящее представленіе о войнѣ. Вообще, надо сказать, что Севастопольская кампанія, послужившая толчкомъ для великихъ реформъ, сыграла важную роль въ литературѣ и искусствѣ. Признаки новаго пониманія художниками войны, какъ общественнаго явленія, можно найти въ знаменитомъ «Русскомъ художественномъ листкѣ» В. Ѳ. Тимма, издававшемся съ 1851 по 1862 г. Тиммъ,—учившійся сначала у Зауэрвейда, а потомъ у знаменитаго французскаго баталиста Ораса Вернэ, давшаго много великолѣпныхъ, реально написанныхъ картинъ изъ эпохи Наполеона Бонапарта, — былъ одинъ изъ первыхъ нашихъ реальныхъ баталистовъ. Изъ эпохи Отечественной войны онъ не далъ картинъ, такъ какъ интересовался больше всего современными событіями. Мало дали и другіе художники, современники и послѣдующія поколѣнія, увлеченные большей частью изображеніемъ новыхъ войнъ и окружающей ихъ дѣйствительности. Баталистъ К. Н. Филипповъ далъ на интересующую насъ тему только картину «Казаки, отбивающіе у французовъ обозъ въ 1812 году», П. А. Федотовъ — картину «Французскіе мародеры въ русской деревнѣ въ 1812 году», А. І. Шарлемань—«Эпизодъ изъ битвы подъ Аустерлицомъ» (эту картину, конечно, только съ большой натяжкой можно отнести къ интересующей насъ эпохѣ), П. О. Ковалевскій—картину «Первый день сраженія подъ Лейпцигомъ въ 1813 году», А. Д. Кившенко—«Судъ надъ Верещагинымъ» и «Военный совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ»—картину, создавшую художнику большую извѣстность, М. О. Микѣшинъ—«Лейпцигскій бой», Н. С. Матвѣевъ—двѣ интересныя картины: «Тучкова ищетъ трупъ мужа» и «Король прусскій благодаритъ имп. Александра» и Н. С. Самокишъ—«Эпизодъ изъ битвы подъ Малоярославцемъ въ 1812 г.», «Русская кавалерія, возвращающаяся послѣ атаки на непріятеля въ 1812 г.» и др. Въ сторонѣ отъ упомянутыхъ художниковъ стоятъ Айвазовскій, Свѣдомскій и А. К. Саврасовъ. Первые двое дали по картинѣ на тему «Пожаръ Москвы», а третій—«Кутузовскую избу».

Такъ шло дѣло въ интересующей насъ области, пока ею не заинтересовался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ художниковъ конца XIX столѣтія В. В. Верещагинъ. Къ Отечественной войнѣ онъ обратился уже послѣ того, какъ далъ цѣлый рядъ баталѣйныхъ картинъ изъ средне-азіатской и русско-турецкой войнъ. Эти картины, какъ извѣстно, произвели огромное впечатлѣніе во всей Европѣ. Германскій фельдмаршалъ Мольтке, побывавъ въ 1882 году на Верещагинской выставкѣ, нашелъ, что выставленныя картины убѣдительнѣе всякихъ рѣчей говорятъ въ пользу антимилитаризма; въ виду этого онъ запретилъ нѣмецкимъ офицерамъ посѣщеніе этой выставки. И дѣйствительно, картины Верещагина производятъ именно такое впечатлѣніе.

Въ нихъ впервые въ живописи дано было истинное понятіе о войнѣ. До появленія ихъ въ военныхъ картинахъ художниковъ-баталистовъ обыкновенно прославлялись завоеватели и подвиги полководцевъ, и вся война представлялась въ нихъ въ видѣ легкихъ кавалерійскихъ атакъ и кровавыхъ битвъ, гдѣ участниками въ нихъ предоставлялось только отличаться. Верещагинъ показалъ обратную сторону этой славы. Онъ самъ извѣдалъ, что такое «истинная война», лично участвовалъ много разъ въ этомъ «безобразномъ и дикомъ дѣлѣ избіенія», съ пѣхотой ходилъ въ штыки, съ казаками—въ атаку, съ моряками—на взрывъ монитора, въ бояхъ всегда держался впереди и сражался наравнѣ съ военными, писалъ этюды для своихъ картинъ подъ свистъ пуль и трескъ гранатъ, собиралъ свои наблюденія тамъ, гдѣ легко было стать добычей внезапной смерти. И онъ воочію убѣдился, что прославленныя художниками и баталистами живописныя атаки и блестящія битвы—лишь случайные эпизоды войны, а главная ея сущность—это невѣроятныя страданія, увѣчья, холодъ и голодъ, жестокости и всяческія лишенія, болѣзни, отчаяніе и смерть въ самыхъ поразительныхъ ея проявленіяхъ. Такова закулисная сторона военной славы, за которую такъ безпощадно расплачивается своею кровью и жизнью воюющій народъ. Эта-то сторона войны впервые въ живописи всего міра была показана въ произведеніяхъ В. В. Верещагина.

Король Пруссіи благодаритъ Москву. (И. С. Матвѣевъ).

Такова, вкратцѣ, характеристика творчества этого замѣчательнаго художника, данная близко знавшимъ его и издавшимъ о немъ книгу—Ф. И. Булгаковымъ [1]).

Картины изъ эпохи Отечественной войны начаты Верещагинымъ въ 1890 г. и закончены 1900 г. Уже въ 1896 г. ихъ было готово такъ

---

[1]) Ф. И. Булгаковъ, „В. В. Верещагинъ и его произведенія“. С.-Пб., 1905 г.

много, что явилась возможность устроить спеціальную выставку. Императоръ Вильгельмъ, осмотрѣвъ эту выставку, сказалъ Верещагину: «Ваши картины являются лучшей застраховкой противъ войны». И въ самомъ дѣлѣ, онѣ производятъ такое же потрясающее впечатлѣніе, какъ, напримѣръ, его же картины на темы изъ русско-турецкой войны. Зритель, разсматривая эти картины, получалъ настолько яркое представленіе о всѣхъ ужасахъ похода Наполеона въ Россію, что забывалъ, какой длинный рядъ лѣтъ отдѣлялъ его отъ эпохи Отечественной войны.

Большихъ картинъ на интересующую насъ тему написалъ Верещагинъ четырнадцать, а эскизовъ и набросковъ—огромное число. Прежде чѣмъ приступить къ выполненію серіи задуманныхъ картинъ, Верещагинъ изучилъ самымъ основательнымъ образомъ богатую мемуарную литературу эпохи Наполеона. Предисловіе къ описанію картинъ и спеціальная книга «Наполеонъ I въ Россіи» ясно свидѣтельствуетъ о серьезной эрудиціи художника и о глубокомъ проникновеніи задуманной темой. «Литература всѣхъ родовъ уже занималась изученіемъ этой крупной личности,—говоритъ Верещагинъ,—но живопись—искусство сравнительно отсталое въ умственномъ отношеніи, какъ требующее трудной спеціальной техники,—до сихъ поръ почти не затрогивала Бонапарта-человѣка, пробавляясь Наполеономъ-геніемъ, полубогомъ, стоящимъ внѣ условій мѣста, климата и законовъ человѣческой жизни». И Верещагинъ разсматриваетъ походъ Наполеона въ Россію, какъ рядъ фатальныхъ ошибокъ человѣка, хотя и замѣчательнаго по уму, но вдругъ потерявшаго обычное самообладаніе и преступившаго всѣ законы логики.

Гр. Ѳ. П. Толстой.

Каждая изъ четырнадцати большихъ картинъ Верещагина, посвященныхъ войнѣ съ Наполеономъ, рисуетъ намъ какой-нибудь крупный моментъ. Всѣ онѣ тѣсно связаны другъ съ другомъ, вслѣдствіе чего каждая въ отдѣльности теряетъ извѣстную долю своего значенія. Достаточно перечислить заглавія (данныя самимъ Верещагинымъ) картинъ, чтобы понять, что у художника былъ опредѣленный планъ. Вотъ эти заглавія: 1) Наполеонъ I на Бородинскихъ высотахъ, 2) Передъ Москвой—ожиданіе депутаціи бояръ, 3) Въ Успенскомъ соборѣ, 4) Въ Кремлѣ пожаръ, 5) Зарево Замоскворѣчья, 6) Возвращеніе изъ Петровскаго дворца, 7) Въ Городнѣ—пробиваться или отступать, 8) На этапѣ—дурныя вѣсти изъ Франціи, 9) На большой дорогѣ—отступленіе, бѣгство, 10) Маршалъ Даву въ Чудовомъ монастырѣ, 11) «Не замай—дай подойти», 12) «Съ оружіемъ въ рукахъ—разстрѣлять», 13) «Въ штыки. Ура. Ура». 14) Ночной привалъ великой арміи.

Къ каждой картинѣ Верещагинъ составилъ подробное объясненіе, рисующее на основаніи точныхъ данныхъ всю обстановку, какъ она была на самомъ дѣлѣ. Иное изъ этихъ объясненій представляетъ собою

Карикатуры А. Г. Венеціанова.

KAISERLICHE KÖNIGLICHE HOFBIBLIOTHEK

Зимнія Наполеоновы квартиры.

Изгнаніе изъ Москвы французскихъ актрисъ.

Французкой Парикмахеръ.

цѣлое краткое изслѣдованіе, выясняющее фактическую сторону того или иного факта. Вотъ, напримѣръ, объясненіе къ картинѣ «Въ Городнѣ: пробиваться или отступать», занимающее чуть не десять страницъ убористаго шрифта. Здѣсь подробно разъяснены всѣ обстоятельства, предшествовавшія распоряженію Наполеона — отступать. Послѣ долгаго обсужденія доводовъ за отступленіе «онъ поднялъ голову, оглядѣлъ смущенныя лица своихъ старыхъ боевыхъ товарищей и медленно произнесъ: «Хорошо, господа, я распоряжусь»... И онъ рѣшился отступать, повести армію по старому пути, какъ наиболѣе удалявшему его отъ русской арміи, но это рѣшеніе обошлось не легко: «съ нимъ сдѣлался продолжительный обморокъ»... Этотъ моментъ раздумья и изображенъ на упомянутой картинѣ.

Еще интереснѣе объясненіе Верещагина къ картинѣ: «На этапѣ.— Дурныя вѣсти изъ Франціи». Здѣсь художникъ необыкновенно тонко разбираетъ душевное состояніе Наполеона въ моментъ полученія извѣстія на обратномъ походѣ о заговорѣ Малле. «Главная квартира расположилась въ этотъ день близъ почтовой станціи, и императоръ занялъ маленькую сельскую церковь, обнесенную оградой. Походная кровать съ принадлежностями туалета плохо гармонировала съ убранствомъ стараго храма, позолоченными славянскими орнаментами и ликами Христа, Богоматери и святыхъ, угрюмо, укоризненно смотрѣвшихъ на необычную для святого мѣста обстановку, безцеремонно расположившагося между ними пришельца, образъ Христа, какъ и всѣ другіе, былъ порубленъ, изорванъ и всячески обругань прошедшимъ здѣсь солдатствомъ; лишь уцѣлѣвшій глазъ святого лика какъ бы изрекалъ приговоръ всей сценѣ...

А. Г. Венеціановъ.

«День быстро склонялся къ вечеру; многіе изъ старшихъ начальниковъ арміи ожидали возможности войти къ императору, но не смѣли сдѣлать этого безъ зова; кипы нужныхъ бумагъ, лежащихъ на столѣ, ждали разсмотрѣнія и рѣшенія, но онъ неподвижно сидѣлъ, не выпуская изъ рукъ листа стафеты, погруженный въ тяжелую неисходную думу...

«Очевидно,—разсуждалъ онъ,—во Франціи не хотятъ меня больше... Ну, что жъ. Пусть выберутъ другого; посмотримъ, лучше ли онъ распорядится»...

— Но какъ онъ самъ могъ дойти до этого положенія? — задаетъ Верещагинъ вопросъ и въ бѣглыхъ, но яркихъ чертахъ рисуетъ всю постепенную картину личной жизни Наполеона, — самолюбиваго и честолюбиваго, властолюбиваго, — начавшаго походъ противъ Россіи только для удовлетворенія мелочного самолюбія и теперь горько раскаявшагося въ своемъ необдуманномъ шагѣ.

И каждая изъ остальныхъ картинъ Верещагина сопровождается такими же тонко продуманными комментаріями, дающими возможность понять замыселъ художника.

Это, конечно, значительно увеличило цѣнность картинъ, не только иллюстрирующихъ эпоху Отечественной войны, но дававшихъ еще извѣстное новое толкованіе многихъ незатронутыхъ живописью фактовъ.

На этомъ мы прекратимъ обзоръ картинъ Верещагина на тему изъ Отечественной войны, такъ какъ размѣръ настоящей статьи не позволяетъ дальше на нихъ останавливаться. Кромѣ того, въ настоящемъ изданіи всѣ онѣ воспроизведены, и читатель можетъ самъ оцѣнить ихъ по достоинству.

Послѣ Верещагина почти никто изъ художниковъ не заинтересовался Отечественной войной. Даже предстоящій юбилей не вызвалъ особеннаго желанія заняться этой благодарной и, надо сказать, мало еще использованной темой. Намъ извѣстна только картина Н. С. Матвѣева (на «Петербургской выставкѣ» этого года), изображающая русскую женщину, ухаживающую за раненымъ солдатомъ изъ арміи Наполеона, да на той же выставкѣ двѣ-три очень слабыхъ картинъ (особенно «Паморы Москвы») другого художника... Вотъ и все, чѣмъ откликнулись наши художники на юбилей Отечественной войны...

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ иллюстраціяхъ къ «Войнѣ и миру» — этому классическому изображенію Отечественной войны въ нашей литературѣ.

Немногочисленны эти иллюстраціи и вообще говоря невысокаго качества. На «Толстовской выставкѣ» въ Москвѣ (въ ноябрѣ 1911 года) особенное вниманіе обращали рисунки извѣстнаго иллюстратора комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума» — М. С. Башилова. Всѣхъ ихъ было выставлено двадцать три. Особый интересъ они пріобрѣтаютъ потому, что самъ Толстой руководилъ художникомъ. Сохранилось нѣсколько писемъ, въ которыхъ великій писатель высказываетъ свое мнѣніе объ иллюстрированіи литературныхъ произведеній вообще и «Войны и мира» въ частности. Упомянутые рисунки Башилова не всѣ одинаковаго качества,— значительное число изъ нихъ не болѣе какъ наброски, почти совсѣмъ неотдѣланные, но есть и вещи высокаго качества, какъ по замыслу, такъ и по рисунку.

Значительный интересъ представляютъ также нѣсколько рисунковъ къ «Войнѣ и миру» Л. О. Пастернака, давшаго въ свое время прекрасныя иллюстраціи къ «Воскресенію». Съ обычнымъ мастерствомъ онъ изобразилъ нѣсколько сценъ изъ жизни Андрея и Наташи, а затѣмъ далъ картину разстрѣла французами поджигателей.

Слѣдуетъ еще упомянуть рисунки Н. Н. Каразина къ тому же произведенію, помѣщенные во «Всемірной иллюстраціи».

Вотъ и все, что представляетъ большій или меньшій интересъ въ затронутой нами области...

* *
*

Подведемъ итогъ всему вышесказанному. Какъ же Отечественная война отразилась на русской живописи и какъ русская живопись отразила въ себѣ Отечественную войну?

На первый вопросъ приходится отвѣтить, что эта война оказала благотворное вліяніе на нашу живопись, ибо она способствовала разрушенію условностей академическаго классицизма и обратила взоры художниковъ на русскую дѣйствительность. Карикатуры, появившіяся въ это время въ такомъ изобиліи, пріучили художниковъ и общество смотрѣть на живопись не только какъ на искусство ради искусства, а также какъ на средство проведенія въ жизнь извѣстныхъ идей.

Что касается вопроса, какъ русская живопись отразила въ себѣ Отечественную войну, то приходится сказать слѣдующее: наши художники въ этомъ отношеніи значительно отстали отъ французскихъ. Въ то время, какъ послѣдніе въ своей средѣ насчитываютъ такихъ мастеровъ, какъ Адамъ, Шарль и Орасъ Вернэ, Мейссонье, Деларошъ и мног. др., иллюстрировавшихъ войны Наполеона Бонапарта съ исчерпывающею полнотою,—наши художники, вообще говоря, слишкомъ мало использовали богатѣйшіе сюжеты эпохи Отечественной войны. Въ количественномъ отношеніи далъ больше другихъ Виллевальде; въ идейномъ же отношеніи пальма первенства принадлежитъ, несомнѣнно, Верещагину. Надо надѣяться, что рано или поздно наша живопись восполнитъ этотъ пробѣлъ и отразитъ въ себѣ Отечественную войну хотя бы съ такой полнотой какъ севастопольскую кампанію, кавказскія и средне-азіатскія экспедиціи и русско-турецкую войну.

Конст. Кузьминскій.

„Благословенъ грядый во имя Господне".
Первый шагъ Александра за предѣлы Россіи. 1813 г.
(Медальонъ гр. Толстого).

Перечень рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ.

Стр.

1. Бородинское поле (А. Адамъ); Бородино (Совр. грав.). 9
2. Старая гвардія передъ портретомъ римскаго короля наканунѣ Бородинской битвы 17
3. Наполеонъ на Бородинскихъ высотахъ (Верещагина) 22
4. Вечеръ Бородина. Генерала Коленкура, убитаго при взятіи Большого редута, переносятъ его солдаты. (А. Ля-Лозъ). 25
5. Передъ Москвой. Ожиданіе депутаціи бояръ. (Верещагина). 33
6. Разстрѣлъ французскихъ поджигателей. (Шебуева) 41
7. Сквозь пожаръ. (Верещагина). 49
8. Въ Успенскомъ соборѣ. (Верещагина). 59
9. Ополченія въ 1812 г. (Д. Г. Алексѣева). 65
10. Отступленіе французовъ изъ Москвы. (Совр. грав.). 73
11. Наполеонъ у Малаго Ярославца. (Бакаловича). 81
12. Въ Городнѣ. «Пробиваться или отступать?» (Верещагина) 89
13. Разгромъ помѣщичьей усадьбы. (В. Н. Курдюмова) 97
14. Бои Перновскаго полка въ Вязьмѣ 22 октября 1812 г. (Гессе). 105
15. «Бѣгство французовъ изъ Москвы 1812 г., октября 12 дня» (Скотти) . . . — «Побѣда при городѣ Духовщинѣ 26 октября 1812 г.» (Скотти). . . . . — «Разбитіе маршала Давуста при Красномъ» (Скотти) . . . . . — «Разбитіе маршала Виктора при Старомъ Борисовѣ 15 и 16 ноября 1812 г.» (Скотти) 113
16. Атака. (Верещагина). 121
17. Партизаны. «Не замай, дай подойти». (Верещагина) 129
18. «Съ оружіемъ въ рукахъ. Разстрѣлять!» (Верещагина). 137
19. 1812 годъ. (Кратке). 145
20. Наполеонъ при Березинѣ. (Эск. Верещагина). 153
21. Сожженіе знаменъ. (Коссакъ). 161
22. Отступленіе Наполеона изъ Россіи. (Нортенъ) 169
23. Игра—Казаки (Оригин. въ Истор. муз.); «Историческое изображеніе торжества, происходившаго при заложеніи храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ 1817 г. 12 октября» 177
24. Разрушеніе всемірной монархіи. (Карик. Теребенева) 185
25. Лубочная картина «Гвоздило и Долбило» и карикатура Венеціанова. . 193
26. Карикатуры Теребенева и Венеціанова. 201
27. Карикатуры И. И. Теребенева. 209
28. Карикатуры И. И. Теребенева. 217
29. Карикатуры И. А. Иванова. 225
30. Карикатуры А. Г. Венеціанова 233